U 135/369

СВЯТѢЙШІЙ НИКОНЪ, ПАТРІАХЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ.

ІС ХС
Никонъ Бжiею млстiю архiеппъ црствующаго града Москвы и всеа великия и малыя и бѣлыя росiи Патрiархъ

V I 135
369
801-93.
11484-7

СВЯТѢЙШІЙ НИКОНЪ,

ПАТРІАРХЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ.

СОЧИНЕНІЕ

Священника САМУИЛА МИХАЙЛОВСКАГО.

ПУБЛ. Б. ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА С. С. С. Р.
ФЗ1-8932

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ДУХОВНАГО ЖУРНАЛА „СТРАННИКЪ."
1863.

Отъ С. Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Іюля 15 дня 1863 года.

Цензоръ, *Архимандритъ Сергій.*

изъ III тома духовнаго журнала «Странникъ», за 1863 годъ.

2007050244

СВЯТѢЙШІЙ НИКОНЪ, ПАТРІАРХЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ.

Плоды разума его вѣрны, и имя его живо будетъ во вѣкъ. Сир. 37, 26. 29.

«Богъ просвѣти тя во времена наша, да очистятся вся неудобная, и да исправятся.» Слова константиноп. патр. Паисія, въ грамотѣ къ патр. Никону. Скриж. 1656.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

ЗНАЧЕНІЕ ПАТРІАРХА НИКОНА ВЪ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ — ЦЕРКОВНОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ.

Патріархъ Никонъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ людей, которыхъ Господь воздвигаетъ среди народовъ по особеннымъ нуждамъ церковнаго и гражданскаго общества. Они являются или для возбужденія одряхлѣвшей духовной жизни въ народахъ, или для возстановленія общественнаго порядка, разстроеннаго смутами времени, или, наконецъ, для поддержанія падающаго благочестія и возвращенія заблуждающихъ на путь правой вѣры, съ котораго они уклонились подъ вліяніемъ неразумія, своеволія и гордости. Исторія отличаетъ такихъ людей именемъ *великихъ*. Подвиги ихъ производятъ переворотъ въ жизни народовъ. Одаренные отъ Творца природы, преимущественно предъ всѣми своими современниками, свѣтлымъ и обширнымъ умомъ, добрымъ и ко всему истинно-прекрасному расположеннымъ сердцемъ, твердою и могущественною волею, они совершенно ясно видятъ недостатки своего времени, безбоязненно возстаютъ противъ нихъ всею силою своей власти и воли, словомъ и дѣломъ очищаютъ предразсудки, разрушаютъ суевѣрія, истребляютъ пороки, разятъ неправду, прогоняютъ мракъ невѣжества, и,

ниспровергнувъ обветшавшія основы народнаго быта, полагаютъ для него новое, на добрыхъ и истинныхъ началахъ утвержденное направленіе, установляютъ лучшій, совершеннѣйшій порядокъ жизни общественной. За то современники провозглашаютъ ихъ дерзкими нововводителями, нарушителями отеческихъ преданій, презрителями священной древности, ненасытимыми честолюбцами, возмутителями общественнаго спокойствія,—преслѣдуютъ ихъ завистію, клеветою, ненавистію, и нерѣдко осуждаютъ, какъ враговъ церковнаго и гражданскаго благосостоянія. Тогда великіе сходятъ съ своего поприща; но движеніе, сообщенное ими народной жизни, тѣмъ съ большею силою порывается впередъ, чѣмъ болѣе препятствій встрѣчаетъ отъ невѣжества и суевѣрія. Плоды разума ихъ не исчезаютъ въ бурю бѣдствій, а напротивъ, искушенные въ горнилѣ опасностей, они являются въ видѣ болѣе блистательномъ, и разливаютъ свѣтъ свой далеко—далеко на грядущее потомство. Мысли, предпріятія, предначертанія этихъ людей остаются навсегда живыми въ умахъ народовъ, и мало-по-малу созрѣваютъ, укрѣпляются, и достигаютъ своего совершенства. Потомки спокойно и мирно довершаютъ то, чему бурное начало положилъ великій ихъ предокъ, въ борьбѣ съ духомъ своего вѣка. Таковъ обыкновенный исходъ жизни и дѣяній великихъ людей. *Вмѣнися озлобленіе исходъ ихъ, и еже отъ насъ шествіе сокрушеніе; они же суть въ мирѣ; плоды разума ихъ вѣрны, и имя ихъ живо будетъ во вѣкъ* (Прем. 3, 2. 3. Сир. 37, 26. 29).

Таково именно значеніе и патріарха Никона въ отечественной исторіи церковной и гражданской.

Въ исторіи церковной. Въ смутное время церковной жизни нашего отечества принялъ Никонъ первосвятительскій жезлъ св. Петра митрополита. Въ нѣдрахъ Церкви боролись между собою два направленія, совершенно противоположныя другъ другу, но одинаково неблагопріятныя истинному духу Церкви. Съ одной стороны здѣсь уже дѣялась тайна беззаконія, приготовлявшая отступленіе отъ насъ тѣхъ, которые *отъ насъ*

изыдоша, но не бѣша отъ насъ: болѣзнь, имѣвшая произвести безобразный струпъ раскола, сильно заразила здравое тѣло Церкви, и дѣлалась день ото дня опаснѣе. Невѣжество помрачило чистоту нашего древняго вѣроученія изобрѣтеніемъ новыхъ, неизвѣстныхъ Церкви, догматовъ; обезобразила древній величественный чинъ православнаго богослуженія искаженіемъ богослужебныхъ книгъ, установленіемъ новыхъ, чуждыхъ Церкви, обрядовъ, и злоупотребленіемъ въ существеннѣйшихъ частяхъ богослуженія — въ пѣніи и чтеніи; наконецъ — разстроило самый порядокъ церковнаго управленія грубымъ своеволіемъ и неповиновеніемъ власти церковной. Между тѣмъ все это прикрывалось святыми и въ высшей степени дорогими для сердца русскаго именами православія и священной древности. Къ довершенію этого бѣдствія Церкви, суевѣры, «не понимая ни православія, ни кривославія,» какъ говорилъ одинъ изъ тогдашнихъ современниковъ [1], «и божественная писанія точію по чернилу проходяще,» и какбы страшась освѣтить безобразіе своихъ заблужденій, упорно не хотѣли и слышать о просвѣщеніи, считая всякую книжную мудрость ересію и опасною заразою для единства и чистоты вѣры. «Какое несчастіе!» восклицалъ другой изъ очевидцевъ тогдашнихъ событій, — «отнимаютъ оружіе, которымъ можно бы прогонять духа тьмы, обличать еретиковъ, исправлять другихъ: врачевство называютъ смертоноснымъ ядомъ [2]!» Тогда всей отечественной Церкви угрожала опасность потерять окончательно послѣднія искры духовнаго просвѣщенія, какія, по ревности пастырей, все еще не переставали свѣтиться отъ временъ древнихъ среди самаго мрака невѣжества,—угрожала опасность лишиться не только великолѣпія, благочинія и чистоты богослужебныхъ обрядовъ, но и чистоты самой вѣры, и подвергнуться нареканію въ уклоненіи отъ единства съ православною восточною Церковію!—Но, тогда какъ суевѣріе однихъ, защищая мнимую

---

[1] Челоб. Арсенія Глухаго бояр. Салтыкову, рукоп. Спб. дух. акад. № 418.

[2] Опис. Рук. Рум. муз. стр. 557, въ предисловіи къ переводу книги св. Іоанна Дамаскина, извѣстной подъ именемъ: «небеса».

старину свою, впадало въ одну крайность; легковѣріе и вольномысліе другихъ стремительно и безотчетно порывалось къ иновѣрнымъ новизнамъ, и безбоязненно нарушало древнія постановленія отечественной Церкви. Ближайшее знакомство съ западными народами произвело въ тѣ времена неблагопріятныя дѣйствія на многихъ изъ нашихъ лучшихъ соотечественниковъ, которыхъ вѣра, по духу вѣка ихъ, не была воспитана твердымъ, отчетливымъ и основательнымъ изученіемъ православныхъ догматовъ вѣры, и благочестіе не было утверждено на ясномъ сознаніи силы и важности законовъ церковныхъ. Оттого въ нихъ весьма ослабѣло должное уваженіе къ храмамъ Божіимъ, установленнымъ Церковію святымъ постамъ, благоговѣйному чествованію священныхъ временъ, почитанію св. иконъ, св. мощей и т. п. Нѣкоторые даже открыто позволяли себѣ кощунствовать надъ уставами Церкви.

Наконецъ, среди неблагопріятныхъ внутреннихъ обстоятельствъ Церкви, не имѣло надлежащаго благоустройства и внѣшнее ея положеніе въ обществѣ, особенно — отношеніе ея къ гражданской власти. Судъ Церкви въ одномъ изъ существеннѣйшихъ своихъ правъ перешелъ тогда въ руки людей мірскихъ. Съ первыхъ временъ отечественной Церкви ей принадлежалъ судъ надъ лицами и предметами, посвященными на ближайшее служеніе храму и алтарю Господню. Но теперь, кромѣ того, что вещественнымъ достояніемъ Церкви завѣдывали мірскіе приставники, самые высшіе іерархи должны были принимать судъ въ мірскихъ судилищахъ, отъ мірскихъ людей. И это измѣненіе древняго церковнаго управленія производило не меньшія смуты въ Церкви, какъ и внутреннія ея волненія; оно отнимало у пастырей средство дѣйствовать силою богодарованной власти своей противъ нарушителей церковныхъ уставовъ, истощало достояніе Церкви, принадлежавшее ей по усердію благочестивыхъ предковъ, и даже посягало на право раздаянія священныхъ степеней церковнаго служенія. Кто бы могъ остановить этотъ потокъ зла, съ каждымъ годомъ возраставшій въ своей широтѣ и силѣ? Необходимъ былъ высо-

кій умъ, быстрый, проницательный, предпріимчивый; необходима была воля могучая, непреклонная и неудержимая никакими преградами въ стремленіяхъ къ добрымъ своимъ цѣлямъ; необходимо было чувство живое, свѣтлое, всецѣло проникнутое ревностію по Богѣ и святой Его Церкви. Господь Церкви воздвигъ на защиту и помощь ей патріарха Никона! Отъ самой природы, по волѣ Творца ея, въ избыткѣ надѣленный высокими дарованіями ума, воли и чувства, и строгостію долгаго пустыннаго уединенія воспитавшій и утвердившій въ себѣ духъ ревности по славѣ Божіей и спасеніи людей, Никонъ, при первомъ своемъ появленіи въ Москвѣ, съ глубокимъ прискорбіемъ увидѣлъ недуги и страданія Церкви, и всею силою своихъ дарованій возсталъ на ея защиту. Въ той мѣрѣ, какъ распространялось и возвышалось поприще его служенія Церкви, умножались и совершенствовались подвиги его для блага Церкви. Онъ смѣло и могущественно возсталъ противъ *суевѣрія* однихъ и *вольномыслія* другихъ нововводителей отечественной Церкви. Этимъ двумъ ложнымъ направленіямъ, раздиравшимъ Церковь, Никонъ противопоставилъ одно истиное: возстановленіе и утвержденіе въ отечественной Церкви совершеннаго *согласія и единенія ея съ Церковію восточною* въ ученіи вѣры, обрядахъ богослуженія, и правилахъ церковнаго управленія. Вотъ средоточіе, изъ котораго берутъ свое начало, въ которомъ сходятся цѣли всѣхъ заслугъ Никона для духовнаго просвѣщенія, богослуженія и управленія отечественной Церкви! При такомъ направленіи своихъ дѣяній, Никонъ шелъ наперекоръ господствовавшему духу своего времени, и потому, подобно всѣмъ великимъ мужамъ, долженъ былъ собственными страданіями запечатлѣть правоту дѣлъ своихъ. Невѣжество и вольномысліе возстали противъ своего гонителя, свели его съ поприща пастырскихъ подвиговъ, и заключили въ пустынной обители. Но, сразивъ Никона, низвергнувъ его съ патріаршаго престола, суевѣры и вольнодумцы не только не могли истребить плодовъ ревности его для блага Церкви, но и положили основаніе прочнѣйшему ихъ утвержденію. По судьбамъ Про-

мысла, Никона судитъ соборъ, по составу своему, почти вселенскій, и непреложно утверждаетъ на всѣ времена плоды пастырскихъ трудовъ его. Этотъ соборъ умоляетъ царя и пастырей устроить училища для духовнаго просвѣщенія, утверждаетъ сдѣланныя Никономъ исправленія въ богослужебныхъ книгахъ и обрядахъ; постановляетъ правило о неподсудимости духовенства мірскимъ судіямъ; изрекаетъ строгій судъ на легкомысленныхъ нарушителей уставовъ Церкви. Тогда расколъ, подобно плевеламъ, распространявшійся на святой нивѣ Церкви, былъ исторгнутъ окончательно изъ ея почвы, и явился наружу во всемъ своемъ безобразіи: въ Церкви просіяло одно чистое древнее православіе, и, охраняемое съ внѣшней стороны дѣятельною ревностію царей, а съ внутренней—отеческимъ попеченіемъ пастырей, до нашихъ дней украшаетъ собой народную жизнь отечества. Такъ *плоды разума его* (патр. Никона) *вѣрны, и имя его живо во вѣкъ!*

Въ исторіи гражданской.—Никонъ, по своимъ заслугамъ, принадлежитъ не одной церковной исторіи, а вмѣстѣ и гражданской. Онъ есть лицо церковно-гражданское. Но и въ гражданской исторіи онъ имѣетъ подобное же значеніе, какъ и въ исторіи Церкви. Смутныя времена самозванства оставили послѣ себя глубокіе слѣды въ общественномъ бытѣ народа русскаго. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ и отецъ его, патріархъ Филаретъ Никитичъ, много заботились о томъ, чтобы привести въ надлежащій порядокъ разстроенныя части государственнаго управленія, и для внутренняго благоустройства отечества сдѣлали многое, но—не все. Продолжать начатое ими досталось царю Алексѣю Михайловичу и патріарху Никону. Главнымъ недугомъ въ гражданской жизни того времени былъ недостатокъ правосудія. Это общественное бѣдствіе поддерживалось и питалось корыстолюбіемъ, честолюбіемъ и своеволіемъ бояръ—другими несчастіями того времени. И вотъ главнѣйшей царственной заботой кроткаго и благочестиваго царя было—смирить своеволіе и непокорливость сановниковъ, и водворить въ государствѣ правосудіе. Никонъ, по той власти, какою облек-

ла его любовь и дружба царя, служилъ для него вѣрнымъ сотрудникомъ и совѣтникомъ, какимъ былъ для царя Михаила Ѳеодоровича патріархъ Филаретъ Никитичъ. Во внѣшнихъ дѣлахъ государства особенно важенъ былъ тогда вопросъ объ отношеніяхъ Россіи къ непріязненнымъ ей сосѣдямъ: Польшѣ и Швеціи. Попытки царя Михаила Ѳеодоровича и святѣйшаго отца его возвратить Московскому государству древнія наши отчины, отнятыя у насъ сосѣдями въ бѣдственныя времена отечества нашего, были неудачны. Бояре страшились и при новомъ царѣ начинать войну съ Польшей и Швеціей. Но патріархъ Никонъ, побѣдивъ всѣ боязливые возгласы бояръ, доставилъ царю славное имя Государя «Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи». Онъ простиралъ государственные виды еще далѣе: желалъ присоединить къ титулу своего царя «Пингерманландскій и Кексгольмскій». Но одна неудача нашего войска, и— Никона обвинили въ честолюбивомъ вмѣшательствѣ въ дѣла, «чуждыя патріаршему достоинству и власти.» Тѣмъ не менѣе, время привело въ исполненіе и всѣ гражданскія, какъ и церковныя, предначертанія Никона. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ сразилъ своеволіе и честолюбіе бояръ уничтоженіемъ мѣстничества. Петръ великій утвердилъ правосудіе введеніемъ новаго судопроизводства, и довершилъ великую мысль Никона о возвращеніи къ Россіи древнихъ русскихъ областей отъ Польши и Швеціи.

Соотвѣтственно такому значенію патріарха Никона въ отечественной исторіи, собственную его исторію прилично находимъ раздѣлить на пять отдѣловъ. Въ первомъ сдѣлаемъ очеркъ жизни великаго первосвятителя до избранія его на патріаршій всероссійскій престолъ, чтобы видѣть, какъ Господь приготовлялъ своего избранника къ предназначеннымъ ему подвигамъ. Во второмъ изложимъ борьбу Никона съ неблагопріятнымъ духомъ своего вѣка, или—пастырскіе труды Никона для блага Церкви и отечества. Въ третьемъ раскроемъ исторію возстанія самаго духа времени на Никона и его дѣянія, или обстоятельства паденія Никона. Въ четвертомъ —

судъ надъ Никономъ. Наконецъ въ пятомъ—жизнь Никона въ заточеніи, возвращеніе его въ Воскресенскій монастырь, и возстановленіе въ санъ всероссійскаго патріарха.

I.

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ ПАТРІАРХА НИКОНА ДО ВСТУПЛЕНІЯ ЕГО НА ВСЕРОССІЙСКІЙ ПАТРІАРШІЙ ПРЕСТОЛЪ.

Дѣтство и воспитаніе Никона и его жизнь въ мірѣ.

Знаменитѣйшему изъ патріарховъ всероссійскихъ промыслъ Божій судилъ родиться на самой низкой степени гражданскаго состоянія. Патріархъ Никонъ происходилъ отъ простыхъ поселянъ села Вельдеманова, отстоящаго недалеко отъ Нижняго Новгорода [1]. Отца его звали Миною, а мать—Мариною. Преданіе сохранило память о нихъ, какъ о людяхъ добродѣтельныхъ и благочестивыхъ [2]. Сынъ Мины и Марины, Никонъ родился въ маѣ 1605 года, въ св. крещеніи нареченъ былъ *Никитою*, по имени переяславскаго чудотворца Никиты (24 мая) [3].

Никитѣ, будущему патріарху-изгнаннику, суждено было увидѣть надъ собой преслѣдованія и клеветы почти вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ онъ увидѣлъ свѣтъ Божій. Горести встрѣтили Никиту при первомъ расцвѣтѣ его дѣтства. Не долго утѣшали его любовь, ласки и нѣжныя попеченія матери; давъ жизнь сыну, она вскорѣ сама оставила земную жизнь. Отецъ

---

[1] Это село отстоитъ отъ Нижняго Новгорода на 90 верстъ, и относится къ Княгининскому уѣзду. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ оно было въ Московскомъ уѣздѣ, и до патріаршества Никона принадлежало Богоявленскому московскому монастырю, что за Ветошнымъ рядомъ; но въ 1654 г. Никонъ пріобрѣлъ его для патріаршаго дома. См. мѣнов. грам. въ Временникѣ XV, 11. 72, 75. Послѣ оно принадлежало роду Зюзиныхъ, изъ которыхъ одинъ былъ бояриномъ у патр. Никона во время суда надъ нимъ. Москвит. 1854 г. № 19 V. стр. 137. [2] Такъ говоритъ о нихъ Шушеринъ.

[3] Въ исторіи великихъ людей все болѣе или менѣе замѣчательно. Такъ

его вступилъ во второй бракъ со вдовою. Мачиха оказалась къ Никитѣ суровою до злости, безжалостною до безчувствія: младенецъ-сирота, чужой для ея сердца среди родныхъ дѣтей ея отъ перваго брака, сдѣлался постояннымъ и ближайшимъ предметомъ, на который она обращала жестокость своей души. Впрочемъ, разъ просіяла для Никиты радость жизни. Промыслъ вложилъ въ сердце одной благочестивой женщины чувство материнской сострадательности къ малюткѣ-сиротѣ. Добродѣтельная Ксенія (такъ звали эту женщину) взяла его къ себѣ на воспитаніе. Но неисповѣдимый въ судьбахъ своихъ Богъ скоро лишилъ Никиту и этой отрады: Ксенія умерла, и радость жизни для Никиты надолго погасла. Онъ былъ взятъ обратно въ домъ отца, и сдѣлался опять предметомъ ненависти и злости своей мачихи, такъ что едва могъ утолять свой голодъ черствымъ хлѣбомъ. Грубая брань, побои и всякаго рода оскорбленія всюду преслѣдовали Никиту.

Правда, были въ домѣ лица, которыя жалѣли его и заботились о немъ. Бабка его и самъ отецъ старались увѣщаніями, угрозами и наказаніями расположить мачиху къ пасынку; но послѣ всякаго подобнаго внушенія, злоба ея къ Никитѣ возрастала еще болѣе. Отецъ, по нуждамъ домашнимъ, нерѣдко отлучался надолго и далеко изъ дома; и тогда злая жена его поступала съ Никитою, какъ хотѣла. Неоднократно онъ подвергался опасности отъ рукъ мачихи даже лишиться жизни. Когда возвращался домой отецъ, бабка жаловалась ему на жестокое обращеніе мачихи съ Никитою; но мачиха всякій разъ оправдывалась клеветами на Никиту. Наконецъ злоба мачихи къ Никитѣ возросла до того, что онъ умеръ бы отъ пригото-

---

было и въ исторіи патріарха Никона. Уже въ самомъ времени рожденія его перстъ Божій какбы предуказалъ будущую его судьбу, сколько славную по своему началу и продолженію, столько же плачевную по своему концу. Никонъ родился не задолго до того времени, когда первый нашъ патріахъ Іовъ лишенъ былъ первосвятительскаго престола:—Іовъ въ 1605 г. іюня 24, низложенъ Димитріемъ Самозванцемъ съ престола, и сосланъ въ заточеніе въ Старицкій Успенскій монастырь, гдѣ и скончался 1607 г. марта 8. См. Сл. вис. дух. чина, подъ именемъ: Іовъ патріархъ.

вленной для него отравы, если бы само Провидѣніе не спасло его жизни [1].

Но вотъ, Никита подросъ; благоразумный отецъ его призналъ полезнымъ отдать сына въ ученіе грамотѣ. Никита и самъ, по врожденному расположенію къ познаніямъ, желалъ учиться. По благочестивому обычаю того времени, книжное воспитаніе Никиты началось чтеніемъ слова Божія. Юная и скорбная душа его съ жаждою впивала съ себя животворныя струи этого божественнаго источника утѣшеній. И благотворно было для Никиты такое обученіе: онъ всѣмъ сердцемъ полюбилъ чтеніе книгъ Божеств. писанія, почувствовалъ всю сладость этого занятія, и, чтобы никогда не оставлять его, рѣшился посвятить себя, на зарѣ жизни, иноческому уединенію въ священной тишинѣ какой либо обители. Но отецъ его не понималъ предназначенія своего сына. Щедро надѣленный отъ природы счастливыми дарованіями, Никита скоро сдѣлалъ отличные успѣхи въ чтеніи и письмѣ. Тогда отецъ его, побуждаемый единственно родительскою любовію къ сыну, возвратилъ его къ себѣ въ домъ, и велѣлъ ему оставаться здѣсь навсегда. Никита покорился волѣ отца; но душа его искала радостей не житейскихъ и земныхъ. Никита искалъ пустыни и пустынныхъ подвиговъ: онъ томился жаждой безпрепятственно услаждаться закономъ Божіимъ день и ночь. Съ глубокимъ прискорбіемъ замѣчалъ онъ, какъ мало-по-малу забывается имъ грамота, и мало-по-малу закрывается отъ него сокровищница божественной мудрости и небесныхъ утѣшеній. Голосъ благодати, слышимый имъ въ сердцѣ, звалъ его въ уединеніе. Отецъ не соглашался съ желаніями сына; Никита рѣшился тайно оставить домъ родительскій для всецѣлаго посвященія себя Богу въ безмятежной обители.

Въ то время въ Печерскомъ Нижегородскомъ монастырѣ славился добродѣтелями одинъ благочестивый старецъ, именемъ Ананія [2]. Пламенѣя любовію къ Богу, отрокъ Никита, улучивъ

[1] См. у Шушерина.

[2] Это былъ благочестивый іерей Ананія, въ иночествѣ Антоній, извѣстный

удобный случай, взялъ изъ дома отца нѣсколько денегъ, явился съ ними въ Печерскій монастырь къ этому старцу, и просилъ его исходатайствовать ему у игумена и братіи позволеніе остаться въ монастырѣ и жить вмѣстѣ съ клириками. Игуменъ, по совѣту братіи, согласился принять Никиту въ число клириковъ, и душа благочестиваго отрока нашла теперь для себя самый обильный источникъ утѣшеній въ чтеніи слова Божія и пѣніи священныхъ пѣсней.

Въ то же время открылись въ Никитѣ первые начатки его предпріимчиваго, твердаго и строгаго характера. Онъ не хотѣлъ опускать ни одной службы церковной и всегда старался поспѣвать въ церковь къ началу богослуженія. Но, молодой лѣтами, сознавалъ слабость своего возраста, и боялся проспать время утренняго богослуженія. Смѣтливость его нашла средство избавиться отъ такой опасности: онъ сталъ ложиться спать на кладѣ благовѣстнаго колокола. Такимъ образомъ, первый звукъ благовѣста уже пробуждалъ Никиту на утреннее славословіе Господа, и отрокъ спѣшилъ въ храмъ воздать Богу жертву чистой и мирной молитвы. И чѣмъ менѣе послаблялъ себѣ Никита въ естественныхъ потребностяхъ возраста, тѣмъ болѣе и болѣе раскрывалась въ немъ любовь къ Богу и Его святому закону. Прозорливый руководитель его и наставникъ, старецъ Ананія, видя подвиги его благочестія и любовь къ чтенію священныхъ книгъ, предрекъ ему патріаршество [1]. — Такъ промыслъ Божій уже начиналъ являть міру будущаго первосвятителя Россіи Никону было тогда 12 лѣтъ [2].

Между тѣмъ отецъ Никиты много искалъ своего сына, и— не находилъ. Наконецъ, пришла ему вѣсть, что сынъ его живетъ въ Печерскомъ монастырѣ. Мина не хотѣлъ оставить своего сына въ монастырѣ, и послалъ къ нему одного изъ своихъ друзей, съ порученіемъ склонить Никиту къ возвращенію

впослѣдствіи избраніемъ своимъ на патріаршество вмѣстѣ съ Никономъ. См. въ опис. Рук. Рум. муз., житіе ряз. митр. Иларіона, сына этого Ананія. Сравн. Москвит. 1854 г. № 19. смѣсь, стр. 137.

[1] Рукопись Рум. муз. № CLXXIV. Ср. Шушер.

[2] Царств. Алексѣя Михайловича, соч. Берха, ч. 1. стр. 315.

домой. Долго никакія убѣжденія не могли поколебать рѣшимости Никиты жить всецѣло для Бога въ тишинѣ св. обители. Но вотъ онъ слышитъ, что отецъ его и бабка находятся при смерти. «Если не поспѣшишь возвратиться къ нимъ,» говорилъ прибывшій за нимъ поселянинъ, «то уже не увидишь ихъ болѣе въ этомъ мірѣ.» Никита прослезился; чувство сыновней любви повлекло его въ домъ родительскій, гдѣ онъ думалъ найти на одрѣ смерти самыхъ близкихъ и дорогихъ для его сердца людей. Никита послѣ пяти лѣтъ, проведенныхъ въ обители, возвратился домой [1]. Здѣсь онъ узналъ обманъ, но— покорился волѣ отца. Впрочемъ тѣ, которые хотѣли обмануть его, изрекли истину, не вѣдая ея сами. Отецъ Никиты и бабка, немного спустя послѣ его возвращенія домой, заболѣли къ смерти, и на рукахъ Никиты скончались. Никита опять обратился душею своею въ уединеніе монастыря. Но родственники не позволили исполниться этому благочестивому его намѣренію; они убѣдили его вступить въ бракъ и продолжать хозяйство своего отца [2]. Однакожь доля поселянина не была предназначена для Никиты. Онъ постоянно сожалѣлъ объ уклоненіи своемъ отъ однажды принятаго имъ пути спасенія, и томился духомъ. Удовольствія міра не были для него обольстительны. Сердце его стремилось къ услажденію словомъ Божіимъ. Ему сладостны были томные звуки колокола и умилительные напѣвы священныхъ пѣсней болѣе, чѣмъ всѣ шумныя восклицанія восторженнаго народнаго веселія. Никита рѣшился пріискать себѣ мѣсто причетника при какой нибудь приходской церкви. Желаніе его скоро исполнилось. Чрезъ годъ послѣ вступленія его въ бракъ, священникъ и прихожане одного села, которое не далеко было отъ деревни, гдѣ жилъ Никита, узнали о доброй жизни его, и предложили ему занять при ихъ церкви мѣсто чтеца. Никита съ радостію принялъ такое предложеніе. Но одинъ только годъ служилъ онъ церкви

[1] Никита имѣлъ тогда отъ роду 17 лѣтъ. Берха, ч. 1 стр. 315.

[2] Это было чрезъ годъ послѣ возвращенія Никиты домой изъ обители св. Макарія желтоводскаго. Берхъ, тамъ же.

въ званіи чтеца. Въ это время скончался священникъ той церкви, при которой былъ чтецомъ Никита. Прихожане избрали своего чтеца на мѣсто почившаго священника. И вотъ еще два года провелъ будущій патріархъ при тойже церкви въ савѣ священника.

Слава пастырскихъ добродѣтелей и благочестія его распространилась далеко за предѣлы его прихода. Объ немъ узнали въ Москвѣ. И вотъ однажды явились къ нему московскіе купцы принять его благословеніе, и предложили ему перемѣститься въ Москву. Никита, желавшій болѣе простора для мощной своей души, болѣе дѣятельности для ума, и болѣе подвиговъ благочестія для сердца, согласился на предложеніе московскихъ купцевъ, и перемѣстился въ столицу. Это было въ 1627 году на 22 году, возраста Никиты [1].

Но, чѣмъ болѣе проходило времени отъ дня уклоненія его отъ первоначально принятаго имъ пути спасенія, и чѣмъ тѣснѣе, по видимому, дѣлались связи его съ міромъ, тѣмъ пламеннѣе и сильнѣе возгаралось въ сердцѣ избранника Божія, однажды навсегда запавшее въ него, чувство неизмѣнной привязанности къ строгимъ иноческимъ подвигамъ въ священной тишинѣ келейнаго уединенія. Въ самомъ супружествѣ своемъ онъ видѣлъ неблаговоленіе Божіе. Прошло 12 лѣтъ супружеской его жизни: Никита оставался бездѣтнымъ; дѣти умирали въ младенчествѣ. Никита рѣшился, наконецъ, однажды навсегда разстаться съ міромъ. Онъ склонилъ къ тому же и свою супругу. Помѣстивъ ее въ московскій женскій Алексѣевскій монастырь, онъ избралъ мѣстомъ для своихъ подвиговъ отдаленный отъ столицы пустынный Анзерскій скитъ на Бѣломъ морѣ [2]. Въ то время управлялъ Анзерскимъ скитомъ преподобный старецъ Елеазаръ. Къ нему-то явился Никита съ моленіемъ—

[1] Берха, царствованіе Алексѣя Михайловича, ч. 1 стр. 315.

[2] Находится въ открытомъ морѣ, почти на срединѣ Онежской губы, на островѣ Анзерскомъ, отъ котораго получилъ и свое названіе. Отстоитъ отъ Соловецкаго монастыря въ 20, отъ Кемскаго города въ 50; отъ Сумскаго острога во 100, и отъ Архангельска въ 200 верстахъ. Ист. русск. іер. т. 1. Опис. Солов. обители, А. Досиѳея, т. 2, стр. 313—382.

принять его въ число анзерскихъ подвижниковъ. Преподобный старецъ склонился на неотступныя моленія Никиты, и позволилъ ему жить съ анзерскими иноками. Никита радостно возблагодарилъ Господа Бога, обратившаго его на высокій путь спасенія, который одинъ только удовлетворялъ высокимъ стремленіямъ его духа, и всѣми силами души и тѣла взялся за предлежащій ему подвигъ. Тогда было Никитѣ 30 лѣтъ.

Строгъ былъ иноческій уставъ въ Анзерскомъ скитѣ. Подвижники, въ числѣ 12, жили по всему пространству острова, въ разстояніи двухъ верстъ другъ отъ друга и отъ церкви, которая находилась на самой срединѣ острова. Хижины, разбросанныя такимъ образомъ въ разныхъ мѣстахъ, не были обнесены никакой оградой. Но за то море и благочестіе служили для нихъ самою крѣпкою оградою. Каждый изъ иноковъ трудился и молился одинъ отдѣльно въ своей келліи. Въ продолженіе всей недѣли они не видѣли другъ друга. Но вотъ наступалъ вечеръ субботы, или навечеріе какого нибудь праздника; отшельники собирались въ общій храмъ, и проводили въ немъ цѣлую ночь въ богослуженіи, молитвѣ и чтеніи священныхъ книгъ. Кромѣ того, что у нихъ вычитывалось въ это время и было пѣто все, что положено церковнымъ уставомъ для вечерняго и всенощнаго богослуженія,—они читали еще всѣ двадцать каѳисмъ псалтири и толкованіе рядоваго воскреснаго или праздничнаго евангелія. Потомъ съ наступленіемъ утра слушали они божественную литургію, причащались св. Христовыхъ таинъ, и, подавъ другъ другу взаимное прощеніе, расходились въ безмолвныя свои жилища до слѣдующей субботы, или навечерія какого нибудь праздника. Здѣсь каждый вычитывалъ въ сутки весь кругъ церковнаго пощеденственнаго богослуженія, и, кромѣ того, акаѳисты Божіей Матери и Спасителю, каноны Іисусу Христу, Богородицѣ и Ангелу хранителю и молитвы утреннія и вечернія [1].

Никита все это исполнялъ въ точности. Въ безмолвной келліи, при шумѣ волнъ морскихъ, въ часы глубокой ночи, лю-

[1] Опис. Сол. обит. т. 2, стр. 318. Сравн. Шушерина.

былъ онъ переноситься мыслію и сердцемъ отъ земли въ небесныя селенія. Но жизнь его превосходила своею строгостію строгіе уставы скитскіе. Какъ постникъ и затворникъ, онъ служилъ примѣромъ духовныхъ доблестей для окружавшихъ его иноковъ. Къ обычному правилу скита онъ прибавилъ еще чтеніе въ каждыя сутки всѣхъ 20 кафисмъ псалтири, молитвъ отъ обуреванія злыхъ духовъ и 1000 поклоновъ. Среди такихъ подвиговъ, онъ почти не давалъ *сна очима своима, ни дремания вѣждома своима.* Вооруженный молитвою и строгимъ постомъ, онъ крѣпко стоялъ на стражѣ сердца своего, отражалъ отъ него всѣ грѣховные помыслы и чувства, и жилъ въ Богѣ и съ Богомъ.

Но благодатный миръ души его былъ возмущенъ обнаруженіемъ слабой воли въ его супругѣ. Къ глубокому своему огорченію, получилъ Никита отъ своихъ родственниковъ извѣстіе, что супруга его хочетъ оставить монастырь. Въ надеждѣ на небесную помощь, всегда готовую спасать заблуждающихъ, онъ палъ въ своей келліи предъ Господомъ въ слезахъ и молитвѣ объ утвержденіи сердца супруги его на принятомъ пути спасенія. Между тѣмъ отписалъ своимъ родственникамъ, чтобы они увѣщавали ее оставить всякое покушеніе и намѣреніе избавиться отъ жизни монастырской, и—поспѣшить постриженіемъ. Пламенная молитва Никиты и увѣщанія родственниковъ не остались безъ вожделѣнныхъ для нихъ плодовъ: супруга Никиты приняла иноческій образъ. Но дни ея въ здѣшнемъ мірѣ уже были сочтены: она вскорѣ переселилась въ вѣчность. Тогда Никита со всей свободой благочестивой души началъ возносить въ молитвѣ своей умъ и сердце горѣ—къ Богу: уже ничто болѣе, ничто земное не тяготѣло надъ нимъ. Преподобный Елеазаръ, видя подвиги его, постригъ его на 31 году жизни въ монашество, и нарекъ *Никономъ* [1]. Новый инокъ, всецѣло преданный Богу, казалось, недоступенъ уже былъ ни для какихъ искушеній печали житей-

[1] Это было въ 1636 году.

*

ской. По Провидѣніе какбы хотѣло заранѣе открыть Никону будущую печальную участь его, съ ея причинами и горькими послѣдствіями [1].

НИКОНЪ — ВЪ ИНОЧЕСТВѢ.

Устраивая Анзерскій скитъ [2], преподобный Елеазаръ желалъ видѣть въ немъ каменную обширную церковь, вмѣсто прежней небольшой деревянной. Но, такъ какъ собственныхъ средствъ Анзера недостаточно было на сооруженіе предполагаемой церкви, то Елеазаръ рѣшился отправиться въ Москву, чтобы здѣсь испросить пособіе отъ благочестивыхъ московскихъ гражданъ и отъ самаго царскаго двора, при которомъ онъ пользовался извѣстностію и уваженіемъ. Онъ взялъ съ собою и Никона. Въ Москвѣ приняли ихъ почтительно, какъ славныхъ подвигами благочестія. Вся собранная ими милостыня простиралась до 500 рублей. По возвращеніи въ скитъ, Елеазаръ положилъ эти деньги въ церковное казнохранилище, и какъ-будто забылъ о нихъ. Протекло три года; церковное зданіе не было даже начато [3]. Дѣятельный и рѣшительный Никонъ осмѣлился напомнить своему настоятелю о необходимости приступить къ сооруженію храма. Елеазаръ не внималъ его совѣту. Никонъ предлагалъ отдать по крайней мѣрѣ деньги на храненіе въ Соловецкій монастырь, чтобы не узнали о нихъ, говорилъ Никонъ, разбойники, и не убили насъ самихъ [4]. Предложеніе опять не принято. Твердый въ своихъ намѣреніяхъ Никонъ не переставалъ напоминать Елеазару о день-

---

[1] Послѣдующій разсказъ о неудовольствіи между Никономъ и Елеазаромъ стоитъ особеннаго вниманія: въ общихъ чертахъ онъ весьма сходенъ съ исторіею несогласія между патріархомъ Никономъ и царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. [2] См. опис. Солов. обит. т. 2 стр. 317. [3] Преп. Елеазаръ хотѣлъ построить церковь обширнѣе, нежели какую назначилъ бывшій тогда патріархъ Іоасафъ I. См. опис. Сол. обит. т. 2, стр. 323.

[4] Такое предостереженіе было сдѣлано не безъ причины. См. также, 322.

гахъ, и осмѣлился даже укорить настоятеля своего и братію въ сребролюбіи. Благочестивый старецъ оскорбился, и открыто объявилъ Никону свой гнѣвъ на него за непослушаніе. Огорчился и Никонъ строгимъ замѣчаніемъ, какое сдѣлалъ ему преп. Елеазаръ. Никону жаль было видѣть, какъ всѣ его ревностныя старанія о пользѣ скита равнодушно отвергаются, и даже навлекаютъ на него самого гнѣвъ настоятеля. Онъ не предчувствовалъ тогда, какая судьба постигнетъ его за этотъ открытый и твердый до непоколебимости характеръ! Никона обвиняли уже и теперь въ вмѣшательствѣ не въ свои дѣла [1]. Впрочемъ не вдругъ рѣшился онъ разстаться съ драгоцѣннымъ для сердца его анзерскимъ безмолвіемъ. Онъ выжидалъ, не перестанетъ ли гнѣваться на него старецъ Елеазаръ. Но эти ожиданія были напрасны. Гнѣвъ Елеазара, считавшаго себя обиженнымъ отъ Никона, не только не уменьшался, но съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе возрасталъ. Никонъ рѣшился дать мѣсто гнѣву [2], и удалиться съ святаго острова, гдѣ провелъ около четырехъ лѣтъ въ пустынныхъ подвигахъ. Въ небольшой лодкѣ, съ однимъ благочестивымъ поселянином, онъ отправился въ Кожеезерскую пустынь, славную тогда подобно Анзеру святыми подвижниками. На морѣ постигла Никона страшная буря; но молитва спасла его отъ потопленія. Лодка, на которой онъ плылъ, принесена была вѣтромъ къ острову Кію. Отъ всей души благодарный Господу за избавленіе отъ

---

[1] Такъ будутъ обвинять его и впослѣдствіи, см. извѣстит. грам. о низложеніи патріарха Никона, въ Библіоѳ. ч. III. № 49, собр. госуд грам. и догов. т. IV. № 53, Собр. зак. 1. № 397. Среди скорбныхъ размышленій о настоящемъ своемъ положеніи, Никонъ имѣлъ замѣчательный сонъ: ему представилось, что онъ видитъ сосудъ, наполненный до верха какими-то сѣменами. «Это—мѣра твоихъ трудовъ исполнена», сказалъ ему незнакомый голосъ. Никонъ подошелъ ближе къ сосуду, разсмотрѣть сѣмена; но при этомъ опрокинулъ сосудъ, и разсыпалъ сѣмена. Онъ началъ было снова собирать ихъ, но уже не могъ наполнить сосуда.—Не было ли это для Никона наставленіемъ свыше, чтобы онъ не заматривался на свои заслуги? Какъ въ настоящемъ случаѣ, такъ и въ послѣдующей печальной участи Никона, много повредило ему самолюбивое обращеніе его къ собственнымъ достоинствамъ и трудамъ.

[2] Этими словами онъ оправдывался, впослѣдствіи, и предъ соборомъ въ оставленіи патр. престола. Собр. зап. 1. № 397.

потопленія, Никонъ водрузилъ крестъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ выпелъ на берегъ острова, и далъ обѣтъ воздвигнуть здѣсь монастырь, или по крайней мѣрѣ, малую церковь, если благопоспѣшитъ ему Господь въ дальнѣйшемъ теченіи иноческой его жизни [1].

Между тѣмъ буря утихла; Никонъ пустился опять съ своимъ спутникомъ въ открытое море, по предположенному направленію. Приплывъ къ устью Онеги, онъ отпустилъ крестьянина, а самъ продолжалъ путь вверхъ по берегу рѣки. На пути онъ сталъ чувствовать голодъ, а между тѣмъ пищи съ собою не имѣлъ никакой. Усталый и томимый голодомъ, онъ увидѣлъ, на другой сторонѣ рѣки, богатую деревню, и хотѣлъ найти въ ней подкрѣпленіе своимъ силамъ, но ни одинъ изъ жителей ея не хотѣлъ подать ему лодки. Наконецъ сжалилась надъ нимъ одна бѣдная вдова, и велѣла сыну своему перевезти путника въ деревню. «Самъ Господь да воздастъ вамъ за оказанную мнѣ любовь», сказалъ своимъ благодѣтелямъ Никонъ, по выходѣ на берегъ. Въ самой деревнѣ встрѣтили его новыя огорченія: никто не хотѣлъ принять его къ себѣ въ домъ. Никонъ опять обратился съ просьбою къ той же благочестивой вдовѣ, и не обманулся въ своей надеждѣ. Бѣдная, но набожная вдова приняла его къ себѣ въ домъ, предложила ему пищу и успокоила. Въ то время былъ голодъ въ этой странѣ; Никонъ тѣмъ болѣе цѣнилъ усердіе къ нему бѣдной вдовы, и тѣмъ болѣзненнѣе чувствовалъ, что не имѣетъ средствъ воздать ей за ея доброту [2].

На третій день послѣ того Никонъ прибылъ въ Кожеозерскую пустынь [3]. Представъ предъ игумена и братію, онъ

---

[1] На этомъ мѣстѣ дѣйствительно и устроенъ былъ Никономъ въ 1656 году Крестный монастырь.

[2] Впослѣдствіи Алексѣй Михайловичъ приписалъ эту деревню къ Крестному монастырю, основанному Никономъ; а самъ Никонъ освободилъ вдову и дѣтей ея навсегда отъ платежа податей. Шушеринъ.

[3] На озерѣ Кожѣ, въ Каргопольскомъ уѣздѣ, въ 920 верстахъ отъ Новгорода, и въ 120 отъ Онеги. См. Истор. Р. іерарх. VII. По штатамъ 1764 года этотъ монастырь упраздненъ.

умолялъ ихъ принять его въ свое братство. Но безъ вклада принять его не хотѣли. У Никона было единственное сокровище, которое онъ взялъ съ собою изъ Анзерскаго скита. Это книги: полууставъ церковный и каноникъ. Онъ передалъ ихъ въ общее достояніе монастыря, и тогда игуменъ и братія дозволили ему раздѣлять вмѣстѣ съ ними подвиги иночества.

Но общежительный уставъ Кожеезерской пустыни не удовлетворялъ стремленіямъ души Никона. Онъ искалъ высшихъ, совершеннѣйшихъ духовныхъ подвиговъ, и съ глубокимъ сожалѣніемъ вспоминалъ о блаженномъ состояніи души своей въ Анзерѣ. Потому и здѣсь онъ обратился къ настоятелю и братіи съ просьбою, чтобы ему дозволено было удалиться одному на особый островъ, для строжайшихъ отшельническихъ подвиговъ. Настоятель и братія благословили святое его желаніе. Никонъ избралъ для себя одинъ пустынный, понравившійся ему, островъ на томъ же озерѣ, и поселился здѣсь въ совершенномъ уединеніи. Одинъ Богъ былъ свидѣтелемъ его подвиговъ; къ Нему онъ безмятежно возносился здѣсь всѣми силами своей души. Анзерскій уставъ былъ и здѣсь постояннымъ правиломъ его жизни, и только въ воскресные и праздничные дни Никонъ являлся изъ своей пустыни въ общежительный монастырь, чтобы участвовать съ братіею въ церковномъ богослуженіи.

Но, между тѣмъ какъ Никонъ продолжалъ подвизаться въ отшельническомъ уединеніи, преставился ко Господу настоятель Кожеезерской пустыни. Братія не видѣли среди себя человѣка, который бы могъ, лучше Никона, «право править» это святое Христово стадо, и премудро водить его на пажити Божественныхъ догматовъ и заповѣдей. Они единодушно сознавали, что Никонъ превосходитъ всѣхъ ихъ разумомъ и добродѣтелями, и потому единодушно желали имѣть его своимъ игуменомъ. Никонъ не хотѣлъ принимать настоятельства; но просьбы братіи дѣлались болѣе и болѣе настойчивы. Побѣжденный усердіемъ ихъ, Никонъ отправился въ Новгородъ, и здѣсь принялъ посвященіе въ игумена Кожеезерской пустыни

отъ митрополита Аѳонія. Это было въ 1643 году, на 38 году жизни Никона.

Въ званіи настоятеля Никонъ показывалъ въ себѣ для братіи совершенный образецъ иноческихъ подвиговъ. Съ ними вмѣстѣ онъ всегда молился; вмѣстѣ вкушалъ трапезу; слово Божіе постоянно было на устахъ его, и поучало чрезъ него братію; онъ не стыдился брать на себя чреду исполнять всякія монастырскія требы наравнѣ съ простыми иноками; самъ ловилъ рыбу, дѣлилъ ее на части, и представлялъ въ трапезу.

Но вотъ уже наступало время, когда долженъ былъ этотъ яркій свѣтильникъ добродѣтелей христіанскихъ стать на высокомъ свѣщникѣ всероссійской Церкви, чтобы освѣщать собою не одно уединеніе обителей, но и всю отечественную Церковь. Промыслъ призвалъ Никона въ столицу.

Въ 1646 году монастырскія нужды побудили Никона отправиться въ столицу. Здѣсь слава строгой его подвижнической жизни, добродѣтелей и ума, воспитаннаго чтеніемъ слова Божія и молитвою, достигла слуха царя Алексѣя Михайловича. Юный и воспитанный въ благочестіи и страхѣ Божіемъ [1], царь повелѣлъ представить къ себѣ знаменитаго кожеозерскаго игумена. Величественный, открытый и смѣлый видъ строгаго подвижника, сила и теплота слова его, гибкость и дальновидность ума, глубокое знаніе слова Божія и правилъ Церкви и ревность о славѣ Божіей и пользѣ людей, вѣчной и временной, выразившіяся въ бесѣдѣ его съ царемъ, привязали юное сердце царя къ Никону, и съ той минуты

---

[1] Царю Алексѣю Михайловичу было тогда только 17 лѣтъ. Онъ родился 10 марта 1629 года. Собр. госуд. гр. и догов. т. III, стр. 301. Первоначальное образованіе его, «навычнаго, по словамъ посла П. И. Потемкина, многимъ премудрымъ философскимъ наукамъ», восходило отъ азбуки, на 7 году отъ рожденія, къ часовнику; чрезъ 5 за тѣмъ мѣсяцевъ къ псалтири и еще чрезъ 3 мѣсяца—«къ апостольскому дѣянію». Учителемъ былъ дьякъ Василій Прокофьевъ. На 8 году царевичъ учился у пѣвчаго дьяка Луки Иванова пѣть *ожтай*, а у подъячаго Григорія Львова писать. На 10 году пѣвчіе дьяки Иванъ Семеновъ да Михайло Осиповъ начали учить царевичу *страшное пѣніе*, и тѣмъ окончился курсъ ученія. См. чт. моск. общ. ист. и др. № 5, 1846 г. Описаніе Троицкихъ походовъ.

душа царя, скажемъ словами священнаго Писанія, *стяжеся* съ душею Никона, какъ древле душа Іонаѳана съ душею Давида. Никонъ сдѣлался другомъ и наперсникомъ царя.

По волѣ царя, патріархъ Іосифъ посвятилъ Никона въ санъ архимандрита московскаго Новоспасскаго монастыря. Этотъ санъ и мѣсто открыли Никону обширное поприще для его дарованій и дѣятельности, а необычайная милость царская отличала между всѣми новаго архимандрита. Немного сохранилось извѣстій о заслугахъ Никона для Церкви и отечества на поприщѣ служенія, которое онъ теперь проходилъ; но и краткія извѣстія, какія сохранились, ясно свидѣтельствуютъ о ревности его къ славѣ Божіей и благу ближнихъ, всегда отличавшей Никона. Онъ великолѣпно устроилъ ввѣренный его управленію монастырь, склонивъ и самаго царя къ украшенію обители, гдѣ покоился прахъ его предковъ [1]. Въ самомъ образѣ жизни иноковъ онъ произвелъ значительную перемѣну: перенесъ въ столичный монастырь ту же строгость, какою отличались Анзерская и Кожеозерская пустыни, воспитавшія Никона. Наконецъ испросилъ у Государя подтвержденіе права Новоспасскаго монастыря на владѣніе вотчинами [2]. Но важнѣйшею его заслугою въ это время было ходатайство предъ царемъ за бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ, прибѣгавшихъ къ правосудію царя.

Царь хотѣлъ видѣть своего друга сколько возможно чаще. Поэтому онъ повелѣлъ Никону являться въ каждый пятокъ къ утрени въ придворную церковь. Здѣсь, по окончаніи богослуженія, Никонъ услаждалъ царя своимъ сильнымъ, живымъ, умилительнымъ и трогательнымъ собесѣдованіемъ о предметахъ вѣры и благочестія. Царь слушалъ его внимательно, и чѣмъ долѣе продолжалось его знакомство съ Никономъ, тѣмъ болѣе и болѣе открывались необыкновенныя по тому времени душевныя дарованія новоспасскаго архиман-

---

[1] См. Новоспасскій монастырь, соч. Снегирева. [2] Рукоп. Рум. муз. № LII.

дрита, и тѣмъ крѣпче становилась ихъ взаимная любовь. Но Никонъ не хотѣлъ одинъ пользоваться такимъ счастіемъ и дружбою царя: онъ употребилъ ее, какъ нельзя лучше, въ пользу своихъ сограждан. Въ своихъ бесѣдахъ съ царемъ онъ обращалъ милостивые взоры его на беззащитныхъ вдовъ и сиротъ, притѣсняемыхъ несправедливостію нѣкоторыхъ сильныхъ земли. Знакомый по собственному опыту съ лишеніями и гоненіями всякаго рода, Никонъ искренно сочувствовалъ бѣднымъ и несчастнымъ, гонимымъ неправдою людей, и умолялъ царя о правосудіи. Царю весьма угодно было это ходатайство Никона, и онъ поручилъ ему принимать отъ всѣхъ просителей челобитныя, и въ урочное время представлять себѣ. Появленіе въ Москвѣ благодѣтеля сирыхъ и вдовицъ, близкаго къ царю и сильнаго предъ нимъ, тотчасъ сдѣлалось извѣстнымъ во всей столицѣ. Со всѣхъ сторонъ ея стали стекаться къ Никону въ монастырь бѣдные и сирые, искавшіе защиты правосудія. Другіе, не могши почему-нибудь подать своихъ челобитныхъ Никону въ монастырѣ, дожидали его на пути, когда онъ въ урочный день и часъ отправлялся къ царю, останавливали своего покровителя, и, подавъ ему челобитную, просили его ходатайства предъ царемъ. Человѣколюбивый царь, ревностный къ благу всѣхъ подданныхъ, не выходя изъ церкви по окончаніи утрени, выслушивалъ челобитныя, принесенныя Никономъ, повелѣвалъ дьяку тутъ же писать на нихъ милостивыя рѣшенія, и отдавалъ ихъ обратно Никону. Со слезами радостнаго и благороднаго сердца встрѣчали просители своего защитника и покровителя, когда онъ выходилъ отъ царя [1]. Такъ было въ продолженіе трехъ лѣтъ (1646—1649). Любовь царя къ Никону возрастала болѣе и болѣе.

[1] Шушеринъ. Ср. жизнеопис. патр. Никона, составл. А. Аполлосомъ, изд. 1845 г. стр. 14. Ист. Русск. Церкви, Мурав., въ статьѣ: патр. Никонъ, стр. 252—253.

НИКОНЪ — ВЪ САНѢ СВЯТИТЕЛЬСКОМЪ.

Прошло три года неизмѣнной и самой живой дружбы царя Алексѣя Михайловича съ Никономъ. Въ это время промыслъ Божій открылъ Никону высшую степень служенія Церкви, и вмѣстѣ новое обширнѣйшее поприще для его подвиговъ ко благу православнаго отечества нашего. Престарѣлый митрополитъ новгородскій Аѳоній, тотъ самый, который посвящалъ Никона въ игумена Кожеезерской пустыни, теперь просилъ себѣ у царя и патріарха позволенія—смѣнить архипастырскій жезлъ на посохъ старца Спасскаго Хутынскаго монастыря. Царь и патріархъ, уважая маститую старость добродѣтельнаго архипастыря, разрѣшили ему провести остатокъ дней въ безмолвіи обители, въ священномъ званіи схимника. Въ Москвѣ стали искать достойнаго преемника Аѳонію. Выборъ патріарха и всего освященнаго собора палъ на архимандрита новоспасскаго. Царь, съ своей стороны, желалъ почтить достойнаго своего друга саномъ архипастыря, и потому охотно соизволилъ на избраніе собора. И такъ 9 марта 1649 (7157) года Никонъ былъ торжественно рукоположенъ въ санъ митрополита новгородскаго и великолуцкаго, при служеніи двухъ патріарховъ—іерусалимскаго Паисія и всероссійскаго Іосифа. [1]

Самый день вступленія Никона на паству новгородскую какбы предуказывалъ уже будущія пастырскія заслуги его для Церкви и отечества. Онъ прибылъ въ Новгородъ 24 марта, на канунѣ праздника Благовѣщенія пресвятыя Богородицы и самаго свѣтлаго дня [2]. Съ пламенною ревностію къ славѣ Божіей

[1] См. полн. собр. русск. лѣт. т. 3, стр. 190 и 273. См. Дворц. разр. т. III. стр. 113, 115 и 116. Такъ дивный въ судьбахъ своихъ Богъ устроилъ, чтобы отъ восточнаго іерарха принялъ архіерейскій санъ тотъ, кто судомъ восточныхъ іерарховъ имѣлъ лишиться этого сана! Іерусалимскій патріархъ Паисій, въ знакъ особеннаго своего уваженія къ Никону, далъ ему, при своемъ отправленіи изъ Москвы, право носить мантію съ червленными источниками. «Видя же и мы его добродѣтель», пишетъ патріархъ, «достойна не имуще въ даръ ему воздати, подали есмы ему сію власть, подали ему мантію, приложенія червонія, и благословили есмы его, да тако носитъ во вся дни живота своего, и никтоже его о семъ истязуетъ». См. собр. гос. грам. и догов. т. III. стр. 447 № 135. сн. Дворц. разр. т. III. стр. 116.

[2] См. полное собр. русск. лѣтоп. т. 3, стр. 190 и 273.

и спасенію паствы своей, онъ вступилъ въ этотъ день въ древній храмъ Св. Софіи, и предъ лицемъ алтаря вознесши первую свою святительскую молитву о благочестивѣйшемъ царѣ и врученныхъ ему людяхъ, поспѣшилъ отправиться въ Хутынь, чтобы испросить себѣ благословеніе отъ блаженнаго предшественника своего на архипастырской каѳедрѣ. Радостно встрѣтилъ святитель-старецъ своего преемника, о которомъ онъ и прежде зналъ, что это мужъ крѣпкій его, и, провидя въ немъ великое свѣтило для всей отечественной Церкви, не хотѣлъ первый подать ему благословенія. «Ты мя благослови», отвѣчалъ онъ Никону на просьбу его о благословеніи. Въ свою очередь и Никонъ не считалъ себя достойнымъ благословить своего славнаго предшественника. Долго просили они другъ у друга благословенія; но ни одинъ не хотѣлъ первый благословить другаго. «Благослови мя, патріархъ,» сказалъ, наконецъ, Никону Аѳоній. Никонъ, принявъ это за ошибку старца, немощнаго зрѣніемъ и памятію, смиренно отвѣчалъ ему: «ни, отче святый, я грѣшный митрополитъ, а не патріархъ.»—«Будешь патріархъ, благослови мя», съ твердостію возразилъ ему прозорливый старецъ. Никонъ уступилъ настоятельному и непреклонному требованію святаго старца: благословилъ его. Тогда и Аѳоній воздвигъ старческую руку свою надъ Никономъ, и знаменіемъ креста Господня низвелъ благословеніе свыше на славнаго своего преемника и на будущее высокое служеніе его Церкви и государству. [1]

Отпустивъ Никона въ новую его паству, отдаленную отъ столицы, царь, искренно преданный ему, не хотѣлъ лишить себя навсегда, или, по крайней мѣрѣ, надолго, сладостной и назидательной бесѣды съ просвѣщеннѣйшимъ въ то время мужемъ и—своимъ другомъ. Поэтому онъ велъ съ нимъ частую переписку, исполненную сердечной любви и преданности, и выражалъ усердное желаніе видѣть его вблизи своихъ царскихъ чертоговъ. Никонъ представлялъ державному своему другу необходимость, по церковнымъ канонамъ, жить пастырю

[1] Шушеринъ. Жизнеопис. Ник., сост. А. Аполл. стр. 15.

въ предѣлахъ своей паствы. [1] Итакъ, не разлучая своего друга-святителя на всегда съ его паствою, царь однакожь каждою зимою вызывалъ его въ Москву для свиданія съ собою и совѣщанія съ нимъ о церковныхъ и государственныхъ дѣлахъ. Никонъ возвращался изъ столицы къ своей паствѣ съ новыми знаками царскаго благоволенія.

ИЗБРАНІЕ НИКОНА ВЪ ПАТРІАРХИ ВСЕРОССІЙСКІЕ.

Но недолго Никонъ оставался вдали отъ царя и столицы. Прошло три года и пять мѣсяцевъ [2] правленія его Новгородскою епархіею, и промыслъ Божій воззвалъ его на высоту всероссійскаго патріаршаго престола. Апрѣля 15 дня 1652 года скончался патріархъ Іосифъ. [3] Никонъ былъ въ это время на пути въ Соловецкій монастырь, куда онъ отправлялся для перенесенія въ Москву св. мощей московскаго митрополита Филиппа. «Возвращайся, Господа ради, поскорѣе къ намъ обирать на патріаршество, а безъ тебя отнюдь ни за что не примемся», писалъ ему царь. [4] Въ началѣ іюля Никонъ возвратился въ Москву съ драгоцѣнной святыней, за которой плавалъ на Бѣлое море. [5] Іюля 23, спустя немного послѣ того, какъ св. мощи митрополита Филиппа поставлены на мѣсто покоя въ первопрестольномъ храмѣ Москвы, въ томъ же храмѣ составился соборъ, въ присутствіи самаго царя и его вельможъ, для избранія патріарха Россіи, на мѣсто почившаго Іосифа. Всѣ знали, что первосвятителемъ отечественной Церкви долженъ быть теперь новгородскій митрополитъ Никонъ, другъ царя, и—архипастырь, превосходившій всѣхъ своихъ современниковъ обширнымъ умомъ и ревностію къ Церкви и отече-

[1] Возраж. Никона на 18 вопр. Стрѣшнева Паисію Лигариду. Рук. Воскр. мон. ср. опис. Рум. муз. № CCCLXXVI. [2] Полн. собр. лѣтоп. т. 3 стр. 190. [3] Дворц. разр. т. III. стр. 321. Ант. экс. IV № 57. [4] Дополн. ст. къ нач. жизни Никона, сост. А. Аполл. № I. Ант. экс. IV. 57. [5] Дворц. разр. т. III. стр. 320—322.

ству. Желалъ этого и самъ царь [1]. Никону извѣстно было такое намѣреніе собора и желаніе царя. Но, какъ дальновидный архипастырь, предвидѣвшій труды и опасности, какіе ожидаютъ преемника Іосифа на первосвятительскомъ престолѣ, онъ хотѣлъ уклониться отъ избранія, и не явился на соборѣ. За нимъ послали нарочитыхъ людей изъ высшаго духовенства и гражданскихъ сановниковъ. Никонъ съ рѣшительностію отказался отъ присутствія на соборѣ и отъ патріаршества. Послы, возвратившись на соборъ, объявили ему отреченіе Никона. Тогда, соблюдая обычный порядокъ при избраніи епископовъ, соборъ назначилъ для избранія на патріаршество, кромѣ Никона, двухъ іеромонаховъ—Антонія и Ѳеогноста [2]. Вынули жребій, и онъ палъ на Антонія. Но, какъ дряхлый старецъ, Антоній отрекся отъ патріаршаго сана. Тогда царь открыто предложилъ собору избрать на первосвятительскій престолъ Россіи новгородскаго митрополита Никона. Соборъ принялъ и утвердилъ предложеніе царя. Тогда царь и соборъ снова отправили къ Никону посланниковъ просить его, чтобы принялъ избраніе и нареченіе въ патріарха всероссійскаго. Между тѣмъ до слуха Никона дошло уже и то, что первый жребій палъ не на него, а на Антонія. Никонъ сталъ еще тверже въ своемъ отказѣ, и умолялъ избирателей чрезъ ихъ посланныхъ оставить его въ покоѣ на новгородской каѳедрѣ. Но отказъ его только болѣе и болѣе усиливалъ желаніе царя видѣть его на патріаршествѣ московскомъ. Снова отправлены были къ Никону посланники, и снова принесли отъ него собору тотъ-же отвѣтъ. Тогда царь послалъ къ нему многихъ знатнѣйшихъ своихъ бояръ, нѣсколько митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ и архимандритовъ — просить Никона въ каѳедральный храмъ, и, если онъ опять будетъ отрекаться, привести его противъ его воли. Никонъ явился на среду собора, предъ лице

---

[1] Акт. эксп. т. IV. № 57.

[2] Іеромонахъ Антоній былъ отецъ рязанскаго митрополита Иларіона и наставникъ самого Никона въ монастырѣ Печерскомъ. См. въ опис. Рум. муз. жит. митр. Иларіона.

Государя, многочисленнаго сонма архипастырей, вельможъ и почтнѣйшихъ гражданъ Москвы. Царь, вставъ съ своего мѣста, объявилъ ему свое и общее всѣхъ архипастырей и народа желаніе видѣть его патріархомъ въ Москвѣ. «Нѣсмь таковыя мѣры, да архипастыремъ буду», отвѣчалъ Никонъ. Долго просилъ его Государь отъ имени всей отечественной Церкви, быть верховнымъ ея архипастыремъ; но Никонъ оставался непреклоннымъ въ своемъ отреченіи. Тогда царь, архипастыри, бояре и весь народъ пали на помостъ церковный предъ Никономъ, и со слезами умоляли его быть у нихъ патріархомъ [1]. Изумленный и до глубины души тронутый смиреніемъ царя, Никонъ смягчился. Онъ немедленно воздвигъ царя отъ земли, и самъ залился слезами. Тогда рыданіями исполнился весь храмъ. Прошло немало времени; всѣ плакали и ожидали отъ Никона совершеннаго согласія. «Тогда я вспомнилъ», говоритъ о себѣ Никонъ, «что сердце царево въ рукѣ Божіей, и убоялся отреченія [2]». Но прежде, нежели объявилъ онъ совершенное свое согласіе на избраніе себя въ патріарха всероссійскаго, обратившись ко всему собору своихъ избирателей и къ самому царю, громко сказалъ предъ ними: «знаете, какъ первоначально дошелъ до насъ свѣтъ Евангельской вѣры, и какъ мы приняли отъ вселенскихъ патріарховъ правила св. Апостолъ, св. вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и св. отецъ и постановленія греческихъ православныхъ государей. По всему этому мы называемся христіанами, и хранителями правилъ и постановленій Церкви. Такъ называемся мы, но на самомъ дѣлѣ весьма мало оправдываемъ свое названіе (а яже суть дѣлы, зѣло скудно дѣйствуется въ насъ). Но помните, что *не слышателіе, а творцы закона праведни предъ Богомъ; что Мя зовете: Господи, Господи, и не творите, яже глаголю?* говоритъ намъ Спаситель нашъ. Итакъ, если угодно вамъ

[1] «Господь Богъ свидѣтель, яко тако есть»,—говоритъ Никонъ въ грамотѣ своей къ константинопольскому патріарху Діонисію, описывая свое избраніе въ патріарха. Рук. Воскр. мон: ср. Ц. ист. М. Плат. ч. 2. стр. 233 и 234.

[2] Тамъ же.

избрать наше смиреніе въ патріарха всероссійскаго, дайте мнѣ слово, и сотворите завѣтъ въ этой соборной и апостольской церкви, предъ Господомъ Богомъ и Спаспителемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, предъ св. Его Евангеліемъ, предъ образомъ преблагословенныя Дѣвы Богородицы, предъ св. Ангелами и всѣми святыми, что вы обѣщаетесь непремѣнно хранить заповѣди Евангелія Христова, правила и постановленія св. Церкви, и будете слушаться насъ во всемъ, какъ первосвятителя и отца верховнѣйшаго. Тогда», заключилъ Никонъ, «мы не можемъ отречься отъ сего великаго архіерейства.»

Благочестивѣйшій царь, весь освященный соборъ, бояре и народъ, «усердно и любезно восхитивъ этотъ отвѣтъ», какъ говоритъ Никонъ, тогда же, въ томъ же первопрестольномъ московскомъ храмѣ клятвенно обѣщались неизмѣнно хранить и исполнять все, на что указывалъ имъ въ своемъ отвѣтѣ Никонъ. «Они свидѣтельствовались», говоритъ Никонъ, «Господомъ Богомъ и Спасомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, пресвятою Богородицею, всѣми Ангелы и всѣми святыми, предъ священнымъ Евангеліемъ и св. иконами!» Послѣ такихъ торжественныхъ обѣтовъ царя и всего народа, Никонъ, къ общей ихъ радости, изъявилъ согласіе быть избраннымъ на первосвятительскій престолъ, и тогда же совершилось нареченіе его въ патріарха московскаго и всея Россіи [1], въ началѣ 48 года его жизни, а 25 іюля 1652 (7160) года, въ соборномъ первопрестольномъ московскомъ храмѣ Успенія пресв. Богородицы совершено посвященіе Никона въ патріарха «рукоположеніемъ Корнилія, митрополита казанскаго и свіяжскаго, со всѣмъ освященнымъ соборомъ [2]». Новопоставленный патріархъ совершилъ обычное шествіе на ослятѣ, котораго велъ подъ нимъ самъ царь. Торжественный объѣздъ во дворцѣ и бо-

---

[1] Тамъ описываетъ Никонъ свое избраніе въ патріархи а) въ грамотѣ къ константинопольскому патріарху, б) въ возраженіяхъ Стрѣшневу 1 и 26-мъ. Ср. церк. ист. Иннок. ч. 2. Кр. ц. ист. Плат. изд. 2, т. 2, стр. 233 и 234. Жизнеопис. Никона, составл. А. Аполлос. стр. 32 и 33. [2] Дворц. разр. т. III. стр. 322—323.

гатые взаимные подарки царя и патріарха заключили праздникъ [1].

Дружба самая тѣсная соединяла новаго патріарха съ царемъ. Вмѣстѣ они молились; вмѣстѣ разсуждали о дѣлахъ, вмѣстѣ садились за трапезу: такъ было почти каждый день. Патріархъ былъ воспріемникомъ дѣтей царскихъ. Ни одно государственное дѣло не рѣшалось безъ участія въ немъ мысли Никона. И великій умъ, предпріимчивый, твердый характеръ Никона отпечатлѣны на тѣхъ немногихъ счастливыхъ годахъ отечества нашего, когда первосвятительскій жезлъ былъ въ рукахъ патріарха Никона (1652—1658 г.) [2].

II.

ЗАСЛУГИ НИКОНА ДЛЯ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА.

а) для Церкви.

Съ высоты патріаршаго престола Никонъ обширнымъ, свѣтлымъ и быстрымъ взоромъ ума своего окинулъ всю широту отечественной Церкви, ясно созналъ ея потребности, и рѣшился дѣйствовать для блага ея съ полнымъ самоотверженіемъ. Лѣта дѣйствительнаго правленія его всероссійскою Церковію ознаменованы многочисленными и великими его заслугами для духовнаго просвѣщенія, общественнаго богослуженія и церковнаго управленія.

1) Заслуги Никона для духовнаго просвѣщенія.

Съ первыхъ лѣтъ озаренія Россіи свѣтомъ христіанства, мудрые правители ея, по наставленію просвѣщенныхъ пасты-

[1] Августа 8 былъ посвященъ Никономъ въ Новгородъ митрополитъ Макарій. См. Дв. разр. т. III. стр. 321. Ср. Полн. собр. русск. лѣтоп. т. 3. стр. 191.

[2] Мы разсмотримъ заслуги Никона, какъ патріарха, въ связи съ пастырскими его заслугами на митрополіи новгородской; потому что тѣ и другія имѣютъ одно общее начало—ревность Никона ко благу Церкви и отечества, одну цѣль—благоустройства жизни церковной и гражданской, и даже большею частію касаются однихъ и тѣхъ же предметовъ, какъ увидимъ.

рей греческихъ, сознавали нужду въ училищахъ для образованія духовенства, а чрезъ духовенство—всего народа русскаго. Извѣстны попеченія первыхъ нашихъ христіанскихъ великихъ князей объ учрежденіи училищъ въ Кіевѣ и Новгородѣ. [1] Но послѣдующія неблагопріятныя обстоятельства государства—междоусобія князей, порабощеніе монгольское, отдѣленіе югозападной Руси къ державѣ иновѣрной, долго не позволяли наукамъ водвориться въ нашемъ отечествѣ. Съ другой стороны, мирное состояніе у насъ православія, соблюдаемое особеннымъ попеченіемъ промысла Божія, успокоивало умы нашихъ предковъ, представляя утѣшительное зрѣлище въ благочестіи пастырей и народа русскаго, и въ славѣ подвижниковъ Церкви, просіявшихъ своею жизнію, а не ученостію. Отсюда возникло убѣжденіе, что такъ какъ благочестивымъ можно быть и безъ наукъ, то значитъ—науки излишни. Учились и учили, и то весьма не многіе, только чтенію и письму. Между тѣмъ привычка къ такому порядку дѣлъ, утверждаясь болѣе и болѣе, породила опасеніе, какъ бы отъ его перемѣны не произошло неблагопріятныхъ движеній [2]. Наконецъ несчастная судьба Греціи, откуда въ древнія времена распространился на насъ свѣтъ просвѣщенія, какбы набросивъ тѣнь на самую чистоту православія древнихъ учителей нашихъ въ вѣрѣ и благочестіи, ввела у насъ другое опасеніе, какъ бы, заимствуя по прежнему у Грековъ просвѣщеніе, не потерять и самимъ завѣтной святыни сердца русскаго—православія [3]. Знали предки наши цвѣтущее состояніе наукъ у своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ на югѣ Россіи,

---

[1] Татищ. Ист. ч. 2 стр. 106. Перевсл. лѣт. стр. 31—35. Ник. лѣт. ч. 1. тр. III. степ. кн. I. 143. Повѣств. о всл. госуд Львови, стр. 118.

[2] Беръ говоритъ, что царь Борисъ Ѳеодоровичъ хотѣлъ завести въ Россіи даже университеты, но ему представили, что если настанетъ разноязычіе, то поселится разновѣріе, и прежнее согласіе въ вѣрѣ исчезнетъ. См. Истор. госуд. росс. т XI примѣч. 125. Сказ. соврем. о Самозв. ч. I. стр. 12 и 13.

[3] Не говоримъ уже о той справедливой осторожности, какою водились самые пастыри наши въ отношеніи къ иновѣрнымъ учителямъ. Такъ іезуитъ Антоній Поссевинъ предлагалъ царю Іоанну Васильевичу IV послать нѣсколько молодыхъ людей русскихъ въ Римъ для обученія. Царь отвѣчалъ: «невозможно

и однакожь—оставались равнодушными къ успѣхамъ ихъ просвѣщенія. Извѣстно было, что эти успѣхи покупались цѣною не всегда благопріятныхъ для Церкви успѣхій, и потому у насъ много было людей, заботившихся о своемъ спасеніи, которые старались отклонить любознательныхъ юношей отъ ученія, и говорили имъ: «такой-то зачитался, такой-то впалъ въ ересь отъ чтенія книгъ» [1]. Напрасно цѣлые соборы пастырей возставали противъ такого направленія соотечественниковъ, и старались заводить училища. Непросвѣщенные не вѣрили благотворному вліянію наукъ на чистоту и твердость вѣры, и спокойно оставались въ своемъ убѣжденіи. Но вотъ ни помощь просвѣщенію нашего отечества опять возстаютъ тѣ, отъ кого мы приняли первые лучи вѣры и духовнаго просвѣщенія. Соборъ восточныхъ іерарховъ, учреждая патріаршество въ Россіи, вмѣняетъ въ обязанность нашимъ отечественнымъ архипастырямъ, каждому въ своей паствѣ, внушать любовь къ изученію священныхъ наукъ и оказывать посильную помощь, какъ наставникамъ такъ и желающимъ учиться [2]. Двумъ первымъ нашимъ патріархамъ не было времени заботиться объ основаніи училищъ, когда надобно было поддерживать первыя основанія государства [3]. Съ прекращеніемъ смутныхъ временъ, новые печальные опыты исправленія богослужебныхъ книгъ показали ясно, что спокойствіе

избрати такихъ людей, которые бы по такому дѣлу были годны, а какъ такіе люди обрѣты будутъ, и впредь такихъ людей къ нимъ пришлютъ» См. Др. росс. вивліоѳ. ч. VI, 97, 101. Ср. Ист уніи, Бантышъ-Каменскаго, стр. 13—26. Также – De rebus Mosc.ow. ed. a Starczewsky inter Histor. Ruth. Script. Extern., volum. 2 pag. 285.

[1] Опис. рукоп Рум. музеум. стр. 557, въ предисловіи къ переводу книги св. Іоанна Дамаскина подъ заглавіемъ: *небеса*.

[2] Въ VII гл. опредѣленій этого собора сказано: «Св. соборъ вмѣняетъ въ обязанность каждому епископу въ его епархіи заботиться и употреблять возможные способы, чтобы, кто можетъ, изучалъ Бож. и свящ. Писанія, и оказывать посильную помощь, какъ наставникамъ, такъ и желающимъ учиться». Дѣян. этого собора въ *скрижали*, изд. патр. Никономъ 1656 г. Ср. слова восточ. патр. Паисія и Макарія, судившихъ Никона, въ прибав. къ тв. св. о. 1845 стр. 165.

[3] Сказ. соврем. о самозв. ч. III. стр. 27, ч. V. стр. 66 и 67.

Церкви, не огражденное истиннымъ просвѣщеніемъ, весьма не надежно [1]. И вотъ, въ первосвятительство третьяго патріарха всероссійскаго (1633 г.) является первое греко-латинское училище [2]. Оно было устроено подлѣ патріаршаго двора въ Чудовѣ монастырѣ, и получило названіе патріаршаго [3]. Исторія сохранила имя перваго ближайшаго ея начальника и наставника: это былъ грекъ, по имени Арсеній [4]. Въ первый же годъ послѣ своего основанія оно уже подавало иностранцу Олеарію надежду на хорошую будущность [5]. Въ слѣдующемъ году напечатано было для него при букварѣ нѣсколько грамматическихъ правилъ [6]. Царь и патріархъ, довольные его устройствомъ, имѣли намѣреніе завести греко-латинскія школы и во многихъ другихъ городахъ [7]. Но невѣжество спѣшило подавить возникающее просвѣщеніе въ самомъ зародышѣ. Неизвѣстно состояніе греко-латинской школы при патріархѣ Іоасафѣ I. Но при Іосифѣ она уже сдѣлалась предметомъ ненависти людей, защищавшихъ испорченность богослужебныхъ нашихъ книгъ. Самъ основатель ея и наставникъ подпалъ ненависти и гоненію патріарха за то, что былъ ревностнымъ

---

[1] Между противниками просвѣщенія при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ извѣстенъ особенно князь Григорій Сунгулѣевичъ Черкасскій. См. очерк. Пассека 5. 202. М. 1840

[2] Сл. пис. дух. чина, ч. 1, изд. 2 стр. 48. Ср. Строева—описаніе книгъ Царскаго, стр. 140 Энцикл. лексик. VII. 424. 425.

[3] Адам. Олеар. *Reisebeschreibung*, изд. въ Шлезвигѣ 1647, стр. 280.

[4] См. тамъ-же Ср. Церк. ист. пр. Филарета, изд. 1850. ч. IV. стр. 154. прим. 207. Правда, у раскольниковъ есть сказаніе, будто Арсеній Грекъ прибылъ въ Россію вмѣстѣ съ патр. іерусалимскимъ Паисіемъ, который посѣщалъ Россію въ 1649 г. (ист. Сол. об. стр. 15. 174. 189). Но въ такомъ случаѣ не могъ бы видѣть его Олеарій, бывшій въ Россіи сперва въ 1633—1634 г., и потомъ въ 1643 г. А принимать Арсенія, на котораго указываетъ Олеарій, за одно лицо съ Арсеніемъ Глухимъ нельзя безъ отступленія отъ прямаго смысла словъ Олеарія, который говоритъ ясно, что «школа вверена надзору и управленію грека, по имени Арсенія». Арсеній Глухой, хотя зналъ хорошо греч. языкъ, но все же былъ русскій, и Олеарію не было причины называть его грекомъ. См. пр. въ тв. св. о. 1845 стр. 154.

[5] Reisebeschreibung, изд. въ Шлезв. 1647 г. стр. 280.

[6] Строева—оп. книгъ Царскаго, стр. 140. Энцикл. лекс. VII. 424. 425.

[7] Сл. пис. дух. чина, ч. 1, изд. 2 стр. 48.

обличителемъ неисправности тогдашнихъ богослужебныхъ книгъ славянскихъ, и дѣлалъ патріарху неоднократныя представленія сличить наши славянскія церковныя книги съ греческими, и исправить первыя по тексту послѣднихъ [1]. Такими представленіями онъ навлекъ на себя со стороны суевѣровъ подозрѣніе въ измѣнѣ православію, и по ихъ настоянію сосланъ былъ патріархомъ въ Соловецкій монастырь для исправленія будто бы въ образѣ мыслей и поведенія [2]. Свѣтъ просвѣщенія, едва начинавшій мерцать въ нашемъ отечествѣ, казалось, долженъ былъ теперь опять погаснуть надолго. Но доброе дѣло, начатое мудрымъ патріархомъ, не осталось въ забвеніи. Явился ревностный подражатель первосвятительскихъ подвиговъ Филарета,—явился Никонъ.

«Патріархъ Никонъ», говоритъ одинъ изъ отечественныхъ архипастырей, «былъ пастырь, просвѣщеніемъ своимъ превышающій того вѣка людей» [3]. Любя самъ просвѣщеніе, и съ юныхъ лѣтъ воспитанный чтеніемъ слова Божія и писаній отеческихъ, Никонъ съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на погасавшее у насъ просвѣщеніе, и искалъ способовъ возбудить въ соотечественникахъ охоту къ основательному изученію Божественныхъ и священныхъ писаній, и дать помощь какъ наставникамъ, такъ и желающимъ учиться [4]. Онъ зналъ, что справедливо уважать болѣе жизнь христіанскую, нежели образованность; но зналъ и видѣлъ собственными глазами, что и пренебреженіе науками ведетъ къ вреднымъ послѣдствіямъ для Церкви, тогда какъ основательная ученость можетъ служить луч-

---

[1] Тамъ-же стр. 49.

[2] Въ повѣствованіи раскольниковъ объ Арсеніѣ Грекѣ говорится, будто самъ патріархъ Паисій съ обратнаго пути писалъ государю, что хотя Арсеній человѣкъ ученый, но требуетъ присмотра, такъ какъ онъ бывалъ и въ жидовской вѣрѣ, не только въ хр. иновѣрныхъ, и будто бы за такое то сомнительное православіе патр. Іосифъ сослалъ его къ Сол. мон. – См ист. Сол. об. стр. 11—16. 171. 175. 181 187. Но патр. Паисій, дѣйствительно, писалъ къ царю объ Арсеніѣ—не Грекѣ, а Сухановѣ, и притомъ безъ всякой укоризны касат. его православія. Собр. г. с. гр. и дог. т. III. стр. 457.

[3] Церк. ист. М. Платона, ч. 2 стр. 241.

[4] Слова вселенскихъ патріарховъ. См. скрижаль 1656 г. Дѣян. соб. гл. VII.

шимъ украшеніемъ для самаго благочестія. И вотъ, еще среди подвиговъ управленія новгородскою паствою, онъ уже заботился о распространеніи въ самой Москвѣ средствъ къ духовному просвѣщенію. Не вступаясь въ дѣла патріаршаго Чудовскаго училища, Никонъ нашелъ средство открыть въ Москвѣ новый разсадникъ для наукъ. Давно уже въ Кіевѣ процвѣтали ученыя братства, воспитывавшія, между прочимъ, защитниковъ православія для тамошняго края, тѣснимаго унятами. Слава этихъ ученыхъ иноческихъ обителей извѣстна была и въ Москвѣ; но здѣсь боялись просвѣщенія, и не хотѣли заимствовать его ни откуда. Чуждый предразсудковъ, Никонъ убѣдилъ царя пересадить сѣмена духовной мудрости изъ южнаго края отечества нашего на сѣверъ, и дать имъ здѣсь средство прозябнуть, возрасти и созрѣть къ славѣ и украшенію Церкви и государства. Итакъ въ 1649 году, въ то самое время, когда Арсеній Грекъ удаленъ былъ въ Соловецкій монастырь, возникающее просвѣщеніе нашло себѣ покровителя въ молодомъ любимцѣ и сверстникѣ царя, постельничемъ Ѳедорѣ Михайловичѣ Ртищевѣ. По мысли и убѣжденію Никона, онъ устроилъ для наукъ на берегу Москвы рѣки, близъ Воробьевыхъ горъ, у церкви св. Апостола Андрея, монастырь во имя Преображенія Господня, какбы въ знакъ того, что отсюда теперь должно начаться преобразованіе духовной жизни нашего народа, какъ она нѣкогда была преобразована св. проповѣдью первозваннаго Апостола [1]. Сюда вызваны были ученые иноки Кіевопечерской

[1] Правда, нѣтъ совершенно ясныхъ указаній на то, что Преображенскій монастырь основанъ по мысли и предложенію Никона. Тѣмъ не менѣе можно считать это почти несомнѣннымъ, если взять во вниманіе, что Никонъ былъ тогда любимцемъ, другомъ и первымъ совѣтникомъ царя, и вмѣстѣ—другомъ Ртищева, къ которому онъ имѣлъ «любовь зѣло велію» и съ которымъ «о благоустроеніи совѣтовалея». См. Виніоѳ. ч. XVIII. стр. 396. Житіе милостиваго мужа Ѳеодора Ртищева. Стоитъ вниманія и то обстоятельство, что монастырь Преображенскій устроенъ при церкви св. Ап. Андрея. Мысль—соединить воспоминаніе о первомъ началѣ Еванг. проповѣди въ нашемъ отечествѣ съ представленіемъ необходимости завести училища для сохраненія Еванг. ученія въ истинномъ свѣтѣ, — эта мысль принадлежитъ Никону. Онъ неоднократно высказывалъ ее въ борьбѣ съ суевѣрными врагами своими. См. возр. на 26 вопр. Стрѣшн. и посланіе къ констант. патр. Діонисію. Ркп. Воскр. монастыря, напечатанная съ пропусками Археогр. коммиссіею.

лавры, Межегорскаго монастыря и другихъ малороссійскихъ обителей. Въ числѣ ихъ первое мѣсто занималъ Епифаній Славенецкій, «мужъ мудрый, искуснѣйшій, многоученый, въ философіи и богословіи изрядный дидаскалъ, искуснѣйшій въ еллиногреческомъ и славенскомъ діалектахъ», — успѣвшій показать еще въ Кіевѣ много опытовъ своихъ богословскихъ познаній [1]. Въ то же время царь Алексѣй Михайловичъ требовалъ въ Москву отъ митрополита кіевскаго Спльвестра еще двухъ ученыхъ иноковъ изъ лавры: Арсенія Сатановскаго и Дамаскина Птицкаго, «Божественнаго писанія вѣдущихъ и еллинскому языку навычныхъ, и съ еллинскаго языка на славенскую рѣчь перевести умѣющихъ, и латинскую рѣчь достаточно знающихъ» [2]. Цѣль ихъ призванія въ Москву была не только ученая, но и учебная. Занимаясь переводами «душеполезныхъ книгъ» съ греческаго языка на славянскій, они должны были вмѣстѣ съ тѣмъ обучать московское юношество свободнымъ наукамъ [3]. Такимъ образомъ составилось въ точномъ смыслѣ ученое братство съ училищемъ. Въ то же время Никонъ въ Хутынскомъ новгородскомъ монастырѣ устроилъ типографію для удобнѣйшаго распространенія ученыхъ трудовъ этого братства по всѣмъ краямъ обширнаго отечества нашего [4]. Но вскорѣ Промыслу угодно было поставить Никона на болѣе обширное поприще просвѣщенной его дѣятельности.

Вступивъ, по смерти Іоспфа, на патріаршій престолъ, Никонъ принялъ подъ свое непосредственное покровительство и Чудовское патріаршее училище. Начальникомъ его сдѣлался

---

[1] Сл. пис. дух. чина, ч. 1, стр. 177. Здѣсь же упоминается о его канонахъ и поученіяхъ, хранящихся въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ.

[2] Собр. государ. грам. и догов. т. III. № 136. Собр. зак. т. 1 стр. 166. Писана эта грамота отъ 14 мая 1649 года.

[3] Ихъ отправили изъ Кіева и приняли въ Москвѣ «для реторическаго ученія и для перевода греческихъ книгъ.» Опис. малоросс. дѣламъ въ Молодикѣ 1841 г. Привилегія Московской академіи говоритъ, что они вызваны «ради въ ономъ монастырѣ россійскаго народа во просвѣщеніи свободныхъ мудростей ученія». Древн. росс. вивліоѳ. ч. VI. стр. 414.

[4] Жизнеопис. патр. Никона, составл. Аполл. стр. 22. ср. Истор. акты т. IV. № 126.

теперь Епифаній Славенецкій. Чтобы отнять у суевѣровъ всякое средство вредить просвѣщенію, Никонъ перенесъ самый печатный дворъ въ Чудовъ монастырь, и отдалъ въ полное распоряженіе ученымъ инокамъ Преображенской и Чудовой обители. Главнымъ смотрителемъ и справщикомъ на печатномъ дворѣ опредѣленъ былъ тотъ же Епифаній Славенецкій [1]. Среди такихъ распоряженій для пользы наукъ, Никонъ не забылъ и Арсенія Грека, томившагося въ заточеніи на Соловецкомъ островѣ за ревность свою къ просвѣщенію. Арсеній возвращенъ былъ въ Москву и опредѣленъ помощникомъ Епифанію Славенецкому [2]. Между тѣмъ зоркій взглядъ самого патріарха неусыпно наблюдалъ за дѣйствіями и успѣхами ученаго братства. Дѣятельность училищъ оживилась и принесла Церкви и отечеству вожделѣнные плоды. Много истинно-полезнаго сдѣлано здѣсь для народнаго просвѣщенія, и еще больше обѣщали мудрость Никона, трудолюбіе ученыхъ и щедроты царя.

Въ тѣ времена, когда на училища смотрѣли, какъ на мѣсто развращенія умовъ и порчи христіанскихъ нравовъ, и всячески старались препятствовать ученымъ ихъ занятіямъ, нельзя было бы и ожидать особенно-великихъ и обильныхъ плодовъ духовной мудрости отъ училищъ — андреевскаго и чудовскаго. Довольно и того, если бы они дали движеніе умственному застою въ народѣ. Но Никонъ, ничѣмъ не удержимый въ стремленіи къ своимъ цѣлямъ, въ короткое время своего завѣдыванія этими училищами, умѣлъ сдѣлать при помощи ихъ много полезнаго для духовнаго просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ. Занятія ученаго братства подъ его надзоромъ и покровительствомъ были необыкновенно живы, быстры и дѣятельны. Пер-

---

[1] Должность особенно важная въ то время. Съ 1664 года занималъ ее Симеонъ, бывшій архіепископъ тобольскій. Въ 1667 году поручили ее Павлу, митрополиту сарскому. Акты экспед. т. IV. стр. 205.

[2] Раскольники называютъ этого Арсенія» волхвомъ, еретикомъ, звѣздочетцемъ, скверны и смрада исполненнымъ, іезуитскія ереси сущимъ». Ему преимущественно приписываютъ они все то, что Никонъ сдѣлалъ для Церкви. См. пис. дух. чина, въ статьѣ: Арсеній Грекъ.

вою и главною, по тому времени, заслугою этихъ училищъ было то, что они издавали богослужебныя книги въ исправнѣйшемъ видѣ, по сличеніи ихъ съ греческими подлинниками. Но, какбы не довольствуясь этимъ важнымъ трудомъ, они составляли новые переводы писаній отеческихъ и даже гражданскихъ сочиненій греческихъ и латинскихъ, полезныхъ въ общественномъ бытѣ. Долго было бы исчислять подробно всѣ произведенія ихъ въ этомъ родѣ; они весьма многочисленны [1]. Упомянемъ по крайней мѣрѣ о важнѣйшихъ. Тогда въ первый разъ переведены и изданы въ свѣтъ: Скрижаль, въ которой помѣщено изъясненіе на литургію и ученіе о таинствахъ Церкви [2]; многія слова Григорія Богослова, Аѳанасія великаго, Шестидневъ Василія великаго, Богословіе Іоанна Дамаскина. Не забудемъ также о новомъ переводѣ новаго Завѣта, о новомъ переводѣ полнаго собранія церковныхъ правилъ, и о сокращеніи Властаря и Арменопула [3], о переводѣ космографіи и другихъ книгъ. Кромѣ того переведено съ греческаго много церковныхъ службъ различнымъ святымъ, празднуемымъ Церковію, жизнеописаній святыхъ мужей и разныхъ другихъ сочиненій, относящихся къ церковной исторіи [4]. Наконецъ, извѣстны и собственныя сочиненія ученыхъ иноковъ для пользы духовнаго просвѣщенія: такъ явились тогда лексиконы — *греко-славено-латинскій*, какъ руководство для молодыхъ питом-

---

[1] Времен. т. XIII. матер. стр. 1—136. Сл. пис. дух. чина подъ именами извѣстнѣйшихъ дѣятелей училищъ—андреевскаго и чудовскаго: Епиф. Слав., Арсенія Сатан., Арсенія Грека и др. чт. М. общ. ист. и др. росс. 1846. № 2 Каталогъ Медвѣдева.

[2] Переводилъ Арсеній Грекъ. См. въ Скрижали предисл. къ главизнамъ. Никонъ такъ уважалъ эту книгу, что самъ говоритъ о ней въ грам. къ патр. Діонисію: «того направляемся во всемъ по чину, якоже обычай имать св. восточная Церковь». Рк. Воскр. мон.

[3] Книгу—«Константина Арменопула — сокращеніе Божественныхъ и священныхъ правилъ и градскихъ законовъ» со всѣми прибавленіями, изд. Леунклавіемъ въ его jus. graeco-romanum, Славеницкій имѣлъ терпѣніе переводить два раза. Первый его переводъ затерялся во время моровой язвы 1654—1655 г. Никонъ велѣлъ ему составить второй, и Епифаній исполнилъ волю патріарха. См. Сл. пис. дух. чина, чт. 1 и 175.

[4] См. описс. старопеч. книгъ Толстаго стр. 272. Ср. Молодикъ 1814 стр. 221.

цевъ науки къ переводу сочиненій греческихъ на языкъ славянскій, и — *филологическій*, или сводъ разныхъ мѣстъ изъ греческихъ отцевъ, служащій къ изъясненію священнаго Писанія [1]. Въ то же время составлено довольно новыхъ службъ нашимъ отечественнымъ святымъ, напримѣръ св. Іакову Боровицкому, св. Аннѣ, княгинѣ Тверской и др. [2]

Обремененные столь многими трудами, ученые исправители, переводчики и сочинители церковныхъ книгъ, находили время и для занятій собственно по училищу. Правда, издатели Библіи на славянскомъ языкѣ въ 1663 году жалуются, что «переводчикомъ греческимъ не многѣмъ сущимъ обрѣтатися, отъ нихже славянскія церковныя книги переведены исправляхуся» [3]. Отсюда можно заключить, что училища не успѣли еще тогда образовать достаточнаго числа воспитанниковъ, способныхъ для переводовъ съ греческаго языка на славянскій. Но при пересмотрѣ славянскаго перевода Библіи, изданнаго въ 1674 году, въ числѣ членовъ московскаго ученаго братства, кромѣ Епифанія и игумена путивльскаго Сергія, видимъ уже соотечественныхъ намъ иноковъ — Евѳимія и Моисея, священника Никифора и еще двухъ свѣтскихъ типографовъ. Всѣ они называются хорошо знающими греческій и латинскій языки и славянскую грамматику, и, конечно, одолжены своимъ образованіемъ московскимъ училищамъ, подъ руководствомъ кіевскихъ наставниковъ [4].

---

[1] Сл. пис. дух. чина въ статьѣ объ Епифаніѣ Славеницкомъ. Также въ журналѣ: Другъ просвѣщенія, 18 6 г. сентябрь, стр. 213. См. также объ ученыхъ трудахъ Епифанія въ чт. москов. общ. ист. и др. росс. 1847. IV. 69—72.

[2] Каталогъ Медвѣд. въ чт. моск. общ. ист. и др. росс. 1846 № 2.

[3] Предисл. къ Библіи 1663 года.

[4] Сл. пис. дух. чина, въ статьяхъ: объ Евѳиміѣ, Моисеѣ и др.—Иностранцы—Левекъ, Леклеркъ, Кокеъ и нѣкоторые даже изъ нашихъ писателей приписываютъ еще Никону изданіе славянской Библіи, напечатанной въ Москвѣ въ 1663 году съ Острожскаго изданія слово въ слово, съ весьма немногими поправками. (Сл. пис. дух. чина, ч. 2. въ концѣ статьи: Никонъ патріархъ. Ср. Молодикъ 1844. 223. 221). Но Никонъ, жившій тогда уже въ Воскресенскомъ монастырѣ, не участвовалъ въ этомъ изданіи, и даже дѣлалъ объ немъ неодобрительные отзывы (См. возр. на 26 вопр. Стрѣшн. въ ркп. Воскр. м.). Правда, было еще изданіе Библіи въ Москвѣ 1653 года. (Сл.

Не въ одной Москвѣ хотѣлъ видѣть Никонъ училища и ученыхъ; онъ имѣлъ намѣреніе распространить свѣтъ просвѣщенія и по всей широтѣ обширнаго отечества нашего. Мы уже знаемъ, что соборъ вселенскихъ патріарховъ, утвердившій патріаршество въ Россіи, вмѣнялъ въ обязанность каждому епископу убѣждать въ своей епархіи людей къ изученію божественной и священной наукъ. Конечно, обязанность побуждать самихъ пастырей къ этому существенному ихъ долгу лежала главнымъ образомъ на первосвятителѣ московскомъ. Никонъ, точный исполнитель своихъ обязанностей, предписывалъ подчиненнымъ ему архипастырямъ, «научая весь народъ православный спасительнымъ Христовымъ заповѣдемъ, особенно отрочатъ, наказанія усерд-

---

пис. дух. чина ч. 1. подъ именемъ Епифаній Славен.). По и оно начато при патр. Іосифѣ и выпущено въ свѣтъ при Никонѣ безъ исправленій. Справедливо однакожъ, что одною изъ великихъ мыслей Никона было—согласить нашу славянскую Библію съ греческимъ переводомъ LXX. Именно «для справки Библіи греческія на словенскую рѣчь» убѣдилъ онъ царя вызвать въ Москву изъ Кіева Арсенія Сатановскаго и Дамаскина Птицкаго, «Бож. писанія вѣдущихъ и еллинскому языку навычныхъ, и съ еллинскаго языка на словенскую рѣчь превести умѣющихъ. и латинскую рѣчь достаточно знающихъ» (Собр гос. гр. и д. т. III. № 136). И послѣ того, какъ Библія уже напечатана была съ немногими поправками въ сравненіи съ прежнимъ острожскимъ изданіемъ, Никонъ сочувствовалъ Епифанію Славеницкому въ необходимости новаго ея исправленія. Читая славянскую Библію, Епифаній видѣлъ въ ней нѣкоторое несходство съ греческимъ переводомъ LXX, и говорилъ Никону, «въ слухъ многихъ другихъ честныхъ, благоумныхъ и доброразсудныхъ людей: грѣхъ величайшій есть намъ, словеномъ православнымъ христіаномъ. и укоризна и безчестіе крайнѣйшее отъ иностранныхъ народовъ, совершенно добрѣ знающихъ еллинскія и отчасти славянскій языки, и укоряющихъ ны, яко не имамы Библіи добрѣ преведенныя, начеже въ свящ. Евангеліи премногая суть погрѣшенія» (Зап. объ испр. славянской Библіи въ сл. пис. д. чина. ч. 1 подъ именемъ Епиф. славен., ср. чт. М. общ. ист. и др. росс. 1848 г. № 6. также Другъ просвѣщенія 1806 г. сент., стр. 217—219). Но Никонъ не успѣлъ совершить того, на что указывалъ ему Епифаній. Не совершили этого и преемники его, хотя начало было сдѣлано въ самомъ лучшемъ видѣ—1674 (7182) г. въ сентябрѣ. Смерть Павла, митроп. сарскаго, блюст. патр. престола послѣ Питирима, (9 сент. 1676 г.) и покровителя отеч. просвѣщенія (см. его библіот. въ чт. моск. общ. и. и др. росс. 1846. V. 65), и потомъ самаго Епифанія (19 ноября того же года) не позволила исполниться этому великому и святому предпріятію.

но желающихъ, ученію, чтенію и доброгласному и согласному пѣнію, по преданію св. восточныя Церкви, учити и наказывати, избирая на сіе учителей въ благихъ свидѣтельствованныхъ и богобоязненныхъ: и сея ради вины, якоже лѣпо, училища поставлятп, и никому же отъ неискусныхъ и нелѣнотныхъ наказателей въ нихъ даяти дерзновеніе» [1]. Правда, не видно по историческимъ памятникамъ, чтобы въ это время гдѣ нибудь, кромѣ Москвы, открыты были училища; по крайней мѣрѣ Никонъ исполнялъ священную свою обязанность, и усердно желалъ размноженія по всѣмъ епархіямъ училищъ и ученыхъ людей [2].

Между тѣмъ въ Москвѣ, которую, можетъ быть, Никонъ хотѣлъ сдѣлать средоточіемъ духовной мудрости для всего отечества нашего, любознательность его собрала богатѣйшую, по своему времени, библіотеку. Сохранилось до насъ описаніе ея, составленное по повелѣнію самаго царя Алексѣя Михайловича, послѣ удаленія Никона въ Воскресенскій монастырь. Въ этомъ описаніи значится книгъ болѣе 1000 томовъ [3]. Тутъ встрѣчаются книги греческія, латинскія, нѣмецкія, писанныя и печатныя на бумагѣ и на пергаментѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ пріобрѣтены Никономъ еще тогда, когда онъ былъ новгородскимъ митрополитомъ: это по преимуществу книги греческія и латинскія [4]. Другія пріобрѣтены имъ уже въ санѣ патріарха; это преимущественно книги греческія. Многія изъ нихъ выписаны изъ древнихъ нашихъ монастырей [5], и еще большая часть съ востока, куда патріархъ, какъ увидимъ, нарочито за ними посылалъ старца Арсенія Суханова [6]. Въ составъ Нико-

[1] Др. Росс. Вивліоѳ. ч. III. стр. 361.

[2] Изъ училищъ въ другихъ городахъ, кромѣ Москвы, первое явилось въ Ростовѣ въ 1703 году. Оно устроено св. Димитріемъ митр. Ростовскимъ. Ему послѣдовалъ Іовъ, митр. Новгородскій, вызвавшись къ себѣ изъ Костромскаго заточенія ученыхъ братьевъ Лихудовъ. См. предисл. къ граммат. изд. въ Спб. 1723 г. Также житіе св. Димитрія митр. Ростовскаго, изд. въ Москвѣ.

[3] Времени т. XV. Матер. стр. 1—156. Также чт. Моск. общ. ист. и Др. Россіи 1846 № 5.

[4] Времени. т. XV. стр. 133—134.

[5] Чт. Моск. общ. ист. и Др. Росс. 1848 г. № 6. смѣсь стр. 1.

[6] Времени. т. XV. матер. стр. 117.

повской библіотеки вошли и ученые труды иноковъ андреевскаго и чудовскаго училищъ. Самымъ усерднымъ помощникомъ ему въ умноженіи библіотеки былъ Арсеній Грекъ [1]. Собраніе книгъ, по содержанію ихъ, было самое разнообразное. Кромѣ книгъ св. Писанія и твореній св. отцевъ Церкви, упоминаются въ библіотекѣ Никона: Гомеръ, Софоклъ, Гезіодъ, Демосѳенъ, Аристотель, Геродотъ, Ѳукидидъ и другіе древніе греческіе писатели, подъ общимъ именемъ философовъ. Здѣсь же встрѣчаются различныя физики, географіи, грамматики, логики, космографіи, лексиконы, реторики,ландкарты [2]. Самъ патріархъ сознавалъ важность своей библіотеки: съ сознаніемъ своей заслуги въ этомъ отношеніи, онъ говоритъ о ней въ грамотахъ своихъ къ константинопольскому патріарху Діонисію и газскому митрополиту Паисію [3]. Многія изъ книгъ подписаны имъ собственноручно [4].

Наставляя отечественное юношество въ училищахъ, и собирая въ пособіе наставникамъ ихъ «превосходныя книги» [5], Никонъ въ тоже время возстановилъ въ Церкви давно прекратившійся у насъ обычай общенародныхъ поученій посредствомъ живаго пастырскаго слова. Послѣ поученій митрополита Фотія не видимъ на сѣверѣ Россіи ни одного опыта живой проповѣди въ храмахъ. Мало-по-малу образовалась даже увѣренность, что живая проповѣдь — проповѣдь ереси. Вмѣ-

---

[1] Времення. т. XV. матер. стр. 131—133. [2] Также 118—131.

[3] См. Рукоп. Воскр. мон.: «Возраженія Никона Стрѣшневу.

[4] Нынѣ большая часть книгъ собранной Никономъ библіотеки составляетъ украшеніе Московской патріаршей библіотеки. (Чт. моск. общ. ист. и др. росс. 1846 № 5). Обстоятельное описаніе греческихъ рукописей патріаршей московской библіотеки можно видѣть въ каталогѣ профессора Матеи, изд. Съ Лейпцигѣ 1805 г. подъ названіемъ: Accurata codicum praecorum № 55 Bibliotecarum Mosquensium Sanctiss. Synodi notitia et recensio. Также—въ согласіи Грека Аѳанасія Скіады подъ заглавіемъ: Catalogi duo codicum № 55 graecorum in Bibliotheca synodali Mosquensi, изд. въ Москвѣ на лат. и русск. языкахъ 1723 г.— Есть нѣсколько книгъ и въ частныхъ библіотекахъ любителей нашего древняго просвѣщенія. См. сл. пис. дух. чина, подъ именемъ: Никонъ патріархъ.

[5] Слова Паисія Лигарида, газскаго митр., въ собр. госуд. гр. и догов. т. IV. № 28.

сто живой устной проповѣди считали достаточнымъ читать уставныя чтенія изъ древнихъ учителей Церкви.

Никонъ сознавъ потребность въ живой, устной проповѣди, основанной на словѣ Божіемъ и писаніяхъ отеческихъ, и какъ собственнымъ примѣромъ, такъ и своими предписаніями положилъ начало ея возстановленію послѣ вѣковаго молчанія ея на нашихъ церковныхъ каѳедрахъ. Замолкшая въ XVI вѣкѣ, она теперь снова начала подавать свой голосъ. Никонъ, по своему времени, зналъ слово Божіе совершеннѣйшимъ образомъ. Онъ съ юныхъ лѣтъ вдохнулъ въ себя животворную силу небесной истины, и всегда старался сохранять и возгрѣвать въ себѣ божественные дары ея. Чтеніе св. Писанія и отцевъ Церкви было любимѣйшимъ его занятіемъ. Итакъ, одаренный отъ природы силою и увлекательностію слова, напитанный чтеніемъ св. Писанія и св. отцевъ, Никонъ не опускалъ ни одной божественной службы во храмѣ безъ живаго назидательнаго собесѣдованія съ народомъ. Слово его было огнемъ, пожигающимъ упорныхъ грѣшниковъ, и возгрѣвающимъ чувство умиленія и даръ слезъ въ сердцахъ, отверстыхъ для слышанія слова благодати. Бесѣда его была проста, естественна, для всѣхъ удобопріемлема, задушевна. Голосъ его былъ звученъ и пріятенъ [1]. Многочисленныя толпы народа стекались со всѣхъ сторонъ слушать живую устную и сладостную для христіанской души, воодушевленную бесѣду своего архипастыря. Нерѣдко слезы умиленія текли изъ очей слушателей; со взорами, исполненными слезъ, вѣщалъ имъ правду Божію и умиленный архипастырь.

Но храмъ Божій былъ для Никона не единственнымъ мѣстомъ, и время общественнаго богослуженія — не единственнымъ временемъ проповѣданія слова Божія. Во всѣхъ случаяхъ жизни Никонъ обращался къ св. Писанію, и въ немъ

---

[1] «Бѣ бо зѣло отъ Божественнаго писанія сказателенъ, и богодухновенною бесѣдою украшенъ, и гласъ его благопріятенъ и слушающимъ увеселителенъ, и не покоряющимся Богу и св. Церкви страшенъ, и кратко рещи, яко въ та времена не точію ему въ томъ равнаго архіерея не было, но и подобнаго не обрѣталося» Шушеринъ.

искалъ изреченій, сообразныхъ съ тѣмъ или другимъ случаемъ. Приходилъ ли онъ въ темницу: онъ утѣшалъ узниковъ словомъ Божіимъ. Встрѣчалъ ли на пути нищаго: подавъ милостыню, подавалъ и наставленіе изъ слова Божія. Усматривалъ ли какой нибудь порокъ: немедленно обличалъ его словомъ Божіимъ. Подавалъ ли кому совѣтъ въ уединеніи своей храмины, или въ обществѣ другихъ людей: слово Божіе непремѣнно сопутствовало его слову. Нерѣдко уста Никона, какбы по невольному побужденію, произносили изреченія слова Божія и въ обыкновенныхъ частныхъ разговорахъ. Такъ была настроена душа Никона! Такъ она преизбыточествовала вѣдѣніемъ слова Божія и любовью къ нему! Тѣмъ отраднѣе было для паствы видѣть у себя такого архипастыря, что подчиненный ему клиръ не обладалъ духовнымъ просвѣщеніемъ. Поучая въ храмѣ народъ, Никонъ поучалъ въ то же время и клиръ; поучалъ онъ своихъ сослужителей и въ частныхъ бесѣдахъ съ ними. Сотрудникомъ ему въ этомъ великомъ пастырскомъ трудѣ былъ ученѣйшій въ свое время Епифаній Славеницкій. Время не много сохранило памятниковъ проповѣдническихъ трудовъ этого ученѣйшаго мужа [1]. Можетъ быть, онъ и дѣйствительно проповѣдывалъ весьма рѣдко, боясь возстать рѣшительно противъ утвердившагося издавна обычая слышать въ церкви только отеческія творенія: тѣмъ не менѣе ему и мудрому его покровителю принадлежитъ честь первыхъ проповѣдниковъ въ XVII вѣкѣ, ослабившихъ господствовавшее до нихъ предубѣжденіе противъ живой проповѣди, и положившихъ начало возстановленію впослѣдствіи во всей силѣ и славѣ устной проповѣди [2].

---

[1] См. въ каталогѣ Медвѣдева (чт. москов. общ. ист. и древн. росс. 1846 г. № 2) и въ Сл. пчс. дух. чина въ статьѣ объ Епифаніѣ Славеницкомъ. Въ библіотекѣ С. Петербургской духовной академіи между рукописями есть надгробное слово его митрополиту сарскому Павлу и слово на Рождество Христово.

[2] Есть извѣстіе, будто въ патріаршество Никона муромскій протоіерей Логинъ началъ проповѣдывать въ церкви изустно на память свои поученія, и уговорилъ къ тому же другихъ муромскихъ священниковъ. Но Никонъ вызвалъ всѣхъ этихъ новыхъ проповѣдниковъ въ Москву, лишилъ ихъ свящ. сана и сослалъ въ

Время не сохранило до насъ церковныхъ поученій Никона. Можетъ быть онъ и совсѣмъ не писалъ ихъ, а произносилъ только устно. Осталось однакожь нѣсколько другихъ его сочиненій, которыя служатъ для потомства памятникомъ глубокаго и свѣтлаго его ума, обширной начитанности, основательнаго знанія слова Божія, писаній отеческихъ и правилъ церковныхъ, пастырской ревности о вразумленіи заблуждающихъ, любви къ просвѣщенію, и — особенно къ исторіи отечества. Одни изъ нихъ признаются принадлежащими Никону; въ подлинности другихъ болѣе или менѣе сомнѣваются. Изъ первыхъ особенною извѣстностію пользуются:

1) Поученіе или окружная грамата патріарха Никона къ духовнымъ и мірскимъ всякаго состоянія людямъ о принятіи мѣръ предосторожности противъ моровой язвы [98]. Послѣ пастырскаго привѣтствія, въ которомъ первосвятитель желаетъ благодати, мира и милости отъ Вседержителя Бога Отца, единороднаго Сына Его, Господа нашего Іисуса Христа, и Утѣшителя Св. Духа, и преподаетъ свое благословеніе и молитву «всѣмъ повсюду и коемуждо особно пребывающимъ, священнымъ и честнымъ архіереомъ, архимандритомъ, игуменомъ и всему священному причту и всѣмъ благороднымъ боляромъ и прочимъ всѣмъ всякаго чина возраста, мужеска полу и женска, православнымъ христіаномъ, возлюбленнымъ во Св. Дусѣ чадомъ», — онъ объявляетъ своей паствѣ, что «во многихъ

Сибирь. Между тѣмъ подтвердилъ читать въ церкви народу только поученія св. отцевъ Церкви. См. Сл. пис. дух. чина въ статьѣ: Логгинъ протопопъ муромскій.—Если такое извѣстіе и совершенно вѣрно; во всякомъ случаѣ Никонъ руководился въ этомъ судѣ не предубѣжденіемъ противъ извѣстныхъ живыхъ поученій, но пастырскимъ благоразумiемъ, предохраняя неопытныхъ и неискусныхъ проповѣдниковъ отъ заблужденія, иногда и ненамѣреннаго. Притомъ народъ русскій, не слыхавшій съ незапамятныхъ временъ такихъ поученій, какъ говоритъ одинъ изъ отечественныхъ архипастырей, началъ соблазняться проповѣдями Логгина и его товарищей (Сл. пис. дух. чина). По вѣроятіе: Никонъ наказалъ Логгина не за проповѣди, а за расколъ. По крайней мѣрѣ протопопъ Аввакумъ признаетъ Логгина за одного изъ своихъ сподвижниковъ въ дѣлѣ расколоучительства. См. письма Аввакума между рукописями дѣйств. чл. общ. археолог. и археогр. Н. И. Надеждина и Висяревскаго.

[98] Древн. росс. вивліоѳ. ч. VI стр. 162—182. Собр. законов. т. 1. № 188.

городахъ моровое повѣтріе есть, а отчего, то единъ Богъ святый вѣсть, и никому о семъ знати не належитъ, развѣ еже глаголати, яко не бываетъ злоба, спрѣчь скорбь, ни во градѣ, ни въ селѣ, аще не Господь попуститъ». Показавъ такимъ образомъ истинную причину народныхъ бѣдствій, пастырь умоляетъ своихъ пасомыхъ искать въ милости Божіей спасенія отъ постигшаго ихъ бѣдствія, раскаяться во грѣхахъ и творить плоды, достойные покаянія: «молимъ васъ», пишетъ онъ, «о своихъ мимошедшихъ и настоящихъ прегрѣшеніяхъ каятися, и грѣхи своя святымъ чистымъ исповѣданіемъ очистити, и молитвою и постомъ со слезами праведный гнѣвъ Божій уставити». Но, чтобы быть всегда готовыми христіански встрѣтить угрожающую смерть, пастырь убѣждаетъ бѣдствующую свою паству не ожидать безпечно наступленія самаго смертнаго часа, но заранѣе напутствовать себя въ загробную жизнь исповѣдію и причащеніемъ св. Христовыхъ таинъ. «Аще ли кто», продолжаетъ пастырь, «нерадѣнія ради о сихъ облѣнится, да вѣсть таковый, яко чистъ есмь азъ отъ всякаго пореченія, сказавъ вамъ волю Господню, о вашемъ здравіи и спасеніи пекійся». Между тѣмъ въ Москвѣ явились лжеучители, которые, основываясь на томъ, что отъ воли Божіей никуда не уйдешь, говорили, что не надобно брать никакихъ мѣръ предосторожности противъ мороваго повѣтрія. Вмѣстѣ съ тѣмъ распространилась молва, будто Господь наказываетъ отечество за исправленіе Никономъ богослужебныхъ книгъ, и будто бы открыто было нѣкоторымъ людямъ въ видѣніи, что для прекращенія гнѣва Божія необходимо навсегда прекратить печатаніе новоисправленныхъ книгъ. Такая молва подвергла нареканію и самаго патріарха, о которомъ стали, кромѣ того, говорить, что онъ оставилъ свою паству, не желая раздѣлять съ нею страшную опасность. Съ пастырскою ревностью и вмѣстѣ кротостію обличаетъ Никонъ это вредное направленіе умовъ, и примѣромъ и наставленіями Спасителя, Апостоловъ и св. отцевъ, спасавшихся нѣкогда бѣгствомъ отъ опасностей, и преподававшихъ совѣты — не подвергать себя безъ нужды

явному бѣдствію, доказываетъ, что «опасство отъ мороваго повѣтрія съ помощію Божіею имѣти добро есть и благопріятно», и напротивъ «не лѣть есть каждому себе самаго въ напасти пометати», подобно тому, говоритъ Никонъ, какъ нельзя признать невиноватыми тѣхъ, которые «въ пучину себе самихъ ввергаютъ ради потопленія, или поднимаютъ оружіе противъ себя самихъ». Вотъ, говоритъ святитель, многіе, какъ только постигла Москву язва, перешли, подобно Лоту, въ другія мѣста, еще не зараженныя, и «милосердіемъ Божіимъ нынѣ здравствуютъ, и о спасеніи своемъ отъ оныя язвы хвалу Богу своему воздаютъ». Но другіе, пренебрегая добрыми совѣтами, сами погибли, и другихъ погубили. Зараза поражала легковѣрныхъ, и отъ нихъ переходила на другихъ, «и яко молнія во всю Россію простреся», такъ что многіе изъ умиравшихъ христіанъ «за умаленіе священниковъ, ниже спутника добраго нашего — пречистаго тѣла и крове Христовы сподобишася». Переходя потомъ къ слухамъ о себѣ самомъ, Никонъ прощаетъ своимъ злословителямъ и клеветникамъ; замѣчаетъ, что онъ выѣхалъ изъ Москвы не по своей единственно волѣ, но по указу Государя Царя, и предостерегаетъ паству впредь не умножать своихъ грѣховъ восхищеніемъ себѣ права судить другихъ, принадлежащаго одному Богу и поставленнымъ отъ Него властямъ. Потомъ убѣждаетъ не вѣрить лживымъ сповидцамъ, противъ которыхъ такъ часто говорили еще Пророки, Апостолы и самъ Христосъ Спаситель. Они, говоритъ пастырь, «не вѣдуще Божія о нихъ промысла, и не воспоминающе своихъ согрѣшеній, грѣхи ко грѣхомъ прилагаютъ, глаголюще, яко сего ради человѣка, или онаго, таковая язва бысть въ мірѣ, и сіе глаголютъ туне; еже бо кто согрѣшаетъ, за сіе самъ и судъ воспріиметъ, а не иніи за него». Наконецъ онъ опять умоляетъ, прекратить разные пересуды о другихъ, какъ будто виновникахъ народнаго бѣдствія, совѣтуетъ каждому заботиться о своей безопасности и готовности встрѣтить смерть, каяться во грѣхахъ и просить у Господа помилованія. Въ заключеніе самъ, въ примѣръ паствѣ, обращается къ Богу съ

умилительною молитвою, въ которой исповѣдуетъ грѣхи свои и паствы своей, и трогательно, въ духѣ покаянной молитвы Манассіиной, молитъ милосердіе Господа утолить праведный свой гнѣвъ, подвигнутый на отечество наше. «Вы же и сами», обращается онъ затѣмъ къ паствѣ своей, «подражайте Учителя; стяжите душъ вашихъ покаяніемъ, слезами, милостынею, любовію, правдою, смиреніемъ, да безбѣдно же и благополучно настоящаго житія время преводимъ и въ будущемъ вѣчныя радости сподобитися не лишимся».

2) Посланіе или окружная грамата ко всѣмъ православнымъ христіанамъ о созиданіи Онежскаго крестнаго монастыря. Въ ней патріархъ излагаетъ причины, расположившія его къ сооруженію крестнаго монастыря и особенно распространяется о милостынѣ въ пользу церквей и монастырей [1].

3) Рай мысленный [2]. Одна часть этой книги составлена Стефаномъ Святогорцемъ, который собралъ въ ней «разные цвѣты о св. горѣ Аѳонской, о Иверскомъ монастырѣ на той же св. горѣ и о портаиской иконѣ». Вторая написана Никономъ по подражанію первой. Въ ней содержится повѣствованіе «о монастырѣ Иверскомъ Святозерскомъ (Валдайскомъ), и о явленіи и перенесеніи мощей св. Іакова Боровицкаго въ монастырь Иверскій» [3].

4) Рѣчь къ собору 1654 года объ исправленіи богослужебныхъ книгъ [4].

5) «Никона, патріарха московскаго, вопрошеніе, кіими персты знаменати лице, къ патріархамъ — антіохійскому, сербскому и митрополиту никійскому» [5].

6) Переписка Никона съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Особенно замѣчательны письма Никона во время путе-

---

[1] Напеч. тогда же въ Москвѣ in 4°, потомъ—въ IV ч. ист. Росс. іерарх. [2] Напеч. въ 1659 году въ типографіи Иверскаго монастыря. См. каталогъ Медвѣдева № 176. [3] Ср. письмо патр. Никона къ царю Алекс. Мих. въ дополн. статьѣ къ жизнеопис. Никона, состав. А. Апол. № VIII. [4] Въ предисл. къ служебн. 1655 г. См. обозр. Славянорусской библіогр. выпускъ 4, стр. 181. [5] Катал. Медвѣд. № 155. (Чтен. Моск. общ. ист. и др. росс. 1846, № 2).

шествія его въ Соловецкій монастырь за мощами св. Филиппа митрополита [1].

7) Возраженіе на 27 вопросовъ, предложенныхъ бояриномъ Симеономъ Лукьяновичемъ Стрѣшневымъ газскому митрополиту Паисію Лигариду «о разореніи патріаршескихъ дѣлъ», и на отвѣты ему Паисіевы [2]. Стрѣшневъ предлагалъ

---

[1] Многія изъ нихъ напечатаны въ дополнительныхъ статьяхъ къ жизнеопис. Никона, составл. архим. Апол.; другія—между письмами царя Алексѣя Михайловича; нѣкоторыя—въ Собр. гос. грам. и догов. т. III. №№ 149—154.

[2] Заглавіе этой рукописи по Воскресенскому списку такое: «Возраженіе и разореніе смиреннаго Никона, Божіею милостію, патріарха, противъ вопросовъ боярина Симеона Стрѣшнева, еже написа газскому митрополиту Паисію Лихаридіусу, и на отвѣты Паисіевы.» Вотъ самые вопросы: 1) можно ли архіерея, при переходѣ его на высшую епархію, митрополію или патріаршество, рукополагать снова, какъ былъ рукоположенъ Никонъ при переходѣ съ новгородской митрополіи на патріаршество?—2) Хорошо ли Никонъ сдѣлалъ, когда запретилъ исповѣдывать и пріобщать разбойниковъ?—3) Прилично ли архіерею во время священнодѣйствія украшаться богатыми одеждами?—4) Имѣлъ ли право Никонъ, по удаленіи въ Воскресенскій монастырь, рукополагать священниковъ, діаконовъ и пр.?—5) Достаточно ли для низложенія патріарха одного устнаго отреченія его отъ престола, или надобно, чтобы онъ далъ это отреченіе на письмѣ?—6) Виноваты ли архіереи, которые не остановили Никона отъ удаленія въ Воскресенскій монастырь?—7) Законно ли составился соборъ изъ русскихъ архипастырей для суда надъ Никономъ по удаленіи его въ Воскрес. монастырь?—8) Могъ ли составить такой соборъ самъ государь, или надобно было испросить позволеніе у патріарховъ?—9) Какъ думать о томъ, что Никонъ называлъ этотъ соборъ сонмищемъ?—10) Можно ли русскимъ епископамъ судить русскаго патріарха?—11) Справедливо ли Никонъ поступилъ, когда называлъ архіереевъ, особенно имъ посвященныхъ, не бритіею, а сынами?—12) Согрѣшилъ ли Никонъ, принявъ на себя титулъ великаго государя?—13) Прилично ли Никону называть новопостроенную имъ Воскресенскую обитель новымъ Іерусалимомъ?—14) Дѣйствительно ли цареградскій патріархъ Германъ называетъ жертвенникъ Виелеемомъ, а престолъ — живоприемнымъ гробомъ?—15) Справедливо ли поступилъ Никонъ, упразднивъ коломенскую епископію?—16) Прилично ли архіереямъ заниматься застройкою и заселеніемъ пустопорожнихъ мѣстъ?—17) Могъ ли Никонъ, оставаясь въ Воскресенскомъ монастырѣ, называться патріархомъ московскимъ, или онъ долженъ бы называться теперь патріархомъ новоіерусалимскимъ?—18) Имѣлъ ли право Никонъ, оставивъ свой престолъ, удалиться въ Воскресенскій монастырь?—19) Можно ли признавать Никона патріархомъ московскимъ, когда онъ живетъ не въ Москвѣ, а въ Воскресенскомъ монастырѣ?—20) Согрѣшилъ ли государь, оставивъ надолго вдовствующею Церковь Божію?—21) Согрѣшили ли архіереи и бояре, которые долго не просили себѣ у царя патріарха?—22) Имѣетъ ли дѣйствительное значеніе проклятіе, которому многихъ подвергъ Никонъ?..—23) Прилично ли архіерею бить кого нибудь, посылать въ ссылку?..—24) Законно ли Никонъ могъ пользоваться данными ему

эти вопросы Паисію съ намѣреніемъ осудить дѣла Никона во время удаленія его въ Воскресенскій монастырь, и Паисій отвѣчалъ на нихъ согласно съ намѣреніемъ Стрѣшнева. Всякій отвѣтъ приводится къ одному заключенію: «Никонъ да извержется». Но Никонъ опровергъ, или, по его выраженію, «разорилъ», какъ вопросы Стрѣшнева, такъ и отвѣты на нихъ Паисія. Здѣсь-то, въ 26 и 27 возраженіяхъ, Никонъ особенно жестоко возстаетъ противъ монастырскаго приказа и уложенія царя Алексѣя Михайловича, установившаго этотъ приказъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ при Никонѣ. Книга эта очень обширна, и доказываетъ въ Никонѣ обширное и глубокое знаніе св. Писанія, церковной исторіи, правилъ соборныхъ и отеческихъ, и гражданскихъ законовъ, отечественныхъ и греческихъ. Но, къ сожалѣнію, она писана съ чрезмѣрнымъ ожесточеніемъ и раздраженіемъ на бояръ и на монастырскій приказъ. Впрочемъ историкъ Никона долженъ напередъ со всѣмъ безпристрастріемъ прочитать его возраженія: они доставляютъ обширный матеріалъ къ объясненію обстоятельствъ печальной участи этого великаго патріарха [1].

8) Грамата къ Паисію Лигариду, митрополиту газскому и —

9) Грамата къ константинопольскому патріарху Діонисію. — Содержаніе этихъ двухъ граматъ одно и тоже. Никонъ излагаетъ въ нихъ исторію своего возведенія на патріаршество, удаленія изъ Москвы въ Воскресенскій монастырь, и состояніе Церкви въ это бурное время. Впослѣдствіи сего бу-

---

отъ государя нѣкоторыми гражданскими преимуществами?—25) Справедливо ли государь дѣлалъ, когда одного Никона дарилъ вотчинами и денежными пожертвованіями?—26) О монастырскомъ приказѣ;—27) Какого наказанія заслуживаетъ Никонъ за то, что называетъ царя неправеднымъ и мучителемъ?

Эта рукопись съ пропусками напечатана Археографич. коммиссіею, подъ редакціею П. И. Савваитова.

[1] Бакмейстеръ во 2 прибавленіи къ составленному имъ жизнеописанію Никона, (Beyträge zur Lebensgeschichte des Patriarchen Nicon, Riga 1787), сдѣлалъ изъ этой книги очень краткую выписку для иностранцевъ. Полные ея списки находятся въ рукописяхъ библіотекъ: синодальной, новгор. софійской, академіи наукъ и Воскресенскаго монастыря.

демъ имѣть поводъ узнать содержаніе этихъ граматъ подробнѣе [1].

Изъ сочиненій Никона, въ подлинности которыхъ сомнѣваются, особенно извѣстна —

Лѣтопись русская, подъ именемъ Никоновой, или по Никонову списку [2]. Она представляетъ весьма полный сводъ многихъ русскихъ лѣтописей, степенныхъ книгъ и греческихъ хронографовъ, доведенный до 1630 года. Шлецеръ, въ предисловіи къ первой ея части, не говоритъ съ рѣшительностію, чтобы эта лѣтопись была составлена самимъ Никономъ. Основаніе своего сомнѣнія въ ея подлинности Шлецеръ находитъ въ томъ, что она въ первомъ и второмъ томѣ до стр. 532 почти слово въ слово сходна съ такъ называемымъ патріаршимъ спискомъ лѣтописи. Такъ и Бакмейстеръ [3] замѣчаетъ, что Никону, подписавшему свой подлинникъ въ 1661 году, некогда было успѣть въ три года пребыванія своего въ Воскресенскомъ монастырѣ составить лѣтопись. Сомнѣнія эти не важны. Патріаршій списокъ могъ быть составленъ самимъ Никономъ прежде, а этотъ полнѣйшій — послѣ. Самъ Шлецеръ по письму и слогу признаетъ обѣ эти лѣтописи писанными въ половинѣ XVII вѣка, значитъ — во времена Никона. Различіе между ними только то, что первый содержитъ почти одни выписки изъ древнихъ лѣтописей, а во второмъ древнія слова замѣняются новыми, и самыя извѣстія пополняются выписками изъ хронографовъ и другихъ источниковъ. Но сомнительно, чтобы изъ предшественниковъ Никона могъ кто нибудь составить такія лѣтописи. Равно нѣтъ нужды предполагать, какъ

---

[1] Всѣми этими тремя рукописями мы пользовались по списку съ сборника разныхъ бумагъ, относящихся къ патр. Никону, составленнаго въ 1710 г. въ Воскресенскомъ монастырѣ по приказанію настоятеля его, архим. Лаврентія. — Этотъ-то сборникъ мы и разумѣемъ подъ именемъ рукописи Воскресенскаго монастыря.

[2] Она издана при с. петербургской академіи наукъ въ 8 частяхъ, in 4-°, слово въ слово съ подлинникомъ, который подписанъ самимъ Никономъ. Первая часть издана профессоромъ В. Л. Шлецеромъ и переводчикомъ Башиловымъ въ 1767 г., вторая въ 1768 г. Башиловымъ и переводчикомъ Полѣновымъ. Прочія напечатаны академіею въ продолженіи времени 1786—1792 г.

[3] Въ упомянутомъ выше (примѣч.) жизнеописаніи патріарха Никона.

предполагаетъ Бакмейстеръ, будто Никонъ имѣлъ только три года для составленія лѣтописи, и потому, на основаніи этой краткости времени, отвергать самую подлинность сочиненія. Никонъ могъ начать свою лѣтопись еще въ Новгородѣ, въ бытность свою тамъ митрополитомъ съ 1649 года. По крайней мѣрѣ, многія лѣтописи рукописныя, хранящіяся въ новгородской софійской библіотекѣ, и самая, такъ называемая, софійская лѣтопись, сходствомъ своимъ съ Никоновою доказываютъ, что они служили источникомъ для составителя Никоновой лѣтописи. Наконецъ, по языку и внутреннему направленію мыслей она совершенно сходна съ возраженіями Никона на вопросы Стрѣшнева Паисію Лигариду и отвѣты на нихъ Паисія, и, значитъ, принадлежитъ тому же лицу, которому принадлежатъ и эти возраженія. Въ томъ и другомъ сочиненіи видна одинаковая ясность и твердость мысли, живая сообразительность, глубокое уваженіе къ великимъ мужамъ, принесшимъ истинную пользу Церкви и отечеству, и жестокое презрѣніе къ людямъ, которые для собственныхъ выгодъ злоупотребляютъ своими правами и обязанностями. Отдавая свою лѣтопись въ Воскресенскій монастырь, Никонъ сдѣлалъ собственноручно скрѣпу по ея листамъ и надписалъ: «лѣта 7169 (1660—1661) сію книгу положилъ въ домъ святаго живоноснаго воскресенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христова, новаго Іерусалима, смиренный Никонъ, Божіею милостію патріархъ. А кто восхощетъ ю усвоити, якоже Ахаръ, сынъ Харміевъ, или утаить, якоже Ананія и Сапфира; да отыметъ отъ него Господь Богъ святую свою милость, и да затворитъ двери святыхъ щедротъ своихъ, и да пріидетъ на него неблагословеніе, и клятва, и казнь Божія душевная и тѣлесная въ нынѣшнемъ вѣцѣ, и въ будущемъ вѣчная мука. А кто сіе писаніе какимъ злымъ умышленіемъ испишетъ отъ книги сея; да испишетъ его имя Господь Богъ отъ книги животныя» [1]. — Очевидно, Никонъ дорожилъ этою книгою,

[1] Журн. мин. нар. пр. ч. LXIV. отд. II. стр. 35.

какъ богатымъ сокровищемъ, и какъ трудомъ рукъ своихъ и плодомъ своего ума и сердца [1].

Такъ дѣйствовалъ Никонъ на пользу духовному просвѣщенію въ нашемъ отечествѣ! Но просвѣщенный взоръ его не могъ не видѣть и тѣхъ безпорядковъ, которые вкрались тогда въ богослуженіе и управленіе нашей Церкви. И Никонъ дѣятельно возстановлялъ упавшее благолѣпіе общественнаго богослуженія и благочиніе церковнаго управленія.

2) Пастырскіе труды патріарха Никона для благоустройства общественнаго богослуженія.

Въ отечественной нашей Церкви господствовалъ тогда странный обычай, укоренившійся годами—читать и пѣть при общественномъ богослуженіи для скорости въ два и три голоса въ одно и тоже время. Всенощное и вечернее богослуженіе раздѣляли на нѣсколько частей, и отправляли всѣ части вдругъ. Ектеніи и возгласы совершенно сливались съ пѣніемъ клира [2]. Одинъ чтецъ, по свидѣтельству очевидца, начиналъ полунощницу съ каѳизмою; другой въ тоже самое время читалъ символъ вѣры, тропари и такъ далѣе, до конца полунощницы. Одинъ дочитывалъ шестопсалміе, другой вмѣстѣ съ нимъ уже оканчивалъ каѳизмы; третій пѣлъ славу. И всѣ они старались превзойти другъ друга поспѣшностію; такъ что не было никакой возможности ни слушать, ни понимать то, что читали [3].

---

[1] Никону приписываютъ также: канонъ молебенъ о соединеніи вѣры православныя, и молебное пѣніе о умиреніи Церкви святыя восточныя, слово къ читателямъ о крестномъ изображеніи, и брашно духовное, сирѣчь псалмы, молитвы, каноны и пр., собранные отъ многихъ св. книгъ, зѣло нужныя и душеспасительныя. См. начерт. жизни патр. Никона, составл. архим. Аполл. стр. 43. Сл. пис. дух. чина, въ статьѣ о Никонѣ патріархѣ.

[2] Акты Археогр. экспед. т. IV. № 327. Опис. Сол. обители т. III. стр. 225.

[3] Др. виріоѳ., жит. Ѳеод. Ртищева ч. 18. стр. 402. Одинъ иностранецъ, бывшій въ Россіи въ первые годы царствованія Алексѣя Михайловича, говоритъ, между прочимъ, такъ о нашемъ богослуженіи того времени: «тотъ священникъ

Въ церквахъ равнодушно было терпимо пѣніе нестройное, дикое, лишенное всякаго благообразія, производившееся притомъ въ одно и тоже время на разные напѣвы и съ такимъ же безпорядкомъ, какъ и чтеніе [1]. Отъ разности нотныхъ знаковъ, которыхъ рабски держались, и отъ большаго или меньшаго умѣнья пѣть произошли и разности въ напѣвахъ [2]. То растягивали слова до крайности, продолжительною остановкою голоса на каждой буквѣ, то перемѣняли ударенія въ словахъ, отчего вмѣсто благочинія нерѣдко происходилъ въ церкви соблазнъ [3]. Преподобный Діонисій, архимандритъ Троицкаго Сергіева монастыря, говорилъ знаменитому въ свое время уставщику Логгину: «ты мастеръ всему, а что поешь и говоришь, того въ себѣ не разсудиши, како прямѣе надо въ пѣніи, или въ говореніи разумѣти, чѣмъ ты и въ церкви Божіей братію смущаешь и въ смѣхъ вводишь. Въ чтеніи и моленіи глаголеши: Аврааму и сѣменѝ, и вездѣ писана оксія надъ ятемъ: и сѣ́мени; а ты—какъ самъ выговариваешь, такъ и поешь и вопишь великимъ гласомъ: Аврааму и сѣменѝ его до̀ вѣка, и свѣтлую статью кричишь надъ нашъ» [4]. Но въ такомъ жал-

---

считается самымъ лучшимъ, который можетъ сказать больше молитвъ, не переводя духа. Пять или шесть человѣкъ читаютъ громко, въ одно и то же время, одинъ посланіе, другой псаломъ, третій молитву и т. д. См. чт. моск. общ. ист. и др. росс. 1846. № 1. Смѣсь, стр. 3. [1] См. истор. разсужд. о др. хр. богослуж. пѣніи и особенно о пѣніи русс. II. стр. 80. [2] Изъ множества разныхъ пѣвческихъ распѣвовъ и напѣвовъ того времени можно указать слѣд.: Апекаловскій, Болгарскій, Греческій, Герасимовскій, Демественный, Знаменный или столповой, Кирилловскій, Казанскій, Кіевскій, Леонтіевъ, Лукошковъ, монастырскій, Никодимовъ, Новгородскій, патріаршихъ дьяковъ, путевый, путь прибыльный, Радиловъ, Смоленскій, Соловецкій, Софійскій, Тихвинскій, Усольскій христіанниновъ, Цамблинъ, Черниговскій и пр. Также распѣвы нѣкоторыхъ стиховъ, напр. Аллилуіа — Антіохійская красная, скокъ, недоскокъ, перескокъ и пр. Святый Боже, именуемый Волынка, задостойники, такъ называемые цари стихи и пр.

[3] «Въ знаменныя книги вкралось безчисленное множество ошибокъ,» писалъ одинъ современникъ; «рѣдко такой стихъ обрящется, который былъ бы неиспорченъ въ рѣчахъ во всякомъ знаменномъ пѣніи. Индѣ рѣчи неподлѣдующія разуму приложены, а во иныхъ мѣстахъ нужнѣйшія глаголанія разуму отъяты, священныя рѣчи до конца развращены, и не точію развращены, но и словенскаго нашего языка чужи, несвойственны и сопротивны». Сказ. инока Евфросина о различныхъ ересѣхъ и хуленіихъ въ знаменн. кн., 1651 г.

[4] Жит. архим. Діон. Москва 1824, стр. 69.

комъ состояніи оставалось наше церковное чтеніе и пѣніе только до того времени, когда Никонъ, ревнитель благочинія церковнаго, родившійся съ дарованіемъ къ великимъ и славнымъ предпріятіямъ, и въ недолгое время пастырства своего возстановившій такъ много порядковъ въ русской Церкви [1], явился на новгородской архипастырской каѳедрѣ. Сердце его возмущалось церковными безпорядками, и онъ вооружился противъ нихъ и словомъ и дѣломъ. Немедленно, по вступленіи на митрополію, онъ предписалъ—въ церквахъ ввѣренныхъ его управленію, пѣть и читать въ одинъ только голосъ, безъ поспѣшности, съ надлежащимъ благоговѣніемъ, чтобы богослуженіе имѣло важность и величіе, свойственныя его духу. Для большаго успѣха въ столь важномъ дѣлѣ, онъ выписалъ изъ Кіева знатоковъ греческаго и кіевскаго напѣвовъ, равно какъ и партеснаго пѣнія, и поручилъ имъ обучать своихъ пѣвчихъ [2]. При содѣйствіи этихъ учителей, онъ ввелъ у себя пріятное и согласное пѣніе [3]. Шушеринъ говоритъ, что «пресвященный митрополитъ Никонъ первѣе повелѣ въ соборной церкви греческое и кіевское пѣніе пѣти, и превеліе имѣ прилежаніе до пѣнія, и на славу прибравъ клиросы предивными пѣвчими и гласы преизбранными, пѣніе одушевленное паче органа бездушнаго. И таковаго пѣнія, якоже у митрополита Никона, ни у кого не было» [4]. Но такое ощутительное превосходство церковнаго пѣнія, введеннаго Никономъ предъ всякимъ другимъ того времени, и отличный порядокъ при богослуженіи, установившійся вслѣдъ за уничтоженіемъ обычая читать въ одно и то же время въ нѣсколько голосовъ, встрѣтили въ современникахъ его, вмѣсто признательности и уваженія, негодованіе и явный ропотъ. Самъ патріархъ Іосифъ смотрѣлъ на все это, какъ на неумѣстное нововведеніе, и выражалъ неудовольствіе на Никона въ слухъ своихъ приверженцевъ. Не смотря однакожъ на неудовольствіе патріарха, и на

---

[1] Истор. разсужд. о древн. хр. богослуж. пѣніи, стр. 78. [2] Соч. Александра Мезенца, извѣстное подъ именемъ нотной грамматики. [3] Жезлъ правл. ч. 1. л. 93 наобор. [4] Шушеринъ, стр. 24.

безразсудный ропотъ современниковъ, считавшихъ искорененіе безпорядковъ церковныхъ нарушеніемъ законнаго исполненія, и восхищавшихся нестройнымъ чтеніемъ и пѣніемъ [1], Никонъ не прекращалъ своихъ полезныхъ трудовъ. Напротивъ, онъ болѣе и болѣе воспламенялся ревностію къ продолженію ихъ, одушевляемый особеннымъ благоволеніемъ царя. Каждый разъ, когда только Никонъ пріѣзжалъ изъ Новгорода въ Москву, царь приглашалъ его для священнослуженія ко двору. Никонъ служилъ въ придворной церкви съ новыми своими пѣвчими и по новому порядку чтенія, въ присутствіи самаго государя, который съ удовольствіемъ слушалъ стройное пѣніе и одобрялъ благочиніе въ отправленіи богослуженія, установленное Никономъ. Никонъ умѣлъ воспользоваться этимъ удовольствіемъ и одобреніемъ царя для своей цѣли. Онъ предложилъ ему совѣтъ, установить подобное чтеніе и пѣніе во всей Россіи [2]. Внявъ совѣту Никона, царь въ 1651 году составилъ въ своемъ дворцѣ соборъ; и здѣсь распространено было на всю Россію сдѣланное Никономъ улучшеніе въ церковномъ чтеніи и пѣніи. Соборъ постановилъ: «по преданію св. Апостолъ и св. и богоносныхъ отецъ и по уставу, пѣти во св. Божіихъ церквахъ чинно и безмятежно, на Москвѣ и по всѣмъ градамъ, единогласно, на вечерняхъ и на павечерницахъ, и на полунощницахъ и на заутреняхъ, псалмы и псалтирь говорить во одинъ голосъ тихо и неспѣшно, со всякимъ вниманіемъ... безъ всякаго зазора церковнаго» [3]. Свитокъ соборнаго

---

[1] Др. вивліоѳ. ч. 18. житіе Ѳеод. Ртищева, стр. 403.

[2] Шушер. стр. 24. Онъ именно говоритъ, что царь дѣйствовалъ по мысли Никона: «емуже въ семъ богопачинаемомъ дѣлѣ великій помощникъ и поборникъ бысть пр. митрополитъ Никонъ.» И нельзя не согласиться съ свидѣтельствомъ Шушерина, если припомнимъ, что въ недоумѣнныхъ случаяхъ касат. церковнаго устройства Алекс. Мих. любилъ обращаться за совѣтомъ къ Никону, и бралъ его за образецъ. Такъ напр. онъ писалъ къ нему по смерти патр. Іосифа: «буди тебѣ великому святителю вѣдомо: многолѣтны у насъ поютъ вмѣсто патріарха: спаси Господи вселенскихъ патріарховъ и митрополитовъ и архіепископовъ нашихъ и вся христіане, Господи спаси. И ты отпиши къ намъ, вел. свят., такъ ли надобѣ пѣть, или нѣтъ, и какъ у тебя святителя поютъ, и то отпиши къ намъ.» Акт. Археогр. эксп. т. 4 № 57. [3] Грам. Алекс. Мих. въ Кострому игум. Богоявл. мон. Ге-

уложенія положено было, для общаго свѣдѣнія, прочитать во всѣхъ церквахъ съ амвона [1]. Въ Москвѣ, по благочестивой ревности царя, вскорѣ послѣ того образовался даже пѣвческій хоръ. По совѣту Никона, царь вызвалъ изъ Кіева знатоковъ пѣнія, и поручилъ имъ обучать московскихъ дьяковъ [2].

Такъ много еще въ санѣ митрополита новгородскаго сдѣлалъ Никонъ въ пользу прекращенія безпорядочнаго чтенія въ церквахъ, и для возстановленія стройнаго пѣнія! По вступленіи на патріаршій престолъ, онъ съ большею ревностію продолжалъ довершать эти полезные труды свои для благочинія церковнаго богослуженія. По дѣлу и праву всероссійскаго патріарха, онъ, не смотря на мятежный ропотъ современниковъ [3], старался распространить и утвердить во всѣхъ россійскихъ церквахъ установленный имъ порядокъ чтенія и пѣнія. Для этой цѣли внушалъ епархіальнымъ архіереямъ ту же заботу, какою была объята его душа, чтобы они содѣйствовали его попеченіямъ, и убѣждалъ ихъ на этотъ трудъ именемъ преданія восточной Церкви [4]. И отечественные пастыри, послушные первосвятителю, были вѣрными сотрудниками его въ св. дѣлѣ. Они строго преслѣдовали непослушаніе и упрямство, поддержавшее въ церквахъ нестройное пѣніе и чтеніе, безпрестанно разсылали по своимъ епархіямъ грамоты о единогласномъ чтеніи и стройномъ пѣніи въ церквахъ [5]. Кромѣ того учреждали строгій надзоръ за исполненіемъ сво-

---

расину и попу Георгію, 1851 г. ноябрь. Также Русскій Временн. М. 1790 ч. II. стр. 322—323.

[1] Тамъ-же. [2] Чт. моск. общ. ист. и др. росс. 1816. № 3. Изслѣд. о русск. церк. пѣснопѣніи, Сахарова, въ журн. мин. нар. пр. 1849 г., февр. стр. 190—191. [3] Акты Археогр. экспед. т. I. № 335. [4] Др. вивліоѳ. ч. 3. № 6, стр. 303. [5] Такъ Іона, митр. ростовскій, избранный на митрополію патр. Никономъ (дв. разр. т. III. стр. 325), дѣйствуя въ его духѣ, въ окружномъ посланіи внушалъ всей своей паствѣ, чтобы «въ монастыряхъ и приходскихъ церквахъ пѣли единогласно и не бор[illegible], со всякимъ благоговѣніемъ (Акт. истор. т. IV. № 62).» Не ограни[illegible]ись однимъ окружнымъ посланіемъ, онъ въ 1657 году отправилъ въ Кириловъ Бѣлозерскій монастырь архимандриту Митрофану съ братіею грамоту о строжайшемъ наблюденіи церковнаго благочинія.» Въ прошлыхъ годѣхъ,» писалъ онъ, «посланы наши граматы нашея Рос-

ихъ предписаній [1], угрожали ослушникамъ большими штрафами и жестокимъ наказаніемъ безъ всякой пощады [2]. Между тѣмъ самъ Никонъ принималъ мѣры, чтобы улучшить богослужебное пѣніе въ церквахъ московскихъ. Съ соизволенія государя, онъ выписывалъ знатоковъ греческаго напѣва изъ самой Греціи, и вызывалъ лучшихъ знатоковъ кіевскаго напѣва и партеснаго пѣнія изъ Кіева и Новгорода. Въ ноябрѣ 1656 года пріѣхалъ въ Москву съ одобрительною граматою отъ цареградскаго патріарха іеродіаконъ Мелетій для обу-

---

товскія митрополіи въ городъ къ протопопомъ, попомъ, и діакономъ, а въ уѣздѣ, по селамъ памяти, не по одно время, чтобы они попы и дьяконы пѣли и говорили въ церквахъ Божіихъ единогласно. И какъ къ вамъ сія наша грамата придетъ, и ты бъ, сыну, велѣлъ на Бѣлѣозерѣ, на посадѣ, и въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, попомъ и дьякономъ пѣть и говорить единогласно. А на Бѣлоозеро на посадъ и въ Пошехоны и въ Бѣлозерскій уѣздъ въ села по станомъ къ попомъ и дьякономъ разослалъ бы ты, сыну, съ сея нашея граматы памяти, чтобы о томъ всѣмъ имъ попомъ и дьякономъ было вѣдомо Акт. Археогр. экси. т. 4. № 335.— Такъ, по указу новгородскаго митр. Макарія, поповскій староста—Шенкурскаго острога архангельскій соборный попъ Лаврентій Ѳедоровъ писалъ десятскому попу Ѳеодору Прокофьеву: «какъ къ тебѣ ся память придетъ, пѣли бъ и говорили бъ въ церкви Божіей единогласно, а не во многіе гласы.» См. тамъ же, № 334.

[1] «Велѣлъ бы ты сыну,» писалъ митр. Іона архим. Митрофану, — «на Бѣлѣозерѣ на посадѣ и въ Пошехоньѣ и въ Бѣл скомъ уѣздѣ выбрать для дозору церковнаго пѣнія, дозирать почасту, чтобы однолично попы и дьяконы пѣли и говорили единогласно.» Акт. Археогр. экси. т. 4. № 335.— Маркеллъ, архіеп. вологодскій, въ 1658 г. писалъ на Бѣлоозеро соборному протопопу Авраамію: «да тебѣ бъ протопопу надзирать надъ попами своего заказу, на Бѣлѣозерѣ въ городѣ и на посадѣ и въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ въ церковномъ благочиніи, чтобы въ церкви Божіей всякое пѣніе пѣли и говорили единогласно». Тамъ же № 105.—Въ 1656 г. упомянутый поповскій староста писалъ тому же лицу: «тебѣ выбрать десятцкаго попа къ духовнымъ дѣламъ, и ты бъ, по указу великаго господина пр. Макарія, митрополита великаго Новагорода, сію память отдалъ ему и службы по сей памяти о церковномъ благочиніи и о единогласномъ пѣніи радѣть и исправлять.» Тамъ же. № 334.

[2] Такъ по указу митрополита новгородскаго Макарія поповскій староста писалъ десятскому попу Ѳедору Прокофьеву: «будешь ты и иные попы и церковные причетники о Церкви Божіей радѣти не учнете, и учнешь въ церкви Божіей говорити не единогласно во многіе гласы,... и тебѣ за то быти въ жестокомъ наказаньи и въ пени, безо всякой пощады». Тамъ же № 334. Митр. Іона писалъ архіепископу Митрофану: «которые попы и дьяконы нашего указу не послушаютъ, учнутъ пѣть и говорить не единогласно... и мы на тѣхъ попѣхъ и на дьяконахъ велимъ править пени большія и быть отъ насъ имъ въ великомъ смиреніи, безъ пощады.» Тамъ же, № 335.

ченія греческому пѣнію московскихъ дьяковъ и поддьяковъ. Въ томъ же году отправлено было посольство въ Кіевъ за однимъ изъ извѣстныхъ тамъ пѣвцовъ партеснаго пѣнія—Іосифомъ Зазвойскимъ, для управленія партеснымъ пѣніемъ въ Москвѣ [1]. Въ октябрѣ того же года Никонъ писалъ новгородскому воеводѣ Голицыну—сыскать тамъ и выслать въ Москву регента изъ бѣлорусцевъ, для обученія москвичей кіевскому и партесному пѣнію [2]. И заботы патріарха не остались безъ успѣха. Трудами его «пѣніе и знаніе», скажемъ словами одного изъ его современниковъ, «распростреся отъ великаго Новаграда во всѣ грады и монастыри великороссійскія епархіи, и во всѣ предѣлы ихъ» [3]. Пастыри послѣдующихъ временъ восхищались напѣвами, которые были улучшены и введены въ церкви неутомимымъ стараніемъ Никона: «кое есть погрѣшеніе,» говорилъ преемникъ его патріархъ Іоасафъ, обращаясь къ раскольникамъ,—«яко или гречески, или болгарски, или малороссійски поется въ церкви? Вскую, рцыте намъ противницы, не имамы любити ихъ сладкопѣнія? еже ово сердце въ сокрушеніе приводитъ, ово умъ отъ унынія на молитвѣ свобождаетъ, ово весело слышати церковнаго пѣнія увѣщаетъ. Воистину благая суть сія изводства, убо и само есть благо» [4].

Другимъ еще болѣе важнымъ недостаткомъ въ церковномъ богослуженіи того времени была неисправность нашихъ богослужебныхъ книгъ. Давно уже пастыри наши чувствовали этотъ недостатокъ, и принимали мѣры къ его исправленію; но, не смотря на всѣ ихъ попеченія и труды, неисправность нашихъ богослужебныхъ книгъ не только не уменьшалась, а напротивъ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе умножалась; такъ что не только незначительныя погрѣшности, но даже

---

[1] Журн. мин. нар. просвѣщ. за февраль 1849 г. въ статьѣ: изслѣдованіе о русскомъ церковномъ пѣснопѣніи, Сахарова, стр. 168—190. [2] Ист. акты т. 4. № 103. [3] Предисл. къ сочин. Александра Мезенца въ журналѣ мин. нар. просвѣщ. за февраль 1849 г. въ вышеуказанной статьѣ Сахарова. [4] Жезлъ правл. г. 2. л. 94.

ереси вкрались въ богослужебныя книги нашей Церкви [1]. Патріарху Никону суждено было встрѣтить въ нихъ, кромѣ ошибокъ переводчиковъ, писцовъ, и типографщиковъ, «нововводныя повелѣнія, ихже содержаху,» какъ сказано въ Пращицѣ духовной, «по сущему невѣдѣнію пять патріарховъ,» предшествовавшихъ ему [2]. Не станемъ подробно исчислять, какъ много было этихъ погрѣшностей въ нашихъ церковныхъ книгахъ при первыхъ четырехъ патріархахъ [3]. Обратимъ вниманіе только на тѣ важныя погрѣшности, которыя прибавилъ къ прежнимъ, и оставилъ патріарху Никону предшественникъ его патріархъ Іосифъ. Книги, изданныя при немъ, составляютъ драгоцѣнность для раскольниковъ [4]. Люди, которымъ онъ довѣрилъ изданіе и печатаніе церковныхъ книгъ, вовсе недостойные такой высокой довѣренности, наполняли ихъ множествомъ ошибокъ и грубыхъ прибавленій [5]. Въ это-то время явилось въ церковныхъ книгахъ лжеученіе о сугубой аллилуіа, и прибавленіе слова «истиннаго» въ восьмомъ членѣ символа вѣры. Кромѣ того, издатели книгъ, воспользовавшись благословеніемъ патріарха напечатать составленную изъ разныхъ сочиненій книгу «о вѣрѣ единой, истинной и православной и о св. Церкви,» включили въ нее [6] лжеученіе о самомъ важномъ для старообрядства предметѣ—включили аввакумовскій толкъ о сложеніи перстовъ, огражденный ссылкою на Ѳеодорита, и помѣщавшійся еще прежде [7] въ сборникѣ, извѣстномъ подъ названіемъ «книги Кирилловой,» хотя въ немъ помѣщалось одно только слово Кирилла іерусалимскаго объ Антихристѣ [8]. То

---

[1] Пращ. дух. л. 77 на обор. [2] Пращ. дух. л. 82. соч. Плат. М. м. т. VI. стр. 26. Истор. обозр. богосл. книгъ грекоросс. Ц., стр. 13. [3] Въ пращицѣ отъ л. 33 до 48 подробно исчислены погрѣшности, допущенныя первыми патріархами нашими въ богослужебныя книги. [4] См. Энц. словарь Крайя, подъ словомъ: Іосифъ патр.; оп. росс. библіогр. Сопикова, стр. 165 подъ №№ 756, 760 и 762, стр. 189 подъ №№ 1346—1362. Старообрядцы особенно дорожатъ этими книгами. [5] Сл. пис. дух. чина ч. 1. подъ словомъ: Іосифъ патріархъ. [6] Пращ. дух. л. 145. сл. пис. д. ч., ч. 1, стр. 315. [7] Здѣсь явилось это заблужденіе въ первый разъ. См. сл. пис. дух. ч. ч. 1, стр. 315. [8] Діаконъ Ѳеодоръ въ посланіи къ Максиму пишетъ: «еже печатная

же превратное толкованіе о сложеніи перстовъ, подтвержденное ссылкою на Θеодорита, внесено въ псалтирь съ возслѣдованіемъ и въ служебникъ. Наконецъ, чтобы нововводное лжеученіе успѣшнѣе внушить юнымъ умамъ, жаждущимъ просвѣщенія, оно внесено въ предисловіе учебной псалтири и въ сокращенный катихизисъ Петра Могилы, не смотря на то, что въ кіевскомъ катихизисѣ, съ котораго онъ напечатанъ, ясно предписывается креститься тремя перстами [1]. Эти поврежденныя книги напечатаны въ числѣ 6000 экземпляровъ и, съ согласія патріарха Іосифа, разосланы по всей Россіи. Вмѣстѣ съ ними распространилось по всей Россіи и двуперстіе. Только дожившіе уже до глубокой старости, и простолюдины, которые не слыхали прежде о двуперстіи, не знали Θеодоритова писанія, а держались древняго преданія церковнаго, не были заражены имъ [2]. Даже Никонъ «догматовъ твердый хранитель и блюститель усерднѣйшій, и столпъ благочестія непоколебимѣйшій», какъ назвалъ его одинъ изъ отечественныхъ іерарховъ [3], знаменовался въ то время крестомъ двуперстнымъ. Такъ глубоко и такъ широко пустили свои ядовитые корни нововводныя заблужденія, составляющія основу раскола! «О прочихъ же несогласіяхъ и погрѣшеніяхъ, о приложеніяхъ и отъятіяхъ,» скажемъ съ сочинителемъ духовной пращицы, «за множество здѣ писати» оставляемъ. Что внесено въ книги «ово преводниками неискусными, овоже преписующими неразумными, или еретиками, за невмѣщеніе оставляемъ здѣ пи-

---

московская книга Кириллова, но собиралъ ее черниговскій протопопъ Михаилъ Роговъ съ прочими избранными мужи, по повелѣнію царя и патріарха. См. Обозр. слав. библіогр. Сопикова т. 1. кн. 2, стр 142 и 143 подъ № 442. Пращ. л. 143. Безъ сомнѣнія издатели украсили эту книгу именемъ Кирилла съ тою злонамѣренною цѣлію, чтобы придать больше значенія своему мудрованію.

[1] Пращ. дух. л. 165. [2] Третье посл. на сибирскихъ еретиковъ Игнатія, митр. тобольскаго, и соб. свитокъ при служебникѣ 1668 г. [3] Пращ. л. 48. Не только новопечатныя московскія книги были исполнены многообразныхъ погрѣшностей и заблужденій; повреждены были даже и прежнія изданія богослужебныхъ книгъ. См оп. росс. библіогр. Сопикова, подъ №№ 1506, 1509, 1510, 1512, 1514. И 1516, стр. 248. Энцикл. сл. Крайя подъ словомъ: Іосифъ патріархъ московскій.

сати.» Самъ патріархъ Іосифъ, для котораго въ послѣдніе дни жизни не оставалось уже тайнымъ повреждение новопечатныхъ церковныхъ книгъ, ужасался своего положенія, сильно опасаясь, чтобы не заставили его отказаться отъ святительскаго престола за неосторожность въ избраніи справщиковъ книгъ. Съ этимъ опасеніемъ, съ этою безотрадною мыслію онъ и умеръ [1].

Но тамъ, гдѣ только ужасался и изнемогалъ Іосифъ, тамъ великій умъ Никона нашелъ средства искоренить зло. Нельзя впрочемъ не замѣтить, къ чести славнаго патріарха, что онъ непоспѣшно приступилъ къ исправленію погрѣшностей, вкравшихся въ наши богослужебныя книги, и, приступивъ, не поспѣшно совершалъ это великое дѣло. Такая осторожность имѣла основательныя причины. Разсудительный Никонъ, уму котораго отдавали должную дань уваженія восточные патріархи [2], и удивлялись иностранцы [3], не могъ не видѣть, что полное исправленіе книгъ возможно только при сличеніи ихъ съ греческимъ текстомъ. Но въ то время у насъ не довѣряли новымъ греческимъ книгамъ [4], считая вѣрными только древнія. Это недовѣріе заставляло пользоваться греческими книгами съ крайнею осторожностію, пользоваться только при сходствѣ ихъ съ старыми славянскими рукописями. Большинство людей, ослѣпленныхъ такимъ предубѣжденіемъ, большинство упорныхъ невѣждъ, совсѣмъ неготовыхъ или мало готовыхъ

---

[1] «Сказывалъ мнѣ Василій Бутурлинъ,» писалъ царь Никону, извѣщая его о смерти патр. Іосифа, «а ему сказывалъ патріарховъ дьякъ, Ѳедоръ Тороповъ: мнѣніе де на него государя великое было; то и говорилъ: перемѣнить меня, скинуть меня хотятъ, а будетъ де и не отставятъ. и я де и самъ за соромъ объ отставкѣ стану бить челомъ, и денегъ приготовилъ съ чѣмъ итить, какъ отставатъ, безпрестани то и думалъ и говаривалъ.» Акт. IV. № 57. [2] «Имамъ тя писана въ душѣ моей за достоинство и разумъ, егоже дарова тебѣ Богъ,»—писалъ Никону всел. патр. Паисій. Жизн. Никона, сост. А. Аполл., стр. 151. [3] Сл. о пис. дух. чина, т. 2, стр. 131. [4] Такъ напр. судили о греческихъ книгахъ исправители Зиваніева катихизиса. См. чт. императорскаго московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, 1849 г., № 8, въ статьѣ: исправленіе богослужебныхъ книгъ при патріархѣ Филаретѣ, стр. 21.

принимать исправленіе богослужебныхъ книгъ,—невѣждъ, уже начавшихъ сѣять неудовольствія противъ Никона, за его ревность о благочиніи въ совершеніи богослуженія, особенно тяготило патріарха Никона. Съ другой стороны, предшествовавшіе печальные опыты исправленія богослужебныхъ книгъ самымъ разногласіемъ въ поправкахъ обличали только свое несовершенство, и угрожали будущему исправителю трудами тяжкими. Оттого-то первые полтора года, по вступленіи на патріаршій престолъ, Никонъ позволялъ перепечатывать книги, то съ одною мольбою о прощеніи ошибокъ [1], то разрѣшалъ дѣлать незначительныя поправки на основ іи старопечатныхъ славянскихъ книгъ и древнихъ греческихъ переводовъ [2], пользовавшихся довѣріемъ у его современниковъ, то отнималъ явныя злонамѣренныя прибавки [3]. И къ этимъ незначительнымъ перемѣнамъ, снисходя тогдашнему тревожному состоянію умовъ, онъ прибавляетъ увѣщаніе—не соблазняться ими [4]. Тѣмъ необходимѣе была такая осторожность, что въ тѣ времена самыя грамматическія поправки принимали съ недовѣрчивостію, считая ихъ повреждeніемъ чистоты вѣры, и поэтому нужно было и касательно ихъ успокоивать тревожные умы безразсудныхъ приверженцевъ мнимой старины [5].

---

[1] Такъ въ 1652 году изданы — каноникъ, цвѣтная тріодь и апостолъ; въ 1653 году—евангеліе, апостолъ и общая минея, — всѣ безъ поправокъ, съ мольбою о прощеніи ошибокъ. См. обозр. славянор. библіогр., вып. IV, стр. 174—183. [2] Изданный въ 1653 году часословъ начинается съ утрени, тогда какъ часословъ, изданный при Іосифѣ, начинается съ вечерни. Въ послѣсловіи его сказано: «вѣдомо буди и сіе, яко въ прежнихъ часословѣхъ начало положено вечерни; въ сихъ же, по указу и благословенію великаго господина святѣйшаго Никона, начало положено противъ прежнихъ, множицею изданныхъ въ псалтиряхъ со возслѣдованіемъ и древнихъ греческихъ печатныхъ переводовъ.» Опис. слав. книгъ Царскаго, состав. Строевымъ, № 179. [3] Въ 1653 году изд. псалтирь безъ прибавленія о крестномъ знаменіи и поклонахъ. См. тамъ же. [4] Въ указ. часословѣ въ послѣсловіи сказано: «тѣмже о семъ да не усумнитеся, православніи читатели, и да не неразумно будетъ вашему благоразсудію.» [5] Такъ въ послѣсловіи учительнаго евангелія, изд. въ Москвѣ 1652 г., сказано: «да не усумнишися, православный читателю, егда обрящеши во сн. книзѣ сей исправленія рѣченій, въ клоненіяхъ измѣнена и другая таковая и возмнишися нова быти и самосмышленна.» См. опис. старопеч. кн., Царскаго, стр. 291—293.

Между тѣмъ Никону предстоялъ подвигъ не исправленія только реченій, но и возстановленія самаго смысла, и этотъ мощный борецъ, выступая на открытую, опасную борьбу съ народнымъ предубѣжденіемъ, мало-по-малу готовился и готовилъ все нужное къ великому дѣлу, составлявшему задачу того времени [1].

Въ іюлѣ 1653 года возвратился съ востока Арсеній Суханов. отправленный туда, еще въ 1649 году, царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и патріархомъ Іосифомъ для описанія св. мѣстъ и греческихъ церковныхъ обрядовъ [2], и возвратился именно къ тому времени, когда уже мятежники, своевольствовавшіе при патріархѣ Іосифѣ и недовольные Никономъ, возрасли и заводили явные расколы. Въ то время противъ грековъ имѣли у насъ сильное предубѣжденіе. Владычество нечестивыхъ турокъ, думали тогда наши соотечественники, повредило самому православію Церкви греческой [3]. Поэтому самый главный вопросъ, занимавшій въ это смутное время умы нашихъ предковъ, былъ слѣдующій: греческая восточная Церковь, которую патріархъ Никонъ ставилъ пробнымъ камнемъ для русской, сохраняетъ ли сама свое древнее православіе? Ожидали рѣшенія этого вопроса отъ проскинитарія Арсенія Суханова [4]. Но, къ сожалѣнію, онъ рѣшалъ вопросъ весьма неосновательно. Арсеній, описывая чинъ іерусалимскаго богослуженія, забылъ, что уставъ и выполненіе—не одно и тоже. Привыкши видѣть строгое и точное, хотя не довольно чинное, исполненіе церковныхъ обрядовъ въ благоденствующей Москвѣ, гдѣ пастырствовали іерархи, невстрѣчавшіе препятствія своей заботѣ о благочиніи церковномъ, и не обративъ вниманія на страдальческое положеніе восточныхъ христіанъ, онъ сдѣлалъ неблагопріятные отзывы о каждомъ незначительномъ несоблюденіи устава въ греческой Церкви; такъ что сво-

[1] Ист. о расколахъ въ русской Церкви—Игнатія, архіеп. ворон., стр. 171. [2] Сл. пис. дух. чина, т. 1, стр. 67. [3] Чт. общ. ист. и древн. росс. 1843 г. № 8, въ статьѣ объ исправленіи богослужебныхъ книгъ при патр. Филаретѣ, стр. 21. [4] Сл. пис. дух. чина, ч. 1, стр. 52.

ими упреками и нескромными пересудами, еще въ бытность свою въ Іерусалимѣ, заставилъ іерусалимскаго патріарха Паисія жаловаться на него царю Алексѣю Михайловичу [1]. Эти-то отзывы Арсенія, благопріятствуя направленію умовъ, какое давали тогда новопечатныя книги, сдѣлались камнемъ претыканія для людей, преданныхъ нововводнымъ заблужденіямъ, и произвели великій соблазнъ [2]. Почитатели мнимой старины, не отличая восточной греческой Церкви отъ частныхъ людей, безчинствовавшихъ въ ней, заговорили, что хотя греческая Церковь и отличается отъ нашей нѣкоторыми обрядами, хотя греки и не такъ изображаютъ на себѣ крестное знаменіе, но смотрѣть на нихъ не надобно. Они не достойны уже нашего подражанія; потому что отступили отъ древняго православія. Не смотря на возникшее волненіе, не смотря на безразсудные возгласы противъ греческаго православія, патріархъ Никонъ не выпускалъ изъ виду своего главнаго намѣренія — согласить богослужебныя книги русской Церкви съ греческими. Никонъ видѣлъ, что для этого священнаго труда настало время, и отъ многихъ слышалъ обличеніе погрѣшностей, вкравшихся въ наши богослужебныя книги. То образованный боярин Ртищевъ раскрывалъ предъ нимъ поврежденіе нашего устава [3], то знаменитый Епифаній объявлялъ, что служебникъ нашъ во многомъ не согласенъ съ греческимъ служебникомъ [4]. Впрочемъ, осмотрительный патріархъ не безъ особеннаго разсмотрѣнія принималъ замѣчанія Епифанія и другихъ просвѣщенныхъ современниковъ. Онъ обозрѣлъ патріаршее книгохранилище. Здѣсь прежде всего встрѣтился съ дѣяніями московскаго и константинопольскаго

---

[1] См. тамъ же. Замѣтимъ, что путешественники, посѣщавшіе мѣста святыя послѣ Арсенія, обличили его во многихъ явныхъ несправедливостяхъ, зависѣвшихъ или отъ неосмотрительности его, или отъ пристрастія. Ошибки его раскрываетъ саровскій іеромонахъ Мелетій. См. его путеш. въ Іерус., изд. въ Москвѣ 1798 г. Обозрѣніе проскинитр. у Муравьева въ 4 изд. путешествія въ Палестину, 1840 г. предисл., стр. 38—63. [2] Сл. пис. дух. чина, ч. 1, стр. 52. [3] Др. вивліоѳ. ч. 18. Житіе Ѳеодора Ртищева, стр. 403. [4] Сл. пис. дух. чина, ч. 1, стр. 179.

соборовъ объ учрежденіи патріаршества въ нашемъ отечествѣ. Съ смущеніемъ духа прочиталъ онъ здѣсь то мѣсто, которымъ заповѣдуется совершенное согласіе между греческою и русскою Церковію. Этотъ завѣтъ поразилъ Никона. Онъ глубже, чѣмъ прежде, почувствовалъ, что на немъ лежитъ долгъ исправлять ошибки, и что ему нельзя уклоняться отъ труда, какъ бы онъ ни былъ тяжелъ. Въ этомъ же дѣяніи символъ вѣры написанъ былъ не въ томъ видѣ, въ какомъ явился онъ въ новопечатныхъ московскихъ книгахъ. Несогласно было новое чтеніе символа и съ другимъ греческимъ символомъ, который былъ вынизанъ жемчугомъ на саккосѣ, принесенномъ въ Москву изъ Греціи при всероссійскомъ митрополитѣ Фотіѣ. Патріархъ началъ разсматривать служебникъ, и нашелъ въ немъ «ово прибавлено, ово отъято, ово превращено» [1]. Онъ обратился къ другимъ богослужебнымъ книгамъ, и также пораженъ былъ несходствомъ ихъ съ древними славянскими и греческими. Чтобы пресѣчь это зло, Никонъ, въ 1654 году, предложилъ царю, ссылаясь на правила св. Апостоловъ и св. вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, которыми предписывается ежегодно собирать соборы для церковныхъ нуждъ [2], — созвать соборъ, и разсудить о несходствѣ новопечатныхъ богослужебныхъ книгъ съ греческими и древними славянскими. Царь одобрилъ предложеніе патріарха, и назначилъ свои палаты мѣстомъ для собора. Алексѣй Михайловичъ—поборникъ благочестія, какъ называли его восточные патріархи [3], самъ присутствовалъ на соборѣ. Здѣсь же были, кромѣ патріарха, пять митрополитовъ, четыре архіепископа, одинъ епископъ, одиннадцать архимандритовъ, игуменъ и тринадцать протопоповъ. «Всесвятѣйшій Никонъ,» замѣчаетъ лѣтопись, «яко Илья Боговидецъ, ревнуя о Богѣ Вседержителѣ,» [4] предло-

[1] См. лѣтопись о многихъ мятежахъ, изд. 2, Москва, 1788 года; — статья объ исправленіи книгъ съ харатейныхъ и съ греческихъ на соборѣ, бывшемъ въ Москвѣ, стр. 360. [2] Пращ., л. 154. Апост. пр. 37., 1 всел. соб. 5, антіох. 20, халк. 20, VI всел. 8, и VII всел. 6. [3] Др. вивліоѳ. ч. 6, стр. 291. [4] Лѣтопись о многихъ мятежахъ, стр. 361.

жилъ собору вопросъ: «новымъ ли московскимъ печатнымъ книгамъ послѣдовати, въ нихже многая обрѣтошася нами отъ преведшихъ и преписующихъ непскусно съ древними греческими же и словенскими несходства и несогласія, явно еже рещи погрѣшенія; или древнимъ греческимъ и славенскимъ, иже обое купно чинъ и уставъ показуютъ, въ нихже св. Божіи человѣцы и сихъ творцы восточніи и богословцы и учители Аѳанасій великій, Василій великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Іоаннъ Дамаскинъ, и Петръ, Алексій, Іона и Филиппъ, московскіе чудотворцы, и прочіи святые научающеся, Богови угодиша» [1]. Благочестивѣйшій государь и весь соборъ единодушно отвѣчали: «достойно и праведно исправити новыя книги противу старыхъ харатейныхъ книгъ и греческихъ. И мы также утверждаемъ быти,» прибавилъ соборъ, «якоже греческія и наши старыя книги и уставы повелѣваютъ» [2]. Но еще прежде такого соборнаго опредѣленія патріархъ указомъ отъ 11 января 1653 (7161) года потребовалъ опись книгамъ степенныхъ монастырей для того, «чтобы было вѣдомо, гдѣ которыя книги взяти печатнаго дѣла исправленія ради» [3]. Теперь же сдѣлалъ распоряженіе, чтобы доставлены были въ Москву изъ всѣхъ древнихъ русскихъ обителей старинныя церковныя книги, за 500 лѣтъ и ранѣе переведенныя и на пергаменѣ писанныя. Требуемыя книги были представлены отвсюду изъ древнихъ русскихъ книгохранилищъ—изъ новгородскаго софійскаго собора, изъ Юрьева монастыря, изъ Хутына, Троицкаго Сергіева, Волоколамскаго и изъ прочихъ монастырей и городовъ [4]. Но царь и патріархъ не довольствовались такимъ богатымъ собраніемъ древнихъ книгъ изъ русскихъ книгохранилищъ, и не рѣшились приступить къ совершенію предпринимаемаго дѣла безъ сношенія съ восточными патріархами. «Богоизбранная сугуби-

[1] Тамъ же, стр. 361 и 362. [2] Тамъ же. [3] По этой описи значится книгъ 267?. Самая опись издана въ чтеніяхъ моск. общ. ист. и др. росс. 1848 № 6. [4] Оп. росс. библіогр., Сопикова, ч. 1. стр. 331 и 232. Лѣт. о многихъ мятежахъ, стр. 362—363.

ца—благочестивый царь и христолюбивый патріархъ, умыслища здраво» подкрѣпить рѣшеніе собора русскихъ пастырей голосомъ восточныхъ патріарховъ [1]. Если когда, то теперь особенно нужно было патріарху Никону показать, что онъ не новое что нибудь установляетъ, а всячески старается слѣдовать преданію восточной Церкви [2]. Въ такомъ духѣ и дѣйствовалъ великій пастырь. Онъ, по соизволенію царя, послалъ къ восточнымъ патріархамъ благонадежнаго и благонамѣреннаго человѣка — Мануила Грека [3], вручивъ ему грамоты съ вопросами о погрѣшностяхъ, внесенныхъ въ наши богослужебныя книги и съ извѣстіемъ о намѣреніи исправить ихъ. Дѣло шло быстро. Въ томъ же году [4] патріархъ Паисій, получивъ грамоты, созвалъ соборъ, на которомъ присутствовали двадцать четыре митрополита, одинъ архіепископъ и три епископа съ прочимъ духовенствомъ, и единодушнымъ соборнымъ голосомъ утвердили опредѣленіе московскаго собора. Паисій поспѣшилъ отправить къ патріарху Никону соборное рѣшеніе—«во всемъ послѣдовати древнихъ великихъ православныхъ учителей восточной Церкви писаніямъ, сущимъ въ ветхихъ книгахъ греческихъ и славянскихъ». Къ этому присоединилъ соборные отвѣты на 25 вопросовъ, предложенныхъ Никономъ, вѣрный греческій списокъ символа вѣры и скрижаль, разсмотрѣнную и одобренную, какъ писалъ онъ, соборомъ [5]. Патріархъ просилъ Никона ни въ чемъ не отступать отъ уставовъ восточной Церкви, «да ни едино разиство имамы, яко чада истинная одной и той же Церкви, и да ни едину вину обрѣтаютъ скверная, еретическая уста насъ оглаголати о нѣкоемъ разиствѣ» [6].

Рѣшеніе собора греческихъ пастырей расположило Никона къ новымъ подвигамъ. Въ прежнія времена, при исправленіи

[1] Оп. росс. библ., Сопикова, ч. 1. стр. 232. [2] Праш. дух., л. 154 на обор. [3] «Усвоивше богоболазиза мужа, именемъ Мануила Грека.» См. у Сопикова, въ оп. росс. библ., тамъ же. [4] «Въ то же 7162 лѣто», сказано въ лѣтоп. о многихъ мятежахъ. [5] У Сопикова; такъ же лѣт. о мн. мятежахъ, стр. 361 — 363. [6] Дополн. ст. къ жизнеопис. Никона, составл. А. Аполл. стр. 151.

нашихъ богослужебныхъ книгъ, или вовсе не обращали вниманія на греческіе подлинники, дѣлая поправки только на основаніи переводовъ [1], которые въ свою очередь не были чужды погрѣшностей, или, если и обращались иногда къ греческимъ книгамъ, то къ книгамъ неудовлетворительнымъ, нерѣшавшимъ недоумѣнныхъ вопросовъ или по своей малочисленности, или по новости изданія, которому у насъ не довѣряли. Никонъ рѣшился собрать на востокѣ древнія греческія книги, и съ ними, равно какъ съ славянскими древними переводами, сличить богослужебныя книги. Зная, что «греческая св. писанія суть намъ славяномъ прототипонъ, еже есть, первообразное, отъ ихже вся книги наша преводимъ, ничесоже прилагающе, или отъемлюще, да совершеннѣ имъ уподобимся» [2]; зная, что св. восточная Церковь, какъ сказано въ пращицѣ духовной, «во всякое достовѣрное утвержденіе имѣетъ неоскудное древнихъ рукописныхъ книгъ стяжаніе: въ Царьградѣ, въ Іерусалимѣ, въ Антіохіи, Александріи, на Аѳонской и Синайской горѣ, и въ прочихъ мѣстахъ въ тѣхъ странахъ премногое множество обрѣтается книгъ по епархіямъ и по св. обителямъ [3],» — онъ отправилъ на Аѳонскую гору и въ другіе восточные монастыри Арсенія Суханова, уже знакомаго съ ними [4]. Арсенію велѣно было не щадить издержекъ для пріобрѣтенія древнихъ греческихъ рукописей и книгъ, и — въ январѣ 1655 года онъ возвратился съ такимъ богатымъ и обильнымъ сокровищемъ, которое удивляло своимъ множествомъ и своею древностію самихъ почитателей мнимой старины [5]. На одномъ Аѳонѣ пріобрѣлъ онъ до 500 богослужебныхъ и учительныхъ книгъ, между которыми одному евангелію считали тогда 1050 лѣтъ, другому 650, одному служебнику 600 лѣтъ, другому 450. Около

---

[1] Напр. въ послѣсловіи шестоднева сказано: «съ прежнихъ переводовъ напечатано, а греческихъ еще не видѣхомъ.» Въ послѣсловіи учит. евангелія, изд. въ Москвѣ 1652 г., іюня 12, слѣдовательно еще по благословенію патр. Іосифа, сказано: «со многихъ переводовъ свидѣтельствованнѣ исправлена суть.» Обозр. сл. библіогр. т. 1, кн. 2, № 543. кат. староп. кн., Царскаго, изд. Строев. стр. 291 — 293. [2] Жезлъ правл., ч. 1, л. 41. [3] Пращ. дух. л. 307. [4] Лѣтоп. о мн. мятеж., стр. 364. [5] Пращ., л. 154 и 159.

200 рукописей пріобрѣтено въ другихъ мѣстахъ [1]. Изъ числа богослужебныхъ книгъ привезено: Библіи 2 экземпляра, псалтири 4, евангелія 6, апостола 2, служебниковъ 4, евхологія или требника 3, устава 8, каноннника 2, молитвословъ 1, часословъ 1, пѣсней троичныхъ 1, кондакарій 1, миней служебныхъ за мѣсяцъ сентябрь 3, за октябрь 1, за ноябрь 1, за декабрь 2, за генварь 2, за августъ 1, чинъ священнослуженія 1, чинъ постриженія въ монашество 1. Кромѣ этого патріархи александрійскій, антіохійскій, сербскій и другіе православные архіереи, изъ уваженія къ просьбамъ русскаго патріарха, прислали въ Москву до 200 самыхъ древнихъ книгъ [2].

Когда такимъ образомъ все было приготовлено къ основательному исправленію богослужебныхъ книгъ, прибыли въ Москву патріархи — антіохійскій Макарій и сербскій Гавріилъ, и митрополиты никейскій Григорій и молдавскій Гедеонъ. Патріархъ Никонъ воспользовался этимъ рѣдкимъ случаемъ для своего святаго дѣла. Онъ созвалъ въ 1655 году новый соборъ изъ русскихъ пастырей и пригласилъ сюда восточныхъ іерарховъ. Соборъ открытъ былъ чтеніемъ Евангелія, посланій апостольскихъ, правилъ седьми вселенскихъ соборовъ, опредѣленій собора, бывшаго въ Москвѣ въ царскихъ палатахъ и соборнаго дѣянія, присланнаго къ Никону патріархомъ Паисіемъ [3]. Затѣмъ Никонъ «столпъ благочестія непоколебимый и божественныхъ и священныхъ каноновъ разумитель присноискуснѣйшій, отеческихъ догматъ, повелѣній и преданій неизреченный ревнитель и оберегатель достойнѣйшій [4],» обратился къ собору за совѣтомъ, касательно исправленія бого-

---

[1] См. Сл. пис. дух. чина, т. 1, стр. 55. Также въ чт. моск. общ. ист. и др. росс., 1846 г. № 5, опись книгамъ, взятымъ въ патріаршую ризную казну. По аѳонскимъ граматамъ видно, что изъ одного Иверскаго монастыря взято Арсеніемъ 156 книгъ. Приб. къ росс. библіогр., Черткова, стр. 434, 436. Къ числу археологическихъ рѣдкостей можно отнести привезенную Сухановымъ изъ Хиландарскаго монастыря хронику Манассіеву. Русск. истор. сборн. т. 6. стр. 3. [2] Лѣт. о мн. мятеж., стр. 365. [3] Тамъ же. [4] Пращ. дух., л. 134 на обор.

служебныхъ книгъ. Сперва онъ представилъ соборному разсмотрѣнію древнія греческія и славянскія книги, съ новопечатными московскими, чтобы обличить соборнымъ голосомъ неисправность послѣднихъ, и утвердить правильность первыхъ,— и отцы собора, разсмотрѣвши старописныя греческія и славянскія книги, нашли древнія греческія во всемъ согласными съ ветхими славянскими; а въ новопечатныхъ московскихъ книгахъ открыли многія несходства съ древними греческими и славянскими, и единогласно рѣшили [1] слѣдовать опредѣленіямъ московскаго и константинопольскаго соборовъ. Потомъ, Никонъ выставляетъ для соборнаго обличенія образъ перстосложенія, утвержденный новопечатными книгами. Антіохійскій и сербскій патріархи, съ двумя чужестранными митрополитами, единодушно отвергли этотъ нововводный обычай, и поразили отлученіемъ отъ Церкви почитателей двуперстія [2]. Наконецъ Никонъ предложилъ на разсмотрѣніе собора уже исправленный имъ служебникъ и переведенную скрижаль. Отцы собора, разсмотрѣвши представленныя книги, одобрили ихъ къ напечатанію. Вмѣстѣ съ этимъ одобреніемъ соборъ опредѣлилъ и другія церковныя книги, наполненныя погрѣшностями, исправить, согласить во всемъ какъ съ древними греческими, такъ и славянскими священными книгами, въ которыхъ не найдено ни одной погрѣшности, и напечатать. Теперь-то съ точностію исполнялось то, чего давно желали послѣдователи церковныхъ книгъ, исполнялось именно тѣмъ способомъ, какой указалъ стоглавый соборъ, хотя и не воспользовался имъ: исправленіе было въ полномъ смыслѣ соборное, поправительственное [3].

Утверждаясь на опредѣленіи собора, патріархъ Никонъ смѣло и рѣшительно приступилъ къ исправленію богослужебныхъ книгъ, чтобы очистить ихъ отъ всѣхъ погрѣшностей. Благонадежныя лица, которымъ онъ ввѣрилъ это великое дѣло — ученые иноки андреевскаго и чудовскаго училищъ, не

[1] Тамъ же, л. 408 на обор. и лѣт. о мн. мятеж. [2] Пращ. дух., л. 135 на обор. [3] Церк. ист. М. Платона, ч. 2, стр. 234.

смотря на то, что почитатели поврежденныхъ книгъ называли ихъ измѣнниками православія [1], съ полною осторожностію, съ усердіемъ, не щадя ни трудовъ, ни силъ, оправдывали патріаршую довѣренность [2]. Они, то переводили вновь нужныя для богослуженія книги, то исправляли, какъ замѣчено въ працицѣ духовной «евангеліями въ евангеліяхъ погрѣшенія, апостолами въ апостолахъ, октоихами въ октоихахъ, минеями въ минеяхъ, тріодями въ тріодяхъ, требниками въ требникахъ, служебниками въ служебникахъ, уставами въ уставахъ, псалтирями въ псалтиряхъ, часословами въ часословахъ, ирмологіями въ ирмологіяхъ [3],» и сличали исправляемую книгу не съ однимъ или двумя, а съ многими изданіями одной и тойже книги [4].

Изъ новоисправленныхъ такимъ образомъ книгъ первымъ явился въ печати служебникъ; къ исправленію его прежде другихъ книгъ приступили, по важности употребленія его въ Церкви [5]. Вслѣдъ за служебникомъ вышла въ свѣтъ въ русскомъ переводѣ скрижаль, за которую патріархъ Никонъ, по отзыву одного изъ просвѣщеннѣйшихъ его современниковъ «достоинъ вѣчнаго благодарствія отъ Церкви [6].» «Яко древле

---

[1] Предисл. къ Библіи 1663 г. [2] Сл. пис. дух. чина, т. 1. стр. 177. [3] Працц. л. 157. [4] По свидѣтельству патр. Іоакима, который, вѣроятно, самъ присутствовалъ на соборахъ, занимавшихся исправленіемъ церковныхъ книгъ, находясь тогда еще въ пресвитерскомъ санѣ, для исправленія напр. служебника служили образцами: 1) старинный греч. письменный служебникъ; 2) русскій служебникъ св. Евѳимія новгородскаго чудотворца, писанный предъ тѣмъ за 344 года; 3) служ. преп. Іосифа Волоколамскаго; 4) служебникъ, по которому служили пр. Антоній Римлянинъ, Варлаамъ Хутынскій, Сергій Радонежскій, также архіепископы новгородскіе: Іоаннъ, Евѳимій, Серапіонъ, Кипріанъ и патріархъ Іовъ. Для исправленія требника были сличаемы: 1) требникъ, писанный на Аѳонской горѣ въ древнія времена; 2) требникъ, писанный въ Россіи въ 6989 г.; 3) харатейный требникъ греч. царя Іоанна Кантакузена, писанный въ 6856 г.; 4) требникъ митр. Макарія, предсѣдателя стоглаваго собора; 5) другой требникъ, принесенный съ горы Аѳонской и др.—Исчисливъ такимъ образомъ древнія книги, по которымъ исправлялись при Никонѣ печатныя, Іоакимъ замѣчаетъ, что кромѣ исчисленныхъ имъ, цѣлыя тысячи древнихъ книгъ находились тогда въ патріаршемъ московскомъ книгохранилищѣ. См. увѣт. дух., стр. 53. [5] Опытъ росс. библіогр., Сопикова, ч. 1, стр. 232—233. [6] Жезлъ правл., ч. 1. стр. 129.

Іаковъ, въ напоеніе овецъ безсловесныхъ, вещественъ камень отъ вещественна кладязя отвалилъ есть», говорится въ предисловіи этой книги, «тако онъ (патр. Никонъ) нынѣ мысленный неявленства, пачеже невѣжества, во многихъ умѣ лежащаго, камень, во еже словеснымъ овцамъ Христовымъ чистою извѣстнаго священнодѣйствительныхъ знаменій видѣнія водою напоеннымъ быти, отъ мысленнаго таинственныхъ священнодѣйствъ кладязя отвалити потщася.» И не напрасно превозносили такими похвалами Никона за изданіе скрижали. Она особенно важна была для тогдашнихъ русскихъ читателей тѣмъ, что въ ней все прямо направлено противъ заблужденій того смутнаго времени. Какъ сильно обличала она заблужденія приверженцевъ мнимой старины, какъ вѣрно поражала нововводное ихъ ученіе, можно видѣть изъ того, что тотчасъ послѣ появленія ея въ свѣтъ, они возстали, «и возбѣсилися разными душепагубными хулами на Церковь [1];» можно видѣть изъ тѣхъ нападеній, которымъ подвергли ее, порицая въ ней каждое слово, каждое правило, каждое объясненіе. Всякое ея положеніе считали ересью, то аполлинаріевою, то несторіевою, то жидовскою [2], то нововводнымъ мудрованіемъ; утверждали, будто «никтоже отъ богословецъ дерзнулъ тако писати, якоже Никонъ [3].» Но Никонъ не прекращалъ пастырскихъ трудовъ своихъ. Со времени изданія скрижали не проходило ни одного года [4], который не ознаменовался бы исправленіемъ и изданіемъ какой нибудь богослужебной книги, подъ непосредственнымъ смотрѣніемъ самаго патріарха. До 1548 года, подъ его личнымъ надзоромъ, изданы: постная тріодь, апостолъ [5], слѣдованная псалтирь, у которой отняты были злонамѣренныя прибавленія о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія, часословъ, ирмологій, переведенный снова, требникъ и сборникъ молитвъ. Даже имена святыхъ, потерявшія

---

[1] Праш. дух., л. 409. [2] См. 1 часть жезла правленія, который можно назвать апологіею скрижали, изданной патріархомъ Никономъ. [3] Тамъ же л. 129. [4] До времени удаленія Никона въ Воскресенскій монастырь. [5] Оп. стар. кн.,Царскаго, изд. № 182.

свою правильность и съ нею значеніе, по неискусству переписчиковъ и невѣжеству типографщиковъ, патріархъ Никонъ «измѣнилъ,» по замѣчанію одного изъ русскихъ патріарховъ, «похвальнымъ измѣненіемъ, т. е. отъ несовершенства въ совершенство: да всякое имя свое содержитъ знаменованіе, къ древнему приведошася совершенству, яже неправо писано быша [1].» Стараясь такимъ образомъ искоренять прежнія погрѣшности, вкравшіяся въ богослужебныя книги, Никонъ въ то же время заботился предотвратить поводы къ появленію въ книгахъ новыхъ неисправностей. Для этой цѣли, наученный горькимъ опытомъ своего предшественника, онъ подчинилъ типографію своему личному надзору, своему непосредственному распоряженію, и запретилъ приступать къ печатанію новоисправленныхъ книгъ безъ особеннаго отъ него разрѣшенія [2].

Устроивая чинъ общественнаго богослуженія, оглашая храмы Божіи стройнымъ и умилительнымъ пѣніемъ, внятнымъ и благообразнымъ чтеніемъ, и очищая богослужебныя книги отъ вкравшихся въ нихъ погрѣшностей, Никонъ въ то же время обращалъ пастырскую попечительность свою и на внѣшнее украшеніе храмовъ, чтобы сдѣлать ихъ достойнымъ мѣстомъ особеннаго благодатнаго присутствія Божія и совершенія спасительнаго таинства тѣла и крови Господа. Благочестіе нашихъ предковъ издревле любило величественно украшать храмы Божіи. Но въ ужасы самозванства, когда Москва и многіе другіе города пылали отъ пожаровъ, когда горѣли въ нихъ св. обители и св. храмы, Церковь лишилась большей части своихъ внѣшнихъ украшеній: поляки, какъ впослѣдствіи чрезъ два вѣка французы, отличались такимъ изувѣрствомъ, что не только похищали изъ русскихъ храмовъ золото, серебро, драгоцѣнные камни, но и самыя иконы умышленно раскалывали и сожигали. Съ воцареніемъ благочестиваго Михаила Ѳеодоровича и въ дни ревностнѣйшаго патріарха Филарета Никитича, снова начали сіять благолѣпіемъ

[1] Жезлъ пр., ч. 2. стр. 150. [2] Акт. ист. т. 4. № 126. Патр. грам. Иверск. мон. архим. Діонисію.

отечественные храмы Божіи и св. обители. Но никогда такъ богато и такъ великолѣпно не украшались въ нашемъ отечествѣ храмы Божіи, какъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и патріархѣ Никонѣ. Никонъ въ высшей степени любилъ красоту внѣшняго благолѣпія церковнаго. Въ санѣ новгородскаго митрополита, онъ великолѣпно устроилъ и украсилъ св. Софію въ Новгородѣ и церковь св. Никиты, епископа новгородскаго, въ Москвѣ, при новгородскомъ подворьѣ [1]. Золото, серебро и драгоцѣнные камни блистали на св. иконахъ, священныхъ сосудахъ и святительскихъ облаченіяхъ, которыми украшался Никонъ, подобно Аарону, по собственнымъ его словамъ [2]. Таже ревность къ достойному украшенію св. храмовъ Божіихъ перешла съ нимъ и на патріаршій престолъ. Тогда въ Москвѣ величественно украсился первопрестольный храмъ; царь устроилъ въ немъ новый иконостасъ, въ которомъ деисусы, праздники, пророки, праотцы и мѣстныя иконы обложены чеканнымъ серебромъ, съ позолотою. Никонъ самъ торжественно освятилъ его [3].

Съ глубокимъ сожалѣніемъ однакожь видѣлъ Никонъ, что искусство иконописанія въ нашемъ отечествѣ далеко не соотвѣтствовало достойному изображенію священныхъ лицъ и предметовъ. Наше иконописаніе, которое пользовалось нѣкогда уваженіемъ и въ иностранныхъ земляхъ [4], было въ XVII вѣкѣ, по свидѣтельству очевидца, жалкимъ и безобразнымъ подражаніемъ греческой живописи [5]. Не таковъ былъ Никонъ, чтобы равнодушно терпѣть это неустройство въ святилищѣ Божіемъ. Надобно было возбудить въ соотечественникахъ охоту, усердіе и любовь къ иконописанію, и дать имъ всѣ средства къ правильному и успѣшному образованію своихъ художественныхъ дарованій. Для этой цѣли, въ счастливые годы первосвятительства Никона, лучшіе иконописцы изъ

[1] Шушер. ср. Временн. т. XIII, матер. стр. 5, 9, 10, 11, 24, 27 и др. [2] Возраж. на 3 вопросъ Стрѣшнева Паисію Лигариду. [3] Памятн. моск. др., Усп. соб., стр. 4. [4] Calend. Eccles. univers. Assemanii, t. 1. p. 9, 75 et sqq. [5] Чт. моск. общ. ист. и др. росс. 1846. № 4. смѣсь стр. 9.

всѣхъ городовъ вызываемы были въ Москву для обновленія и украшенія московскихъ храмовъ. Возбужденное такимъ образомъ соревнованіе приносило свои плоды, полезные для успѣховъ художества [1]. Многіе изъ иконописцевъ содержались при царскомъ и патріаршемъ дворахъ, и получали богатое содержаніе. Наконецъ Никонъ просилъ царя возвысить иконописцевъ на степень первыхъ художниковъ въ отечествѣ [2]. Покровительствуя такимъ образомъ художникамъ, Никонъ самъ непосредственно наблюдалъ за произведеніями ихъ кисти, одобрялъ, что было въ нихъ хорошаго, и исправлялъ недостатки. Въ этомъ отношеніи, онъ заботился не только о приличіи и красотѣ изображенія, но и о правильности самаго рисунка [3]. — Но, тогда какъ искусные иконописцы величественно расписывали священными изображеніями св. храмы, царь, для патріарха-друга, не щадилъ своихъ сокровищъ, золота, серебра, драгоцѣнныхъ камней и тканей на украшеніе св. иконъ, священныхъ сосудовъ и облаченій церковныхъ [4]. Никонъ въ то же время самъ умножалъ богатство и число великолѣпныхъ украшеній на собственные келейные доходы [5]. Лучшія изъ древнихъ патріаршихъ облаченій, сохраняющихся въ московской ризницѣ — богатѣйшія панагіи, саккосы и митры, принадлежатъ патріарху Никону [6]. «Никонъ», говоритъ одинъ изъ отечественныхъ архипастырей, «былъ пышенъ по внѣшности даже до возбужденія зависти [7].»

Особеннымъ великолѣпіемъ внѣшнихъ украшеній отличался Иверскій монастырь, предметъ особенныхъ попеченій Никона въ первые годы его патріаршества. Никонъ устроивалъ его такъ, чтобы онъ былъ «въ подивленіе всѣмъ зрящимъ» [8].

[1] Маякъ 1845, т. 24, матеріалы. [2] Впослѣдствіи это подтверждено соборомъ 1667 г. — См. Акт. экс. т. IV, № 174. [3] Такъ напр. онъ велѣлъ писать евангелиста Іоанна съ символомъ орла, и притомъ безъ креста во рту, а Марка—съ символомъ льва, тогда какъ прежде было наоборотъ. См. въ пам. моск. др., Усп. соб.; стр. 33. [4] Тамъ же, стр. 38, 39 и 41. [5] Дополн. ст. къ жизнеопис. Никона, составл. арх. Аполл., № XXI. [6] Пам. моск. др., Усп. соб., стр. 170—177. [7] Церков. ист. М. Платона ч. 2, стр. 241. [8] Акт. ист. т. IV, № 109.

Наконецъ не былъ забытъ Никономъ и скитъ Анзерскій—первое училище иноческихъ его подвиговъ, гдѣ онъ провелъ лучшіе годы безмятежной жизни. Кромѣ ходатайства предъ царемъ о милостынѣ на благоустроеніе и содержаніе Анзера, Никонъ и самъ, посылая прежнему настоятелю своему, старцу Елеазару, «рыбку бѣлужку», въ то же время пожаловалъ монастырю богатые оклады на св. иконы [1]. Но вѣнцемъ пастырской мудрости Никона въ украшеніи св. Божіихъ храмовъ служитъ воздвигнутый имъ храмъ воскресенія Христова въ новомъ Іерусалимѣ, возбуждавшій во всѣ времена удивленіе не только соотечественниковъ, но даже иностранцевъ.

Есть мнѣніе, основанное на любви Никона къ благолѣпію церковному, будто бы онъ первый ввелъ въ отечественной Церкви иконы итальянской живописи; — мнѣніе несправедливое. Никонъ былъ ревностнѣйшимъ чтителемъ и поборникомъ византійскаго иконописанія, подобно всѣмъ предшествовавшимъ ему отечественнымъ первосвятителямъ. Стремленіе ко всему новому, возникшее тогда въ нашемъ отечествѣ, имѣло неблагопріятное вліяніе и на самое искусство отечественнаго иконописанія. Съ начала XVII столѣтія особенно славились у насъ иконописаніемъ двѣ школы: Московская и Строгановская [2]. Многіе св. храмы величественно украсились произведеніями ихъ кисти. Различаясь между собою только нѣкоторыми частными чертами въ изображеніи священныхъ ликовъ [3], они сохраняли въ началѣ общій стиль византійскій. Но одна изъ нихъ скоро измѣнила нашъ древній православный типъ священныхъ изображеній. Въ половинѣ XVII вѣка Строгановская школа уклонилась къ западному — фряжскому стилю иконописанія. И многіе изъ нашихъ бояръ стали покупать образа этой живописи, и украшать ими

---

[1] См. опис. Сол. обит., т. 2. стр. 326, 353—356. [2] Пам. моск. древн. ч. 1. стр. 73. [3] Московскій стиль, по отзыву знатоковъ, отличался свѣтлымъ колоритомъ и умилительностію въ выраженіи лица; а Строгановскій—точностію обрисовки, тщательною отдѣлкою мелочей и драпировки, яркостію красокъ и богатою позолотою. Изслѣд. о русск. иконопис., стр. 52.

свои домовые храмы. Въ то же время другіе изъ бояръ привезли съ собой изъ польскаго похода иконы латинскаго письма. Отъ наблюдательнаго взора Никона не укрылось это распространеніе въ его паствѣ неправославныхъ иконъ. Строгій поборникъ священной древности, преданной намъ съ востока вмѣстѣ съ вѣрою, Никонъ велѣлъ отобрать иконы новой живописи, обезобразилъ ихъ, и велѣлъ стрѣльцамъ носить ихъ по улицамъ города съ такимъ объявленіемъ: «кто впредь будетъ писать иконы не по старинѣ, тотъ подвергнется строжайшему наказанію». Затѣмъ эти иконы собраны были въ соборной церкви, и два патріарха, всероссійскій Никонъ и антіохійскій Макарій, бывшій тогда въ Москвѣ, торжественно произнесли отлученіе отъ Церкви на тѣхъ, кто впредь будетъ писать иконы въ духѣ новой школы «на манеръ фрянковъ и полляковъ». Никонъ хотѣлъ потомъ сжечь эти иконы; но царь предложилъ зарыть ихъ въ землю. Это опять совершено было двумя патріархами [1]. Наконецъ окружной грамотой предписалъ отечественнымъ иконописцамъ, слѣдовать въ изображеніи священныхъ лицъ и предметовъ древней византійской живописи, и угрожалъ строгимъ наказаніемъ тѣмъ изъ нихъ, которые осмѣлились бы впредь писать иконы не по древнему преданію восточной Церкви [2].

Былъ обычай у нашихъ предковъ того времени приносить

---

[1] Странств. антіох. патр. Макарія, въ библ. для чт. т. XV. отд. III. стр. 110—111. Не будемъ удивляться такому поступку Никона съ иконами западной живописи, если вспомнимъ, что итальянскіе и нѣмецкіе художники тѣхъ временъ очень часто писали на иконахъ самихъ себя или своихъ знакомыхъ въ видѣ того или другаго святаго. Не слѣдуя историч. преданіямъ въ изображеніи лицъ, они не слѣдовали тѣмъ же преданіямъ и въ отношеніи къ одеждамъ: изображали древнихъ святыхъ въ одеждахъ новѣйшихъ временъ. Въ иконахъ ex voto всегда изображались въ видѣ святыхъ тѣ самыя лица, которыя заказывали икону. Но Церковь православная всегда требовала, чтобы лики святыхъ были изображаемы на основаніи древняго священнаго преданія, по древнимъ образцамъ (подлинникамъ). Объ иконопис., соч. пр. Анатолія, стр. 94—95. Ср. грам. патр. Іоакима въ акт. экс. т. IV. № 200, также челобитную Сильвестра въ акт. Арх. комм. т. 1. № 238, и VIII гл. Домостроя, во времени. т. 1. [2] Маякъ 1845. т. 24. матеріалы. Записки археолог.-нумизмат. общ., кн. III. 1848, стр. 131—210.

въ церковь свои домашнія иконы, ставить ихъ на отдѣльномъ какомъ либо мѣстѣ, возжигать предъ ними, и только предъ ними, свѣчи,—тогда какъ мѣстныя иконы оставались какбы въ пренебреженіи—имъ только молиться при богослуженіи, и даже называть ихъ «своясн боги». Въ свѣтлый праздникъ, равно какъ и въ другіе великіе праздники, прихожане, принесшіе эти иконы въ церковь, опять выносили ихъ изъ церкви домой, и подержавъ ихъ въ продолженіе праздничнаго времени, снова возвращали въ церковь. Никонъ запретилъ этотъ неблагочинный обычай, и постановилъ, чтобы или совсѣмъ не приносили своихъ домашнихъ иконъ въ церковь, для подобнаго чествованія, или, если кто принесетъ въ церковь икону, чтобы не считалъ уже ее своею, но отдалъ священнику для общаго христіанскаго ея чествованія [1].

Такими-то подвигами ознаменовалъ патріархъ Никонъ пастырскую попечительность свою о чистотѣ и благочиніи общественнаго богослуженія! Но неутомимо дѣятельный и ревностнѣйшій первосвятитель оказалъ много истинно-полезныхъ заслугъ и для той части пастырскаго служенія, которая составляетъ, по отзыву самихъ св. отцевъ, искусство изъ искусствъ [2]. — Переходимъ къ обозрѣнію подвиговъ Никона по благоустройству церковнаго управленія [3].

---

[1] См. Baron. Majerberg—Iter Moscov. pag. 87. Ср. чт. моск. общ. истор. и древн. росс. 1846 г. № 1. матеріалы, стр. 6. Тоже было постановлено и на соборѣ 1667 года въ правилѣ 36. См. рукоп. дѣяніе этого собора въ сборникѣ синод. библіот. № 381. Но, замѣчательно, осторожный преемникъ Никона на первосвятительскомъ престолѣ не внесъ этого постановленія въ число правилъ соборныхъ, напечатанныхъ имъ при служебникѣ 1658 года.

[2] Твор. св. отц. въ русск. перев. т. 1, стр. 30.

[3] Вмѣстѣ съ исправленіемъ богослужебныхъ книгъ, конечно, сами собой должны были выйти изъ употребленія и тѣ обряды, которые до настоящихъ дней отличаютъ богослуженіе по Іосифовскимъ книгамъ отъ богослуженія по книгамъ новоисправленнымъ; напр. хожденіе посолонь, погруженіе свѣчь въ воду при таинствѣ крещенія и пр. См соб свят. при служебн. 1668 г. Увѣт. дух. стр. 30—37. Рук. патр. библ. № 386. Дѣян. соб. 1666—1667 г.

3) Пастырскіе труды Никона по благоустройству церковнаго управленія.

Никонъ, благоговѣвшій къ памяти мудраго, искушеннаго въ многочисленныхъ опытахъ, патріарха Филарета Никитича, не хотѣлъ видѣть никакихъ перемѣнъ въ учрежденныхъ имъ, по духовному вѣдомству, приказахъ. Тѣмъ горестнѣе смотрѣлъ онъ на жалкую особенность, какая возникла въ церковномъ управленіи при кроткомъ, но слабомъ [1], его предшественникѣ. Эта особенность касалась пространства и предѣловъ церковнаго суда. Древнее вселенское право Церкви имѣть свой судъ надъ священными лицами и посвященными Богу предметами было утверждено въ нашемъ отечествѣ законами еще первыхъ нашихъ великихъ князей, и потомъ неоднократно подтверждалось послѣдующими великими князьями. Но въ XIV вѣкѣ стали являться у нашего духовенства, такъ называемыя, несудимыя граматы, которыя освобождали церкви и монастыри, имѣвшія эти граматы, отъ суда епископскаго, и поставляли въ зависимость отъ одного государя [2]. Многіе изъ богатыхъ монастырей и церквей съ усиліемъ домогались этой чести. Причиной такого желанія духовныхъ избавиться отъ суда святительскаго было то, что судъ низшихъ епархіальныхъ чиновниковъ былъ иногда стѣснителенъ и тяжекъ. Поэтому-то случалось, что и тѣ церкви, которыя не хотѣли, или не могли избавиться отъ суда святительскаго, просили у своихъ архіереевъ несудимой граматы, чтобы зависѣть отъ нихъ самихъ непосредственно, а не отъ десятильниковъ и имъ подобныхъ чиновниковъ [3]. Но тогда же многіе іерархи и вѣнценосцы сознавали несообразность съ церковными законами такого порядка дѣлъ [4], и стоглавый соборъ подчинилъ все духовенство суду своихъ епископовъ [5]. «Государевымъ дворецкимъ и дьякамъ» дозволено было наблюдать только за мо-

---

[1] Сл. пис. дух. чина. гъ ст. объ Іосифѣ патріархѣ. [2] Виблioѳ. XIV. Акт. истор. 1, 149. [3] Акт. экспед. III. № 198. IV, № 183. Акт. истор. т. II. № 69. [4] Акт. истор. т. 1, №№ 9, 24, 26, 155. [5] Гл. 67.

пастырской экономіею и монастырской казною, и вѣдать судомъ монастырскихъ крестьянъ [1]. Въ такомъ именно видѣ учрежденъ былъ впослѣдствіи, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, и монастырскій приказъ [2]. Онъ завѣдывалъ не болѣе, какъ «расправою мірскихъ обидныхъ дѣлъ, давалъ судъ на прикащиковъ и крестьянъ монастырскихъ», и собиралъ съ монастырскихъ вотчинъ царскія подати [3]. По уложенію царя Алексѣя Михайловича подчинены суду монастырскаго приказа и всѣ духовныя лица, со всѣми принадлежащими имъ людьми, «во всякихъ истцовыхъ искѣхъ» [4]. Засѣдали въ этомъ приказѣ окольничій и два дьяка [5]. Такимъ образомъ управленіе монастырскими имѣніями и самый судъ надъ духовными лицами перешли въ вѣдѣніе чиновниковъ гражданскихъ. Этого мало: чиновники, засѣдавшіе въ монастырскомъ приказѣ, пользуясь неопредѣленностію правилъ уложенія, установившихъ права и обязанности этого приказа, и опираясь на общія постановленія о судѣ [6], начали мало-по-малу переходить отъ разбора мірскихъ (истцовыхъ) дѣлъ въ церковныхъ вотчинахъ, къ завѣдыванію въ нихъ духовными дѣлами, присвоили себѣ право избирать и поставлять священнослужителей и причетниковъ въ монастырскія села, и начали распоряжаться по своему произволу опредѣленіемъ и огрѣшеніемъ отъ мѣста самыхъ настоятелей монастырей [7]. Кроткій, но слабый старецъ, патріархъ Іосифъ не полагалъ никакихъ препятствій такому разширенію власти монастырскаго приказа.

Отъ дальновиднаго и проницательнаго ума Никона не укрылся этотъ безпорядокъ церковный, хотя онъ прикрывал-

---

[1] Акт. ист. т. 1. №№ 272—274. [2] Онъ упоминается въ записныхъ книгахъ съ 1624 года подъ именемъ приказа монастырскихъ и переносныхъ дѣлъ. Вивлоѳ. стр. 335, ч. XX. [3] Собр. гос. гр. и догов. ч. IV, стр. 128 — 271. Коших. гл. VII, ст. 24. [4] Улож. гл. XIII. [5] Коших. VII. 24. Мальг. стр. 78. [6] Улож. гл. X. особ. ст. 153. ср. гл. XII. 1. [7] Грамата Никона Паисію Лигариду, въ рук. Воскр. мон., ср. церк. ист. Платона, ч. 2. стр. 237 Объ этомъ говорятъ и иностранцы, бывшіе въ Россіи при Никонѣ: «Царь», говоритъ Коллинсъ, «располагаетъ всѣми церковными должностями.» См. чт. моск. общ. ист. и др. росс. 1846. 1, 37.

ся именемъ государственнаго уложенія. Съ полнымъ уваженіемъ къ царю, Никонъ дерзновенно однако жъ возсталъ противъ монастырскаго приказа, какъ только посвященъ былъ на митрополію новгородскую. Отправляясь въ свою паству, Никонъ представилъ царю, что въ словѣ Божіемъ и въ канонахъ Церкви нѣтъ основанія для духовной власти монастырскаго приказа, хотя уложеніе и основывало свои постановленія, между прочимъ, на «правилахъ св. Апостолъ, св. отецъ и на градскихъ законахъ благочестивыхъ греческихъ государей [1]. Благочестивый царь, котораго сердце было отверсто для всѣхъ внушеній закона евангельскаго, призналъ справедливымъ это представленіе Никона, и далъ ему несудимую грамату на митрополію новгородскую [2]. Не смотря однако жъ на несудимую грамоту, полученную Никономъ отъ царя, воевода новгородскій дерзнулъ вмѣшаться въ церковныя дѣла. Никонъ, въ бытность свою въ Москвѣ, опять обратился къ царю съ горькою жалобою на вмѣшательство свѣтскихъ властей въ дѣла управленія церковнаго. Царь Алексѣй Михайловичъ подтвердилъ воеводѣ не вмѣшиваться въ дѣла новгородской митрополіи [3]. Съ тѣхъ поръ Никонъ уже спокойно управлялъ ввѣренною ему паствою [4]. Но вотъ, Никона избираютъ въ патріархи всероссійскіе. И — что же онъ полагаетъ главнымъ и непремѣннымъ условіемъ своего согласія на избраніе? Въ первопрестольномъ храмѣ Москвы, въ присутствіи собора духовныхъ и гражданскихъ властей, царь проситъ Никона принять въ свои руки жезлъ св. Петра митрополита. Никонъ, не смущаясь, поставляетъ какбы торжественный завѣтъ между собою и будущею паствою своею въ томъ, что она будетъ покорна заповѣдямъ Христовымъ и правиламъ церковнымъ. Не называя по имени монастырскаго приказа [5],

---

[1] Введ. къ улож ср. 1 всел. соб. пр. 4. 3 всел. 8, халк. 9. Апост 41 и мн. др. [2] Акт. экси. т. IV. № 10. [3] Времени. т. XIII. матер. стр. 20. Рки. Рум. музеум. № XLVI. [4] Церк. ист. митр. Платона, ч. 2, стр. 257. [5] См. нынѣ самую рѣчь Никона. Она ясно даетъ видѣть, на что указывалъ Никонъ. Ср. странств. антіох. патр. Макарія, въ библ. для чтенія 1859 г., т. XV. III. стр. 12.

Никонъ уже самою покорностію правиламъ церковнымъ обязывалъ царя и бояръ, если не совершенно закрыть этотъ приказъ, то, по крайней мѣрѣ, ограничить права его, или отнять у него средство къ злоупотребленію своими правами. Царь, искренно желавшій видѣть Никона на патріаршемъ престолѣ, и находившій требованіе его совершенно справедливымъ, клятвою подтвердилъ свою покорность правиламъ Церкви. Бояре и народъ послѣдовали примѣру царя. Тогда только Никонъ принялъ въ свои руки жезлъ св. Петра митрополита, и — твердо держалъ его въ продолженіе всѣхъ дней своего славнаго служенія Церкви и отечеству въ санѣ первосвятителя русской Церкви. Правда, монастырскій приказъ при немъ закрытъ не былъ, но онъ приведенъ былъ въ такіе предѣлы, какіе первоначально назначила ему мудрость патріарха Филарета Никитича и царя Михаила Ѳеодоровича [1]. Патріархъ самъ сталъ теперь управлять церковными имѣніями и принадлежащими къ нимъ церковными лицами [2]. Монастырскому приказу предоставлено было право разбирать только гражданскія дѣла между крестьянами въ монастырскихъ вотчинахъ. И такой порядокъ управленія наблюдалъ, охранялъ и поддерживалъ Никонъ во всѣ счастливые годы своего патріаршества [3].

Въ связи съ пастырскими трудами Никона въ защиту правъ и преимуществъ церковнаго суда, была у него забота о сохраненіи и увеличеніи церковныхъ имѣній. Еще въ XV вѣкѣ недвижимыя церковныя имѣнія служили нерѣдко поводомъ къ неудовольствіямъ святителей съ боярами и князьями [4]. Но вопросъ о правѣ Церкви на пріобрѣтеніе недвижимыхъ имѣній и владѣніе ими особенно сталъ занимать духовное гражданское правительство со времени Іоанна Васильевича III. Сосредоточивая всѣ силы государства въ одно стройное цѣ-

---

[1] Акт. экспед. III. 161 Собр. гос. гр. и догов. ч. III. № 71. [2] Дополн. къ истор. акт. т. IV. № 36. 76. [3] Собр. зак. т. 1 №№ 200 и 201. Истор. акт. т. IV. № 73. Собр. государств. грам. и догов. ч. III. №№ 118, 124. 200, 201, 205. ч. IV. №№ 24 и 25. Ср. доп. къ ист. акт. т. IV. №№ 1, 11, 23, церк. ист. М. Платона ч. 2, стр. 257. [4] Акт. экспед. 1, № 50. Акт. истор. 1, № 82. Евлѣев. 177.

лое, и для этой цѣли уничтожая удѣлы, Іоаннъ III обратилъ свое вниманіе и на церковныя помѣстья, съ намѣреніемъ причислить ихъ къ собственности государственной. Первымъ дѣломъ его въ этомъ отношеніи было то, что послѣ покоренія Новгорода въ 1478 году, онъ роздалъ тамошнія церковныя имѣнія дѣтямъ боярскимъ [1]. Затѣмъ мысль свою касательно церковныхъ имѣній предложилъ онъ собору 1500 года, на которомъ предсѣдательствовалъ митрополитъ Симонъ. Но соборъ, защищая права духовенства, отвѣчалъ царю: «не смѣемъ отдать церковнаго стяжанія; ибо оно есть Божіе и неприкосновенно [2]. Послѣ такого отвѣта Іоаннъ III уже не возобновлялъ своихъ требованій. Но Іоаннъ IV продолжалъ мысль дѣда своего о недвижимыхъ церковныхъ имѣніяхъ. Грамотою 1531 года онъ запретилъ вотчинникамъ «спускать родовыя вотчины на сторону», и не позволялъ ни продавать ихъ, ни закладывать, ни отдавать на поминъ души въ монастыри [3]. Чтобы придать болѣе силы своему постановленію, онъ прикровенно высказалъ свою мысль о церковныхъ помѣстьяхъ на соборѣ 1551 года. Соборъ, не отнимая у духовенства права на владѣніе помѣстьями, ограничилъ однако жъ право на пріобрѣтеніе ихъ. Было постановлено, чтобы ни монастыри, ни епископы впредь не покупали деревень безъ воли государя, а имѣнія, уже укрѣпленныя за церквами въ малолѣтство царя, были возвращены ему [4]. Наконецъ въ 1572 и 1581 годахъ положено было впредь не принимать вотчинъ въ монастыри, но въ замѣнъ того брать деньги по цѣнѣ селъ, по прежнихъ вотчинъ «не выпускать» [5]. Съ тѣхъ поръ мысль объ ограниченіи правъ духовенства на пріобрѣтеніе вотчинъ была постоянною государственною мыслію. Подобно отцу своему, Ѳеодоръ Іоанновичъ запретилъ вотчинникамъ жаловать въ монастыри помѣстья на поминъ души [6]. Правда, царь Михаилъ

---

[1] Соф. врем. 2, 193. [2] О соб. въ Россіи до Іоанна IV, стр. 151. Карамз. ч. VI. 340. [3] Акт. экси. 1, 151. [4] Акт. экси. 1, 247. Стогл. 53—65. [5] Акт. экси. 1, 368. Собр. гос. гр. и догов. т. 1, № 200. [6] Собр. гос. грам. и догов. т. 1, № 262.

Ѳеодоровичъ, по совѣту отца своего патріарха Филарета Никитича, только установилъ лучшій порядокъ управленія монастырскими имѣніями, но не лишалъ монастыри самыхъ имѣній [1], равно какъ и правъ на пріобрѣтеніе новыхъ вотчинъ [2]. Тѣмъ не менѣе царь Алексѣй Михайловичъ въ 1648 году повелѣлъ сдѣлать выписку о вотчинныхъ земляхъ, пріобрѣтенныхъ духовными лицами, церквами и монастырями съ 1580 по 1648 годъ, и, разсмотрѣвъ эту выписку [3], подтвердилъ прежнія постановленія государей объ ограниченіи права церквей и монастырей на пріобрѣтеніе недвижимыхъ имѣній, и такой законъ внесенъ былъ потомъ въ самую книгу уложенія [4]. Наконецъ въ 1651 году снова подтвержденъ этотъ законъ уложенія: окружною грамотою царя запрещено церквамъ и монастырямъ пріобрѣтать въ закладъ и въ собственность тяглыя земли и угодья [5]. Казалось бы, что послѣ всѣхъ такихъ постановленій, церковныя недвижимыя имѣнія не могли уже увеличиваться. Но — патріархъ Никонъ, по силѣ воли и власти своей, опиравшейся на дружбѣ царя, сталъ выше всѣхъ подобныхъ ограниченій. Ни одинъ изъ отечественныхъ архипастырей никогда не обладалъ такими огромными вотчинами, какъ Никонъ. Много земель и деревень имѣлъ при себѣ новгородскій архіерейскій домъ. Но при Никонѣ богатства его увеличились еще болѣе [6]. Много вотчинъ имѣлъ и московскій патріаршій домъ; но при Никонѣ число ихъ весьма значительно умножилось [7]. Наконецъ Никонъ построилъ три монастыря. Царь пожаловалъ имъ богатѣйшія вотчины [8]. Никонъ прибавилъ къ нимъ много своихъ, купленныхъ

[1] Улож. гл. XVII. ст. 42. [2] Тамъ же. [3] Акт. экспед. т. IV, № 33. [4] Улож. гл. XVII, ст. 42. [5] Дополн. къ акт. истор. т. III, № 68. [6] Времен. т. XIII. матер. стр. 21, 27, 33. Акт. экс. IV, 53. Новгор. вѣд. 1859 г. № 11. часть неоффиціальная. [7] «До Никона», говоритъ одинъ его современникъ, «патріаршія помѣстья заключали въ себѣ 10,000 крестьянскихъ домовъ; теперь считаютъ ихъ 25,000; однимъ словомъ, доходы патріархата чрезвычайные!» См. стр. ант. митр. Макарія, въ библ. для чт. III, стр 110. Ср. жизнеопис. Никона, составл. арх. Аполл. 1845 г. стр. 50. [8] Ист. росс. іер. ч. II, IV, VI. о монастыряхъ: Воскресенскомъ — Новомъ Іерусалимѣ, Иверскомъ и Крестномъ. Ср. ист. акт. т. IV, №№ 73, 102, 200. Времен. т. XV, стр. 70—95. Акт. ист. IV, 97.

на келейныя и казенныя монастырскія деньги [1]. Скажемъ болѣе: заботливость Никона о недвижимыхъ церковныхъ имѣніяхъ не ограничивалась только предѣлами собственной его епархіи. Онъ охранялъ, защищалъ и утверждалъ права и другихъ архипастырей и подвѣдомыхъ имъ монастырей на владѣніе церковными помѣстьями, и на пріобрѣтеніе новыхъ— покупкою ихъ или вкладомъ отъ усердія благотворителей. Стоитъ особеннаго замѣчанія, что во всѣ годы счастливаго и славнаго служенія Никона Церкви (1652—1658 г.) не видно ни одной царской грамоты, которая бы ограничивала права церквей на пріобрѣтеніе вотчинъ [2]. Никонъ имѣлъ столько мудрости, что въ его правленіи Церковію, по его же внушенію, видѣли въ достояніи Церкви — достояніе Божіе, и потому не только считали церковныя вотчины неприкосновенными, но и не полагали преградъ къ ихъ умноженію [3]. Тѣмъ не менѣе Никонъ охотно и щедро жертвовалъ богатствами монастырей и церквей для государственной пользы. Во время войны царя съ Польшею и Литвою, Никонъ самъ разсылалъ грамоты въ богатѣйшія монастыри съ предписаніемъ отправлять къ царю въ военное поле людей, лошадей, хлѣбъ и военные снаряды, которыми богаты были нѣкоторыя изъ тогдашнихъ монастырей [4]. Антіохійскій патріархъ Макарій, бывшій въ 1655 году въ Москвѣ, спросилъ однажды Никона: «сколько

---

[1] Памятн. моск. древн. 1, 88. Врем. XV стр. 75. Акт. ист. IV, № 97. [2] И это не потому, что сдѣлано было постановленіе о церковныхъ имѣніяхъ въ уложеніи. Уложеніе не препятствовало царю Ѳеодору Алексѣевичу подтвердить особеннымъ указомъ, чтобы вотчинники не закладывали въ монастыри вотчинъ, безъ указа государева. Собр. гос. гр и догов. т. IV, № 110. Ово не удержало и самаго Алексѣя Михайловича окружной грамотой 1651 года подтвердить законъ уложенія о церковныхъ вотчинахъ. [3] Правда, одинъ изъ иностранцевъ, бывшихъ тогда въ Россіи, пишетъ: «царь очень покровительствуетъ Церкви, ограничиваетъ однакожь излишнюю щедрость умирающихъ, которые отказываютъ свои имущества духовенству. Никто не можетъ основать монастыря безъ его позволенія. Во время войны онъ заимообразно пользуется церковною казною, и возвращаетъ занятое ad graecas calendas.» См. чт. моск. общ. ист. и древн. 1846 г. 1. матер. стр. 37. Но первая половина этого отзыва относится ко времени прежде патріаршества Никона, а вторая—ко времени несогласія Никона съ царемъ. Ср. стр 38. [4] Дополн. къ ист. акт. т. IV. №№ 1, 14, 23, 26. Акт. экси. IV. №№ 71, 86, 87, 91.

войска отправилось съ царемъ въ походъ противъ поляковъ?» «До трехъ сотъ тысячъ человѣкъ», отвѣчалъ Никонъ, и прибавилъ: «я самъ выставилъ десять тысячъ воиновъ, и такое же число получено отъ монастырей, смотря по богатству и доходамъ каждаго изъ нихъ» [1]. Объ одномъ только заботился Никонъ, «да не мірская власть извѣтомъ нѣкіимъ влѣзетъ въ ня» (церковныя имѣнія) [2].

Но духъ новаго времени поставлялъ сильныя препятствія пастырской ревности Никона къ защитѣ древнихъ правъ и преимуществъ отечественной Церкви. Когда еще Никонъ былъ митрополитомъ, при дворѣ царя уже слышались жалобные возгласы, подобные слѣдующему: «николи такого безчестія не было, чтобы нынѣ государь насъ выдалъ митрополитомъ» [3]. Проницательный архипастырь видѣлъ, что въ его время должны повториться подвиги доблестныхъ поборниковъ Церкви и отечества — св. митрополита Филиппа и патріарховъ Іова и Гермогена. Преемникъ одушевлявшей ихъ пастырской ревности, Никонъ желалъ, чтобы они почивали блаженными останками своими въ виду недоброжелателей Церкви, и, обличая ихъ, поощряли на подвигъ самоотверженія тѣхъ, кого *поставилъ Духъ Святый пасти Церковь Господа и Бога, юже стяжа кровію Своею.* Никонъ пришелъ такимъ образомъ къ мысли — соединить въ московскомъ Успенскомъ соборѣ гробницы трехъмужественныхъ страдальцевъ за Церковь и отечество.

Января 19-го 1652 года происходило открытіе мощей преподобнаго Саввы Звенигородскаго [4]. Глубокимъ благоговѣніемъ къ новоявленной святынѣ и судьбамъ промысла Божія, дивнаго восвятыхъ своихъ, проникнуты были сердца всѣхъ, предстоявшихъ гробу новаго чудотворца. Здѣсь былъ и самъ царь съ многочисленной свитой изъ вельможъ. Митрополитъ Никонъ,

---

[1] Библ. для чт. т. XV, III. стр. 107. [2] Возр. на 26 гопр. Стрѣшнева Паисію Лигариду. [3] Акт. экспед. т. IV, № 57. [4] Дворц. разр. т. III, стр. 296. 297. Преп. Савва скончался въ 1407 году. Но до 1652 года св. мощи его почивали подъ спудомъ.

сослужившій патріарху Іосифу при открытіи св. мощей, воспользовался умиленіемъ царя, чтобы предложить ему мысль свою о перенесеніи въ московскій успенскій соборъ патріарховъ Іова и Гермогена и св. митрополита Филиппа [1]. Особенно просилъ онъ возвратить въ первопрестольный городъ мощи св. митрополита. Никонъ представлялъ государю, что этою честію святителю царь загладитъ вину прадѣда своего, и указывалъ на примѣръ Ѳеодосія младшаго, который перенесеніемъ изъ Команъ св. мощей Іоанна Златоустаго сдѣлалъ имя свое въ Церкви незабвеннымъ, а матери своей Евдокіи, виновницѣ изгнанія святителя, исходатайствовалъ прощеніе. Съ сердечнымъ утѣшеніемъ выслушалъ благочестивый государь это трогательное для души его моленіе Никона, и тогда же изъявилъ ему свое согласіе.

Марта 20-го того же года [2] составился въ Москвѣ соборъ изъ русскихъ архипастырей и знатнѣйшаго духовенства московскаго, подъ предсѣдательствомъ патріарха Іосифа, въ присутствіи самого государя. Благочестивый царь Алексѣй Михайловичъ предложилъ на разсмотрѣніе святителей святое намѣреніе и желаніе свое касательно доблестныхъ первосвятителей Россіи, почивавшихъ, по судьбамъ Божіимъ, внѣ первопрестольнаго храма паствы своей. «Я сокрушаюсь сердцемъ», говорилъ государь, «что доблестные ревнители Церкви и отечества почиваютъ не вмѣстѣ съ собратами своими въ священной сѣни храма Успенія пресвятыя Богородицы, и пламенѣю желаніемъ перенести останки ихъ въ первопрестольный храмъ ихъ паствы.—Митрополитъ Филиппъ», продолжалъ царь, «нѣсколько разъ являлся мнѣ во снѣ, и говорилъ: я долго лежу вдалекѣ отъ гробницъ собратій моихъ, митрополитовъ; пошли за мною, и перенеси меня въ ихъ среду. Итакъ» заключилъ царь, «давно уже имѣю желаніе взять оттуда мощи св. Филиппа, и перенести въ Успенскій соборъ [3] ». Соборъ не только

---

[1] Церк. ист. М. Плат. ч. 2, стр. 67 и 235. [2] Дворц. разр. т. III, стр. 300, 301. [3] Библ. для чт. т. XV, III. стр. 92. Жизнеопис. Ник., составл. А. Аполл., стр. 24, 25.

изъявилъ согласіе на благочестивое предложеніе царя, но и со слезами радости благодарилъ монарха за святую его любовь и вѣру къ памяти святыхъ и блаженныхъ іерарховъ всероссійскихъ.

Итакъ, въ тотъ же день торжественно перенесены были священные останки доблестнаго патріарха Гермогена изъ Чудова монастыря въ первопрестольный храмъ московскихъ святителей, и поставлены поверхъ земли, подлѣ мѣднаго шатра ризы Господней. Безчисленное стеченіе народа предшествовало и сопутствовало гробницѣ, скрывавшей тѣло ревностнѣйшаго защитника вѣры и отечества въ бѣдственную годину государства московскаго. Со слезами умиленія воздавали эту честь блаженному первосвятителю патріархъ Іосифъ и благочестивый царь.

Тогда же въ Старицу, за тѣломъ блаженнаго патріарха Іова, отправленъ былъ ростовскій митрополитъ Варлаамъ, маститый старецъ, подобный самому Іову, съ многочисленной свитой изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Апрѣля 8 незабвенный своими подвигами патріархъ Іовъ явился опять торжественно изъ Старицы въ Москву, куда нѣкогда съ подобнымъ же торжествомъ вызывалъ его изъ безмолвнаго убѣжища на каѳедру св. Петра царь Василій Іоанновичъ Шуйскій. Стеченіе народа было такъ многочисленно, что едва находили себѣ путь духовенство и сановники, сопровождавшіе гробницу патріарха [1].

Въ Соловецкій монастырь за св. мощами митрополита Филиппа отправился Никонъ, какъ постриженикъ Соловецкаго монастыря, гдѣ и самъ митрополитъ Филиппъ принялъ нѣкогда иноческій санъ, и былъ игуменомъ. Въ спутники Никону назначенъ былъ боярин князь Никита Ивановичъ Хованскій съ многочисленною свитою. Съ радостію отправился Никонъ въ путь, отслуживъ себѣ въ напутствіе въ Успенскомъ соборѣ молебенъ Господу Богу въ присутствіи государя. На-

[1] Акт. экспед. т. IV, № 57.

тріархъ Іосифъ благословилъ его въ путь. Царь вручилъ ему грамату къ св. мощамъ Филиппа, написанную въ подражаніе молитвеннаго посланія, какое царь греческій Ѳеодосій писалъ къ мощамъ св. Іоанна Златоустаго, когда переносилъ ихъ изъ Команъ въ Константинополь [1]. Никону поручено было прочитать эту грамату въ церкви, надъ гробницей святителя, въ слухъ всего народа.—Почти съ каждаго мѣста продолжительной остановки, для отдыха отъ путеваго утомленія, Никонъ извѣщалъ государя о своемъ здоровьѣ и успѣхѣ пути [2], и царь въ свою очередь не забывалъ Никона [3]. Св. Пасху Никонъ проводилъ въ Вологдѣ [4]. Послѣ того онъ пустился въ открытое море. Но промыслъ Божій, какбы въ знаменіе той бури, какую Никонъ долженъ былъ впослѣдствіи потерпѣть, подобно святителю, за нетлѣнными останками котораго онъ шествовалъ, воздвигъ сильную бурю на Бѣломъ морѣ [5]. Корабли были разсѣяны по разнымъ мѣстамъ, и многіе разбились о морскія скалы. Корабль, на которомъ плылъ дьякъ, исчезъ безъ вѣсти. Но Никона спасла сила креста Христова; ему опять судилъ Промыслъ обрѣсти себѣ избавленіе отъ волнъ морскихъ въ пристанищѣ острова Кія. Никонъ повторяетъ здѣсь свой обѣтъ — воздвигнуть монастырь. Между тѣмъ отправлены были по разнымъ мѣстамъ нарочитые люди отыскивать разсѣянныхъ бурею спутниковъ митрополита. И когда они собрались на островъ Кій, Никонъ опять ввѣрился пучинѣ морской. Наконецъ іюля 3 воды Бѣлаго моря благополучно принесли Никона къ мѣсту его назначенія—въ Соловецкій монастырь. Утѣшительно и сладостно было увидѣть Никону ту пустыню, гдѣ онъ въ невозмущаемой тишинѣ уединенной своей келліи, среди шума волнъ морскихъ, но далекій отъ бурь житейскихъ, съ легкостію орла возносился умомъ и сердцемъ своимъ горя къ Богу, вѣдущему тайны сердецъ. По вступ-

---

[1] См. самую грамату въ жизнеопис. Ник., сост. А. Аполл. стр. 27—30. [2] Времени. т. XIII. матер. стр. 44, 46, 55. [3] См. дополн. ст. въ жизнеопис., сост. А. Аполл. №№ I II. III. V. [4] Времени. т. XIII. матер. стр. 53. [5] Собр. госуд. гр. и догов. т. III, № 154.

леніи въ обитель св. Зосимы и Савватія, Никонъ вручилъ братіи указъ царскій и патріаршій, повелѣвавшій имъ съ честію отдать Никону св. мощи митрополита Филиппа.

Скорбію исполнились сердца иноковъ Соловецкой обители, не желавшихъ разстаться съ св. мощами священномученика, бывшаго нѣкогда игуменомъ этой самой обители; но, зная, что «сердце царя въ рукѣ Божіей», смиренно покорились его указу. На 7 іюля [1], Никонъ совершилъ въ соборномъ храмѣ обители, гдѣ почивали и св мощи Филиппа, всенощное бдѣніе со всею торжественностію, приличною великимъ праздникамъ. На другой день, послѣ литургіи, которую совершалъ также самъ Никонъ, открылось въ обители умилительное и трогательное зрѣлище. Началось чтеніе молебнаго посланія царя къ мощамъ св. митрополита Филиппа. Стоны и рыданія братіи и собравшагося многочисленнаго народа заглушали голосъ Никона, который самъ читалъ это посланіе. Всѣ плакали о лишеніи столь великой завѣтной святыни своей [2]. Обитель, которая нѣкогда лишилась св. своего игумена еще при жизни его, когда царь Іоаннъ Васильевичъ IV вызывалъ его въ Москву для поставленія въ митрополита всей Россіи, теперь должна была въ другой разъ лишиться св. своего пастыря, по случаю перенесенія въ Москву нетлѣнныхъ мощей его. Но Никонъ продолжалъ совершать свое дѣло. По прочтеніи предъ угодникомъ царскаго посланія, начался молебенъ. Рыданія не прекращались. Послѣ молебна священнослужители приступили къ священной ракѣ, покоившей св. мощи Филиппа, чтобы подъять ее на рамена, и препроводить на приготовленный уже корабль, который долженъ былъ отплыть съ этимъ драгоцѣннѣйшимъ сокровищемъ благочестія русскаго къ царствующему граду. Тогда братія Соловецкой обители, съ грустію въ душѣ, воспѣли надъ гробомъ святителя нарочно на этотъ разъ сочиненный трогательный гимнъ [3]. За тѣмъ всѣ приступили

---

[1] Врем. т. XIII, матеріал. стр. 55. [2] Собр. гос. грам. и догов. т. III. № 149. [3] «Не подобало бы тебѣ, о святитель Филиппъ, оставлять свое отече-

къ отходящему отъ нихъ святителю, чтобы въ послѣдній разъ облобызать св. десницу его въ вѣчное себѣ благословеніе. Наконецъ, подняты были съ мѣста св. мощи св. Филиппа [1], и открылось шествіе съ ними изъ храма къ морскому берегу, гдѣ стоялъ приготовленный для нихъ корабль. Вопли и рыданія умножились, оглашая воздухъ, исполненный благоуханіемъ отъ св. мощей и ѳиміама [2]. Солнце ярко блистало на драгоцѣнныхъ утваряхъ и облаченіяхъ церковныхъ. Еще разъ братія обители и народъ воздали благоговѣйное поклоненіе св. мощамъ, и—корабль скрылъ священную гробницу въ своихъ нѣдрахъ.

Граматой царя велѣно было Никону плыть съ св. мощами Филиппа изъ Соловецкаго монастыря моремъ до Онежскаго устья [3] а съ Онежскаго устья — рѣкою Онегою на Каргополь, откуда — рѣками же и озерами на Волокъ на Короткѣ, затѣмъ внизъ рѣкою Шексною, потомъ Волгою, Дубною, Яхромою до Дмитрова, а изъ Дмитрова идти сухимъ путемъ въ Москву [4]. Но обстоятельства расположили Никона совершить съ мощами священномученика до Москвы тотъ самый путь, которымъ впослѣдствіи самъ онъ долженъ былъ возвращаться изъ заточенія въ устроенную имъ Воскресенскую обитель. Прибывъ изъ Бѣлозерска въ Рыбинскъ, Никонъ, по случаю оказавшагося въ верху Волги мелководія, направилъ свой путь въ Ярославль, и отсюда сушею въ Троицко-Сергіевскую лавру, куда и прибылъ 4 іюля [5].

ство! Но должно къ намъ возвратиться, гдѣ ты духовно породился, гдѣ ты понесъ труды равнообразные богоноснымъ отцамъ, и гдѣ наконецъ воздвигъ ты великолѣпные храмы во спасеніе иноковъ и къ славословію Творца. Моли Того, помолись Тому о спасеніи душъ нашихъ» См. опис. Сол. обит. ч. 1, стр. 145.

[1] Часть св. мощей оставлена была въ обители Соловецкой. См. опис. Сол. обит. ч. 1, стр. 144. [2] «Мнози», писалъ Никонъ царю, «путемъ отъ плача и слезъ изнемогше, яко ни путемъ итти могуще или видяще гдѣ, но валяющеся сѣмо и овамо, яко объюродѣвше, ови отъ радости, ови жь отъ жалости, и со гласомъ рыдающе; воистину жалости тоя подробно сказати словомъ не мощно.» Собр. гос. грам. и догов. т. III, № 149. [3] Куда Никонъ и прибылъ 11 іюня въ 3 часу. Собр. госуд. грам. и догов. т. III, № 149. [4] Собр. госуд. гр. и догов. т. III, №№ 150 и 151. [5] Отсюда писалъ онъ извѣстіе о себѣ царю. Тамъ же 153.

Іюля 9 совершилось торжественное перенесеніе мощей священномученика Филиппа въ царствующій градъ Москву [1]. Три дня и три ночи стояли св. мощи среди соборной церкви для благоговѣйнаго поклоненія и лобзанія ихъ благочестивымъ народомъ московскимъ. Наконецъ 13 іюля они переложены въ новую богатую раку, и поставлены на правой сторонѣ собора въ придѣлѣ св. Димитрія Солунскаго [2]. Царь щедро одарилъ Никона. Онъ пожаловалъ ему много драгоцѣнныхъ церковныхъ облаченій, и сверхъ того—нѣсколько деревень новгородскому архіерейскому дому [3].

Царь, извѣщая послѣ того воеводу Одоевскаго [4] о перенесеніи въ Москву св. мощей митрополита Филиппа, ублажалъ въ граматѣ къ нему страдальцевъ правды, порицалъ гонителей ихъ, и, между прочимъ, писалъ: «а мы, великій государь, ежедневно просимъ у Создателя и Вседержителя Бога нашего, и у пречистой Его Матери, и у всѣхъ святыхъ, чтобы Господь Богъ... даровалъ намъ, великому Государю, и вамъ боляромъ съ нами единодушно люди Его свѣтовы разсудити въ правду всѣмъ равно [5]».

Такими-то средствами, еще въ санѣ митрополита новгородскаго, противодѣйствовалъ Никонъ тѣмъ преградамъ, которыя духъ времени хотѣлъ поставить пастырской ревности его къ благоустройству Церкви. По вступленіи на патріаршій престолъ онъ отпечатлѣлъ ту же ревность и то же противодѣйствіе духу времени на самыхъ заслугахъ своихъ для законодательства церковнаго.

При патріархѣ Іосифѣ въ первый разъ напечатано было собраніе церковныхъ правилъ, подъ названіемъ кормчей книги [6]. Но въ это время издатели церковныхъ книгъ вносили въ ихъ свои заблужденія, искажали во многихъ мѣстахъ смыслъ въ пользу своихъ предразсудковъ, и помѣщали статьи

---

[1] Дворц. разр. т. III, стр. 320. [2] Тамъ же стр. 321. [3] Тамъ же стр. 322. Ср. Шушер. [4] Который впослѣдствіи былъ однимъ изъ жесточайшихъ враговъ Никона по должности боярина монастырскаго приказа. [5] Акт. экспед. т. IV, № 328. [6] Обозр. славяно-русск. библ. вып. IV стр. 178.

подложныя. Такой же участи подверглась и кормчая книга. Никонъ, вступивъ на патріаршій престолъ, разсмотрѣлъ ее, и нашелъ въ ней, кромѣ множества самыхъ грубыхъ типографическихъ ошибокъ, нелѣпое смѣшеніе понятій, превращеніе смысла, пропуски, лишнія вставки, многія главы совершенно неизвѣстнаго происхожденія, а сверхъ всего этого—нѣсколько мнѣній прямо раскольническихъ [1]. Въ такомъ видѣ издатели успѣли уже выпустить нѣсколько сотъ экземпляровъ [2]. Но Никонъ остановилъ выходъ прочихъ экземпляровъ, подвергъ кормчую разсмотрѣнію соборному и, по указанію собора, сдѣлалъ въ ней исправленія [3]. При этомъ снесено было нѣсколько старыхъ списковъ церковныхъ правилъ, и все изданіе повѣрено по списку древней греческой кормчей патріарха Паисія іерусалимскаго, который былъ въ то время въ Москвѣ [4]. Соображаясь съ потребностями своего времени и съ значеніемъ самой кормчей книги, Никонъ исключилъ изъ нея статьи, которыя признавалъ несовременными или излишними, и включилъ, на мѣсто ихъ, то, что находилъ или особенно приличнымъ для самой книги, или полезнымъ для церковнаго управленія въ его времена. Такъ онъ исключилъ предисловіе, которое было помѣщено въ кормчей патріарха Іосифа, и включилъ *сказаніе о патріаршемъ поставленіи* [5], и кромѣ того статью *о римскомъ отпаденіи, грамату императора Константина*

---

[1] Такъ, между прочимъ, въ кормчую внесена, подъ именемъ Никиты мниха, цѣлая глава о запрещеніи брадобритія. [2] Было уже выпущено до 100 экз. Съ умысла ли самихъ издателей, или потому, что это изданіе было выпущено безъ вѣдома Никона и прежде его патріаршества, только въ этомъ изданіи не упомянуто имени Никона, какъ патріарха. Впрочемъ и послѣ Никонова изданія, раскольники перепечатывали свою кормчую въ другихъ типографіяхъ, напр. почаевской, виленской и др. См. сл. и. Евг. ч. 1. подъ сл.: Іосифъ патр., Розенкампфа стр. 89 и примѣч. 83. [3] См. послѣсловіе печатной кормчей: «яже въ неисправленіи погрѣшенія быша, сія вся исправльше, во едино согласіе вси сочеташа.» [4] Тамъ же сказано: «многіе переводы сея св. книги ко свидѣтельству типографскаго дѣла собрани быша, въ нихже едина паче прочихъ въ правилѣхъ крѣпчайши, наипаче же засвидѣтельствова тую книгу греческая кормчая книга Паисія патріарха св. града Іерусалима, яже древними писцы написася за многія лѣта. [5] Или ясѣе — о началѣ патріаршества въ Россіи. л. 1—37.

къ папѣ Сильвестру, и еще *послѣсловіе*, которое объясняетъ значеніе кормчей книги и излагаетъ исторію ея исправленія. Никонъ считалъ уложеніе восточныхъ патріарховъ о патріаршествѣ въ Россіи краеугольнымъ камнемъ въ основаніи самостоятельнаго іерархическаго управленія отечественной Церкви [1]. Поэтому, ему весьма естественно было придти къ мысли — помѣстить это уложеніе въ кормчую книгу. Съ другой стороны предисловіе, помѣщенное въ Іосифовской кормчей, было заимствовано изъ одного литовскаго списка кормчей, составленнаго 1601 года въ Люблинѣ, и, по содержанію своему не имѣло никакого приложенія къ изданію кормчей въ Москвѣ [2]. Не забудемъ и того, что Никонъ въ это время уже ввелъ, между прочимъ, греческое пѣніе въ церквахъ, и имѣлъ намѣреніе согласить славянскія богослужебныя книги съ греческими. Суевѣры негодовали на него за сближеніе съ греческою Церковію. Но Никонъ находилъ для себя сильное оправданіе въ уложеніи о патріаршествѣ въ Россіи, гдѣ выставляется на видъ нашимъ патріархамъ сохранять единство съ греческою Церковію не только въ догматахъ, но и въ обрядахъ Церкви [3]. Всѣ эти причины вмѣстѣ расположили мудраго патріарха исключить изъ кормчей излишнее предисловіе, и, на его мѣсто, поставить опредѣленіе восточныхъ патріарховъ о патріаршествѣ въ Россіи, — поставить то, что должно было составлять во всѣ послѣдующія времена отечественной Церкви основаніе и начало церковнаго управленія [4]. По такимъ же требованіямъ своего времени, Никонъ внесъ въ кормчую книгу грамату, данную императоромъ Константиномъ великимъ римскому па-

---

[1] См. возраженіе на 24 вопросъ Стрѣшнева Паисію Лигариду въ рукописи Воскресенскаго монастыря. [2] См. обозрѣніе кормчей книги Розенкампфа, стр. 81, 82. [3] Съ такою именно мыслію Никонъ самъ ссылается на сказаніе о патріаршемъ постановленіи въ возраженіи своемъ на 24 вопросъ Стрѣшнева. Въ ркп. Воскр. мон. [4] Собр. госуд. гр. и дог. т. II. № 52. Пять листовъ печатныхъ, заключавшихъ въ себѣ прежнее предисловіе, выпущены и на первомъ перепечатанномъ листѣ означено это опущеніе буквами: а, б, г, д, е. Эти буквы видны въ печатной кормчей послѣ 37 листа перваго счета. См. Розенкампфа, стр. 88.

пѣ Сильвестру. Она необходима была для постоянной цѣли Никона—возвысить православную Церковь. Онъ ясно видѣлъ, что значеніе духовенства въ обществѣ его времени съ каждымъ годомъ падало ниже и ниже. Судъ надъ церковными лицами, какъ мы уже говорили, перешелъ въ руки мірскихъ людей; имуществами Церкви и самыми церковными должностями распоряжались бояре [1]. Но ничто такъ разительно не могло обличить людей того времени въ несправедливости ихъ притязаній на церковный судъ и церковныя имѣнія, какъ эта грамата Константина великаго папѣ Сильвестру. Не много нужно было проницательности, чтобы понять ея смыслъ и видѣть разительное несходство съ нею тогдашняго положенія дѣлъ отечественной Церкви. Правда, она по справедливости признается неподлинною. Но Никонъ, по духу своего вѣка, незнавшаго ученыхъ изслѣдованій, вѣрилъ ея подлинности. Вѣрили ея подлинности и бояре и самъ царь. И вотъ, на основаніи этой-то грамоты Никонъ получилъ отъ царя тѣ великія права и преимущества, какими владѣлъ въ счастливые годы своего патріаршества. Конечно, первою виною всѣхъ этихъ преимуществъ была дружеская любовь царя къ Никону; но юридическимъ основаніемъ ихъ служила именно эта самая грамата. Благочестивый царь Алексѣй Михайловичъ ревновалъ Константину великому въ усердіи къ Церкви Божіей. Не одно предположеніе высказываемъ въ этомъ случаѣ, но истину, засвидѣтельствованную врагами Никона, и подтвержденную имъ самимъ. Враги Никона прямо говорятъ, что «государь царь на письмѣ подалъ многія привиллегіи Никону такожде, якоже Константинъ великій, вельми почитаючи папу римскаго Сильвестра, вручилъ ему папѣ многія привиллегіи [2]». Никонъ, отвѣчая на эти слова враговъ своихъ, не только не отвергаетъ подлинности самой граматы, на которую ссылаются враги его, но и доказываетъ, что государь далъ ему правъ менѣе, чѣмъ сколько дано было Константиномъ великимъ папѣ Сильвест-

[1] Чт. моск. общ. ист. и др. росс. 1846 г. 1; стр. 38. [2] См. вопр. Стрѣшнева Паисію Лигариду 24-й, въ ркп. Воскр. мон.

ру [1]. Такимъ образомъ самъ Никонъ признаетъ, что грамата Константина великаго служила основаніемъ той обширной церковно-гражданской власти, которою пользовался онъ въ славѣ Церкви и ея служителей. Наконецъ, Никонъ внесъ еще въ кормчую книгу статью о римскомъ паденіи. Нельзя не предположить съ достовѣрностію, что и эта статья направлена была Никономъ противъ духа его времени. Во времена Никона обнаруживалось въ нашихъ предкахъ стремленіе къ сближенію съ латинами [2]. Надобно же было показать сынамъ православной Церкви неправды Церкви римской и правду въ отношеніи къ ней Церкви каѳолической восточной, и такимъ образомъ предохранить ихъ отъ заблужденій чуждой Церкви [3]. Итакъ, труды патріарха Никона, по законодательству церковному, свидѣтельствуютъ о его пастырской ревности и мудрости [4].

Издавъ такимъ образомъ въ свѣтъ кормчую книгу, и имѣя въ виду единство управленія отечественной Церкви съ греческою, Никонъ не хотѣлъ принимать никакого другаго законодательства для отечественной Церкви, кромѣ правилъ, помѣщенныхъ въ кормчей. Но въ этомъ случаѣ ревность его къ сохраненію единства нашей Церкви съ греческою ввела его въ

---

[1] См. возраж. Никона на этотъ вопросъ. [2] Странств. ант. патр. Макарія въ библ. для чт. XV. III. стр. 110. Акт. экспед. IV. № 57. чт. моск. общ. ист. и др. росс. 1848 № 1, матер. стр. 2, собр. госуд. грам. т. III. стр. 331. [3] Такъ поступали и древніе наши первосвятители. См. посланіе къ латиномъ митр. Леонтія, въ времени. 1850 г. кн. V. [4] Послѣ патр. Никона наша кормчая по тому же составу нѣсколько разъ была перепечатываема, какъ-то въ 1787, 1804 и 1816 г. Перемѣнъ никакихъ почти не сдѣлано, кромѣ исправленія нѣкоторыхъ поврежденій и замѣненія ихъ яснѣйшими. Изъ всего первоначальнаго состава ея выпущена только глава Никиты мниха объ опрѣснокахъ, постѣ субботномъ и бракѣ священнослужителей. Причины этого объяснены во 2 изд. на л. 59. О Никитѣ мнихѣ см. Baron. Annal. 1054, n. 20, 21. Jahr. Biblioth. т. VI. p. 433. Объ изданіяхъ его книги—у Biener, pag. 62. Нельзя однакожъ строго обвинять Никона въ томъ, что онъ оставилъ въ кормчей правила Никиты мниха. Рукописи этихъ правилъ показаны въ каталогахъ всѣхъ большихъ библіотекъ, и въ каталогѣ синодальныхъ рукописей, составленномъ проф. Маттеемъ. Никону, по состоянію просвѣщенія въ его время, легко было увлечься такимъ множествомъ этихъ рукописей, чтобы признать самыя правила подлинными. См. бар. Розенкампфа, стр. 90, Христ. чт. 1846 г. ч. IV, стр. 335. Новѣйшія изданія кормчей явились въ наше время въ 1834, 1839 и 1843 годахъ.

крайность. Онъ поставилъ наравнѣ между собою законы градскіе, или узаконенія греческихъ царей по дѣламъ Церкви, и правила св. Апостолъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и св. отцевъ, и какъ послѣднія, такъ и первыя считалъ неприкосновенными [1]. Никону неизвѣстна была истина, что каждая частная Церковь можетъ, по требованію своихъ мѣстныхъ обстоятельствъ, замѣнять постановленія греческихъ царей собственными мѣстными постановленіями, только бы эти постановленія были согласны съ вселенскими канонами [2]. Никонъ напротивъ возвелъ и постановленія греческихъ царей на степень неизмѣняемости, и потому, между прочимъ, возставалъ противъ уложенія [3]. Онъ убѣдилъ самого царя, какбы въ дополненіе и исправленіе уложенія, разослать по всѣмъ воеводамъ выписки изъ греческихъ законовъ номоканона, и велѣть имъ судить по этимъ законамъ дѣла уголовныя [4]. Но Никонъ въ этомъ отношеніи безотчетно платилъ дань своему малопросвѣщенному вѣку. Тѣмъ не менѣе ревность его о сохраненіи правилъ Церкви вообще въ совершенной неприкосновенности дѣлаетъ ему особенную честь, и доставляетъ славу знаменитѣйшаго изъ іерарховъ русскихъ [5].

Ограждая такимъ образомъ права и преимущества отечественной Церкви отъ вмѣшательства въ нихъ посторонннихъ людей, Никонъ хотѣлъ видѣть въ подчиненномъ ему духовенствѣ достойныхъ служителей св. Церкви и алтаря Господня. Поэтому, возвышая внѣшнее состояніе духовенства и значеніе его въ обществѣ, Никонъ въ то же время употреблялъ стро-

---

[1] См. возр. на 26 вопр. Стрѣшн. въ ркп. Воскр. мон. [2] Такъ и въ древнія времена нашей Церкви правила св. Апостоловъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и св. отцевъ считались неприкосновенными, а вмѣсто градскихъ греческихъ законовъ бывали свои мѣстныя постановленія. Хр. чт. 1846 г. ч. IV, стр. 417 — 437. [3] См. возр. Никона на 26 вопр. Стрѣшн. и грам. констант. патр. Діонисію. Ркп. Воскр. мон. Здѣсь Никонъ говоритъ о себѣ, что онъ даже просилъ царя уничтожить уложеніе и замѣнить его правилами кормчей. [4] Кар. ист. гос. росс. т. III. прим. 222. [5] Памятникомъ его любви къ правиламъ Церкви сохранился одинъ рукописный списокъ кормчей, подписанный собственною его рукою, какъ и лѣтопись его имени. См. въ Румянц. музеумѣ № 10.

гія мѣры, чтобы возвысить и нравственное состояніе лицъ освященныхъ.

Понимая свѣтлымъ и обширнымъ умомъ своимъ, что уваженіе народа къ вѣрѣ и Церкви весьма тѣсно связано съ уваженіемъ къ служителямъ вѣры и Церкви, Никонъ имѣлъ особенное попеченіе о томъ, чтобы представить въ духовенствѣ образецъ благочестія для народа, и тѣмъ возбудить въ паствѣ искреннее уваженіе къ своимъ пастырямъ [1]. Внимательное избраніе людей на церковныя степени и строгій надзоръ надъ избранными и посвященными, вотъ средства, какія употреблялъ онъ къ достиженію этой цѣли.

Въ тѣ малопросвѣщенныя времена отечества нашего, когда еще боялись ученія и училищъ, были нерѣдко поставляемы на служеніе Церкви люди грубые, безъ правилъ жизни, безъ знанія обязанностей священнаго сана, безъ свѣдѣній нерѣдко и въ главныхъ истинахъ вѣры и благочестія христіанскаго [2]. Такому нравственному и умственному состоянію священнослужителей соотвѣтствовала и самая внѣшняя ихъ жизнь [3]. Но Никонъ, самъ съ низшихъ степеней церковнаго служенія возвысившійся до патріаршаго престола, и вездѣ показывавшій въ себѣ образецъ исправности, могъ ли равнодушно взирать на неисправныхъ служителей Церкви Божіей? Онъ старался пресѣчь въ самомъ корнѣ недостатки современныхъ ему пастырей. И прежде него чувствовали потребность исправленія духовнаго чина; но всѣ средства, какія употреблялись для этой цѣли, относились не къ первому источнику зла, а только къ послѣдствіямъ, отъ него происходящимъ, и потому, останавливая на болѣе или менѣе продолжительное время тѣ или другіе безпорядки, не уничтожали ихъ совершенно въ самомъ

---

[1] Такъ говоритъ объ этомъ Шушеринъ: «во еже бы имъ (духовнымъ) почитаемымъ отъ людей быти, зѣло онъ (Никонъ) прилежаніе творяше тако, яко инъ никтоже. [2] Истор. извѣстіе о раскольникахъ—Іоаннова, стр. 29, 46—49. Особенно ясно открылось это въ исправителяхъ богослуж. книгъ при патр. Іосифѣ. [3] Акт. экспед. т. IV, №№ 321. 322. 325. 326. 328—188. 334.

зародышѣ [1]. Никонъ восполнилъ то, чего недоставало въ распоряженіяхъ его предшественниковъ. Хорошо зная, что внѣшнее поведеніе человѣка зависитъ отъ внутренняго настроенія его души, Никонъ предписывалъ епархіальнымъ архіереямъ посвящать на священныя степени только людей «учительныхъ», и строго воспрещалъ принимать кого бы то ни было въ причтъ церковный безъ предварительнаго испытанія образа его мыслей, знанія имъ вѣры и правилъ Церкви, и безъ свидѣтельства отца духовнаго о благочестивой его жизни [2]. Никонъ хотѣлъ, чтобы пастыри стояли всегда выше своихъ пасомыхъ по уму, образованному и воспитанному чтеніемъ слова Божія, и по жизни, оправдывающей въ себѣ чистоту вѣры, твердость надежды и теплоту любви въ сердцѣ пастыря [3]. А чтобы всегда имѣть людей, достойныхъ такого избранія, патріархъ вмѣнялъ епархіальнымъ архіереямъ въ непремѣнную обязанность, какъ мы уже видѣли, заводить училища. Самъ, между тѣмъ, подавалъ въ этомъ отношеніи, какъ и во всемъ прочемъ, примѣръ прочимъ архипастырямъ. Онъ никого не рукополагалъ ни на одну церковную степень безъ личнаго испытанія его и безъ свидѣтельства постороннихъ достовѣрныхъ людей о благочестивой его жизни [4]. Такъ же поступать предписывалъ онъ и своимъ намѣстникамъ, при назначеніи ими людей на церковныя должности [5]. Такимъ избраніемъ естественно предотвращалось опредѣленіе на священ-

---

[1] Акт. экспед. т. IV. №№ 321, 326, 327, 328. [2] Вивліоѳ. ч. III. стр. 300—306. [3] Вотъ чего требовалъ Никонъ отъ ставленика: «чтобъ онъ грамотѣ умѣлъ, и смиренъ и церковному правилу искусенъ, и отъ бож. книгъ сказателенъ, и не пьяница, и не зершикъ, и не тать, и не разбойникъ, и не душегубецъ, и креста на судѣ не цѣловалъ, и въ боярскомъ дворѣ въ холопѣхъ и крестьянѣхъ не бывалъ, и женатъ первымъ бракомъ по закону на дѣвицѣ съ вѣнчаніемъ, а лѣтъ бы былъ въ 30 лѣтъ, и дьяконъ въ 25 лѣтъ, да сверхъ того выбору, чтобы того дьячка отецъ его духовный свидѣтельствовалъ, что онъ достоинъ священства.» Акт. экспед. т. IV. № 331. [4] Такъ говоритъ объ этомъ одинъ очевидецъ: «желающіе быть священникомъ являются со свидѣтельствами отъ жителей околотка; они стоятъ всѣ въ ряду; патріархъ даетъ имъ читать книги, каждому по очереди, утверждаетъ тотчасъ того, кто бѣгло читаетъ, и отказываетъ читающимъ не такъ хорошо.» Стр. лит. патр. Макарія, въ библ. для чт. т. XV. III. стр. 109. [5] Вивліоѳ. ч. III. 300—306.

ныя мѣста людей недостойныхъ столь высокаго служенія. Но наблюдая за внимательнымъ избраніемъ священнослужителей Церкви, Никонъ неослабно смотрѣлъ и за вѣрнымъ прохожденіемъ ими своего служенія. Для этой цѣли онъ начертывалъ духовные уставы [1]. Тѣхъ, которые оказывались неисправными, и даже дѣлались поводомъ къ соблазну своей паствы, Никонъ предписывалъ епископамъ и своимъ намѣстникамъ удалять отъ служенія Церкви и поставлять на мѣсто ихъ достойнѣйшихъ [2]. Въ случаѣ, если бы кто изъ клира не захотѣлъ слушаться поставленной надъ нимъ церковной власти, Никонъ позволялъ своимъ намѣстникамъ и епископамъ просить помощи отъ гражданской власти, и дѣйствовать на непокорныхъ страхомъ стрѣльцовъ и пушкарей [3]. Между тѣмъ самъ онъ былъ неумолимо строгъ къ священнослужителямъ, преступно нарушавшимъ правила Церкви. Призванные къ личному его суду, они подвергались жестокому истязанію по законамъ, иногда заключенію въ темницу, тѣлесному наказанію и ссылкѣ въ Сибирь, или въ отдаленный монастырь на заточеніе. «Никонъ тотчасъ по возвышеніи своемъ», говоритъ одинъ очевидецъ, «употребилъ въ дѣло полновластіе, которое исходатайствовалъ себѣ у царя. Всѣ испугались его. Отъ него въ страхѣ—главы духовенства, архимандриты, священники, даже люди, которые пользуются властію и находятся въ царской службѣ. Никакое заступленіе не имѣетъ надъ нимъ дѣйствія. Виновнаго въ невоздержности, пьянствѣ, буйствѣ, онъ тотчасъ наказываетъ ссылкою. У него есть своя стража, которая беретъ священниковъ и монаховъ, замѣченныхъ въ такихъ проступкахъ. Мы видѣли тюрьмы, наполненныя этими несчастными, которыхъ обременяютъ тяжелыми цѣпями и деревянными колодками на шеѣ и на ногахъ [4]. Впрочемъ, строгій

[1] Начерт. жизни Никона, сост. архим. Аполл. стр. 34. [2] Вивліое. ч. III, 337 и 240. [3] Вивліое. ч. III. стр. 354. [4] Говоритъ это арабскій архидіаконъ Павелъ, можетъ быть, съ восточнымъ преувеличеніемъ (библ. для чт. XV, III, стр. 93); тѣмъ не менѣе вѣрно, что Никонъ былъ строгъ къ духовенству. Онъ и самъ не отказывается отъ своей строгости. См. возр. на 23 вопр. Стрѣшнева Паисію Лигариду.

къ упорнымъ и безстрашнымъ нарушителямъ законовъ, Никонъ съ кротостію любвеобильнаго отца принималъ возвращающихся отъ заблужденія къ раскаянію въ своихъ проступкахъ. Онъ забывалъ въ этомъ случаѣ и тѣ оскорбленія, какія наносили ему виновные грубыми укоризнами въ прежнемъ строгомъ обращеніи съ ними. «По грѣхамъ моимъ нетерпѣливъ я; простите, Господа ради!» — отвѣчалъ имъ Никонъ на всѣ укоризны [1]. Возвращая Церкви раскаявшагося Ивана Неронова, Никонъ плакалъ.

Но не одно духовенство составляло предметъ пастырской заботливости Никона. «Патріархъ,» говорилъ Никонъ, «есть живъ и одушевленъ образъ Христа, дѣлы и словесы живописуя въ себѣ истину. Первѣе убо (онъ долженъ) ихже отъ Бога пріятъ, во благочестіи и чистотѣ житіе сохранити» [2]. Какъ понималъ Никонъ служеніе первосвятителя, такъ и самымъ дѣломъ проходилъ его. По долгу верховнаго пастыря, онъ зорко наблюдалъ за духовнымъ состояніемъ всѣхъ своихъ пасомыхъ, и, по мѣрѣ пріемлемости ихъ, неослабно внушалъ имъ, и словомъ и примѣромъ своей жизни, понятіе о жизни христіанской, богоугодной. Но большая часть людей того времени требовали, по духовному своему состоянію, млека, а не брашна. Поэтому съ пастырскимъ благоразуміемъ снисходя къ дѣтской немощи своихъ пасомыхъ, и желая возводить ихъ отъ видимаго къ невидимому, Никонъ, поучая ихъ вѣрѣ и христіанскимъ добродѣтелямъ, требовалъ отъ нихъ по крайней мѣрѣ непремѣннаго исполненія обрядовъ Церкви и всѣхъ ея постановленій, опредѣляющихъ внѣшнее благоповеденіе христіанина [3]. Примѣромъ благоговѣйнаго сохраненія христіанскихъ правилъ жизни всегда служилъ для паствы Никона собственный домъ его. Самъ строго соблюдая всѣ уставы Церкви, Никонъ и окружалъ себя людьми, подобными ему по ревности къ благочестію, и ихъ-то употреблялъ въ орудіе для

---

[1] Исторія русской Церкви, пр. Филарета, часть IV, стр. 246, изд. 1850 года.
[2] Въ возр. на 11 вопр. Стрѣшн. Ркп. Воскр. мон. [3] Шушеринъ.

надзора за благоповеденіемъ своихъ пасомыхъ [1]. Но, къ сожалѣнію, во многихъ мѣстахъ нашего отечества не было тогда должнаго повиновенія уставамъ церковнымъ. Своеволіе недавно тогда минувшихъ лѣтъ, временъ самозванства, заразившее собою всѣ стороны жизни—общественной, гражданской и церковной, также близкое и легковѣрное знакомство съ иновѣрными народами, особенно во время войнъ съ Польшей, наконецъ постоянное пребываніе въ Россіи множества иностранцевъ, внесло и въ нашу отечественную Церковь, издревле твердую въ православіи и заботливую о благочиніи церковномъ, различные безпорядки въ дѣлахъ благочинія церковнаго. Во многихъ изъ нашихъ соотечественниковъ того времени не было уже такого усердія къ храмамъ и богослуженію, какимъ всегда отличались древніе наши предки. Св. посты, которые такъ строго были хранимы въ прежнія времена, теперь свободно нарушались [2]. Священнѣйшій долгъ христіанина—исповѣдь и пріобщеніе св. Христовыхъ таинъ, во многихъ мѣстахъ былъ неисполняемъ; даже умирали безъ покаянія въ грѣхахъ [3]. Не говоримъ уже о томъ равнодушіи, съ какимъ взирали на св. тайны, когда ихъ несъ служитель алтаря въ домъ того или другаго больнаго [4]. Житейскія занятія во дни воскресные и праздничные теперь открыто совершались, тогда какъ прежде считались за тяжкій грѣхъ [5]. Не было должнаго благочинія и въ самыхъ храмахъ при богослуженіи: здѣсь не молились, а смѣялись, переходили съ мѣста на мѣсто, озирались и бесѣдовали о суетныхъ предметахъ [6]. Пастырскія граматы того времени исполнены жало-

[1] Такъ, по свидѣтельству Шушерина, въ домѣ Никона жилъ нѣкто Василій, мужъ добродѣтельный. По порученію Никона онъ осматривалъ кресты на персяхъ ницихъ, которые приходили къ Никону за подаяніемъ, и если у кого не находилъ этого священнаго знаменія хр. вѣры, давалъ тому крестъ отъ себя, поучая въ то же время чаще взирать на крестъ и воспоминать о своемъ послѣдованіи Христу. Ср. собр. гос. гр. и дог. т. III, стр. 245, 246. [2] Акт. экспед. т. IV, № 321. [3] Собр. гос. грам. и догов. т. III, № 140. [4] Тамъ же. [5] Акт. экспед. т. IV, № 324. [6] Тамъ же, № 321. Оттого-то самые гражданскіе законы того времени отличаются особенною строгостію противъ нарушителей церковнаго благочинія. См. улож. гл. I, ст. 1—9.

бами на это несоблюденіе христіанскихъ правилъ жизни [1]. Не было строгой христіанской жизни и въ самыхъ обителяхъ [2]. Такъ велика была нравственная болѣзнь того вѣка! Но могъ ли на все это равнодушно смотрѣть Никонъ, строгій блюститель порядка, во всѣхъ его видахъ, и особенно—ревностнѣйшій поборникъ правилъ вѣры и благочинія церковнаго? Онъ всею силою власти своей возсталъ противъ безстрашныхъ нарушителей порядка въ храмѣ Божіемъ, и острымъ словомъ своимъ, не разбирая сана и званія лицъ, обличалъ, не смущаясь, въ церкви при народѣ [3]. Ревность его о домѣ Божіемъ доводила его иногда и до того, что онъ считалъ себя въ правѣ, какъ самъ говорилъ, подражать, при видѣ неблагочинія церковнаго, самому Іисусу Христу, изгнавшему торжниковъ изъ храма бичемъ изъ вервія [4]. Преслѣдуя безчиніе въ храмахъ, Никонъ устремлялъ внимательный взоръ свой и въ домы своихъ пасомыхъ, и отсюда удалялъ предметы, несообразные по его мнѣнію съ духомъ православной Церкви. Боярамъ, бывшимъ въ польскомъ походѣ, весьма понравились въ римскихъ костелахъ органы. Они завели ихъ у себя въ домахъ. Никонъ немедленно приказалъ отобрать и у нихъ органы. Потомъ, когда собралась царская дума, и явились сюда, между прочимъ, и тѣ, у кого найдены были и отобраны органы, Никонъ, предъ лицемъ царя и всего собранія, громко обличалъ ихъ, называя каждаго по имени [5]. Не говоримъ уже о томъ, какъ строго наблюдалъ Никонъ за соблюденіемъ постовъ и прочихъ уставовъ церковныхъ. Граматы его объ этомъ предметѣ неоднократно призывали всѣхъ христіанъ къ храненію постановленій православной Церкви, и обязывали духовныхъ пастырей внимательнѣе смотрѣть за христіанскою жизнію своихъ пасомыхъ [6]. За людьми, близкими къ себѣ, Никонъ, не разбирая гражданскаго значенія ихъ, строго на-

---

[1] Акт. экспед. т. IV, №№ 321, 322, 325, 328. [2] Тамъ же №№ 37, 116, 143, 164, 165, 225. [3] См. возр. на 23 вопр. Стрѣшн. Паисію Лигариду. [4] Тамъ же. [5] Чт. моск. общ. ист. и древн. росс. 1846 г. № 1, матер. стр. 3. [6] Акт. экспед. т. IV, №№ 334 и 335.

блюдалъ самъ. Упорные говорили ему: «силой говѣть не заставишь.» Но и не хотя упорные говѣли, пока Никонъ имѣлъ силу [1]. Такъ дѣйствовалъ Никонъ въ защиту, охраненіе и утвержденіе въ жизни христіанъ постановленій православной Церкви!

Особенное вниманіе обратилъ Никонъ на истребленіе умножившихся въ отечествѣ татей и разбойниковъ. Въ 1655 году, когда государь находился на ратномъ полѣ, а внутри Россіи свирѣпствовала моровая язва, воры и разбойники находили просторъ для своихъ преступленій, и не знали имъ мѣры. Никонъ издалъ противъ нихъ сперва милостивое опредѣленіе: приказалъ воеводамъ созвать всѣхъ преступниковъ въ города на площади, обнадеживъ ихъ совершенною безопасностію, и когда они соберутся, предложить имъ раскаяться въ своихъ винахъ предъ Богомъ и государемъ—съ тѣмъ, что послѣ этого раскаянія, они получатъ прощеніе безъ всякаго наказанія [2]. Но этотъ указъ Никона не имѣлъ успѣха. Итакъ, желая образумить упорныхъ, Никонъ запретилъ священникамъ исповѣдывать и причащать ихъ, когда они будутъ пойманы, уличены и приговорены къ смертной казни [3]. Никонъ надѣялся, что страхъ отойти въ загробную жизнь безъ напутствія тѣломъ и кровію Христовою, и даже безъ исповѣданія грѣховъ предъ духовнымъ отцемъ, вразумитъ по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ заблудившихся отъ пути спасенія [4]. Но мы увидимъ, какъ строго былъ онъ самъ наказанъ судомъ восточныхъ патріарховъ за такое постановленіе о разбойникахъ.

Искореняя нравственное зло въ своей паствѣ строгими постановленіями противъ него, Никонъ въ то же время старался насаждать и возвышать въ Церкви христіанское благочестіе. Лучшимъ средствомъ для него къ развитію и утвержденію, въ отечественной Церкви, истинно христіанскаго благочестія служили его благотворительность, частная и общественная. «О

[1] Акт. экспед. т. IV, № 57. [2] Собр. зак. т. I, № 163. [3] Дѣян. соб. 1667 г. въ ркп. сборн. синод. библіот. № 1, л. 156—163. [4] Возр. Никона на 2 вопр. Стрѣшнева.

сем разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою (Іоан. 13. 35), сказалъ Спаситель ученикамъ своимъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ своимъ послѣдователямъ. Никонъ старался развить и распространить эту высокую христіанскую добродѣтель во ввѣренномъ его попеченію народѣ примѣромъ собственной благотворительности. И въ этомъ отношеніи, онъ является величайшимъ первосвятителемъ нашей Церкви. Дѣла благотворительности съ древнихъ временъ въ нашей Церкви находились въ распоряженіи церковныхъ властей [1]; но никто никогда не оказывалъ столько благотвореній, частныхъ и общественныхъ, бѣднымъ и сиротамъ, какъ патріархъ Никонъ. Еще въ санѣ новгородскаго митрополита онъ былъ истиннымъ отцемъ своей паствы. Никогда онъ не выходилъ изъ дому, не взявъ съ собою достаточнаго числа монетъ для раздачи бѣднымъ и нищимъ, съ которыми могъ встрѣтиться на дорогѣ. Кошелекъ его былъ отверстъ для нуждающихся [2]. Такъ онъ дѣлалъ каждый разъ, когда показывалъ, гдѣ бы то ни было, народу, и особенно когда въ день недѣльный или праздничный шелъ въ храмъ Божій, возносить «милость мира, жертву хваленія.» Нерѣдко изъ храма направлялъ онъ путь свой къ домамъ убогихъ и къ темницамъ, и вездѣ слово утѣшенія и милостыня ожидали и встрѣчали тогда печальныхъ. Но и двери архипастырскаго дома его не были закрыты для меньшихъ его братій о Христѣ. Во время чрезвычайной дороговизны хлѣба въ Новгородѣ отъ неурожая, когда граждане, томившіеся голодомъ, безпрестанно стекались къ нему толпами для испрошенія помощи, архипастырь, не щадя ни хлѣба, ни денегъ, учредилъ въ своемъ домѣ постоянную раздачу милостыни, по воскресеньямъ деньгами, а ежедневно хлѣбомъ. «Въ каждый день воскресный, собирались къ Никону», говоритъ его жизнеописатель, «убогіе старцы и старицы, сирые отроки и младенцы и всѣ безпріютные и безпомощные.»

[1] Акт. ист. I, №№ 103, 109, 300. Стогл. 5 и 73. Акт. экспед. II, № 355.
[2] Шушеринъ.

Душа Никона радовалась при видѣ утѣшенныхъ печальныхъ, и вмѣстѣ смущалась мыслію о бѣдности человѣческаго рода. «Старымъ давалъ онъ по двѣ деньги, средовѣчнымъ по одной, малымъ и младенцамъ по полуденгѣ [1].» Утромъ каждаго дня, въ его же домѣ, происходила раздача хлѣба: всякій бѣднякъ получалъ на день изъ рукъ митрополита укрухъ хлѣба, достаточный для дневнаго пропитанія. Между тѣмъ голодъ объялъ и многія другія мѣста его паствы, кромѣ Новгорода. Настала вездѣ чрезвычайная скудость и дороговизна хлѣба. Слава благотворительности митрополита собрала къ нему многочисленныя толпы народа со всѣхъ концевъ обширной его паствы. Ожиданія пришельцевъ, томимыхъ голодомъ, исполнились. Никонъ приказалъ отдѣлить въ своемъ домѣ особенную обширную комнату, и питать въ ней всѣхъ, кто придетъ искать убѣжища отъ истомленія голодомъ. Болѣе 100 человѣкъ, а иногда болѣе 300, питались здѣсь каждый день отъ щедротъ митрополита, благодаря Бога, даровавшаго имъ столь милостиваго архипастыря. Въ 1651 году Никонъ, по волѣ государя, отправлялся изъ Новгорода въ Москву. Путь свой ознаменовалъ онъ благотвореніями. Проживая въ Москвѣ, онъ благодѣтельствовалъ нищимъ щедрою рукою: кромѣ того, что подавалъ имъ милостыню «врозь» деньгами, онъ нерѣдко въ праздничные дни покупалъ у продавцевъ хлѣбы, калачи и платье, и отправлялъ въ богадѣльни и тюрьмы [2].

И на высотѣ патріаршаго всероссійскаго престола, среди ревностнаго исполненія всѣхъ видовъ многосложнаго своего долга, Никонъ находилъ довольно времени, чтобы позаботиться объ утѣшеніи несчастныхъ страдальцевъ бѣдности, безпомощной старости и сиротства. «Никонъ,» скажемъ словами одного изъ его клириковъ, «и въ санѣ патріарха не измѣнилъ своего благаго права» [3]. Расходныя книги патріаршаго приказа несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что никто изъ патріар-

---

[1] Шушеринъ. [2] Времен. т. XIII, матеріал. стр. 2, 3, 5, 11, 12, 13. 14, 16, 21, 31, 32, 35, 38, 39, 41, 58. [3] Шушеринъ.

ховъ не расходовалъ столько на милостыню нищимъ, и никто не дѣлалъ столько пособія нуждающимся, какъ патріархъ Никонъ. При каждомъ выходѣ своемъ на служеніе онъ подавалъ нищимъ изъ своихъ рукъ деньги [1]; изъ церкви нерѣдко, какъ и въ Новгородѣ, направлялъ путь свой къ тюремнымъ узникамъ въ черной палатѣ, на Варварскомъ крестцѣ, въ Разбойномъ и другихъ приказахъ. Въ праздничные дни онъ допускалъ и пѣвцевъ Лазаря въ свою столовую палату за трапезу, и самъ раздѣлялъ съ ними пищу [2].

Отецъ сирыхъ и убогихъ, Никонъ не позволялъ и другимъ дѣлать, какія бы то ни было, притѣсненія и обиды людямъ бѣднымъ. Самою искреннею, сердечною любовію къ беззащитнымъ бѣднякамъ проникнуты граматы Никона, въ которыхъ онъ дѣлаетъ подчиненнымъ себѣ властямъ вразумленія касательно обхожденія съ крестьянами. «Я слышалъ,» пишетъ онъ напримѣръ архимандриту Иверскаго монастыря Іакову, «что де скорбятъ крестьяне и плотники; могорца мало даешь: и тебѣ бъ отнюдь не оскорблять наймомъ никакихъ наймитовъ, и даромъ бы не много нудить. Бога ради будь милостивъ ко братіи и ко крестьяномъ и ко всѣмъ, живущимъ въ обители той» [3]. Неоднократно, кромѣ того, Никонъ давалъ своимъ крестьянамъ разныя льготы, по случаю неурожаевъ, наводненій и другихъ бѣдственныхъ случаевъ [4]. Онъ былъ попечительный отецъ своей области.

Но для любвеобильной души Никона не довольно было одной частной благотворительности. Онъ хотѣлъ, чтобы престарѣлые и увѣчные имѣли постоянный кровъ и призрѣніе. Для этой цѣли онъ, когда еще былъ митрополитомъ, испросилъ у государя позволеніе построить въ Новгородѣ богадѣль-

---

[1] Однажды ему случилось ѣхать въ Новоспасскій монастырь на поминовеніе царскихъ родителей, и на дорогѣ попались салазки съ горячими сайками. Никонъ остановился, купилъ сайки и раздалъ ихъ нищимъ. См. жизнеопис. Никона, составл. архимандр. Аполл. стр. 50. [2] Расх. книги патріаршаго приказа 7163 и 7164 годовъ, № 58. Ср. жизнеопис. Никона, составл. арх. Аполл. стр. 50. Памятн. моск. древн. сунод. дом. стр. 167. [3] Акт. ист. т. IV, № 71. Дополн. къ акт. истор. т. IV, № 118. [4] Акт. истор. т. IV, №№ 156 и 179.

ни для безпріютныхъ старцевъ и увѣчныхъ. Добрый и мудрый царь, сочувствовавшій всѣмъ пастырскимъ предначертаніямъ своего друга Никона, къ славѣ Божіей и пользѣ государства, одобрилъ и подтвердилъ его намѣреніе касательно устройства богадѣленъ. Пользуясь такимъ позволеніемъ, Никонъ устроилъ въ Новгородѣ четыре богадѣльни въ различныхъ концахъ города, испросилъ для нихъ у государя опредѣленный окладъ денегъ и хлѣба для содержанія, и принялъ ихъ подъ свое особенное покровительство. Успокоенные въ нихъ старцы, убогіе и сироты весьма часто видѣли среди себя своего благодѣтеля и покровителя съ архипастырскимъ благословеніемъ мира и любви, словомъ утѣшенія и богатою милостынею. Никонъ проводилъ здѣсь по нѣскольку часовъ въ утѣшительныхъ и назидательныхъ бесѣдахъ.

Когда Господу угодно было воззвать его на московскій первосвятительскій престолъ, онъ и здѣсь не только благотворилъ въ разныя времена и въ различныхъ мѣстахъ, и не только поддерживалъ богоугодныя заведенія своихъ предшественниковъ, но и строилъ новыя нищепитательницы, и самъ надзиралъ за призрѣніемъ въ нихъ нищихъ и увѣчныхъ. Съ давнихъ временъ при патріаршемъ домѣ въ большіе праздники и дни поминовенія государей и святителей, патріархи обыкновенно раздавали значительную милостыню нищимъ, а въ день каѳедральнаго праздника Успенія Богоматери питали при своемъ домѣ до 2,500 бѣдныхъ людей всякаго званія. При патріаршей каѳедральной церкви содержалось 12 нищихъ, называемыхъ богородицкими, которые получали каждый день по 25 копѣекъ. На иждивеніи патріаршаго казеннаго приказа содержались богадѣльни, состоявшія въ разныхъ частяхъ города, и назывались домовыми, келейными богадѣльнями патріарха. Никонъ въ первый же годъ вступленія своего на первосвятительскій престолъ умножилъ число ихъ построеніемъ на собственное иждивеніе двухъ новыхъ богадѣленъ. [1].

[1] Одна изъ нихъ построена была въ Знаменскомъ монастырѣ, другая на гра-

Время открыло ему нужду и способы къ сооруженію еще новыхъ богадѣленъ, и Никонъ построилъ ихъ много [1].

Распространяя въ паствѣ своей любовь къ ближнимъ примѣромъ собственной благотворительности, частной и общественной, Никонъ въ то же время утверждалъ въ ней любовь къ Богу сооруженіемъ св. обителей. Благоустроенные монастыри всегда служили въ Церкви Христовой училищемъ благочестія для народа. Никонъ построилъ ихъ три: Иверскій, Крестный и Воскресенскій.

Воспоминанія о блаженныхъ дняхъ жизни на островѣ Анзерѣ всегда наполняли собою благочестивое сердце Никона. Объятый такими воспоминаніями, онъ однажды на пути изъ Новгорода въ Москву, въ 1651 году [2], увидѣлъ около Валдая [3] величественное озеро, усѣянное прекрасно расположенными на немъ островами. Въ душѣ Никона возгорѣлся огнь любви къ жизни пустынной, всегда составлявшей предметъ его сердечныхъ желаній и стремленій. Онъ тогда же положилъ намѣреніе построить здѣсь на одномъ изъ острововъ св. обитель. Съ этою мыслію прибылъ онъ въ Москву, и открылся царю. Благочестивый государь похвалилъ святое намѣреніе своего друга. Но Никонъ вскорѣ отозванъ былъ къ другому дѣлу, не менѣе важному и святому. Онъ отправился въ Соловецкій монастырь для перенесенія оттуда въ Москву св. мощей митрополита Филиппа [4]. На этомъ пути, занятый мыслію о предполагаемой имъ обители, и размышляя о подвигахъ страдальцевъ за вѣру Христову и Церковь, Никонъ имѣлъ видѣніе, въ которомъ предсталъ ему святитель Филиппъ, и одобрилъ его намѣреніе касательно новой обители. При видѣ Соловецкихъ острововъ, Никонъ оживилъ въ себѣ воспоминанія о своей пустынной жизни, и еще болѣе утвердился въ мыс-

патномъ дворѣ, за Никитскими воротами. Журн. м. н. пр. 1849. ч. III, отд. 6, стр. 282. [1] Начерт. жизни патр. Никона, Аполл. стр. 50. [2] Времен. т. XIII, матер. стр. 1. [3] Тогда бѣдное село, какъ говоритъ Шушеринъ, а нынѣ уѣздный городъ въ Новгородской губерніи. [4] Дворц. разр. т. III, стр. 300, 301.

ли воздвигнуть монастырь на островѣ Валдайскаго озера. Съ этою рѣшимостію возвратился онъ въ Москву изъ своего святаго путешествія, и вступилъ на патріаршій престолъ. Между тѣмъ, еще въ бытность свою митрополитомъ новгородскимъ, онъ много слышалъ о чудесахъ иверской иконы Божіей Матери на Аѳонѣ; нерѣдко доходила до слуха его и слава аѳонскихъ подвижниковъ [1]. Никонъ хотѣлъ теперь соединить воспоминанія о скитѣ Анзерскомъ съ благоговѣйными представленіями о св. Аѳонѣ, и сталъ «благоумильно» просить царя о позволеніи построить желаемый монастырь [2]. Царь изъявилъ согласіе на прошеніе патріарха. Обрадованный исполненіемъ своего желанія, Никонъ немедленно отправилъ на мѣсто, избранное имъ для Иверской обители, надежнѣйшихъ изъ близкихъ къ себѣ иноковъ, далъ имъ въ распоряженіе множество людей, и поручилъ вести работы сколько возможно поспѣшнѣе. Соотвѣтственно мѣстоположенію Анзерскаго скита [3], и посвященію новой обители имени Богоматери, граматою царя отъ 6 мая 1654 года озеро Валдайское было переименовано святымъ озеромъ, село Валдай—Богородицкимъ, и самый монастырь Святоозерскимъ [4]. Но въ расположеніи зданій монастыря Никонъ подражалъ расположенію Иверскаго монастыря аѳонской горы [5]. Дѣятельность въ производствѣ работъ была самая быстрая. Въ четыре года (1653—1657) на дикомъ островѣ, покрытомъ густымъ лѣсомъ, явился величественный монастырь, со многими каменными церквами, прекрасно устроенными [6], келліями и разными службами монастырскими, окруженный большою каменною оградою. Никонъ принималъ самъ во всѣхъ распоряженіяхъ по этому дѣлу непосред-

---

[1] Объ Иверскомъ аѳонскомъ монастырѣ см. извѣстіе въ чт. моск. общ. ист. и древн. росс. 1846 г. № 4. Смѣсь стр. 21. [2] Такъ говоритъ самъ Никонъ о причинахъ, расположившихъ его устроить Иверскій монастырь. См. окружн. грам. его въ ист. росс. іерарх.; Иверскій монастырь. [3] Опис. Сол. монастыря т. 2, стр. 314. [4] Ист. росс. іер. т. IV, объ Иверскомъ монастырѣ. [5] Жизнеописаніе Никона, составленное архимандритомъ Аполлосомъ, изд. 4, стр. 47. [6] Нѣкоторыя изъ церквей, построенныхъ Никономъ, до нынѣ существуютъ, Ист. росс. іер. т. IV, объ Иверск. мон.

ственное участіе, и нерѣдко лично посѣщалъ производившіяся постройки [1]. Между тѣмъ въ Иверскій аѳонскій монастырь отправлены были нарочитые люди съ тѣмъ, чтобы они принесли снимокъ съ чудотворной тамошней иконы Богоматери. Когда этотъ снимокъ былъ принесенъ въ Москву, Никонъ съ церковнымъ торжествомъ встрѣтилъ его за городомъ [2], и потомъ самъ отправился съ нимъ въ созидавшуюся обитель. Въ то же время онъ принесъ сюда части мощей св. отечественныхъ первосвятителей Петра, Алексія, Іоны и Филиппа. Еще прежде, по его порученію, новгородскій митрополитъ Макарій перенесъ въ новую обитель мощи св. Іакова Боровицкаго. Тогда какъ Никонъ обогащалъ свою обитель христіанскою святынею, царь обогатилъ ее въ разныя времена обширными вотчинами и разными угодьями [3], и пожаловалъ несудимою граматою [4]. Устроивъ такимъ образомъ свою обитель, Никонъ ввелъ въ нее строгій общежительный порядокъ и великолѣпіе въ богослуженіи; такъ что, по выраженію одного изъ отечественныхъ архипастырей, эта обитель была въ тѣ времена отлична отъ обыкновенныхъ [5]. Въ 1657 году Никонъ просилъ уже самаго государя удостоить посѣщеніемъ Иверскій монастырь, устроенный съ большимъ великолѣпіемъ [6].

---

[1] Ист. акт. т. IV, № 71. «Бога ради порадѣй о св. мѣстѣ и о всемъ бы тебѣ писать къ намъ по часту,» писалъ Никонъ архимандриту Діонисію. [2] Это было 17 окт. 1653 г. Господь прославилъ въ пути чудесами этотъ снимокъ съ чудотворной иконы. Вмѣстѣ съ нимъ принесена была въ Москву глава Іоанна Богослова. См. дворц. разр. т. III, стр. 376 и дал. [3] Жалов. гр. Иверск. мон. въ ист. росс. іер. т. IV, (Иверск. мон.) Ср. акт эксп. IV, № 78. [4] Тамъ же. [5] Тамъ же. [6] Ист. Акт. т. IV. № 109. Выписываемъ изъ этой любопытной граматы нѣсколько отрывковъ, которые могутъ дать ясное понятіе о характерѣ патріарха Никона: «Намъ, великому государю, устроить мѣсто за лѣвымъ клиросомъ.... по нашему великаго государя достоинству. Все убрать въ церкви изрядно и дивно, чтобъ къ царскому и нашему пришествію пристойно было и въ подивленіе всѣмъ зрящимъ. Да выбрати бы намъ изъ братіи по наргесу пѣвцевъ добрыхъ и красногласныхъ. Да и все бъ у васъ въ монастырѣ было чисто, пригоже и стройно, и кельи также всѣ были стройны и совѣмъ уряжены, и въ кельяхъ бы было убрано. Да намъ же бы Иверскаго монастыря изъ братьи убрать двѣнадцать братовъ, предъ царемъ и передъ нами орацію говорить, краткую и богословеную и похвальную, за его къ вамъ царское посѣщеніе, и намъ великому государю орацію изготовить по томуже: да убрать

Самъ патріархъ, въ окружномъ своемъ посланіи къ православнымъ христіанамъ о созиданіи крестнаго монастыря, излагаетъ причины, расположившія его къ этому святому дѣлу. «Въ минувшемъ 1639 лѣтѣ,» говоритъ онъ, «мы, будуще іеромонахомъ, творихомъ шествіе по морю изъ скита Анзерскаго, и во время то отъ великаго волненія морскаго едва не потопихомся; но уповающе на силу божественнаго и животворящаго креста, спасеніе получихомъ предъ Онежскимъ устьемъ, къ пристанищу, къ Кію острову, и славу воздахомъ распеншемуся на крестѣ Господу нашему Іисусу Христу о ономъ избавленіи. Будучи же тогда на томъ островѣ, на воспоминаніе того своего спасенія воздрузихомъ на томъ мѣстѣ святый и животворящій крестъ». Послѣ этого событія, продолжаетъ онъ, сердце наше стало болѣе разгораться любовію ко кресту Христову и расположило насъ создать на островѣ Кіи иноческую обитель. Но прежде, нежели мысль эта пришла въ совершеніе, Господь на пути моемъ, говоритъ Никонъ, въ Соловецкій монастырь за мощами св. митрополита Филиппа, судилъ мнѣ увидѣть, спустя 17 лѣтъ, крестъ, поставленный на островѣ Кіи, совершенно цѣлымъ, и услышать, что сила Божія чрезъ него спасаетъ многихъ отъ опасности потопленія. Тогда, заключаетъ свою грамату Никонъ, я утвердился въ намѣреніи воздвигнуть здѣсь монастырь [1]. И вотъ, въ 1656 году, когда сооруженіе Иверскаго монастыря приходило уже къ концу, Никонъ испросилъ у царя грамату на построеніе другаго монастыря—Крестнаго, на островѣ Кіи въ заливѣ Бѣлаго моря [2]. Въ то время Никонъ обнародовалъ отъ себя окружную грамату о созиданіи этого монастыря, и призывалъ всѣхъ сы-

младенцевъ двнадесять же, или и множае, колько обрящется, и выучить также къ царскому и нашему пришествію орацію говорить, краткую и богословскую и похвальную; такожъ изготовить бы вамъ орацію и къ царскому и нашему изъ Иверскаго монастыря отшествію, и убрать тѣхъ младенцевъ также хорошенько, по обычаю, какъ у епископовъ свѣщеносцы бываютъ, золотными или иными какими платкы лично, чтобъ было вельми дивно».

[1] Истор. росс. іер. т. VI: Крестный монастырь. [2] Ист. Акт. т. IV. № 102. Грамата писана отъ 13 іюня 1656 года.

новъ отечественной Церкви къ пожертвованіямъ въ пользу созидаемой вновь обители [1]. Между тѣмъ въ Москвѣ приказалъ онъ устроить для обители величественный крестъ, изъ кипарисnаго дерева, по высотѣ и широтѣ подобный, какъ говоритъ Никонъ, кресту Христову, украсилъ его серебромъ, золотомъ и драгоцѣнными камнями, сокрылъ въ немъ до 300 частицъ св. мощей, также кровь многихъ св. мучениковъ и части св. камней палестинскихъ. На сторонахъ этого креста изображены — вверху равноапостольные Константинъ и Елена, а у подножія царь Алексѣй Михайловичъ, царица Марія Ильинишна и патріархъ Никонъ, — въ молитвенномъ положеніи, съ преклоненными колѣнами и главами [2]. Торжественно отправлялъ Никонъ этотъ крестъ изъ Москвы къ мѣсту его назначенія. Послѣ молебнаго пѣнія въ соборной церкви онъ самъ при собраніи многочисленнаго московскаго духовенства и народа, сопровождалъ его за Срѣтенскія ворота, до того мѣста, гдѣ стоялъ Филипповъ крестъ [3]. Здѣсь опять совершивъ молебное пѣніе, Никонъ отпустилъ святыню на предназначенное ей мѣсто, и, благословивъ людей, имѣвшихъ отправиться съ нею въ дальнѣйшій путь, возвратился въ Москву. Съ тѣхъ поръ пастырскій взоръ его постоянно слѣдилъ за ходомъ и успѣшностію сооруженія новой обители. Царь приписалъ къ ней богатыя вотчины [4]. Въ 1661 году Никонъ имѣлъ уже утѣшеніе видѣть воздвигнутою новую свою обитель и освятить въ ней церкви [5].

---

[1] Эта грамата писана отъ 24 іюня 1656 г. См. Ист. росс. іер. о Крести. мон. [2] Этотъ крестъ составляетъ замѣчательнѣйшую рѣдкость того монастыря. Снимокъ съ него находится въ Никольской церкви Александроневской лавры, за лѣвымъ клиросомъ. Никонъ писалъ о немъ въ своемъ окружномъ посланіи: «аще кто съ вѣрою восхощетъ къ тому животворящему кресту на поклоненіе пріити, да не менѣе тому силою св. того честнаго и животворящаго креста благодать дастся, якоже путешествующимъ въ св. палестинскія мѣста». Въ подножіи креста надпись, сдѣланная Никономъ: «Христе Боже, помилуй и спаси душу мою, силою честнаго и животворящаго Твоего креста и святыхъ ради молитвъ, ихже мощи водружены въ семъ крестѣ». Ист. росс. іер., о Крести. мон. [3] Этотъ крестъ водруженъ на мѣстѣ срѣтенія мощей св. митрополита Филиппа, при перенесеніи ихъ въ Москву изъ Соловецкаго монастыря. [4] Собр. зак. т. 1. № 211. [5] См. въ ист. росс. іер., ист. Крести. монаст.

Въ 1657 году Никонъ предпринялъ построить третій монастырь близъ села Воскресенскаго, въ 47 верстахъ отъ Москвы. Это село было прежде куплено имъ для обители Иверской. При частыхъ своихъ отправленіяхъ въ новоустроявшуюся тогда Иверскую обитель, Никонъ неоднократно останавливался въ селѣ Воскресенскомъ для отдыха отъ пути, и каждый разъ утѣшался красотою его мѣстоположенія. Сердечная любовь его къ жизни иноческой указала ему и здѣсь воздвигнуть обитель. Царь позволилъ сооруженіе ея, и—Никонъ, не любившій напрасно терять времени, въ томъ же году самъ указалъ для нея мѣсто, и открылъ работы. Мѣсто было выбрано гористое, окруженное рѣкою Истрою. Никонъ выровнялъ его насыпью, съ трехъ сторонъ выкопалъ рвы, вокругъ обнесъ деревянною оградою съ 8 башнями, и внутри на первый случай соорудилъ теплую деревянную церковь во имя воскресенія Господня, съ трапезою и прочими монастырскими службами. Государь самъ прибылъ на ея освященіе, которое совершалъ патріархъ. Отправляясь обратно въ Москву, въ сопровожденіи патріарха, царь остановился въ верстѣ отъ монастыря на одномъ возвышеніи, чтобы отсюда обозрѣть прекрасную мѣстность, избранную Никономъ для обители. Обозрѣвая ее, онъ и самъ столько плѣнился ея красотою, что, обратясь къ патріарху, сказалъ ему: «Самъ Богъ изначала опредѣлилъ это мѣсто для обители; оно прекрасно, какъ Іерусалимъ». Съ восторгами радости принялъ Никонъ эти слова государя, и назвалъ новую обитель Новымъ Іерусалимомъ. Изъ Москвы прислалъ государь дружеское письмо Никону, и опять называлъ въ немъ новую обитель именемъ Іерусалима [1]. Снова обрадованный патріархъ положилъ это письмо царя-друга въ серебряномъ ковчежцѣ подъ престоломъ, и утвердилъ за обителію названіе Новаго Іерусалима. Въ соотвѣтствіе такому названію обители, и всѣ мѣста, прилежащія къ ней, получили новыя названія, перенесенныя на нихъ съ св. палестин-

[1] См. доп. ст. къ жизнеопис. Никона—Аполл. № X.

скихъ мѣстъ. Гору, съ которой царь обозрѣвалъ мѣстность монастыря, патріархъ назвалъ Елеономъ; рѣка Истра, окружающая монастырь, получила имя Іордана; изъ прочихъ мѣстъ одно названо Назаретомъ, другое — селомъ Скудельничимъ, иное — Ѳаворомъ и Ермономъ, Рамою и т. п. Въ довершеніе подобія новаго нашего отечественнаго Іерусалима древнему палестинскому, Никонъ предпринялъ обширное намѣреніе— воздвигнуть посреди своей обители большую каменную церковь во имя воскресенія Христова во всемъ сходную съ іерусалимскимъ храмомъ [1]. Для этой цѣли онъ отправилъ въ Іерусалимъ уже знакомаго съ нимъ келаря Троицкой лавры Арсенія Суханова—съ тѣмъ, чтобы онъ снялъ и привезъ въ Москву вѣрные планы и модели съ іерусалимской и виѳлеемской церквей. Арсеній возвратился въ Москву въ слѣдующемъ 1658 году, въ январѣ. Въ апрѣлѣ того же года Никонъ положилъ первый камень въ основаніе знаменитаго новоіерусалимскаго храма, доставившаго славу своему соорудителю не только въ нашемъ отечествѣ, но и въ отдаленныхъ чужихъ странахъ [2].

Но, сохраняя въ благочестіи и чистотѣ житіе тѣхъ, «ихже отъ Бога пріятъ», Никонъ ревностно заботился и о томъ, чтобы «невѣрныя подражатели сотворити вѣрѣ.» По собственнымъ его словамъ это второй существеннѣйшій долгъ пастыря [3].

Среди многочисленныхъ, многосложныхъ и многотрудныхъ подвиговъ къ устроенію внутренняго благосостоянія отечественной Церкви, Никонъ не уступалъ ни одному изъ ревностнѣйшихъ отечественныхъ первосвятителей въ пастырскомъ попеченіи объ обращеніи ко Христу людей, чуждыхъ намъ по вѣрѣ, но соединенныхъ съ нами гражданскими узами.

---

[1] См. опис. св. мѣстъ въ новоіер. соб. церкви воскр. Хр., въ чт. моск. общ. ист. и др. росс. 1846. III. 55—60. отд. IV смѣсь. [2] Подробнѣе объ этомъ храмѣ въ жизнеоп. Никона, сост. А. Аполл. стр. 49. Тамъ же о сооруженіи Никономъ патр. дома, стр. 46. Ср. Памятн. моск. древн., синод. домъ. [3] Возраж. на 11 вопр. Стрѣшнева Паисію Лигариду.

Сибирь была главной, обширнѣйшей и плодоноснѣйшей нивой, гдѣ пастыри наши, начиная съ конца XVI вѣка, насаждали православную вѣру. Покореніе Сибири Іоанномъ Грознымъ открыло туда первый путь вѣрѣ Христовой. Самъ Іоаннъ предписывалъ вологодскому епископу послать въ Сибирь священниковъ для распространенія христіанства [1]. Въ царствованіе Годунова, и особенно царя Михаила Ѳеодоровича, христіанство довольно уже утвердилось въ Сибири, даже въ отдаленныхъ ея концахъ. Здѣсь были поселены русскіе переселенцы, построены новые города, основаны церкви и монастыри [2]. Патріархъ Филаретъ Никитичь открылъ уже отдѣльную сибирскую епархію [3]. Патріархъ Никонъ утвердилъ вѣру Христову въ самой столицѣ сибирскихъ остякскихъ князей, и основалъ здѣсь разсадникъ св. вѣры для всѣхъ прочихъ племенъ сибирскихъ, и вмѣстѣ пріютъ для обращенныхъ ко Христу. Въ городкѣ Кондѣ, столицѣ остякскихъ князей, первый лучъ вѣры возсіялъ еще въ концѣ XVI вѣка. Князь ихъ Алачевъ былъ христіанинъ [4]. Въ то же время устроены были здѣсь церкви, и многіе изъ остяковъ крестились. Но время упразднило церкви, и остановило дальнѣйшее распространеніе св. вѣры. Въ патріаршество Никона опять возсіялъ свѣтъ благодати въ сердцахъ остяковъ. Архіепископъ Симеонъ прислалъ царю просьбы отъ 14 остякскихъ волостей о присылкѣ къ нимъ священниковъ и иноковъ, для просвѣщенія ихъ св. крещеніемъ. Никонъ сдѣлалъ больше. По настоянію его, царь повелѣлъ архіепископу устроить въ Кондѣ монастырь и полный причтъ церковный, чтобы отсюда распространился свѣтъ вѣры Христовой и къ другимъ сибирскимъ племенамъ. Кондскій монастырь, съ тѣхъ поръ, служилъ разсадникомъ св. вѣ-

[1] Ист. росс. іер. IX, стр. 396. Ист. Сибири, Миллера, т. I, стр. 149. [2] Ист. Сибири, Миллера, т. I, стр. 354. 359. Акт. ист. т. II, стр. 59. 418; т. III, стр. 140. 407; т. IV, стр. 151. [3] Ист. росс. іер. т. I, ч. I, стр. 231. [4] Онъ принялъ вѣру Христову въ 1590 году и въ 1602 году построилъ деревянную церковь. На сія-то мѣстѣ основался Троицкій Кондскій монастырь съ каменною церковію въ 1653 г. См. Спасскаго, списокъ съ чертежа сибирской земли, стр. 3. 26.

ры въ Сибири, главнымъ пристанищемъ для проповѣдниковъ и убѣжищемъ для обращающихся ко Христу [1].

Простирая взоры пастырской попечительности на отдаленныя страны отечества, и насаждая въ нихъ св. вѣру, Никонъ не оставлялъ безъ пастырскаго попеченія и ближайшихъ къ намъ по мѣсту иновѣрныхъ соотечественниковъ. Въ страны приволжскія, занятыя татарами, черемисами и мордвою, началъ проникать свѣтъ Христовой вѣры еще во время порабощенія Россіи монголами. Въ 1261 году была уже открыта сарайская епархія [2]. Съ теченіемъ времени трудами нѣкоторыхъ русскихъ подвижниковъ и пастырей Церковь пріобрѣла въ тѣхъ странахъ многихъ членовъ [3]. При первыхъ патріархахъ нашихъ дѣятельно совершалось обращеніе къ вѣрѣ Христовой татаръ и мордвы. Но Никонъ заботился сдѣлать болѣе. Онъ, когда еще былъ новгородскимъ митрополитомъ, (1651 г.) просилъ патріарха Іосифа посвятить Мисаила на рязанскую архіепископскую каѳедру. Впослѣдствіи, когда самъ сдѣлался патріархомъ, Мисаилъ былъ ревностнѣйшимъ сотрудникомъ ему въ дѣлѣ обращенія ко Христу мордвы и татаръ. Никонъ послалъ его обращать къ св. вѣрѣ мордву и татаръ въ шацкомъ и тамбовскомъ уѣздахъ. Мисаилъ, съ Божіею помощію, успѣлъ крестить 4,200 человѣкъ. Извѣщая объ этомъ Никона, онъ просилъ патріаршаго благословенія снова отправиться въ Касимовъ, Шацкъ и Тамбовъ для проповѣди [4]. Никонъ благословилъ св. ревность архипастыря. Мисаилъ, переѣзжая изъ одного мѣста въ другое, въ святительской одеждѣ, убѣждалъ иновѣрцевъ принять св. вѣру Христову. Въ одномъ селѣ обращено имъ вдругъ 315 человѣкъ мордвы съ женами и дѣтьми. Но тогда же упорнѣйшіе изъ сусвѣровъ собрались толпой, и стрѣлы посыпались въ святителя. Пронзенный ими, Мисаилъ скончался мученикомъ вѣры. Но

---

[1] Ист. росс. іер. т. IV, стр. 549—553. 602. 609. Ист. обозр. Сиб. кн. 1. стр. 190. [2] Ист. росс. іер. т. I, стр. 433. Ист. гос. росс. т. 10, стр. 294—295; т. V, стр. 227. [3] Акт. экспед. т. I, № 958. Ист. росс. іер. т. I, стр. 310, 322 и 380. [4] См. грамату его въ ркп. Н. И. Надеждина.

и среди предсмертныхъ мученій не переставалъ вразумлять заблуждающихъ обратиться къ вѣрѣ во Христа Спасителя [1]. Тогда Никонъ открылъ, какъ увидимъ, другой путь къ распространенію святой вѣры среди иновѣрныхъ соотечественниковъ.

Вятская область принадлежала тогда къ епархіи патріаршей. Никонъ зналъ, что она очень обширна, и среди множества населяющаго ее народа есть много язычниковъ, и у самыхъ христіанъ тамошнихъ остается еще не мало языческихъ суевѣрій [2]. Между тѣмъ отдаленность ея отъ первопрестольнаго города патріаршей епархіи не позволяла самимъ первосвятителямъ со всею точностію наблюдать за состояніемъ вѣры въ тѣхъ странахъ. Никонъ открылъ средство помочь этому неудобству. Вблизи самой Москвы существовала самостоятельная епархія коломенская. Никонъ, съ согласія царя и по рѣшенію собора, упразднилъ ее, а вмѣсто ея открылъ новую епископію — вятскую и великопермскую [3] Епископъ Александръ былъ первымъ святителемъ на новооткрытой каѳедрѣ [4]. Никонъ опредѣлилъ ей изъ своихъ патріаршихъ доходовъ въ тѣхъ странахъ такой же окладъ содержанія, какимъ пользовался прежде епископъ коломенскій въ своей епархіи. Въ то же время царь приписалъ къ ней изъ ближайшихъ селеній столько же душъ крестьянъ, сколько принадлежало епископіи коломенской [5]. «И сіе дѣло,» говорилъ Никонъ, «сдѣлано къ Божественной славѣ и Божіимъ людемъ ко спасенію» [6].

Въ самой Москвѣ Никонъ, какъ попечительный пастырь, дѣятельно заботился объ обращеніи иновѣрцевъ въ нѣдра православной Церкви: и пастырская заботливость его не остава-

---

[1] Воздвиженскаго — Ист. рязанской епархіи, 122—129. [2] Возр. Никона на 15 вопросъ Стрѣшнева Паисію Лигариду. Рукоп. Воскр. мон. [3] Въ составъ ея вошли части, отдѣленныя отъ патріаршей и вологодской епархіи. См. возр. Ник. на 15 вопр. Стрѣшн. Ср. Акт. экспед. т. IV. № 107. [4] Церк. ист. М. Платона, ч. 2. стр. 246. Чт. Моск. общ. ист. и др. росс. 1848 г. № 7. Любопытное извѣстіе о вятской епархіи. [5] Вотчины коломенской епископіи сперва «взяты были на государя», а потомъ перешли во владѣніе Воскр. мон. См. возр. Ник. на 15 вопр. Стрѣшн. [6] Тамъ же.

лась безплодною. Въ лѣтописи своей онъ говоритъ о патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ: «многія языки приведе въ православную вѣру, многія поганы къ вѣрѣ приведе» [1]. То же надобно сказать и о самомъ Никонѣ. Онъ крестилъ многихъ изъ жидовъ, магометанъ и другихъ иновѣрцевъ, жившихъ въ Москвѣ [2]. Для ближайшаго наблюденія за благочестіемъ новокрещенныхъ, онъ однихъ изъ нихъ держалъ при своемъ патріаршемъ домѣ, другихъ помѣщалъ въ благоустроенные монастыри [3]. Нѣкоторыхъ изъ нихъ самъ воспринималъ отъ купѣли крещенія, и оставлялъ при себѣ, какъ духовныхъ своихъ дѣтей [4].

Наконецъ, когда Господь возвратилъ Россіи древнія ея православныя области, отторгнутыя отъ ней Литвою и Польшею, и обращенныя въ унію, Никонъ началъ снова возстановлять въ нихъ св. православную вѣру. Неизвѣстно какими успѣхами увѣнчались пастырскія попеченія его объ этомъ святомъ дѣлѣ. Несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, то, что намѣстнику своему въ Полотскѣ и Витебскѣ онъ предписывалъ: «слико мощно, сопротивныхъ свѣтомъ непорочныя нашея вѣры обогащати, и уніятскихъ поповъ принимати въ православіе, испытавше ихъ опасно, и повелѣвъ имъ римское и латинское недугованіе проклясти» [5].

Такими-то пастырскими трудами ознаменовалъ Никонъ свое служеніе отечественной Церкви [6]. Но, мудрый и рев-

---

[1] Лѣтоп. ч. VIII, стр. 103. [2] Шушеринъ. [3] Собр. гос. грам. и догов. т. IV. № 57, 58. и Шушеринъ. [4] Тамъ же стр. 130. [5] Вивліоѳ. ч. III, стр. 305. [6] Не упоминаемъ уже о частнѣйшихъ распоряженіяхъ патріарха Никона по церковному управленію, изъ которыхъ нѣкоторыя остались дѣйствующими въ Церкви и послѣ него, а иныя отмѣнены Соборомъ 1667 года: такъ напр. Никонъ постановилъ полагать св. антиминсъ поверхъ, а не на срачицѣ престола, какъ было прежде него; также освящать церкви непремѣнно съ вѣдома и благословенія архіерея, и преимущественно священниками каѳедральнаго собора; совершать въ день Богоявленія освященіе воды только однажды, наканунѣ праздника, а въ самый праздникъ уже не совершать, «зане едино крещеніе, по Апостолу», говорилъ Никонъ, «а не два, и древній св. восточныя Церкве чинъ точію въ навечеріе Богоявленія водоосвященіе творити повелѣваетъ»; кромѣ того не присылать изъ монастырей въ Москву и другіе города посоховъ, въ видѣ благословенія, какъ присылали прежде на па-

ностный первосвятитель, Никонъ былъ мудрымъ совѣтникомъ и сотрудникомъ царя-друга и въ управленіи государственномъ.

Перейдемъ теперь къ обозрѣнію заслугъ патріарха Никона

б) для государства.

Съ именемъ царя Алексѣя Михайловича исторія обыкновенно соединяетъ мысль о государѣ мудромъ, дѣятельномъ въ устройствѣ внутреннемъ, и счастливомъ въ дѣлахъ внѣшнихъ. Но великія царственныя дарованія его обнаружились не вдругъ по вступленіи его на престолъ: первые годы его правленія предвѣщали времена слабаго Ѳеодора Іоанновича [1]. Вступивъ на престолъ 16 лѣтъ [2], юный царь не занимался дѣлами государственными, и все время проводилъ въ путешествіяхъ по окрестнымъ монастырямъ [3], или въ соколиной охотѣ, любимой имъ до страсти [4]. Кормиломъ государства правили бояре. Они не уважали юнаго царя, и своеволіе господствовало при дворѣ [5]. Корыстолюбіе и его изчадіе — неправосудіе были

мять угодниковъ, имени которыхъ были посвящены тѣ или другіе монастыри; также — присылать въ подобныхъ же случаяхъ изъ монастырей въ Москву св. воду въ одинъ изъ монастырскихъ храмовыхъ праздниковъ, а не во всѣ, какъ было постановлено прежде, и тому под. На всѣ такого рода распоряженія Никона можно находить указаніе—въ Истинѣ св. Соловецкой обители, Жезлѣ правленія, Актахъ экспедиціи, т. IV, №№ 65, 81, 99, 333. Ср. Дѣянія собора 1666 1667 года въ рукописи патріаршей библіотеки, № 376 и въ Сборникѣ № 1, стр. 6—62; и № 3, стр. 105 -111, 156—163. У насъ былъ достовѣрный списокъ съ этихъ сборниковъ.

[1] Странств. ант. патр. Макарія въ библ. для чт. XV, III. стр. 111.

[2] Дв. разр. III, стр. 1, сн. собр. гос. гр. и догов. III, стр. 304.

[3] Берха, царств. Алекс. Мих., I, стр. 41. Чт. м. о. ист. и др. р. 1846. № 5.

[4] Дополн. къ ист. акт. III. № 71.

[5] «Мы слышали», писалъ одинъ современникъ, «что вельможи вовсе не уважали Алексѣя; потому что онъ былъ молодъ, нѣженъ, откровененъ, слабаго сложенія, и не любилъ крови и войны.» Библ. для чт. 1846. XV. III, стр. 111. И самъ царь писалъ впослѣдствіи Никону: «и слово мое нынѣ во дворцѣ добре страшно, и дѣлается безъ мотчанія (немедленно)». Не явный ли знакъ прежняго своеволія бояръ? Акт. экс. IV. 57.

отличительными чертами ихъ правленія государствомъ [1]. Дѣла судебныя рѣшались не по законамъ, а по цѣнности подарковъ судіямъ отъ истца и отвѣтчика [2]. Оттого богатые притѣсняли бѣдныхъ, сильные—слабыхъ. Къ довершенію народнаго бѣдствія, введены были новые тягостные налоги, даже отданы на откупъ многіе необходимые въ общежитіи предметы [3]. Иностранцы захватили всю торговлю въ свои руки; отечественные купцы, стѣсняемые на всѣхъ путяхъ промышленности тяжкими пошлинами, терпѣли большіе убытки отъ продажи своихъ товаровъ [4]. Народъ роптalъ на лихоимство судей, подозрѣвалъ ихъ въ заговорѣ съ иностранцами противъ Россіи, и съ негодованіемъ смотрѣлъ на каменныя палаты людей приказныхъ. Наконецъ, при такихъ неустройствахъ гражданскихъ, естественныя бѣдствія—неурожай, падежъ скота, частые пожары, привели народъ въ ярость: въ Москвѣ вспыхнулъ мятежъ; народъ до того озлобился на сановниковъ, что, убивъ многихъ изъ нихъ, требовалъ отъ царя выдачи любимца его Морозова [5]. Государь самъ вышелъ къ бунтующему народу, и едва кроткою рѣчью успѣлъ остановить мятежъ. Этотъ бѣдственный случай обратилъ вниманіе царя на состояніе государственнаго устройства. При свѣтломъ умѣ и добромъ сердцѣ, онъ тотчасъ постигъ истинную причину народныхъ бѣдствій, и съ тѣхъ поръ главною царственною заботою его въ дѣлахъ внутреннихъ было — утвержденіе гражданскаго правосудія. Немедленно послѣ народнаго мятежа [6], онъ повелѣлъ составить уложеніе, которое и было обнародовано 3 октября 1649 года [7]. Но изданный законъ не истребилъ старой привычки дьяковъ, бояръ и воеводъ [8], и царь принялъ на себя трудъ непосредственнаго блюстителя правосудія: каждый обиженный имѣлъ къ нему свободный доступъ,

---

[1] Ист. Карамз. VIII, стр. 318. [2] Олеарій, кн. III, гл. XVI, стр. 130. Берхъ, царств. Алексѣя Михайловича, I, стр. 32—48. [4] Собр. госуд. грам. и догов., т. III, стр. 455. Собр. зак., т. I, № 9, стр. 167. [5] Дворц. разр., т. III, стр. 93 и 94. [6] Тамъ же, стр. 95. [7] Введеніе въ уложеніе. [8] Чт. моск. общ. ист. и др. росс. 1846. № 1. Матер. стр. 4, 13, 38 Коших. VII. 93.

и могъ жаловаться на несправедливый судъ [1]. Для прочнѣйшаго утвержденія правосудія царь чувствовалъ необходимость въ ревностномъ сотрудникѣ, и нашелъ его въ своемъ другѣ Никонѣ.

Мы уже видѣли, какъ въ званіи новоспасскаго архимандрита Никонъ служилъ царю вѣрнымъ вѣстникомъ правды, и искреннимъ другомъ бѣдныхъ. На пути къ царю онъ принималъ просьбы отъ народа, и царь, не выходя изъ церкви, давалъ на нихъ рѣшенія. Отправляя Никона въ Новгородъ, царь поручилъ ему здѣсь надзоръ за гражданскимъ правосудіемъ. Ему дана была власть осматривать темницы, и по своему усмотрѣнію разрѣшать узниковъ. Онъ имѣлъ право наблюдать за производствомъ дѣлъ во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ, и утверждать или измѣнять, по своему разсмотрѣнію, рѣшенія судей гражданскихъ, не исключая рѣшеній и самаго градоправителя. Никонъ, такимъ образомъ, долженъ былъ сдѣлаться, по волѣ государя, полномочнымъ намѣстникомъ его въ Новгородѣ [2]. И ревностный архипастырь съ честію для себя и всего духовенства отечественнаго оправдалъ это высокое довѣріе къ нему царя-друга. Прежде всего и болѣе всего онъ дѣйствовалъ мѣрами убѣжденій и вразумленій на самихъ судей, внушая имъ нелицепріятное и безкорыстное правосудіе, чтобы никому не дѣлали обидъ, налоговъ и притѣсненій [3]. Затѣмъ уполномоченный царемъ, онъ, являясь въ темницы съ милостынею, приносилъ съ собою въ тоже время и правосудіе. Узники радовались его приходу. Онъ проводилъ съ ними по нѣскольку часовъ въ бесѣдахъ. Дальновидный умъ его умѣлъ скоро и вѣрно различать преступленія отъ невинныхъ осужденій, и опредѣлять степень самыхъ преступленій. Каждое посѣщеніе имъ темницы сопровождалось освобожденіемъ немалаго числа узниковъ, невинно осужденныхъ, и облегченіемъ

---

[1] Извѣстно преданіе объ ящикѣ предъ дворцемъ въ Коломнѣ. [2] О гражданскихъ правахъ, предоставленныхъ Никону, надобно судить по церковнымъ греко-римскимъ законамъ, въ которыхъ они ясно указываются. См Журн. м. н. пр. 1847. ч. 8, 9 и 10. [3] Шушеринъ.

участи виновныхъ. Слава правосудія митрополита извѣстна была всей его паствѣ. Оттого случалось, что соперники, прежде нежели начинали между собою дѣло судебнымъ порядкомъ, приходили въ домъ митрополита, и на словахъ объявляли ему неудовольствіе другъ противъ друга [1]. Никонъ съ участіемъ отца разбиралъ ихъ дѣло, укорялъ виновнаго, ободрялъ и утѣшалъ обиженнаго, и не нарушая правъ ни того, ни другаго, оканчивалъ споръ миролюбіемъ. Но тамъ, гдѣ не имѣли успѣха данная ему отъ царя власть и собственное его благоразуміе, Никонъ переносилъ дѣло на рѣшеніе самого царя. Во время пути въ Соловецкій монастырь за св. мощами митрополита Филиппа, онъ замѣтилъ въ Каргопольскомъ уѣздѣ нѣкоторые земскіе безпорядки, и, между прочимъ, опущеніе одного важнаго источника государственныхъ доходовъ, и тогда же съ пути сообщилъ царю свои замѣчанія [2]. На патріаршемъ престолѣ подвиги Никона въ водвореніи гражданскаго правосудія какбы сливаются съ подвигами самого царя. По той власти, какую довѣрила ему любовь и дружба царя, онъ, подобно патріарху Филарету Никитичу, смирялъ испорченныхъ бояръ строгостію [3], и отличалъ особенною честію достойныхъ слугъ престола [4]. Но въ особенно величественномъ видѣ открылъ Никонъ свою преданность царю и отечеству при укрощеніи народнаго возмущенія въ Новгородѣ.

Народный мятежъ, бывшій въ Москвѣ 26 мая 1648 года [5], со всею силою отозвался потомъ чрезъ два года въ Новгородѣ [6]. Виновникомъ этого возмущенія новгородцевъ былъ одинъ посадскій человѣкъ, по прозванію Волкъ. По видамъ корыстолюбивымъ онъ явился къ нѣмцамъ, торговавшимъ въ

---

[1] Тамъ же. [2] Собр. госуд. грам. и догов., т. III, № 150. [3] Библ. для Чт. т. XV, стр. 109. Одинъ современникъ нашъ говоритъ о патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ: «Бояръ и всякаго сана царскаго спиклита зѣло томяше заточеньми необратными и инѣми наказаньми». Ист. русс. ц. пр., Филар. т. IV. 1850, стр. 38. [4] Чт. моск. общ. ист. и др. росс. Малор. перев. л. 70. [5] Дворц. разр. т. 2, стр. 68. Дополн. къ дѣян. Петра В. т. III, стр. 18. Карамз. т. VIII, стр. 318. Олеарій кн. III, гл. XVI, стр. 130. [6] Съ особенною подробностію описано это возмущеніе въ III т. дополн. къ дѣян. Петра В. — Голикова.

Новгородѣ, и за плату обѣщалъ имъ открыть тайный заговоръ, который будто бы замышляли противъ нихъ новгородцы. Нѣмцы, знавшіе нерасположенность къ нимъ въ то время простаго народа русскаго, согласились купить у Волка тайну его. Тогда Волкъ объявилъ имъ, что народъ считаетъ ихъ участниками въ измѣнѣ Бориса Морозова, и потому новгородцы хотятъ всѣхъ ихъ переловить и умертвить. «Поэтому», говорилъ Волкъ нѣмцамъ, «если хотите остаться живыми, поспѣшите удалиться отсюда въ свою землю». Нѣмцамъ извѣстно было общее нерасположеніе умовъ въ Россіи противъ Морозова; они видѣли непріязнь къ нему и въ новгородцахъ, особенно послѣ московскаго возмущенія; знали наконецъ, что Морозова обвиняютъ, между прочимъ, въ излишней корыстолюбивой привязанности къ иностранцамъ. Слова Волка, поэтому, приняли они за совершенную правду, и въ тотъ же день, собравъ, сколько успѣли, свое имущество, отправились изъ Новгорода въ путь за границу.

Волкъ, жаждавшій добычи, радъ былъ этому удаленію иностранцевъ. Обманувъ нѣмцевъ за деньги, онъ рѣшился, для большей прибыли, обмануть и своихъ согражданъ. Явившись въ земскую избу, онъ всенародно объявилъ, что нѣмцы— друзья Бориса Морозова и участники въ измѣнѣ его царю, и теперь, по просьбѣ Морозова, отправляются съ его казною за границу. «Порадѣемъ великому государю, переловимъ бѣглецовъ, и будемъ судить ихъ, какъ измѣнниковъ», заключилъ онъ свою рѣчь.

Народъ не принялъ на себя труда—обдумать слова Волка, какъ будто опасаясь потерять время, благопріятное для открытія и наказанія измѣны. Съ яростію въ душѣ, съ каменьями и палками въ рукахъ, устремились новгородцы въ слѣдъ за нѣмцами. Неистовые крики ихъ заглушали всякое внушеніе благоразумія. Нѣмцевъ догнали; безъ всякой жалости посыпались на несчастныхъ тяжкіе удары. Имѣніе ихъ подверглось расхищенію. Нашлись однакожъ люди разсудительные. Остановивъ возмутителей отъ убійства и кровопролитія, они

просто и ясно показали имъ неблагоразуміе ихъ дѣйствій. «Кто же будетъ свидѣтелемъ измѣны Морозова, если мы перебьемъ здѣсь всѣхъ нѣмцевъ?» — сказали они. Новгородцы одумались. Нѣмцы, оставшіеся еще въ живыхъ, были возвращены въ городъ, и заключены подъ крѣпкую стражу, до времени судебнаго изслѣдованія объ ихъ участіи въ предполагаемой измѣнѣ Морозова. Между тѣмъ, заключивъ нѣмцевъ въ темницы, возмутители устремились грабить ихъ лавки и домы. Ужасы опустошенія сопровождали повсюду бунтовщиковъ: тогда не стало уже пощады и согражданамъ богатымъ и знатнымъ; всѣхъ стали обвинять въ заговорѣ съ нѣмцами ко вреду отечества.

Въ это время былъ воеводою въ Новгородѣ бояринъ князь Ѳедоръ Андреевичъ Хилковъ. Узнавъ о возмущеніи новгородцевъ, онъ послалъ своихъ дьяковъ и стрѣлецкихъ головъ съ отрядами войска вразумить народъ, и прекратить возстаніе крамольниковъ. Но большая часть стрѣльцовъ, увлеченная корыстолюбіемъ, пристала къ сторонѣ возмутителей. Дьякамъ и головамъ стрѣлецкимъ угрожали смертію, если они не перестанутъ уговаривать народъ. Тогда же въ толпѣ раздался голосъ, что всѣ гражданскіе чиновники, и во главѣ ихъ самъ воевода — друзья Бориса Морозова, за одно живутъ съ нѣмцами, и отправляютъ за границу хлѣбъ, соль, мясо и рыбу на продажу, къ крайней скудости отечества; отчего будто бы поднялась дороговизна на всѣ жизненные припасы. Огонь мщенія запылалъ въ груди всѣхъ безразсудныхъ ревнителей государственной пользы. Народъ и стрѣльцы, кипя страстію убійства, устремились въ крѣпость къ дому воеводы. Оставленный всѣми и какбы обреченный на жертву смерти, Хилковъ по городской стѣнѣ убѣжалъ въ домъ митрополита. «Пойдемъ же и мы туда, и убьемъ измѣнника», закричали неистовые голоса, и разъяренная чернь съ палками и каменьями устремилась къ дому митрополита. Никонъ, скрывъ воеводу во внутреннихъ своимъ келліяхъ, приказалъ своимъ людямъ крѣпко запереть ворота дома. Крамольники начали бревнами разбивать ворота, и кричать, чтобы митрополитъ выдалъ имъ воеводу — друга

нѣмцевъ и Морозова. Нѣкоторые изъ домашнихъ людей митрополита вышли, по его приказанію, къ бунтовщикамъ, и пытались уговорить ихъ. Но ожесточенная чернь, неспособная принимать никакихъ внушеній, схватила ихъ, осыпала бранью и ударами, и стала допрашивать, гдѣ скрывается воевода. Вѣрные служители Никона, при всей ожесточенности крамольниковъ противъ нихъ, не открыли имъ мѣста убѣжища воеводы, и терпѣливо переносили удары. Многіе изъ нихъ даже пали жертвою неизмѣнной вѣрности своей митрополиту и своему долгу.

Между тѣмъ по всему городу раздавались два набата: одинъ на городской башнѣ, а другой на колокольнѣ соборной Николаевской церкви, на Ярославовомъ дворѣ, близъ земской и таможенной избы, гдѣ былъ и главный притонъ бунтовщиковъ. Весь городъ былъ объятъ ужасомъ.

Неустрашимый архипастырь, всегда готовый положить душу свою за люди своя, самъ, ввѣривъ себя Богу, вышелъ къ крамольникамъ. При видѣ знаменитаго владыки своего, народъ притихъ и молчаливо ожидалъ его слова. Съ отеческою кротостію началъ Никонъ говорить: «любезные дѣти! за чѣмъ пришли ко мнѣ съ оружіемъ? Я всегда былъ съ вами, и теперь не скрываюсь. Я пастырь вашъ, и готовъ положить за васъ душу свою».—«Такъ онъ хочетъ самомъ своимъ заступать и укрывать измѣнниковъ!» вдругъ раздалось въ толпѣ, и—Никонъ былъ поверженъ на землю. Удары со всѣхъ сторонъ сыпались на него: одни били его своими руками, другіе бросали въ него каменьями, иные били его палками... не было ни уваженія къ сану, ни жалости къ человѣку! Великодушный Никонъ молплъ о своихъ бійцахъ, какъ нѣкогда самъ Спаситель о своихъ распинателяхъ: *Отче! не постави имъ грѣха сего; не вѣдятъ бо, что творятъ!* Наконецъ силы тѣлесныя оставили его, и онъ уже безъ чувствъ лежалъ поверженный на землѣ. Неистовая и буйная чернь продолжала волочить его по землѣ, и осыпать ударами. Но Господь, не хотѣвшій предать смерти своего вѣрнаго служителя, вложилъ въ сердце нѣ-

которыхъ зрителей сострадание къ страдальцу - архипастырю. Они пробились сквозь толпу, и обступили уже полумертваго митрополита Тогда открылись очи и у крамольниковъ, оставшіеся до сихъ поръ въ слѣпотѣ отъ страсти мщенія. Невольный страхъ овладѣлъ ими, и одинъ по одному они стали расходиться со двора митрополита: вскорѣ удалилось отсюда все скопище.

Полумертваго митрополита подняли служители его, и внесли въ келлію. Чрезъ нѣсколько времени онъ пришелъ въ чувство. Но, какъ ревностнѣйшій архипастырь, онъ не хотѣлъ и думать о своемъ спокойствіи, когда паства его бѣдствовала отъ мятежа. Не смотря на крайнюю слабость свою, онъ рѣшился сдѣлать съ своей стороны все къ усмиренію мятежа и возстановленію законнаго порядка. Немедленно отправлены были, по его приказанію, гонцы ко всѣмъ градскимъ архимандритамъ, игуменамъ и священникамъ съ извѣстіемъ, чтобы они тотчасъ явились въ каѳедральный храмъ св. Софіи. Между тѣмъ здѣсь начался благовѣстъ къ крестному ходу. Никонъ, готовясь на смерть, исповѣдался у своего отца духовнаго, и, когда собралось въ соборѣ духовенство, явился туда и самъ. Отсюда съ церковными хоругвями, крестами и иконами открылось шествіе въ Знаменскій соборъ, близъ котораго находилось мѣсто собранія крамольниковъ. Съ большимъ трудомъ совершалъ Никонъ путь; кровь лилась у него изъ ушей и гортани. Было еще утро; изнемогая отъ ранъ, онъ совершилъ однакожъ въ Знаменской церкви божественную литургію, и, укрѣпившись св. тайнами, велѣлъ везти себя непокрытымъ въ саняхъ прямо къ земской и таможенной избамъ, гдѣ происходило совѣщаніе бунтовщиковъ о новыхъ буйствахъ. Твердо сталъ среди ихъ архипастырь. Трепетъ и ужасъ объяли крамольниковъ, изумленныхъ и пристыженныхъ явленіемъ къ нимъ архипастыря, на котораго они возложили убійственныя руки свои. Приказавъ себя поднять, и собравшись съ силами, Никонъ съ твердостію возгласилъ: «дѣти! я всегда проповѣдывалъ правду безъ страха, а теперь еще дерзновеннѣе воз-

вѣщу вамъ истину. Ничто земное не устрашаетъ меня; готова уже душа моя грѣшная къ смерти; я сподобился принять тѣло и кровь безсмертнаго источника, Христа Бога моего. Я, какъ пастырь, пришелъ спасти васъ отъ возмущающихъ васъ волковъ, отъ духа вражды и несогласія. Успокойтесь, и если знаете за мной какую нибудь вину или неправду противъ царя нашего, то, объявивъ ее мнѣ, убейте меня; я готовъ умереть съ радостію. Только обратитесь къ вѣрѣ и повиновенію».

Объятые стыдомъ и страхомъ крамольники не смѣли возвести и взоровъ на іерарха, и ничего не отвѣчая ему, одинъ за другимъ поспѣшили удалиться въ свои домы. Никонъ велѣлъ везти себя отсюда въ храмъ св. Софіи, и здѣсь, среди многочисленнаго собранія духовенства и народа, предалъ анаѳемѣ главнѣйшихъ зачинщиковъ возмущенія. Тогда горькое раскаяніе заступило въ народѣ мѣсто ожесточенія.

Но главные заговорщики, боясь гнѣва царскаго, въ страхѣ и отчаяніи начали искать средствъ къ оправданію себя предъ царемъ. И вотъ начались новые ужасы въ народѣ: предъ окнами земской избы положены были плаха и сѣкира, и подъ угрозою смерти принуждали всѣхъ важнѣйшихъ гражданъ подписывать свои имена на бѣлыхъ столпцахъ, на которыхъ предполагалось написать донесеніе государю, отъ имени будто бы всѣхъ гражданъ новгородскихъ, что они «показали радѣніе государю,» истребленіемъ измѣнниковъ. Такихъ подписей собрано было уже болѣе тысячи. Особенное притѣсненіе терпѣли духовные, какъ свидѣтели болѣе достовѣрные, чѣмъ всѣ другіе. Между тѣмъ, чтобы въ Москвѣ не было узнано истинное положеніе дѣлъ въ Новгородѣ, крамольники поставили вокругъ города по всѣмъ дорогамъ крѣпкую стражу, съ строгимъ приказаніемъ никого не пропускать въ Москву. Для большаго успѣха въ этихъ распоряженіяхъ, избраны были предводители, изъ которыхъ главный назывался «воеводою», а прочіе—«его помощниками». Къ стыду крамольниковъ, воеводой сдѣлался нѣкто Иванъ Жегловъ, дворецкій митрополита, посаженный имъ за тяжкое преступленіе въ тюрьму, и теперь, во время

общаго мятежа въ народѣ, бѣжавшій изъ тюрьмы. Вотъ онъ отдавалъ свои приказанія подчиненнымъ, будучи самъ еще связанъ по шеѣ цѣпью!

Мало однако же вѣрили крамольники, чтобы вѣсти объ ихъ мятежѣ не достигли какъ нибудь слуха царскаго. Одна бѣда родитъ другую: такъ было и съ ними. Ослѣпленные страхомъ справедливаго наказанія, они хотѣли укрыться отъ гнѣва природнаго царя подъ скипетромъ царя иноземнаго и иновѣрнаго, и рѣшились сдать городъ Швеціи или Польшѣ. Умыселъ ихъ готовъ уже былъ созрѣть и исполниться; но дальновидный и мудрый митрополитъ далъ дѣлу другой оборотъ.

Не смотря на всѣ мѣры, какія приняты были бунтовщиками, чтобы пересѣчь сообщеніе съ Москвою, Никонъ нашелъ средство извѣстить царя о возмущеніи новгородцевъ и ихъ намѣреніи — отдаться подъ покровительство польскаго или шведскаго короля. Укрывая еще воеводу въ своихъ келліяхъ, онъ съ нарочнымъ надежнымъ человѣкомъ отправилъ къ царю тайными путями грамоту, въ которой подробно описалъ весь ходъ возмущенія новгородцевъ, за тѣмъ овладѣвшій ими страхъ гнѣва царскаго, и наконецъ намѣреніе — передаться въ подданство Швеціи и Польши. Глубоко пораженъ былъ царь этою вѣстію о возмущеніи своихъ подданныхъ и о страданіяхъ своего друга — митрополита. Чтобы утѣшить его въ скорбяхъ, царь немедленно написалъ къ нему отъ себя грамоту, и отправилъ съ тѣмъ же гонцемъ. Чувства признательности, любви и преданности царя къ Никону вполнѣ выразились въ этой грамотѣ, гдѣ онъ называлъ Никона «новымъ страстотерпцемъ и мученикомъ» [1]. Въ то же время и съ тѣмъ же гонцемъ отправилъ царь грамоту и къ новгородцамъ, угрожая имъ смертію въ случаѣ нераскаянія, и обнадеживая милостію, если они принесутъ раскаяніе предъ своимъ митрополитомъ, и испросятъ себѣ прощеніе отъ него и разрѣшеніе, выдавъ только главныхъ возмутителей.

[1] Шушер. Ср. жизнеопис. Ник., сост. арх. Аполл. стр. 21.

Пока все это происходило въ Москвѣ, благоразумнѣйшіе изъ новгородцевъ, увлеченные прежде общимъ потокомъ возмущенія, но теперь сознавшіе свою вину, стали приходить къ Никону со слезами раскаянія. Испрашивая у него прощенія, они въ то же время умоляли его употребить за нихъ свое ходатайство предъ царемъ. Они хорошо знали, какъ много значило слово Никона на судѣ царя — друга его. Никонъ, какъ добрый пастырь, готовый положить душу свою за люди своя, принялъ ихъ незлобиво, какъ дѣтей, обратившихся отъ буйства къ повиновенію, оплакалъ вмѣстѣ съ ними прежнее ихъ заблужденіе, простилъ и разрѣшилъ ихъ съ своей стороны, какъ архипастырь; но дальнѣйшее объявленіе милости отлагалъ до полученія грамоты отъ царя. Но вотъ разнеслась вѣсть по Новгороду, что грамота отъ царя получена. Безчисленныя толпы собрались предъ земской избой, ожидая рѣшенія своей участи. Грамота прочитана: ужасъ смерти поразилъ всѣхъ, но оставался еще лучъ свѣтлой надежды въ томъ, что государь все дѣло отдалъ на волю милостиваго Никона, который долженъ былъ наказывать виновныхъ, и миловать невинныхъ. Всѣ устремились къ дому митрополита: тысячи голосовъ раздались теперь въ слухъ Никона: «прости насъ, прости насъ!» Никонъ обѣщалъ имъ прощеніе; только, по долгу справедливости, велѣлъ народу выдать гражданской власти всѣхъ главнѣйшихъ зачинщиковъ бунта. Народъ съ готовностію обѣщалъ исполнить это приказаніе. Между тѣмъ мудрый архипастырь воспользовался благопріятнымъ для назидательнаго слова его расположеніемъ своихъ пасомыхъ: три часа поучалъ онъ ихъ изъ священнаго Писанія и отцевъ Церкви повиновенію властямъ и доброй жизни. Народъ плакалъ отъ раскаянія и умиленія. Со слезами во взорахъ проповѣдывалъ и архипастырь, во всемъ готовый спострадати своей паствѣ. Подавъ такимъ образомъ надлежащее вразумленіе народу, Никонъ торжественно объявилъ ему прощеніе и разрѣшеніе отъ себя, и обѣщалъ милость отъ великаго государя. Съ восторгами радости и признательности къ своему архипастырю возвратились всѣ по до-

мамъ, и — тишина по всѣмъ концамъ Новгорода водворилась [1].

Правосудный государь вполнѣ оцѣнилъ заслуги Никона, который съ самоотверженіемъ истиннаго пастыря дѣйствовалъ къ усмиренію этого страшнаго новгородскаго возстанія [2]. «Избранному и крѣпкостоятельному пастырю.» писалъ впослѣдствіи царь къ Никону, «милостивому, кроткому, благосердому, беззлобивому, но и паче же любовнику и наперснику Христову, и рачителю словесныхъ овецъ; о, крѣпкій воине и страдальче Царя небеснаго, о возлюбленный мой любимиче и содружебниче святый владыко! Пишу тебѣ свѣтло-сіяющему во архіереѣхъ, аки солнцу сіяющу по всей вселенніѣй, тако и тебѣ сіяющу по всему нашему государству благими правы и дѣлы добрыми... собинному нашему другу душевному и тѣлесному» [3].

Вѣрный и доблестный помощникъ царю въ дѣлахъ внутренняго государственнаго правленія, Никонъ былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ поборниковъ славы царя и отечества и въ сношеніяхъ Россіи съ иноземными державами. Такъ блистательнѣйшее изъ внѣшнихъ государственныхъ дѣлъ царствованія Алексѣя Михайловича, присоединеніе Малороссіи къ Россіи, и возвращеніе нѣкоторыхъ другихъ древнихъ отечественныхъ владѣній, отторгнутыхъ отъ насъ нѣкогда Польшею и Литвою, было плодомъ великой мысли Никона.

Въ Брестскомъ храмѣ св. Николая 9 октября 1596 года провозглашена унія [4]. Немедленно послѣ того начались ужасныя страданія православныхъ въ Польшѣ, Литвѣ и Украйнѣ

---

[1] Главнѣйшіе возмутители народнаго спокойствія были тогда же заключены въ тюрьмы, и впослѣдствіи казнены кн. Хованскимъ. См. Акт. о псковск. бунтѣ, въ дополн. къ истор. акт. т. III, № 74. [2] Тѣмъ выше надобно цѣнить подвигъ Никона въ укрощеніи новгородскаго возмущенія, что подобное же возмущеніе въ Псковѣ имѣло совсѣмъ не тотъ исходъ, какой возмущеніе новгородцевъ. См. тамъ же. [3] Акт. экспед. т. IV, № 57. Дополнит. статья къ жизнеописанію Никона, составл. архим. Аполлос., № 11. [4] Чт. моск. общ. ист. и др. росс. 1847. VII. 1—36. Опис. Кіево-Софійскаго собора, въ ст.: митр. Михаилъ Рагоза. Истор. изв. объ уніи, Бант.-Кам., стр. 51—58.

за твердость въ вѣрѣ отцевъ своихъ. Эти страданія напоминаютъ собою мученичество первыхъ вѣковъ христіанства.

Въ 1597 году введены въ Малороссіи польскія войска. Солдаты съ обнаженными саблями принуждали въ храмѣ народъ преклонять колѣна и ударять себя въ грудь по обычаю римскому, и читать св. символъ вѣры съ прибавленіемъ: «и отъ Сына». Православные храмы съ насиліемъ были отнимаемы католиками, или объявлялись уніятскими. Духовенство латинское переѣзжало отъ храма къ храму въ повозкахъ, въ которыя впрягали до двадцати и болѣе православныхъ христіанъ. Тѣ храмы, которыхъ прихожане никакимъ насиліемъ не могли быть вынуждены къ уніи, отдавались въ аренду жидамъ. Всякій разъ, когда надобно было православному совершать церковную требу, необходимо было ему прежде идти за церковными ключами къ жидамъ, для которыхъ золото—идолъ, а вѣра Христова — предметъ злобныхъ насмѣшекъ и ругательствъ [1]. Явились храбрые защитники прародительской вѣры; но, вмѣстѣ съ гетманомъ своимъ Наливайкой, сожжены въ Варшавѣ въ мѣдномъ быкѣ медленнымъ огнемъ, и Украйна объявлена на сеймѣ лишенною всѣхъ правъ.

Сагайдачный побѣдами своими надъ польскими войсками возвратилъ Малороссіи гражданскія и церковныя права ея. Унія здѣсь на нѣсколько утихла [2]. Но въ 1622 году Сагайдачный умеръ. Гоненіе на православныхъ въ Малороссіи возгорѣлось снова. Надъ несчастными опять стали господствовать жиды и польскіе магнаты. Къ довершенію бѣдствій, придумана была позорная дань: уніятъ свободно получалъ пасхальный хлѣбъ, гдѣ и какъ хотѣлъ; а православный не могъ печь его самъ, и покупалъ не иначе, какъ у жида и по цѣнѣ жидовской; въ противномъ же случаѣ платилъ тройную цѣну. При такомъ положеніи дѣлъ православное малороссійское духовенство обратилось съ просьбою о помощи къ государству единоплеменному и единовѣрному. Въ Москву отправленъ

[1] Очеркъ ист. Малороссіи, въ отеч. зап. 1849. LXII. III, стр. 221 и 222.
[2] Ист. Малороссіи, Маркевича, прил. VI.

былъ Исаакій, епископъ луцкій, съ порученіемъ отъ своего митрополита Іова Борецкаго ходатайствовать у царя Михаила Ѳеодоровича и патріарха Филарета Никитича о принятіи Малороссіи подъ ихъ государскую руку. Но день избавленія Малороссіи тогда еще не насталъ. Исаакію отвѣчали: «царское величество и святѣйшій патріархъ будутъ о томъ мыслить, какъ бы православную вѣру и церкви Божіи, и васъ всѣхъ отъ еретиковъ въ избавленіи видѣть» [1]. Между тѣмъ въ Малороссіи опять начались волненія. На помощь бѣдствующей отчизнѣ возсталъ мужественный гетманъ Павлюкъ (въ 1637 году), и оружіемъ вынудилъ поляковъ дать Малороссіи миръ. Но измѣннически схваченный поляками, онъ подвергся ужаснѣйшей казни: у живаго содрали съ головы кожу. Малороссія опять объявлена лишенною всѣхъ правъ [2]. На защиту ея возсталъ гетманъ Остраница. Но, подобно Павлюгу, былъ схваченъ вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами, и отправленъ въ Варшаву. Одни изъ нихъ здѣсь колесованы, другимъ переломали руки и ноги, третьи, пробитые спицами насквозь, подняты на сваи. На мѣсто казни явились жены плѣнниковъ съ грудными дѣтьми, и наполнили площадь воплями. Женъ перерѣзали всѣхъ до одной; а дѣтей, ползавшихъ около окровавленныхъ матерей, жгли предъ глазами отцевъ на желѣзныхъ рѣшеткахъ. Между тѣмъ по городамъ и селеніямъ Украйны открылась такая же звѣрская жестокость, и наглое поруганіе надъ святынею. Въ глазахъ родителей сожигали дѣтей на угольяхъ и варили въ котлахъ, а потомъ предавали матерей мучительнѣйшей смерти [3]. Ограбивъ православные храмы, ляхи отдали ихъ въ аренду жидамъ; потиры, дискосы, ризы и стихари распродали въ корчмы. Жиды передѣлали церковные сосуды и облаченія на домашнюю посуду и убранства; жены ихъ надѣлали себѣ изъ ризъ и стихарей нагрудники, оставляя на нихъ, какъ знакъ торжества надъ вѣрою, св. кресты [4]. Поль-

[1] Бант.-Кам., исторія Малороссіи. I, стр. 176, примѣч. 151 и 152. [2] Марков. прил. VIII. Кіевскіе акт. I. № XXXI. [3] Оч. ист. Малор. въ от. зап. т. LXII, стр. 228. [4] Церк. ист. пр. Филар. 1850 г., ч. IV, стр. 103—106.

ские магнаты и римское духовенство ставили русское христіанство наравнѣ съ язычествомъ!

Тогда Господь воздвигъ на помощь страждущей вѣрѣ православной мужа благочестиваго и храбраго. Это былъ Богданъ Хмѣльницкій. По мощному слову его, собрались къ нему всѣ ревностные поборники православія. Составилось огромное ополченіе, и храбро выступило противъ притѣснителей Церкви православной. «Причиною, понудившею казаковъ возстать войною на ляховъ», писалъ Хмѣльницкій, «было не то, что ляхи несправедливо отнимали у нихъ селенія и дома; не то, что лишали ихъ земнаго отечества, не то, что отягощали работами, подобно немилостивому Фараону (все это не отказались бы терпѣть казаки); но то, что ляхи, принуждая ихъ оставить благочестивые догматы, и присоединиться къ заблужденію, злымъ юродствомъ разоряли мысленныя селенія и домы нетлѣнныхъ душъ» [1]. Православное духовенство Малороссіи благословило оружіе Хмѣльницкаго на защиту вѣры и отчизны.

Съ 1647 года закипѣла жестокая брань казаковъ съ Польшею. При самомъ началѣ войны Хмѣльницкій открыто уже выразилъ свое желаніе передаться въ подданство Россіи. «Пусть поляки утѣсняютъ насъ», сказалъ онъ однажды, «но еще не умерла мать казаковъ Россія» [2]. Напрасно польскіе магнаты старались примириться съ казаками разными подарками и лестными обѣщаніями вольности. «Намъ не нужны ни дары, ни обѣщанія; владѣйте Польшею, а Украйна должна быть свободною», отвѣчали имъ казаки» [3]. Разбивъ нѣсколько разъ поляковъ, Хмѣльницкій славною побѣдою подъ Зборовымъ (Збаражемъ) въ 1649 году, заставилъ польскаго короля Яна Казимира принять, между прочими статьями договора, слѣдующія: а) уничтожить между русскими въ Польшѣ и Литвѣ

---

[1] См. малоросс. перев., въ чт. моск. общ. ист. и др. росс. 1848. № 8, въ концѣ ст. XVI. Ср. Кіев. акт. т. I, отд. 3, стр. 60—63. [2] Ист. Росс. Глинки, т. VI, стр. 88. [3] Ист. Росс. Глинки, т VI, стр. 88.

унію, какъ возмутившую народъ, и покрывшуюся христіанскою кровію; б) православнымъ церквамъ остаться при своихъ древнихъ вольностяхъ и имѣніяхъ, какъ было изстари; в) кіевскому митрополиту имѣть мѣсто въ сенатѣ; г) іезуитскимъ училищамъ не оставаться болѣе ни въ Кіевѣ, ни въ другихъ помѣстьяхъ казацкихъ [1]. Но поляки и не думали исполнять этого договора. Напротивъ, жестокости снова начались, какъ въ Малороссіи, такъ въ Литвѣ и на Волыни [2].

Въ столь тѣсныхъ обстоятельствахъ Хмѣльницкій отправилъ пословъ къ царю Алексѣю Михайловичу съ прошеніемъ покровительства и защиты малороссійскому народу, и предлагалъ вступить въ подданство Россіи со всею Украйною. Это было въ февралѣ 1651 года, при патріархѣ Іосифѣ. Царь предложилъ просьбу Хмѣльницкаго на разсужденіе собора духовныхъ и гражданскихъ особъ. Соборъ, соразмѣряя силы государства, постепенно возстановлявшіяся послѣ величайшихъ государственныхъ бѣдствій, хотя полагалъ — согласиться на просьбу Хмѣльницкаго, но полагалъ боязливо, и потому ничего не сдѣлалъ [3]. Въ Москвѣ боялись войны съ Польшею. Начались переговоры и пересылки изъ Москвы въ Украйну. Патріархъ Іосифъ, какъ ни желалъ мира Церкви православной, но не имѣлъ столько силы въ совѣтѣ, чтобы склонить государя и бояръ принять свое мнѣніе. Послы Хмѣльницкаго возвратились къ нему съ нерѣшительнымъ отвѣтомъ отъ московскаго царя [4]. Но Хмѣльницкій не терялъ надежды на православнаго государя.

Въ 1652 году онъ возобновилъ свое ходатайство предъ ца-

---

[1] Кіев. пам. т. I, отд. 3, стр. 345 и 346. Король отъ 12 января 1650 года писалъ: «по уговору, учиненному съ кіевскимъ митрополитомъ и духовенствомъ обѣщали мы на нынѣшнемъ сеймѣ истребить унію, успокоить весь народъ русскій и удовлетворить его по отношенію къ греческой вѣрѣ». Ист. уніи, Бантышъ-Каменск. стр. 112—117. [2] Состояніе дѣлъ въ Малороссіи послѣ Зборовскаго договора кратко, но вѣрно, изображено въ московской соборной грамотѣ 1654 г. Собр. гос. грам. и дог. т. III. [3] Ист. Малор. Б. Кам. 1, стр. 250 и 251. [4] «Я посылаю отъ всего сердца, а они смѣются надо мной», говорилъ Хмѣльницкій, недовольный медлительностію моск. правительства. Б. Кам. стр. 251, примѣч. 286.

ремъ Алексѣемъ Михайловичемъ о принятіи Малороссіи въ подданство Россіи [1], и, между прочимъ, извѣщалъ, что если православный царь откажетъ Малороссіи въ ея просьбѣ, то она признаетъ надъ собою власть султана, но никакъ уже не останется подъ властію польскаго сейма. Состояніе Малороссіи становилось теперь тѣмъ опаснѣе, что ханъ крымскій намѣренъ былъ помогать польскому королю въ порабощеніи Украйны. Между тѣмъ Хмѣльницкому извѣстна была сила предъ царемъ патріарха Никона. Поэтому, испрашивая себѣ подданства у царя, Хмѣльницкій послалъ особую грамоту къ Никону, умоляя его быть ходатаемъ предъ царемъ о присоединеніи единовѣрныхъ къ единовѣрнымъ [2]. Положеніе дѣлъ было очень затруднительное для Россіи. Принять Малороссію въ свое подданство значило объявить войну Польшѣ. Но если-бы Малороссія отдалась на волю султану, въ такомъ случаѣ къ Москвѣ придвинулись бы татары и султанъ. Но Никонъ не любилъ отступать назадъ при видѣ опасности. Многіе изъ бояръ разсуждали и теперь, какъ въ 1651 году [3]. Но Никонъ убѣдилъ царя принять подъ свою высокую защиту единовѣрную и единоплеменную намъ Малороссію [4], и яркими красками изобразилъ царю страданія въ Украйнѣ православной Церкви. Въ то же время онъ замѣтилъ царю, что казаки защитятъ и себя и Москву отъ поляковъ, если только царь православный приметъ ихъ подъ свое покровительство. Никонъ зналъ бла-

---

[1] Маркевичъ, т. III, стр. 66. Собр. гос. гр. и дог. т. III, № 148.

[2] «Вѣдуще мы о ревности, еюже твое великое святительство по Господѣ Бозѣ Вседержителѣ, по вѣрѣ православной, по Церкви Божіей, и по всемъ народѣ восточнаго благочестія ревнуетъ, просимъ твое великое святительство, да изволишь быти о насъ ходатай къ его царскому величеству, да подастъ намъ отъ великаго государства своего руку помощи; мы же», прибавлялъ онъ, «служити невѣрному царю не хощемъ, но точію православному государю, и твое великое святительство-ходатая о насъ къ Богу и къ его царскому величеству просимъ, дабы была едина вѣра и едино сочетаніе; аще бо иновѣрцы и взываютъ насъ къ себѣ, но мы Бога молимъ, дабы отвратилъ очи наши не видѣти суеты, и наставилъ насъ на стезю прану заповѣдей своихъ» См. малоросс. переписку въ чтеніяхъ моск. общества исторіи и древностей россійскихъ 1848 г. № 8, въ концѣ статьи I. II. III. XVII. [3] Оч. ист. Малор. въ отеч. зап. LXII. III, стр. 261. [4] Чт. моск. общ. ист. и др. росс. 1848, № 8. въ концѣ ст. III.

годарность и храбрость доблестныхъ сыновъ Украйны. Итакъ, по настоянію Никона, въ апрѣлѣ 1653 года отправлены были въ Польшу русскіе послы съ требованіемъ покоя Малороссіи прежде, нежели Москва подниметъ въ защиту ея свое оружіе [1]. Въ сентябрѣ возвратились наши послы, и донесли царю, что польское правительство не приняло посредства Россіи въ дѣлѣ Малороссіи.

Октября 1 того же года (1653) государь собралъ въ грановитой палатѣ соборъ [2] изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, и предложилъ ему на разсужденіе настоящее положеніе дѣлъ Россіи съ казаками и Польшею. На предложеніе царя послѣдовалъ единодушный отвѣтъ духовныхъ и земскихъ чиновъ: «для православныя христіанскія вѣры и св. Божіихъ церквей, гетмана со всѣмъ войскомъ принять въ подданство Россіи». Тогда же назначены были къ отправленію въ Малороссію тверской намѣстникъ Василій Васильевичь Бутурлинъ, муромскій намѣстникъ Иванъ Васильевичь Алферьевъ и думный дьякъ Иларіонъ Дмитріевичь Лопухинъ, чтобы привести всѣхъ жителей Малороссіи къ присягѣ на подданство православному государю [3]. Октября 5, послѣ молебна въ большомъ Успенскомъ соборѣ, принявъ благословеніе отъ патріарха, и быв у руки царской, они отправились въ свой путь [4].

Января 8-го 1654 года, «благодаря патріарху Никону» [5], совершилось въ Чигиринѣ [6] торжество соединенія Малороссіи съ государствомъ московскимъ.

Съ какою любовію малороссіяне обратились тогда къ Никону, показываетъ письмо къ нему Ивана Выговскаго [7], и

---

[1] Собр. гос. гр. и дог. т. III, № 156. [2] Тамъ же № 157. Дворц. разр. т. III, стр. 369 и слѣд. [3] Тамъ же № 164, ср. № 165. [4] Дв. разр. т. III, стр. 373. [5] Странств. ант. патр. Макарія, въ библ. для чт. 1836. XV. III, стр. 68. [6] Собр. госуд. грам. и догов. т. III, № 165.

[7] Шушеринъ. Акт. ист. т. IV, № 185. Собр. гос. гр. и дог. 3,180. Марк. 1, 213 — 345. — Вслѣдъ за присоединеніемъ Малороссіи къ Россіи въ гражд. отношеніи, естественно, и Церковь малороссійская поставлена въ зависимость отъ патр. московскаго. И Никонъ началъ уже скрѣплять этотъ церковный союзъ Россіи съ Малороссіею. Пастыри — могилевскій (съ 1654 г.), смоленскій (съ 1657 г.) и черниговскій (съ 1657 г.) признали надъ собою власть Никона. Ему подчинялся

примѣръ игумена Іоиля Турцевича. Приглашенный въ 1654 году въ Иверскій монастырь, Іоиль на дорогѣ заболѣлъ; но просилъ перенесть, по крайней мѣрѣ, тѣло его туда, куда стремилась любовь его, въ Иверскій монастырь, воздвигнутый Никономъ: «азъ», говорилъ онъ, «послушаніе мое къ пастырю и по смерти сохраню [1].

Но поляки не хотѣли добровольно уступить Россіи Малороссію, и вотъ теперь неизбѣжна была война Россіи съ Польшею [2]. Октября 23-го 1653 года, послѣ молебна въ большомъ Успенскомъ соборѣ, царь торжественно объявилъ всему своему народу, что «прося у Бога милости и заступленія у всѣхъ святыхъ, идетъ на недруга своего короля польскаго мстить многія неправды его» [3]. Никонъ благословилъ благочестивѣйшаго государя на защиту православной Церкви, страждущей въ Украйнѣ отъ насилія ляховъ. Съ того дня начались въ войскахъ нашихъ приготовленія къ походу, и продолжались до слѣдующей весны. Апрѣля 26-го 1654 года выступилъ изъ Москвы съ отрядомъ войска князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой. Войско проходило мимо дворца, «подъ переходами,» гдѣ стояли царь, царица и патріархъ. Никонъ кропилъ воиновъ св. водою [4]. Мѣстомъ собранія всего войска, назначеннаго въ походъ противъ поляковъ, былъ избранъ городъ Вязьма. Сюда-то мая 15 въ Троицынъ день государь отправилъ икону иверской Божіей Матери, присланную Никону константинопольскимъ патріархомъ Паѳеніемъ. Изъ Успенскаго собора до монастыря Донскаго провожалъ ее самъ царь съ патріархомъ, предшествуемые крестами, священными хоругвями и св. иконами, при стеченіи всего московскаго народа [5]. Въ

и митрополитъ кіевскій Сильвестръ (опис. Кіево-соф. соб. прилож. 17). Но Никонъ палъ, и довершить то, что началъ Никонъ, досталось уже патр. Іоакиму. Собр. зак. т. II, №№ 1198, 1199. Опис. К.-соф. соб., №№ 21, 22. [4] Чт. моск. общ. ист. и др. росс. 1848. № 8, въ концѣ ст. 10.

[4] По свидѣтельству Татищева эту войну подробно описалъ нѣкто діаконъ Луговскій; но до насъ не дошли его сочиненія. См. Татищ. предъизвѣщеніе къ истории. Ср. сл. пис. дух. чина, ч. 2, подъ словами: Луговскій. [4] Дворц. разр. т. III, стр. 377 и слѣд. [4] Тамъ же, стр. 408. [5] Тамъ же, стр. 410.

тотъ же день отправленъ въ Вязьму Одоевскій съ передовымъ войскомъ. Никонъ, опять стоя съ царемъ на переходахъ, кропилъ войско святою водою [1]. Мая 16 отправился туда же князь Яковъ Черкасскій. Никонъ служилъ въ большомъ Успенскомъ соборѣ молебенъ въ присутствіи царя, и окропилъ войско святою водою. Наконецъ, мая 18 выступилъ въ походъ и самъ царь. Войска собрались на красную площадь ко дворцу. Патріархъ Никонъ изъ окна царской столовой благословилъ воиновъ, и окропилъ св. водою. Затѣмъ царь вышелъ изъ своего дворца къ войску, и торжественно отправился съ нимъ изъ Москвы [2]. У всѣхъ воротъ, черезъ которыя надлежало проходить войску, пристроены были по обѣимъ сторонамъ воротъ возвышенныя ступени («рундуки большіе ступенями»), обитыя краснымъ сукномъ. На этихъ возвышеніяхъ стояли духовные со св. крестами въ рукахъ, и окропляли св. водою воиновъ, предводимыхъ самимъ царемъ.

Въ Москвѣ остались правителями бояре: князь Михаилъ Петровичъ Пронскій, князь Иванъ Васильевичъ Хилковъ, и окольничіе князь Ѳедоръ Андреевичъ Хилковъ, князь Иванъ Андреевичъ Хилковъ, князь Василій Григорьевичъ Ромодановскій и думный посольскій дьякъ Алмазъ Ивановъ. Ко дворцу царицы опредѣлены были окольничіе: Иванъ Андреевичъ Милославскій и Прокопій Ѳедоровичъ Соковникъ [3]. Но главный надзоръ за благоустройствомъ государства, и попеченіе о семействѣ царя, любовь и дружба государя предоставили патріарху Никону [4]; безъ совѣта съ Никономъ ничего не могли сдѣлать, ни предпринять бояре [5].

Положившись совершенно на Никона въ дѣлахъ внутренняго правленія государствомъ, царь Алексѣй Михайловичъ могъ теперь свободно и смѣло спѣшить въ непріятельскую землю, чтобы нанести Польшѣ рѣшительный ударъ. Посолъ

---

[1] Тамъ же стр. 411. [2] Берха, царств. Алексѣя Михайловича т. I, стр. 87—89. [3] Дворц. разр. стр. 413. Выписываемъ имена этихъ лицъ потому, что нѣкоторые изъ нихъ будутъ главными дѣйствователями въ печальной участи Никона. [4] Акт. экспед. IV, № 71, 86. Шушер. [5] Свидѣтельство современника очевидца—въ библ. для чт. XV, III, стр. 109.

за посломъ спѣшили отъ царя къ Никону съ извѣстіемъ о взятіи городовъ [1]. Между тѣмъ Никонъ, заботясь не только о внутреннемъ благосостояніи государства, но и о продовольствіи войскъ, бывшихъ съ царемъ въ походѣ, самъ распоряжался своевременною доставкою къ нимъ хлѣба и ружейныхъ запасовъ [2]. Получая такимъ образомъ всѣ средства къ счастливому продолженію войны, государь августа 16 въ ночь сдѣлалъ приступъ къ Смоленску, который считался вратами для вступленія во всѣ владѣнія Польши. Сентября 23-го 1654 года князь Юрій Ивановичъ Ромодановскій посланъ былъ въ Москву съ извѣстіемъ о сдачѣ царю Смоленска. Никонъ торжествовалъ съ народомъ въ храмѣ Божіемъ побѣды царя молитвами къ Царю царей, своею силою веселящему царей, и своимъ спасеніемъ радующему ихъ въ самые дни брани. Разосланы были грамоты и по всѣмъ церквамъ Россіи съ извѣстіемъ о побѣдахъ православнаго царя нашего, и — на необъятномъ пространствѣ всего отечества вознеслась къ Господу силъ жертва хвалы и благодаренія за царя отъ вѣрныхъ сыновъ Богомъ хранимаго и Богомъ прославляемаго царства [3].

Но въ то самое время, когда счастіе блистало царю со всѣхъ сторонъ въ его войнѣ съ Польшею, грозныя тучи бѣдствій скоплялись надъ первопрестольнымъ городомъ нашего отечества. Въ Москвѣ появилась моровая язва [4]. Опасная

---

[1] Іюня 4 изъ Вязьмы отправленъ былъ царемъ къ Никону стольникъ Иванъ Ѳедоровъ меньшой Стрѣшневъ съ извѣстіемъ о добровольной сдачѣ ему Дорогобужа. Іюня 29 пріѣзжалъ отъ царя къ Никону стольникъ Иванъ Богдановичъ Милославскій, съ извѣстіемъ о сдачѣ Полотска. Іюля 22 стольникъ Иванъ Ивановичъ Колычевъ, съ извѣстіемъ о взятіи приступомъ Мстиславля и т. д. См. дворц. разр. т. III, стр. 425, 426, 433, 435 и др. [2] Акт. экспед. т. IV, № 71.

[3] Благочестивый государь ознаменовалъ день взятія Смоленска построеніемъ предъ своимъ государевымъ станомъ, противъ Молоховскихъ воротъ, тафтяной церкви во имя воскресенія Христова: Церковь построена 21 сентября. Корнилій, архіепископъ казанскій, сопровождавшій въ походахъ царя и бывшую икону иверской Божіей Матери, освятилъ новопостроенную церковь 25 сентября. Впослѣдствіи вмѣсто этой церкви построена была царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ соборная церковь въ Смоленскѣ во имя успенія пресвятыя Богородицы. См. чт. моск. общ. ист. и др. росс. 1846, № 2. Достопамятности Смоленска.

[4] Акты о моровомъ повѣтріи 1654—1655 г. помѣщены въ 3 т. дополненій къ ст. акт. № 119. Они весьма любопытны; такъ какъ показываютъ а) распоря-

зараза эта, усиливаясь постепенно, обратилась наконецъ въ настоящую чуму, и погубляла множество народа. Никонъ извѣстилъ царя о бѣдствіи, постигшемъ отечество. Царь отписалъ, чтобы патріархъ принялъ на себя попеченіе объ охраненіи его семейства [1]. Поручивъ завѣдываніе церковными дѣлами крутицкому митрополиту [2], Никонъ самъ выѣхалъ съ семействомъ царя изъ столицы въ лавру богоноснаго Сергія, такъ многократно спасавшаго отечество наше отъ бѣдствій молитвами своими предъ Богомъ. Отсюда послалъ онъ грамоту въ Колязинъ монастырь съ приказаніемъ приготовить тамъ со всею осторожностію келліи, службы и все нужное къ пріѣзду царицы [3]. Между тѣмъ въ Москву отправлены были изъ Сергіевой лавры двѣ чудотворныя иконы, какъ надежнѣйшее средство къ спасенію отъ заразы. Особою грамотою по этому случаю патріархъ просилъ жителей Москвы принять посылаемыя иконы съ полнымъ благоговѣніемъ, и въ молитвѣ къ Богу искать избавленія отъ постигшихъ бѣдствій [4]. Касательно охраненія царскаго двора отъ язвы посланъ былъ боярамъ приказъ: «въ государевыхъ мастерскихъ палатахъ и на казенномъ дворѣ, гдѣ государево платье, двери и окна замазать, чтобы въ тѣ мѣста вѣтеръ не проходилъ; и на дворцѣ пріѣзжія ворота замкнуть, чтобы черезъ дворецъ отнюдь никто не проходилъ; а въ которыхъ дворахъ учинилось на Москвѣ моровое повѣтріе, и изъ тѣхъ дворовъ достальныхъ людей выпускать не велѣть, и велѣть тѣ дворы завалить, и приставить къ тѣмъ воротамъ сторожи крѣпкіе, чтобы изъ тѣхъ дворовъ

женія правительства въ эту страшную годину, и б) тѣ чувства и мысли, съ какими тогда народъ принималъ это великое бѣдствіе. Въ искушеніяхъ и цѣлые народы, какъ отдѣльные люди, лучше узнаются, чѣмъ въ другое время. — Но здѣсь нѣтъ грам. отъ 3 сент. 1654 г., помѣщенной у Рихтера въ ист. медиц. т. 2, стр. 66, прилож.

[1] Самъ царь въ жалованной грамотѣ Иверскому монастырю говоритъ о себѣ, что онъ «писалъ» Никону, чтобы патріархъ принялъ на себя попеченіе о сохраненіи отъ язвы семейства царскаго. Акт. экспед. т. IV, № 78. [2] Странствов. ант. патр. Макарія въ библіот. для чтенія XV, III, стр. 79. [3] Акт. экспед. т. IV, № 73. «А готовить тѣ запасы велѣть въ монастырскихъ вотчинахъ, въ добрыхъ мѣстахъ, гдѣ мороваго повѣтрія въ людяхъ не именовалось». [4] Собр. госуд. грам. и догов. т. III, № 178.

отнюдь никто не выходилъ, и съ Москвы по деревнямъ и въ города ихъ не отпускать; а на Москвѣ, и въ слободахъ, въ которыхъ дворахъ до нынѣшняго числа мороваго повѣтрія не было, всякихъ чиновъ людямъ велѣть сказать, будетъ тѣ люди похотятъ ѣхать съ Москвы въ подмосковныя и въ дальнія деревни, и въ города, и тѣмъ бы людямъ съ Москвы ѣздить не запрещать». Но язва день ото дня распространяла свои опустошенія. Въ донесеніи царю отъ 3-сентября Михаилъ Петровичъ Пронскій писалъ, что «послѣ Семенова дня (1 сентября) зараза усилилась съ такою жестокостію, что всѣ шесть приказовъ стрѣлецкихъ были совершенно истреблены, всѣ церкви, кромѣ большаго собора, лишились священниковъ, такъ что некому уже было погребать умиравшихъ; ихъ закопывали въ тѣхъ домахъ, гдѣ приключилась имъ смерть». «Всѣ приказы», говоритъ онъ, «заперты; дьяки и подъячіе умерли, и всѣ бѣгутъ изъ Москвы, опасаясь заразы; я же безъ твоего государева указа покинуть города не смѣю»[1]. Избѣгая близкой опасности, патріархъ съ семействомъ царя направилъ путь изъ Сергіевой лавры въ Колязинъ монастырь, самъ лично наблюдая за безопасностію дороги. На пути узналъ онъ, что въ Москвѣ, къ увеличенію народнаго бѣдствія, распущены суевѣрами вредные слухи о причинахъ появленія моровой язвы. Суевѣрамъ хотѣлось прекратить печатаніе исправленныхъ Никономъ церковныхъ книгъ, и потому они начали распускать слухи о видѣніяхъ, въ которыхъ будто бы Господь Богъ требовалъ прекращенія книгопечатанія. Тогда, говорили они, прекратится и язва, которая теперь потому именно посылается на людей, что измѣнили будто бы богослужебныя книги. Но Никона трудно было обмануть въ такихъ дѣлахъ. Со стана въ Троицкомъ селѣ на Перли, именемъ царицы и царевича Алексѣя Алексѣевича онъ отписалъ оставшемуся въ Москвѣ боярину Михаилу Петровичу Пронскому: «вы писали къ намъ, и прислали разспросныя рѣчи о видѣніи жонки Стефанидки Колу-

[1] Ист. медиц. Рихтера, т. 2, стр. 66 въ прибавленіи.

женки, да брата ея Тережки; и та жонка съ братомъ своимъ Тережкою въ рѣчахъ своихъ рознились: жонка Стефанидка указывала въ видѣнын на образъ великомученицы Прасковіи, нареченныя Пятницы, а братъ ея Тережка указывалъ на образъ пречистыя Богородицы; да жонка жъ сказывала, что тотъ ея братъ отъ роду былъ нѣмъ, а Тережка самъ про себя сказалъ, что онъ говорилъ нѣмо, а не нѣмъ былъ; и то знатно, что они солгали, и вы бъ впредь такимъ небыличнымъ вракамъ не вѣрили; и что они жь въ своихъ рѣчахъ говорили, чтобъ запечатать книги, и печатной дворъ запечатанъ давно, и книгъ печатать не велѣно для мороваго повѣтрія, а не для ихъ бездѣльныхъ вракъ» [1]. Но эта грамота не застала уже въ живыхъ князя Пронскаго. Сентября 11 и онъ сдѣлался жертвою смертоносной заразы. Хилковъ извѣстилъ объ этомъ царицу и царевича. Тогда Никонъ принялъ на себя все попеченіе о семействѣ царя и объ отечествѣ. Зараза перешла между тѣмъ и во многіе другіе города, кромѣ Москвы, и вездѣ производила страшныя опустошенія. Никонъ, оставаясь въ безопасномъ до времени Колязинѣ, разсылалъ отсюда именемъ царицы и царевича Алексѣя Алексѣевича, въ тотъ же годъ родившагося [2], грамоты по всѣмъ городамъ объ употребленіи строгихъ мѣръ предосторожности: предписано было ограждать зараженныя мѣста крѣпкими заставами, жечь костры для очищенія воздуха; донесенія, переходившія зараженными мѣстами, списывать со словъ у костра, а подлинники сжигать [3]. «Тѣ села и деревни, въ которыхъ моровое повѣтріе объявится, отъ здоровыхъ мѣстъ засѣкать кругомъ, чтобъ изъ тѣхъ заморныхъ селъ и изъ деревень крестьяне и всякіе жилецкіе люди здоровыхъ селъ и деревень съ крестьяны жь и со всякими жилецкими людьми не сходились ни которыми дѣлы, а у засѣкъ велѣть ставить изъ здоровыхъ селъ и деревень по скольку человѣкъ пригоже; а на большихъ проѣзжихъ дорогахъ учинить

[1] Собр. гос. гр. и догов. т. III, № 179. [2] Царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ родился 5 февр. 1654 г., дв. разр. III, 399, собр. гос. гр. и догов. III, 169. [3] Акт. экспед. I, № 71, 75, 69.

заставы крѣпкія, а малыя и проселочныя дороги велѣть всѣ засѣчь». Но, какъ ни строги были предпринимаемыя мѣры противъ распространенія моровой язвы; она начала угрожать и Колязинскому монастырю. Никонъ принялъ намѣреніе отправиться съ семействомъ царя по направленію къ Новгороду, и уже сдѣлалъ распоряженіе о безопасности дороги. Дворянину Дубровскому данъ былъ наказъ: «въ селѣ Порѣчьѣ и въ деревняхъ сыскать всякихъ чиновъ людьми на крѣпко: въ которомъ мѣстѣ чрезъ большую дорогу тѣло Ивановой жены Гавренева перевезли, и сыскавъ допряма, на томъ мѣстѣ, на дорогѣ и по обѣ стороны дороги, сажень по десяти и больши, накласть дрова, и выжечь то мѣсто гораздо, и уголье съ тое дороги, и пепелъ съ землею велѣть свезть, и на то мѣсто насыпать новыя земли; а въ ширину выжигать та дорога на сторону сажень по десяти и больши, и землю, которою засыпать, имѣть издали, а не близко тое дороги». Но, тогда какъ производились эти распоряженія, язва въ Москвѣ и окрестныхъ городахъ начала мало по малу прекращать свои опустошенія.

Царь, получивъ извѣстіе объ уменьшеніи язвы внутри Россіи, поспѣшилъ увидѣть свое семейство. Октября 5 онъ оставилъ Смоленскъ, и выѣхалъ въ Вязьму [1]. Октября 21 онъ прибылъ въ Вязьму. Сюда явилось и семейство его въ сопровожденіи патріарха [2]. Никонъ передалъ царю дорогое для сердца его семейство совершенно невредимымъ. Царь искренно благодарилъ патріарха-друга за попеченія его о государствѣ и своемъ домѣ. Давно уже царь Алексѣй Михайловичь и патріахъ Никонъ управляли государствомъ какбы вмѣстѣ, подобно Михаилу Ѳеодоровичу и отцу его патріарху Филарету Никитичу. Давно уже царь питалъ къ Никону сыновнія чувствованія, какъ къ отцу. Теперь въ избыткѣ благодарныхъ чувствъ, желая утвердить и увѣковѣчить свою сердечную расположенность къ Никону, онъ почтилъ его титуломъ *великаго государя*, какъ назывался великій дѣдъ царя патріархъ Фи-

---

[1] Дворц. разр. т. III, стр. 452. [2] Тамъ же стр. 454.

ларетъ Никитичь [1]. Никонъ съ своей стороны весьма не желалъ такой почести, какбы предчувствуя опасность, какою угрожаетъ ему этотъ почетный титулъ [2]. Но, по настоянію царя, титулъ великаго государя остался за Никономъ во всѣхъ дѣловыхъ бумагахъ. Несравненно цѣннѣе, выше и пріятнѣе была для Никона другая награда. Царь «за доброопасное тщаніе» Никона въ сохраненіи царскаго семейства, далъ жалованную грамоту Иверскому монастырю на богатыя вотчины, съ освобожденіемъ притомъ этихъ вотчинъ отъ подсудимости свѣтскому начальству [3]. Но Никонъ спѣшилъ раздѣлить скорби первопрестольнаго города своей паствы. Передавъ царю семейство его, и оставивъ ихъ въ безопасной Вязьмѣ, самъ отправился въ Москву узнать, въ какой степени опасно тамъ моровое повѣтріе. Отсюда извѣстилъ онъ государя, что моровое повѣтріе въ Москвѣ утихаетъ, но совершенно еще не прекратилось [4]. Между тѣмъ со всею внимательностію наблюдалъ за исполненіемъ мѣръ предосторожности, и съ точностію изслѣдывалъ случаи смерти, казавшіеся продолженіемъ язвы [5].

---

[1] Церк. ист. митр. Платона, т. 2, стр. 234. [2] Никонъ не позволилъ возглашать новый титулъ свой въ церквахъ при богослуженіи. Въ письмахъ своихъ къ царю продолжалъ называть себя, какъ дѣлалъ и прежде, грѣшнымъ, грѣшнымъ и смиреннымъ Никономъ, иногда смиреннымъ Никономъ патріархомъ. См. напр. прилож. къ жизнеопис. Никона, сост. арх. Аполлосомъ. [3] Ист. акт. 4, 227, 229. Здѣсь Никонъ названъ великимъ государемъ, патріархомъ всея великія и малыя Россіи. Но впослѣдствіи эта грамота «издадеся благословеніемъ великаго господина (а не великаго государя), святѣйшаго Никона патріарха, трудами же братіи тоя обители иверскія 1665 года».

[4] См. дворц. разр. т. III, стр. 454. Ср. письмо окольничаго Богд. Матв. Хитрово къ бояр. Бор. Ив. Морозову, въ чт. моск. общ. ист. и др р. 1846. 1, 16.

[5] «По отшествіи отъ васъ государей», писалъ Никонъ царю и его семейству «приволокся въ царствующій градъ Москву февраля въ 3 день часа за два до свѣту въ субботу. Охъ! увы! зрѣнія неполезнаго и плача достойнаго! Непрестанно смотря, плакалъ пустоты московскія пути и доловъ, идѣже предъ соборы многими и утѣшеніе, тамо никакого великія пути въ малу стезю и потлачены, дороги покрыты снѣги и никѣмъ суть и слѣдими, развѣ отъ песъ; охъ! іеромонасіи плачевніи, чему развѣ упликати, таковыя и толикое зло и запустѣніе ей, ей піянства на сію издавна и омраченія не помню, якоже нынѣ изумѣхомъ отъ простоты; обаче мало возвеселихся въ Воскресенье о пришествіи останковъ христіанъ во святую соборную апостольскую церковь ко святѣй литургіи малымъ чимъ меньше, яко и преже или за радость на видѣніе насъ во святой службѣ, яко и нѣдра цер-

Царь и семейство его оставались въ Вязьмѣ до февраля 1655 года. Наконецъ февраля 10 возвратился и самъ царь изъ Вязьмы въ Москву [1]. Никонъ торжественно встрѣтилъ побѣдителя со св. иконами и крестами, при стеченіи многочисленнаго народа, государственныхъ чиновъ и всего духовенства [2]. Московскіе жители, при видѣ царя, забыли бѣдствія, недавно ихъ поражавшія. Не долго однако же оставался царь въ мирномъ кругу своихъ вѣрноподданныхъ.

Труды и опасности, понесенныя для пользы отечества, служатъ сами собой для великихъ душъ пріятнѣйшею наградою. Одушевлялсь такимъ чувствомъ, ревностнѣйшій ко благу своихъ подданныхъ царь Алексѣй Михайловичь предпринялъ 11 марта того же 1655 года второй походъ противъ поляковъ. Отслушавъ въ большомъ Успенскомъ соборѣ молебенъ, который совершалъ самъ патріархъ, царь отправился «въ отчину свою—Смоленскъ для своего государева и земскаго дѣла» [3]. Въ Москвѣ остались начальниками: бояринъ князь Григорій Семеновичь Куракинъ, и окольничіе: князь Данилъ Степановичь Великаго-Гагинъ, Тимоѳей Ивановичь Щербатовъ и думный посольскій дьякъ Алмазъ Ивановъ [4]. Мая 24 государь двинулся изъ Смоленска «на недруга своего польскаго короля Яна Казимира» [5]. Слава и побѣды опять сопровождали русское оружіе. Но къ крайней горести своей, по взятіи Шилова, государь узналъ, что въ Астрахани опять появилось моровое повѣтріе. Немедленно отправилъ онъ туда князя Волконскаго

ковныя не вмѣстиша и дворъ противъ полонъ былъ, а еже о дворовой пустотѣ не можно утѣшитися, о нѣхъ же писати ей не свѣмъ что; здравіи будите на многія лѣта; писалъ по литургіи въ 6 часу дни.—Въ хоромѣхъ вашихъ вездѣ кадилъ, сыскавъ ладону чернаго роснаго и еще есть его много, а вельми полезенъ. Антіох. патріархъ оживился и сербскій. Старыми азвами есть болятъ только отъ нихъ, не предятся съ ними живущіи; въ Чюдовѣ монастырѣ въ воскресенье скорою смертію умерь, только по сыску и по досмотру отъ грыжи, а не тою болѣзнію, и то бываетъ и надъ многими». См. дополн. ст. къ жизнеопис. Ник., составл. арх. Аполл., IX. [1] Дворц. разр. т. III, стр. 454. [2] Тамъ же. Кромѣ патр. Никона царя встрѣчали патріархи — антіохійскій Макарій и іерусалимскій Паисій, бывшій тогда въ Москвѣ. См. собр. гос. гр. и догов. т. III, № 184. [3] Такъ сказано въ дворц. разр. т. VI, стр. 461. [4] Тамъ же. [5] Тамъ же стр. 472.

для принятія нужныхъ мѣръ, чтобы повѣтріе не распространилось далѣе. Но Господу угодно было снова посѣтить бѣдствіемъ первопрестольный нашъ городъ Москву. Въ іюнѣ проникла зараза и во внутреннія области Россіи; по прежнему стали происходить опустошенія въ Москвѣ. Но царь вполнѣ надѣялся на мудрость и попечительность патріарха, испытанную во время недавно минувшаго общественнаго бѣдствія. Итакъ, оставивъ попеченіе о Москвѣ Никону, самъ царь возвратился къ войску. Никонъ опять принялъ на себя заботы о внутреннемъ благосостояніи государства. По прежнему онъ отправился изъ Москвы съ семействомъ царя въ Колязинъ монастырь, и отъ имени царевича разсылалъ указы о мѣрахъ предосторожности противъ распространявшейся заразы [1]. Но особенныя обстоятельства этого времени потребовали отъ него и особенныхъ мѣръ въ сравненіи съ прежнимъ годомъ. Суевѣріе и злонамѣренность стали болѣе и болѣе распространять тѣ вредныя для общественнаго спокойствія мысли о происхожденіи язвы, которыя начали являться въ народѣ въ прошедшій годъ. Патріархъ написалъ и разослалъ отъ своего имени пространную окружную грамоту, въ которой вразумлялъ суевѣровъ и невѣждъ. Убѣждая переносить несчастіе съ терпѣніемъ, укрѣпляться молитвою и постомъ, онъ совѣтовалъ беречься сообщенія съ зараженными, запрещалъ вѣрить ложнымъ толкамъ суевѣровъ, которые разглашали, что никто не долженъ избѣгать этой язвы, какъ посланной гнѣвомъ Божіимъ. Первосвятитель училъ, что каждый отвѣчаетъ за свои грѣхи, что по наставленію пророковъ, Спасителя и Апостоловъ, спасаться отъ смерти не грѣшно, а напротивъ—кто не хочетъ избѣгать видимой опасности, и безъ нужды подвергаетъ ей себя, тотъ долженъ быть признаваемъ самоубійцею. Иные, говорилъ патріархъ, не слушая добрыхъ совѣтовъ, сами погибли и дру-

[1] У Максимовича въ памятникѣ законовъ, указы 30 іюля и 31 августа. Первымъ предписано не пускать никого въ Москву изъ городовъ; вторымъ запрещено посылать и доносенія къ царю, чтобы чрезъ нихъ не перенести заразы въ войска. Ист. авт. 4, №№ 87, 92. Шушер.

гихъ погубили. Они повѣрили сказкамъ сновидцевъ, которые говорили, будто Богъ открылъ имъ, когда и какъ прекратится язва. И что же вышло? Зараза поражала легковѣрныхъ, а отъ нихъ переходила на другихъ; христіане умирали безъ приготовленія христіанскаго. «Будемъ Ниневитяне, а не Содомляне; оставимъ злобу, да не погибнемъ отъ злобы», заключалъ пастырь [1]. Между тѣмъ не оставлялъ онъ безъ попеченія и войскъ, находившихся въ походѣ съ царемъ. Многочисленными грамотами воеводамъ и монастырямъ онъ предписывалъ посылать царю на войну служилыхъ людей, хлѣбъ, оружіе, лошадей [2]. «Указалъ государь царь и мы великій государь», такъ начинались его грамоты. Но, тогда какъ Никонъ благоустроялъ внутреннее состояніе государства, русскія войска, предводимыя самимъ царемъ, переходили отъ побѣды къ побѣдамъ. По взятіи Вильны царь немедленно отправилъ въ Москву стольника Ивана Колычева извѣстить о побѣдѣ царицу, царевенъ и Никона [3]. Хмѣльницкій въ то же время съ царскимъ воеводою Бутурлинымъ опустошилъ Волынь и Галицію до самаго Люблина. Изгнанный изъ королевства Янъ Казимиръ прибѣгнулъ къ великодушію россійскаго государя, и вступилъ съ нимъ въ переговоры. Уполномоченные съ обѣихъ сторонъ заключили въ Вильнѣ 24 октября 1655 года мирный договоръ, блистательный для Россіи [4]. Побѣдоносный царь прибылъ въ Вязьму. Сюда же, по его желанію, отправился съ царевичемъ и патріархъ. Царь опять искренно благодарилъ здѣсь друга своего и истиннаго святителя, спасавшаго отечество и церковь [5]. Государь принялъ титулъ «самодержца великія и малыя и бѣлыя

---

[1] Др. виваіов. 6, 162—182. сравн. примѣч. 98. [2] Дополн. къ ист. акт. т. IV, № 1, 14, 86, 87, 91. [3] Дворц. разр. т. III, стр. 485. [4] Вотъ его содержаніе: 1) признать царя Алексѣя Михайловича королемъ польскимъ при жизни Казимира, по смерти котораго русскому государю вступить на польскій престолъ; 2) Бѣлоруссію и Малороссію присоединить къ московскому государству; 5) послѣдователямъ православной и римской вѣры въ польскихъ областяхъ предоставить полную свободу богослуженія; 4) унію искоренить, 5) Россіи и Польшѣ, до окончательнаго соединенія безъ общаго согласія ни заключать мира, ни вступать въ войну съ сосѣдями.—См. собр. гос. гр. и догов. т. IV, №№ 1, 2, 3, 4, 6. [5] Ист. акт. т. IV, № 103. Также—Шушеринъ.

Россіи. Какъ сотрудникъ царя въ дѣлахъ государственнаго правленія, особенно въ эту печальную годину (1654—1655 г.), и Никонъ получилъ титулъ патріарха великія и малыя и бѣлыя Россіи [1]. Такъ слава царя возвышала славу патріарха, и доблести патріарха возвышали славу царя [2]!

Слава побѣдъ царя Алексѣя Михайловича въ Польшѣ и Литвѣ достигла слуха и молдавскаго воеводы Стефана. Знали въ Молдавіи и силу патріарха Никона при царѣ, равно какъ и готовность Никона, по долгу пастыря, покровительствовать церквамъ православнымъ. Присоединеніе Малороссіи къ православной Россіи обнадеживало и православныхъ жителей Молдавіи, что русскій царь приметъ ихъ подъ свою высокую защиту, и освободитъ отъ ига турецкаго. И вотъ въ началѣ 1656 года, воевода молдавскій Стефанъ прислалъ въ Москву митрополита Гедеона и посла логоѳета Григорія, которые «били челомъ тайно», чтобы государь «пожаловалъ, призрѣлъ на него Стефана воеводу своею государскою милостію, и принялъ, какъ и гетмана Богдана Хмѣльницкаго подъ свою высокую руку, дабы надо всѣми православными былъ онъ одинъ благочестивый государь [3]». Никонъ убѣдилъ государя принять это предложеніе молдавскаго воеводы, *да будетъ едино стадо и единъ пастырь*. Никонъ съ душевнымъ восторгомъ представлялъ себѣ славу Церкви православной среди славянскихъ народовъ, когда она вся будетъ подъ державой одного православнаго государя! Желанія и ожиданія его начали уже исполняться. Царь принялъ предложеніе молдавскихъ посланниковъ. Никонъ самъ въ соборной церкви, въ алтарѣ предъ престоломъ, привелъ митрополита Гедеона къ присягѣ на вѣрноподданство Россіи, которую онъ давалъ отъ имени всего духовенства Молдавіи. Въ тоже время крутицкій митрополитъ и соборный протоіерей принимали присягу среди храма отъ ло-

[1] См. грам. Никона къ Каллисту въ др. росс. вивліоѳ. т. III, стр. 300. Грамота писана 1655 года. [2] Моровая язва посѣтила Россію и въ слѣдующемъ 1656 году. И въ это время Никонъ явился тѣмъ же доблестнымъ іерархомъ, какимъ видѣли мы его въ 1654—1655 годахъ. См. дополн. къ ист. актамъ т. IV; № 29. Ср. № № 23, 26, 32, 33. [3] Собр. законовъ т. I, № 180.

гоѳста Григорія, который читалъ ее отъ имени всего народа молдавскаго. Торжественный столъ въ чертогахъ царскихъ заключилъ присоединеніе Молдавіи къ Россіи. Но какъ предложеніе сдѣлано было «тайно», то и послѣдующая исторія этого присоединенія осталась тайною. Извѣстно только то, что хотя Молдавія причислена была къ владѣніямъ царя, но не была совершенно удержана [1]. Вѣроятно, послѣдующія смуты политическія въ Россіи и самой Молдавіи не позволили ни намъ утвердить права на владѣніе Молдавіей, ни жителямъ Молдавіи — отторгнуться совершенно отъ турокъ и пристать къ единоплеменнымъ и единовѣрнымъ россіянамъ [2].

Такъ дѣйствовалъ Никонъ на пользу православному отечеству съ любовію искреннею къ достойному государю!

III.

ИСТОРІЯ ПЕЧАЛЬНОЙ УЧАСТИ ПАТРІАРХА НИКОНА ДО ОКОНЧАТЕЛЬНАГО СУДА НАДЪ НИМЪ.

Итакъ, патріархъ Никонъ, на высотѣ первосвятительскаго престола, возвеличенный многочисленными и величайшими заслугами своими для Церкви и государства, необыкновенными душевными дарованіями, обширнымъ, дальновиднымъ, зоркимъ и многообъемлющимъ умомъ, непоколебимо твердою и постояннодѣятельною волею, всегда жаждавшею счастія православныхъ соотечественниковъ, наконецъ превознесенный искреннею дружбою государя,—Никонъ, скажемъ словами одного изъ очевидцевъ его, «казался всемощнымъ [3]». Но, видно, нѣтъ на землѣ прочнаго счастія, котораго не могли бы поколебать никакіе удары судьбы. Вотъ, прошло шесть лѣтъ слав-

[1] Указаніе на это находимъ въ путевыхъ запискахъ алепскаго архидіакона Павла; см. библ. для чт. 1836, XV, III, стр. 11—23, ср. стр. 121.

[2] О грамот. Никона въ Молдавію, см. ист. акт. т. 5, стр. 477. О присоединеніи Молдавіи—въ собр. зак. т. 1, № 180.

[3] Baron de Mayerberg iter in Moscov. pag. 97.

наго патріаршества Никона [1]. Церковь, благоустрояемая во внутреннихъ и внѣшнихъ своихъ частяхъ, и государство, прославляемое мудрыми законами внутри, и побѣдами русскаго оружія вовнѣ,—Церковь и государство съ умиленіемъ взирали на взаимную любовь, соединявшую сердца достойнѣйшихъ своего вѣка государя и патріарха [2], и ожидали отъ нея новыхъ многочисленныхъ плодовъ благотворныхъ для вѣры и отечества. Но вотъ прошло, повторимъ, шесть лѣтъ съ того времени, какъ великій Никонъ принялъ въ отечественной Церкви жезлъ первосвятительскій, и—Господу угодну было, чтобы этотъ ревностнѣйшій первосвятитель запечатлѣлъ правоту своихъ подвиговъ для Церкви и отечества собственными страданіями. Тяжкое искушеніе постигло Никона. Патріархъ мужественно боролся съ нимъ. Съ началомъ 1658 года [3] «нача быти безсовѣтіе и раздоръ между благочестивѣйшимъ царемъ и святѣйшимъ патріархомъ Никономъ [4]».

Давно уже царедворцы съ завистію смотрѣли на *особенную близость Никона къ царю*. Никонъ, неисповѣдимыми судьбами Божіими возвышенный изъ хижины бѣднаго поселянина на высоту первосвятительскаго престола, стоялъ въ главѣ всѣхъ царскихъ совѣтниковъ, а необыкновенный умъ его и любовь царя возвышали его надъ всѣми, знаменитѣйшими въ то время боярами. Мы видѣли Никона однимъ изъ ближайшихъ къ царю людей еще въ санѣ новоспасскаго архимандрита: онъ являлся тогда предъ царемъ защитникомъ слабыхъ и бѣдныхъ противъ сильныхъ и богатыхъ. Отпуская своего друга въ Нов-

---

[1] Это число счастливыхъ лѣтъ своего патріашества указываетъ самъ Никонъ въ грамотѣ своей къ Паисію Лигариду. Ркп. Воскр. мон.

[2] Вѣкъ царя Алексѣя Михайловича былъ вѣкомъ геніевъ, даровавшихъ народамъ законы, утончившихъ нравы, возродившихъ любовь къ наукамъ и художествамъ. См Берха, царств. Алекс. Мих. т. 1, стр. 19.

[3] Съ вѣроятностію можно относить къ этому именно времени начало несогласій между царемъ Алекс. Михайл. и патр. Никономъ. Въ ноябрѣ 1657 г. царь, по просьбѣ Никона, обѣщался быть въ Иверскомъ монастырѣ послѣ праздника Рождества Христова, но—не былъ... Акт. ист. IV, № 109. Ср. ист. р. И. 1850, IV. стр. 51—55. [4] Шушеринъ.

городъ, царь какбы чувствовалъ утрату въ немъ для своей души, и каждую зиму призывалъ его въ столицу для дружескихъ бесѣдъ и государственныхъ совѣщаній. Въ санѣ патріарха Никонъ, безъ преувеличенія можно сказать, былъ какбы соправителемъ царя въ дѣлахъ государственныхъ. Искавшіе милости у царя въ то же время обращались съ прошеніемъ о ней и къ патріарху Никону [1]. Но вотъ, царь оставляетъ столицу: живетъ въ отдаленныхъ предѣлахъ государства, занятый войною съ врагами отечества. Въ Москвѣ оставлены имъ намѣстники для управленія столицею и внутренними дѣлами государства. Высшій надзоръ за ними порученъ патріарху Никону, и Никонъ отдаетъ имъ приказаніе [2]. Въ тоже время моровая язва поражаетъ столицу, ея окрестности и множество отдаленныхъ городовъ внутри Россіи. Тысячами помираетъ народъ. Семейство царя—въ опасности смерти. Государь возлагаетъ попеченіе о немъ на патріарха, и—Никонъ, охраняя семейство царя, въ то же время именемъ царевича, которому тогда не было еще и одного года [3], разсылалъ указы къ боярамъ въ Москву и къ воеводамъ въ другіе города съ приказаніями о мѣрахъ предосторожности. Власть бояръ какъ будто не существовала! Опасность миновала, не коснувшись семейства царскаго; война ознаменована славою русскаго оружія: Никонъ получаетъ богатѣйшіе дары отъ царя. Награждены и прочіе вѣрные и доблестные слуги отечества, мужественно ратовавшіе за него въ битвахъ. Но Никонъ даже возвеличенъ титуломъ великаго государя. Теперь онъ казался на высотѣ недосягаемаго величія для всѣхъ, окружавшихъ престолъ царскій!

Друзья вѣры и отечества радовались такому возвышенію

---

[1] Чт. моск. общ. ист. и др. р. 1848, № 8, въ концѣ: малор. переписка.

[2] Дополн. къ ист. акт. III, № 121. Ср. б. для чт. 1836, XV, III, стр. 109.

[3] Но который особенно былъ дорогъ для сердца русскаго, какъ первый сынъ царя и наслѣдникъ престола. Потому-то вѣроятно и Никонъ большею частію отъ его имени писалъ свои грамоты, а не отъ имени царицы. См. допол. къ ист. акт. III, № 119.

достойнаго мужа; они были друзьями и Никона [1]. Но въ числѣ ближайшихъ слугъ царя были и такіе, которые славу свою считали выше всякаго блага общественнаго. Завистливые, они не хотѣли видѣть ни высокихъ дарованій другихъ людей, ни блистательныхъ заслугъ ихъ для блага отечества; они смотрѣли только на знаменитость происхожденія и славу предковъ. Споря другъ съ другомъ за мѣста въ совѣтѣ царскомъ и на службѣ государственной [2], они не могли не бросить взоровъ негодованія и гнѣва и на Никона, который былъ среди ихъ «новымъ человѣкомъ», какимъ-то страннымъ пришельцемъ, затмившимъ однакожь всѣ ихъ знаменитости. Вотъ почему, когда Никонъ былъ еще митрополитомъ, при дворѣ царя уже тайно говорили, или, по выраженію самого царя, «перешептывали»: «николи такого безчестья не было, что нынѣ государь насъ выдалъ митрополитамъ [3]». Слухи эти доходили и до самого царя, какъ видно изъ собственнаго письма его къ Никону. Но тогда еще крѣпка была, по самой недавности, взаимная любовь и дружба, соединявшая царя и Никона. Вотъ Никонъ сдѣлался патріархомъ; новый ударъ для честолюбцевъ, окружавшихъ царя! Они, которые видѣли Никона еще простымъ священникомъ, потомъ—инокомъ, и далѣе—настоятелемъ одной бѣдной пустыни, они теперь никакъ не могли въ своихъ представленіяхъ о немъ возвыситься отъ мысли о простомъ инокѣ къ понятію о патріархѣ, и продолжали смотрѣть на него, какъ на бѣднаго отшельника, который, по ихъ словамъ, не въ свои дѣла вмѣшивался, когда участвовалъ въ совѣтѣ государя! Никонъ казался и былъ въ самомъ дѣлѣ великимъ; но завистливые честолюбцы втайнѣ говорили: «что онъ величается? Чернецовъ у царя много [4]».

---

[1] Таковы, напр., Ѳ. М. Ртищевъ и боярин Ордынъ-Нащокинъ. См. виблioѳ. XVIII, стр. 396. Чт. моск. общ. ист. и др. р. 1846. № I, III, стр. 20. Терещенк. 1, 30—70. [2] Читатель дворцовыхъ разрядовъ съ горькимъ чувствомъ встрѣчаетъ почти на каждой страницѣ, что такой-то «билъ челомъ государю въ отечествѣ, что ему быть меньше такого-то не вмѣстно.» См. напр. т. III, стр. 7, 28, 41, 51, 63, 77, 87, 90, 93 и мн. др. [3] Акт. эксп. IV, 75.

[4] См. возраж. на 23 вопр. Стрѣшнева. Ркп. Воскр. мон.

Не забудемъ, что между царедворцами были и родственники царя. По большей части, они были возведены въ званіе бояръ изъ самыхъ низшихъ чиновъ. Это—*Стрѣшневы*, родственники государя по матери, и *Милославскіе*—родственники первой его супруги [1]. Живъ былъ самый *тесть царя*, Илья Даниловичь Милославскій. По правамъ родства, имъ естественно хотѣлось быть ближайшими совѣтниками царя. Но Никонъ не только какбы отдалялъ ихъ отъ царя своею особенною близостію къ нему, но и затмѣвалъ славою необыкновенныхъ своихъ дарованій. Душамъ слабымъ и честолюбивымъ естественно было ненавидѣть сильнаго соперника.

Возбуждая, такимъ образомъ, зависть въ царедворцахъ и особенно въ родственникахъ царя своею необыкновенною близостію къ престолу, Никонъ былъ для нихъ тяжелъ и въ другихъ отношеніяхъ *гражданскихъ и церковныхъ*.

Мы уже знаемъ, что *корыстолюбіе* было господствующимъ порокомъ бояръ того времени. Жалобы на неправосудіе людей приказныхъ вопіяли во всѣхъ мѣстахъ; особенно слышались онѣ въ Москвѣ, столицѣ царя и первопрестольномъ городѣ патріарха. Царь юный, благочестивый, правосудный, съ искреннею любовію къ своему народу, страдавшему подъ гнетомъ неправосудія нѣкоторыхъ бояръ, повелѣлъ составить уложеніе. Уложеніе было составлено, напечатано, разослано по всѣмъ городамъ Россіи; но судебныя дѣла все еще продолжали «вершаться» по произволу корыстолюбивыхъ судей. Въ Москвѣ высшіе сановники подавали тому соблазнительный примѣръ [2]. Не былъ чуждъ этой слабости и Илья Даниловичь Милославскій, тесть государя. Одинаковою съ нимъ болѣзнію страдалъ и своякъ царя—Борисъ Ивановичь *Морозовъ*. Патріархъ Никонъ, знавшій по собственному опыту, какъ тяжело бремя бѣдности, особенно когда оно соединяется съ преслѣдованіями несправедливости, всегда стоялъ въ главѣ бѣд-

---

[1] См. о нихъ въ систем. спискѣ бояръ, составл. Берхомъ, стр. 59, 63.

[2] Чт. моск. общ. ист. и др. р. 1846, № I, III, стр. 38. Времен. XV, II, стр. 15.

наго народа, и жестоко обличалъ неправосудіе судей. Онъ не щадилъ ихъ даже въ думѣ царской, нерѣдко называя виновныхъ по имени [1]. Можетъ быть, отъ него слышали уже подобные уроки и Илья Даниловичь Милославскій и Борисъ Ивановичь Морозовъ. Но, естественно, они поддерживали другъ друга противъ патріарха; а царица Марія Ильинична Милославская держала сторону своего отца. Такимъ образомъ, самыя ближайшія къ царю лица, даже супруга его, опять и съ этой стороны имѣли поводъ быть нерасположенными къ Никону [2].

Корыстолюбіе бояръ поддерживалось ихъ *своеволіемъ*, непослушаніемъ власти и законамъ. Тогда еще весьма памятны были времена междуцарствія, когда своеволіе бояръ находило себѣ большой просторъ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичь и особенно отецъ его, святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичь, смиряли непокорныхъ бояръ, и приводили ихъ въ должные предѣлы подчиненія и повиновенія [3]. Но духъ непокорности, господствовавшій тогда въ большей части царедворцевъ, перешелъ и въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Юность царя дала новую свободу развитію своеволія бояръ, которое помрачило первые годы царствованія этого кроткаго и мудраго царя. Оно произвело, какъ мы уже знаемъ, крамолы и убійства.—Но дѣлается извѣстнымъ и сильнымъ при дворѣ Никонъ, и—слово царя становится «во дворцѣ добрѣ страшнымъ, и исполняется безъ замотчанія [4].» Бояре увидѣли, что нѣтъ уже мѣста для своеволія, и мало по малу начали отставать отъ него. Но они хорошо помнили, кто подалъ царю совѣтъ противъ нихъ. Когда царь выступилъ въ походъ польскій, новые удары поразили своеволіе бояръ. «Царь, по случаю своего отъѣзда,» говоритъ одинъ современный этимъ произше-

---

[1] Ист. р. Ц., Мур. стр. 293. [2] Въ Крестный и Воскресенскій монастыри, которые строилъ Никонъ въ послѣдніе годы своего счастливаго патріаршества, царь и царевны сдѣлали богатые вклады; но царица не пожертвовала ничего. См. объ этихъ мон. въ ист. р. іерарх. [3] Ист. р. Ц. 1850. IV, стр. 38, примѣч. 57. [4] Акт. эксп. IV, 57. Ср. б. для чт. XV, III, стр. 111.

ствіямъ свидѣтель и очевидецъ, «для управленія дѣлами во время своего отсутствія назначилъ намѣстника и нѣсколькихъ подчиненныхъ ему сановниковъ, и подчинилъ ихъ патріарху Никону, безъ согласія котораго они не могли рѣшать ни одного дѣла, какъ большаго, такъ и самаго малозначущаго. Они должны были являться къ нему съ докладами всякое утро, и, если кто изъ нихъ опаздывалъ, то принужденъ былъ дожидаться позволенія войдти у крыльца, какъ бы жестокъ ни былъ морозъ, потому что двери запирались въ извѣстный часъ, и стражи никого не впускали [1]. Бояре являлись; но, конечно, негодовали!

Никонъ, тяжелый для бояръ въ дѣлахъ гражданскихъ, горекъ былъ для нихъ и *со стороны церковной*. Мы уже имѣли случай замѣтить, что на чистоту и твердость вѣры многихъ соотечественниковъ нашихъ того времени имѣлъ вредное вліяніе западъ Европы, съ которымъ пришли тогда предки наши въ ближайшее сношеніе. Но особенно ощутительнымъ оказалось это вліяніе въ высшихъ сословіяхъ нашего тогдашняго общества. Здѣсь, по преимуществу, не соблюдались уставы церковные; здѣсь являлись органы латинскіе и италіянскія иконы. «Ближніе бояре и окольничіе царя Алексѣя Михайловича,» говоритъ одинъ историкъ, «путешествуя безпрерывно по Европѣ, привозили въ отечество свое новыя открытія, относительно къ утонченности нравовъ, роскоши и внѣшнимъ наслажденіямъ [2]. Къ числу такихъ принадлежали и нѣкоторые изъ родственниковъ царя, пользовавшіеся притомъ особеннымъ его благоволеніемъ. Таковъ, напримѣръ, былъ Никита Ивановичъ Романовъ [3]. Но могъ ли равнодушно смотрѣть на отступленіе бояръ отъ священной древности Никонъ, ревностнѣйшій поборникъ православія?.. «Лучше бы намъ на новой землѣ за Сибирью, съ князь Иваномъ Иваповичемъ Лобано-

---

[1] Пут. зап. алепскаго архидіак. Павла, б. для чт. XV. III, 109. [2] Берхъ, ч. 1, стр. 223, ср. собр. госуд. гр. и дог. № № 55, 129. [3] Чт. моск. общ. ист. и др. р. 1846, № 1, матер. иностр. стр. 13.

вымъ пропасть, нежели (быть) съ новгородскимъ митрополитомъ!» писалъ въ Москву къ друзьямъ своимъ одинъ изъ сановниковъ, отправлявшихся съ Никономъ въ Соловецкій монастырь для перенесенія въ Москву св. мощей митрополита Филиппа [1]. И отъ чего такое неудовольствіе на Никона? «Какъ де такъ,» продолжаетъ тотъ же сановникъ, «силою заставливаетъ говѣть: никого силою не заставишь Богу молиться [2].» Въ санѣ патріарха Никонъ съ тою же ревностію охранялъ святыню Церкви отъ попранія ея легкомысліемъ вольнодумцевъ. Мы уже знаемъ, какъ онъ отобралъ у бояръ латинскіе органы и фряжскія иконы. [3]. Можно ли не думать, что всѣ такого рода поступки патріарха съ боярами возбуждали противъ него людей недовольныхъ и желавшихъ избавиться отъ строгаго первосвятителя?

Но, тогда какъ одни изъ бояръ легкомысленно стремились къ новизнамъ въ Церкви, чуждымъ древняго ея православія; другіе стояли въ главѣ суевѣровъ, упорныхъ защитниковъ мнимой церковной старины. Многіе изъ такихъ бояръ-суевѣровъ были близки къ самому престолу царя, и принадлежали къ древнимъ знаменитымъ родамъ [4]. Невѣжды, они не терпѣли Никона за исправленіе богослужебныхъ книгъ, улучшеніе церковнаго пѣнія и устройство греколатинскихъ училищъ, особенно же за уничтоженіе безпорядочнаго обычая ставить въ храмахъ *свои иконы*, и воздавать имъ особенное предъ другими чествованіе [5]. Они не могли забыть и того, что ихъ «доблій и великоревностніи» протопопъ Аввакумъ, князь Львовъ и другіе расколоучители томились въ заточеніи [6]. Какъ же имъ было не искать въ дѣйствіяхъ Никона повода къ тому, *да нань возглаголютъ*, чтобы избавиться отъ непріязненнаго имъ и ненавистнаго патріарха?—Такой поводъ представился.

---

[1] Акт. эксп. IV, № 57. [2] Тамъ же. [3] Берхъ, ч. 1, стр. 222—223. Никонъ отбиралъ у бояръ и нѣмецкое платье, которое тогда уже у многихъ изъ нихъ появилось. [4] Ист. р. Ц. 1850, IV, стр. 239, 240. [5] Baron de Mayerb. iter in Moscov. стр. 97. [6] Аввакумъ сосланъ былъ на берега Байкала, князь Львовъ въ Соловецкій монастырь, костромскій протопопъ Даніилъ въ Астрахань, и т. д. См. ист. р. Ц. 1850, IV, 234.

Въ 1656 году Никонъ одобрилъ царю *войну съ Швеціею*, даже вопреки мнѣнію многихъ думныхъ бояръ, предлагавшихъ государю сохранять мирныя отношенія къ Швеціи до совершеннаго окончанія войны съ Польшею. Но Никонъ надѣялся, что и походъ въ Швецію будетъ для царя и отечества такъ же славенъ и обиленъ добрыми послѣдствіями, какъ и походъ въ Польшу. Зналъ еще Никонъ, что и патріархъ Филаретъ Никитичъ хотѣлъ отнять у шведовъ древнія владѣнія, присвоенныя ими во время несчастной годины нашего отечества. Но тогда, при слабости внутреннихъ силъ государства, разстроенныхъ предшествовавшими междоусобіями, эти добрыя намѣренія не исполнились. Почему же теперь царю Алексѣю Михайловичу, мудрому, твердому, бодрому, могущественному внутренними силами государства, и уже славному блистательными побѣдами, — почему же ему не исполнить того, къ чему стремились державный отецъ его и мудрый дѣдъ? Предпріимчивый и рѣшительный Никонъ не страшился опасностей и затрудненій. Онъ убѣдилъ царя—твердо, съ упованіемъ на Бога и святыхъ Его, взяться за оружіе, и возвратить государству и отечественной Церкви древнее ихъ достояніе въ Кареліи и Ингерманландіи. Послушался царь; походъ открылся. Но, такъ какъ при совѣщаніи о немъ не было въ думѣ единодушія; то не оказалось единодушія и въ битвахъ. Впрочемъ, первыя дѣйствія русскаго оружія были и теперь блистательны такъ же, какъ и въ польскій походъ. Но вотъ подступили къ Ригѣ, и—успѣхи нашего войска встрѣтили себѣ сильную преграду: измѣна покрыла безчестіемъ славное доселѣ оружіе русское [1]! И съ этихъ поръ начинается непрерывный рядъ бѣдственныхъ неудачъ нашего войска, которыя довели наконецъ отечество до крайняго внутренняго изнеможенія. Добродушный, но въ подобныхъ случаяхъ гнѣвный [2] царь раздраженъ былъ такими неблагопріятными государственными обстоятельствами. Гнѣвъ его естественно долженъ былъ болѣе

---

[1] Берхъ, т. 1, стр. 106. [2] Берхъ, т. 2, стр. 29.

всего падать на того, кто настоятельно совѣтовалъ ему начать войну съ Швеціею. Съ такимъ негодованіемъ возвратился царь въ Москву. Имъ овладѣли недовольство собой и другими, скорбь и уныніе—обыкновенные спутники испытанныхъ неудачъ. А между тѣмъ, несчастная война продолжалась; казна государственная была истощена до послѣдней крайности. Отправлены въ Венецію посланники просить денегъ взаймы, но имъ ничего не дали. Явилась въ Москвѣ, по совѣту бояръ, новая мѣдная монета, вмѣсто прежней серебряной, и въ слѣдъ за ней открылось народное возмущеніе. Патріархъ, какбы далекій отъ всѣхъ этихъ общественныхъ бѣдствій, предпринялъ тогда же строить новые монастыри, Воскресенскій и Крестный, и испросилъ для нихъ у государя богатыя отчины. Когда же бояре хотѣли открыть источникъ государственныхъ доходовъ въ вотчинахъ и движимыхъ имѣніяхъ монастырскихъ; Никонъ сдѣлалъ противъ этого сильное возраженіе, и испросилъ у государя подтвержденіе несудимой грамоты, какую далъ нѣкогда Михаилъ Ѳеодоровичъ патріарху Филарету Никитичу [1].

Но не трудно было оклеветать предъ царемъ всѣ дѣйствія Никона. Огорченіе царя государственными неустройствами открывало теперь широкую дверь всѣмъ клеветамъ на нелюбимаго боярами патріарха. Итакъ, завистники и недоброжелатели Никона, давно желавшіе избавиться отъ него, воспользовались для своей цѣли настоящими неблагопріятными обстоятельствами государства. Клеветы на Никона съ разныхъ сторонъ стали доходить до слуха царева. Одни говорили, что патріархъ злоупотребляетъ дружбою царя: совѣтуетъ ему предпринимать походы, чтобы, съ удаленіемъ царя изъ Москвы, самому властвовать надъ всѣми и надъ всѣмъ [2]. Другіе клеветали, что Никонъ хочетъ будто бы сдѣлаться равнымъ государю, и даже—Никонъ хочетъ быть самъ царемъ [3]. Ти-

[1] Собр. зак. 1, № 201. Ср. собр. госуд. гр. IV, стр. 128. [2] Виніое. IV, № 11. [3] Никонъ самъ указывалъ на эту клевету враговъ своихъ, когда возражалъ имъ: «мы царя нашего ничѣмъ не преобидимъ, нижде царемъ нарицаемся, якоже нѣцыи, якоже жидове о Христѣ, глаголютъ о насъ тако.» См. возраж. на 26 вопр. Стрѣшнева Паисію Лигариду.

тулъ великаго государя, данный Никону царемъ, служилъ для враговъ патріарха благовиднымъ основаніемъ такого обвиненія. Кромѣ того, Никонъ имѣлъ неосторожность, въ надеждѣ на дружбу и любовь царя, во время похода его въ Польшу, отписать именемъ царевича одну казенную вотчину къ Иверскому монастырю [1]. Теперь доносили государю, будто Никонъ похищаетъ себѣ имущество государственное, самовольно приписывая къ своимъ монастырямъ обширныя отчины изъ государственныхъ крестьянъ [2]. Между тѣмъ прибавляли, указывая на состояніе дѣлъ нашихъ съ Швеціею: Никонъ не хочетъ, чтобы царь пользовался вспомоществованіемъ отъ монастырскихъ отчинъ. Значитъ, заключили, Никонъ не почитаетъ царя. Явились, наконецъ, и такіе лжесвидѣтели, которые, вѣроятно, свою нравственную болѣзнь перенесли на Никона: Никонъ, говорили они царю, былъ подкупленъ іезуитомъ Аллегретти, чтобы присовѣтовалъ царю поднять оружіе противъ Швеціи, и тѣмъ отвлечь войну отъ предѣловъ польскихъ [3]. Добрый, повторимъ, но при подобныхъ клеветахъ гнѣвный царь, конечно, сильно былъ раздраженъ мнимою измѣною своего друга, которая, по направленію того вѣка, могла казаться, только не въ Никонѣ, очень вѣроятною. Можетъ быть дрýзья примирились бы при личномъ свиданіи и искреннемъ объясненіи другъ съ другомъ. Но этого-то теперь бояре и не допускали. Они уже рѣшились, во что бы то ни стало, отвлечь царя отъ патріарха, и поселить въ нихъ, въ слѣдъ за недовѣрчивостію другъ къ другу, взаимную холодность, непріязнь, и наконецъ — произвести открытый разрывъ. Лучшимъ средствомъ для этой цѣли представлялось — не допускать ихъ между собою до личнаго свиданія, когда сердца ихъ могли бы опять согрѣться и соединиться любовію, искры которой не погасли въ нихъ, какъ увидимъ, даже въ то время, когда, казалось, они начали уже ненавидѣть другъ друга.

---

[1] Акт. ист. IV, № 97. [2] См. возраж. Никона, на 27 вопр. Стрѣшнева Паисію Лигариду. [3] Берхъ, ч. 1, стр. 96, 200, 202, 226—229.

И вотъ уже не стало взаимныхъ дружескихъ бесѣдъ патріарха и царя за трапезой въ царской или патріаршей столовой. Никона перестали звать во дворецъ и для государственныхъ совѣщаній. Царь прекратилъ свои обычные выходы къ богослуженію патріаршему, и всегда оставался слушать богослуженіе въ придворной церкви. Всякій разъ, когда служилъ Никонъ, особенно когда совершались торжественные крестные ходы, Никонъ по нѣскольку разъ посылалъ отъ себя священниковъ во дворецъ просить царя на соборную молитву съ патріархомъ. Царь не являлся. Никонъ приказывалъ продолжать благовѣстъ церковный, и снова посылалъ просить государя къ соборному богослуженію; царь отказывался. Никонъ ожидалъ; царь присылалъ сказать, чтобы «его не ждали». Такъ, повторимъ, «нача быти безсовѣтіе и раздоръ между благочестивѣйшимъ царемъ и святѣйшимъ патріархомъ [1]».

Болѣзненно было для сердца Никона видѣть, какъ мало по малу хладѣетъ теплота дружбы между нимъ и царемъ, столько плодотворная до сихъ поръ для Церкви и государства. Никонъ уже чувствовалъ утрату своего прежняго вліянія на дѣла государственныя и даже церковныя; но еще продолжалъ терпѣть. Наконецъ, грубость, дерзость и безстыдство недоброжелателей его дошли до того, что они стали открыто ругаться надъ святительскимъ благословеніемъ Никона. «Боярин Семенъ Стрѣшневъ», говоритъ Никонъ, «научилъ нѣкоего пса, себѣ подобнаго, сѣдѣти, якоже при Вознесеніи Господь нашъ воздвигъ руцѣ, и благослови своя ученики, тако и того пса изучилъ обоими предъ нимъ ногами ругатися благословенію Божію, и назвали того пса Никономъ патріархомъ [2]». Никонъ жаловался царю на этотъ поступокъ Стрѣшнева; но изслѣдованія по его жалобѣ произведено не было [3]. Тогда, какбы стыдясь своего униженія въ столицѣ, удручаемый въ ней завистію, клеветою и презрѣніемъ отъ бояръ, Никонъ удалил-

---

[1] Шушеринъ. [2] См. грам. Никона къ конст. патр. Діонисію, въ рук. Воскр. мон. [3] Тамъ же, и въ грам. къ Паисію Лигариду, рук. Воскр. мон.

.ся изъ Москвы въ Воскресенскій монастырь, подъ предлогомъ обыкновенной своей заботливости о созиданіи этой любимой имъ обители [1]. Здѣсь онъ хотѣлъ найдти покой своей душѣ, возмущенной неблагопріятною перемѣною отношеній между нимъ и царемъ-другомъ. Отсюда хотѣлъ онъ дать почувствовать и державному своему другу утрату патріарха; говорятъ, что разлука тѣснѣе соединяетъ друзей, нежели постоянное пребываніе вмѣстѣ. Но тѣ времена, когда юный царь изъ Новгорода вызывалъ своего друга Никона въ Москву для дружескихъ бесѣдъ, тѣ счастливыя времена первой юности царя прошли для друзей невозвратно. Царь былъ теперь уже въ тѣхъ лѣтахъ, когда холодная разсудительность беретъ верхъ надъ нѣжными чувствами сердца, и — Никонъ обманулся въ своихъ предположеніяхъ.

Бояре были весьма рады удаленію патріарха изъ столицы. Теперь они уже безопасно сѣяли клеветы на него предъ царемъ. Къ прежнимъ присовокупили новую: Никонъ строитъ монастыри, а о дѣлахъ патріаршихъ не радитъ, и о государствѣ съ царемъ не промышляетъ [2]. Потерявъ довѣріе къ Никону, царь теперь вѣрилъ клеветамъ бояръ на Никона. Между тѣмъ, война съ Швеціею продолжалась безъ личнаго присутствія царя среди войскъ. Онъ оставался въ Москвѣ, какбы опасаясь самовластія Никона, которымъ такъ угрожали ему бояре. Воеводы царскіе, оставленные на произволъ себѣ самимъ, спорили другъ съ другомъ о мѣстахъ, и теряли одну за другой побѣды [3]. Царь раздражался несчастнымъ ходомъ войны, и вмѣстѣ съ тѣмъ усиливалъ свой гнѣвъ и на Никона—совѣтника войны. Тогда враги патріарха увидѣли возможность довести взаимную холодность между царемъ и Никономъ до открытаго совершеннаго разрыва.

Обратились за помощію къ монастырскому приказу, ненавистному для Никона [4]. Приказъ сдѣлался теперь въ

---

[1] См. возраж. на 26 вопр. Стрѣшнева. [2] Возраж. на 17 вопр. Стрѣшнева. [3] Р. ист. Устрял. 1837. ч. 2, стр. 248. [4] Никонъ возставалъ противъ него въ про-

своихъ распоряженіяхъ смѣлѣе и настойчивѣе. Онъ опять теперь распространилъ свою власть отъ свѣтскихъ монастырскихъ дѣлъ къ завѣдыванію мѣстами настоятелей въ монастыряхъ, и сталъ опредѣлять священниковъ и діаконовъ въ монастырскія села безъ сношенія съ мѣстнымъ архипастыремъ и даже патріархомъ, а единственно по указу государя царя [1]. Безпорядки церковные умножились. Никонъ жаловался царю на несправедливое вмѣшательство монастырскаго приказа въ дѣла церковныя, царь не внималъ его грамотамъ; бояре радовались. Свою смѣлось они довели теперь до того, что стали опровергать распоряженія самого патріарха, и отобрали у него нѣкоторыя вотчины [2]. Главный бояринъ приказа Никита Одоевскій, которому поручено было нѣкогда и составленіе уложенія, нелюбимаго патріархомъ наравнѣ съ монастырскимъ приказомъ, сдѣлался теперь личнымъ врагомъ Никона, и не безъ особеннаго, конечно, намѣренія такъ производилъ дѣла, чтобы раздражать и оскорблять Никона [3]. Никонъ писалъ царю убѣдительныя и трогательныя посланія, въ которыхъ на основаніи слова Божія и правилъ Церкви доказывалъ, что не прилично мірскимъ людямъ вмѣшиваться въ управленіе церков-

---

долженіе всего своего святительства: «шесть лѣтъ,» говоритъ онъ въ грамотѣ своей къ Паисію Лигариду, «мы были въ думахъ сходные съ милостивымъ царемъ нашимъ, хотя не во всемъ, се есть въ церковныхъ постановленіяхъ, что пріяла мати св. Церковь владѣніе о судѣ церковномъ, и, то владѣніе пріялъ монастырскій приказъ, и насъ самихъ и ины преосвященныя противъ царскаго указа монастырскіе люди судятъ.» Ркп. Воскр. монастыря.

[1] Ц. ист. М. Платона, ч. 2, стр. 237. Никонъ такъ писалъ объ этихъ безпорядкахъ церковныхъ въ грамотѣ своей къ конст. патр. Діонисію: «и нынѣ здѣ все дѣйствуется по царскому изволенію; егда кто хощетъ причетникъ или діаконъ, или пресвитеръ, или игуменъ, или архимандритъ быти, тогда пишутъ челобитную царскому величеству, да повелитъ поставити митрополиту которому или архіепископу, и по царскому указу на тѣхъ челобитныхъ подписываютъ указъ: государь царь пожаловалъ веліѣлъ во діаконы, или въ попы, или во иной чинъ поставити, и тако поставляютъ по царскому указу, а не по благодати и власти и дару святаго и животворящаго Духа; а егда митрополитъ или архіепископъ поставитъ кого, и тогда въ ставленыхъ своихъ грамотахъ пишутъ: поставленъ... по указу государя царя, а не по правиломъ св. Апостолъ и св. отецъ.» Ркп. Воскр мон. См. также возраж. на 24 вопр. Стрѣшнева.—[2]. Ц. ист. М. Плат. ч. 2, стр. 237.

[3] См. возраж. на 26 вопр. Стрѣшнева.

ными дѣлами. Онъ указывалъ также на примѣры древнихъ іудейскихъ и христіанскихъ благочестивыхъ государей, почитавшихъ священный чинъ и достояніе церковное, и за то благословенныхъ Богомъ и людьми; указывалъ и на примѣры нечестивыхъ царей, которыхъ память погибла съ шумомъ [1]. Но приближенные царя выставляли ему эти мысли Никона то сомнительными, то несправедливыми, и даже дерзкими. «Никонъ сравниваетъ тебя, говорили они царю, «съ нечестивыми царями израильскими.» Царь гнѣвался, и посылалъ своихъ бояръ сказать Никону, чтобы онъ пересталъ писать къ нему такія грамоты. Никонъ надѣялся побѣдить царя настойчивостію; дерзнулъ даже написать, чтобы царь уничтожилъ и самую книгу уложенія, которую, по словамъ Никона, бояре почитали «паче Христова Евангелія,» но гдѣ, между тѣмъ, «все на Церковь и на священный чинъ написано» [2]. Царь послалъ бояръ сказать Никону рѣшительно, чтобы онъ пересталъ къ нему писать; иначе, присовокуплялъ царь, «терпѣть тебя не будемъ [3].» Какъ ни больно было патріаху слышать такой отвѣтъ царя; но все еще льстивая надежда примиренія съ царемъ не оставляла Никона, хотя уже близокъ былъ окончательный разрывъ взаимной ихъ дружбы.

Въ іюнѣ 1658 года пріѣхалъ въ Москву грузинскій царь Теймуразъ присягать на подданство Россіи. Событіе важное для отечества, какъ въ гражданскомъ, такъ и въ церковномъ отношеніи, потому что дѣло шло, между прочимъ, о защитѣ грузинской Церкви противъ угнетеній исламизма [4]. Патріархи наши всегда въ подобныхъ случаяхъ принимали участіе въ совѣтѣ царскомъ. Никонъ надѣялся, что санъ патріаршій дастъ ему и теперь право присутствовать въ царскихъ чертогахъ. Онъ нарочно оставилъ свое воскресенское уединеніе, и прибылъ въ Москву. Іюля 6-го назначенъ былъ торжествен-

---

[1] См. гр. Никона къ конст. патр. Діонисію. Ркп. Воскр. мон.

[2] См. грам. Никона къ конст. патр. Діонисію. Ркп. Воскр. мон.

[3] Тамъ же.

[4] Ист. р. ц. 1850, IV, стр. 89—92.

ный пріемъ Теймураза при дворѣ царя [1]. Никонъ ждалъ въ своемъ патріаршемъ домѣ, что вотъ и его пригласятъ во дворецъ. Но, къ крайнему своему огорченію, онъ остался непозваннымъ [2]. Царь уже опасался вліянія своего друга на дѣла государственныя. Никонъ послалъ своего боярина, князя Димитрія, узнать, почему не позвали патріарха во дворецъ [3]. Но царскій сановникъ и родственникъ Богданъ Матвѣевичь Хитрово, устроявшій дорогу для грузинскаго царя, и не щадившій своей палки для любопытныхъ зрителей, увидѣлъ, въ числѣ другихъ, боярина патріаршаго, и сильно ударилъ его въ голову тою же палкою. Князь Димитрій возразилъ Богдану: «напрасно, Богданъ Матвѣевичь, бьешь меня; мы сюда за дѣломъ ходимъ.» Хитрово, какъ будто не зная, кого онъ ударилъ, спросилъ князя: «кто ты?»—«Я человѣкъ патріарховъ, и опредѣленъ въ эту должность царскимъ величествомъ,» отвѣчалъ Димитрій. «Не дорожися,» возразилъ ему Хитрово съ грубою бранью, и повторилъ свой ударъ, такъ что «уязви люто зѣло.» Боярин патріаршій возвратился къ Никону, съ горькою жалобою на обиду отъ Хитрово. Глубоко оскорбился Никонъ, оскорбленый уже и прежде тѣмъ, что не былъ почтенъ приглашеніемъ къ торжественному царскому столу, какъ всегда бывало въ прежніе годы. Итакъ, обиду причиненную его боярину, онъ принялъ за личную обиду самому, и немедленно написалъ государю письмо, въ которомъ просилъ суда надъ Хитрово, а въ случаѣ, если дѣло это останется безъ удовлетворенія съ гражданской стороны, Никонъ угрожалъ Хитрово судомъ церковнымъ [4]. Царь собственноручнымъ письмомъ отвѣчалъ патріарху, что «по времени» онъ увидится съ

---

[1] Дворц. разр. т. III, стр. 502, др. виѳліоѳ. XIV, 33—38.

[2] Въ дворц. разрядахъ замѣчено по этому случаю: «были за обѣдомъ крестовые попы, а патріархъ и власти московскіе у стола не были.» т. III, стр. 502.

[3] Никонъ подробно описываетъ это происшествіе въ грамотѣ своей къ конст. патр. Діонисію. Ркп. Воскр. мон.

[4] Никонъ писалъ царю: «чтобы сыскавъ далъ оборонь на бѣющаго безъ правды, нашего человѣка, аще ли судомъ не восхощеши отмстити безъ правды блюющему нашего человѣка, то мы данною намъ властію отъ Господа Бога мстимъ ему акоже вѣмы, въ правду.» Тамъ же.

нимъ, и переговоритъ объ этомъ дѣлѣ. Никонъ успокоился въ ожиданіи свиданія съ царемъ. Но прошло два дня, а Никонъ все еще не былъ позванъ во дворецъ, и Хитрово оставался безъ наказанія [1].

Іюля 8-го насталъ праздникъ Казанской Божіей Матери. По древнему обычаю въ Москвѣ, вечерню и всенощное бдѣніе на этотъ праздникъ, равно какъ въ самый день праздника литургію совершалъ патріархъ въ одномъ изъ московскихъ храмовъ, посвященномъ имени Казанской Божіей Матери. При каждомъ церковномъ богослуженіи присутствовалъ здѣсь и самъ царь съ своими вельможами. Предъ литургіею совершался крестный ходъ изъ большаго Успенскаго собора въ церковь, гдѣ былъ храмовой праздникъ; царь всегда принималъ участіе и въ этомъ священномъ шествіи [2]. Начался у праздника благовѣстъ къ вечернѣ. Собрались въ церковь духовенство и народъ. По принятому тогда обыкновенію, Никонъ посылаетъ одного изъ священниковъ собора просить царя на праздничное торжество, и самъ отправляется изъ дому служить у праздника вечерню. Посланный возвращается къ Никону въ церковь, и доноситъ ему, что государь велѣлъ себя не ждать. Вечерня совершилась. Настало время всенощнаго бдѣнія. Никонъ, исполняя свой долгъ, опять посылаетъ звать царя, и—посланный возвращается съ прежнимъ отвѣтомъ. Начался на другой день благовѣстъ къ крестному ходу. Никонъ еще посылаетъ просить государя или принять участіе въ священномъ шествіи, или по крайней мѣрѣ, прибыть къ литургіи. Но—царь не былъ ни въ крестномъ ходу, ни за литургіею. Такимъ образомъ, Никонъ, предполагавшій увидѣть государя, по крайней мѣрѣ, въ церкви, не получилъ желаемаго.

Іюля 10-го опять настало подобное же церковное торжество въ Успенскомъ соборѣ, въ память принесенія отъ персовъ части ризы Господней, и положенія ея въ этомъ храмѣ [3].

---

[1] Между тѣмъ, въ уложеніи опредѣляется строгое наказаніе обидчику патріаршаго боярина. См. гл. X, ст. 95. [2] Чт. м. о. ист. и др. р. 1846. № 1, матер. иностран. стр. 37. [3] Дворц. разр. II, стр. 761 и слѣд.

Предъ вечернею на этотъ праздникъ Никонъ опять посылалъ одного изъ священниковъ просить государя къ соборному богослуженію, и — опять услышалъ, что государь не будетъ. Предъ всенощнымъ бдѣніемъ былъ снова отправленъ къ царю священникъ съ такимъ же порученіемъ. Вѣроятно, непріятными показались государю столь частыя просьбы патріарха. И вотъ, является въ келлію къ Никону [1] отъ имени царя князь Юрій Ромодановскій. «Царское величество гнѣвается на тебя, и потому къ службѣ не будетъ, и на святую литургію завтра ждать себя не велѣлъ», сказалъ онъ Никону. Никонъ слушалъ; Ромодановскій продолжалъ: «царь повелѣлъ тебѣ сказать, что ты преобидишь царское величество, называя самъ себя великимъ государемъ, но ты — не великій государь, а одинъ у насъ великій государь—царь [2]». Никонъ отвѣчалъ: «хотѣнія моего не было называться великимъ государемъ, а изволилъ такъ называть меня, и писать въ грамотахъ самъ государь царь, на что есть у меня и свидѣтельство въ грамотахъ, писанныхъ рукою самого царскаго величества». Но Ромодановскій, какбы не слушая патріарха, спѣшилъ окончить свою рѣчь: «почиталъ тебя царь», сказалъ онъ въ заключеніе Никону, «какъ отца и пастыря, а ты зазнался, и теперь царское величество писаться тебѣ великимъ государемъ запретилъ, и почитать тебя не будетъ.» Послѣ этихъ словъ Ромодановскій удалился. «И мы», говоритъ Никонъ, «тую похвалку слыша, вздумали дать мѣсто гнѣву [3].» Однакожь, онъ отправился еще къ праздничному всенощному бдѣнію, и, хотя въ смущенномъ состояніи души, приступилъ въ свое время къ совершенію божественной литургіи.

Среди умилительнаго церковнаго торжества, Никонъ предался, со всѣмъ жаромъ своей души, грустнымъ и скорбнымъ

---

[1] Такъ говоритъ самъ Никонъ въ грам. къ Паисію Лигариду. Ркп. Воскр. монастырѣ. [2] А самъ Ромодановскій былъ человѣкъ въ высшей степени гордый, и притомъ плохой христіанинъ. См. Берха. ч. 1. стр. 67, 69, 71. Ср. ист. р. Ц. 1850 IV, прим. 82. [3] См. грам Никона къ Паисію Лигариду. Ркп. Воскр. мон.

размышленіямъ. Ему казалось, что имя его опозорено предъ всѣмъ государствомъ, что онъ въ глазахъ всѣхъ соотечественниковъ сдѣлался невѣрнымъ слугою и лицемѣрнымъ другомъ царевымъ [1]. Архипастырь и первосвятитель въ немъ на время скрылись; остался человѣкъ—съ прирожденнымъ самолюбіемъ. Никонъ, дѣйствовавшій до настоящей минуты съ полнымъ самоотверженіемъ для блага Церкви и государства, теперь обратился къ себѣ самому, допустилъ возникнуть въ себѣ опасному сознанію своихъ заслугъ и представленію неблагодарности къ нимъ отъ соотечественниковъ. Въ мрачномъ видѣ явились теперь предъ нимъ всѣ его подвиги въ благоустроеніи Церкви и государства. За одни осуждали его въ поврежденіи вѣры, за другіе—въ беззаконномъ властолюбіи; за тѣ и другіе вмѣстѣ клеветали на него царю, преслѣдовали его, покушались на самую жизнь его [2]. Наконецъ, и самъ царь, по сердечной преданности къ которому Никонъ не щадилъ себя для пользы отечества, самъ царь принималъ клеветы на него, вѣрилъ имъ, и удалялся отъ патріарха. Тогда не трудно было Никону представить себя страдальцемъ за вѣру и отечество, сравнить себя съ доблестными святыми отцами Церкви, терпѣвшими много бѣдствій за чистоту и твердость вѣры своей, наконецъ найдти сходство въ судьбѣ своей съ жизнію св. Апостоловъ, терпѣвшихъ всякаго рода страданія отъ враговъ креста Христова, и—съ самимъ подвигоположникомъ Іисусомъ Христомъ, кровію своею стяжавшимъ Церковь свою [3]. Самый праздникъ того дня располагалъ его къ подобнымъ чувствованіямъ. Это былъ, говоритъ самъ Никонъ, тотъ день, «когда, совершая память перенесенія въ Москву многоцѣлебной ризы Господа нашего Іисуса Христа, вѣрные сыны Церкви воспоминали страданія своего Господа, Его поношеніе и поруганіе, оплеваніе и заушеніе, одѣяніе хламидою, осужде-

[1] «Про тотъ гнѣвъ,» писалъ впослѣдствіи Никонъ, «всему государству вѣдомо, что онъ (царь), гнѣвался на мя, не приходилъ къ церкви Божіей.» См. возраж. на 17 вопр. Стрѣшнева Паисію Лигариду.

[2] См. грам. Ник. къ конст. патр. Діонисію. Ркп. Воскр. мон.

[3] См. возраж. Ник. на 5, 23 и 26 вопр. Стрѣшн. Ркп. Воскр. мон.

ніе неправедное, распятіе, крестъ и смерть [1].» Душа Никона возмутилась при такихъ скорбныхъ представленіяхъ своей участи, и—онъ рѣшился «дать мѣсто гнѣву».. Примѣръ многихъ св. отцевъ, св. Апостоловъ и самого Іисуса Христа, удалявшихся иногда отъ преслѣдованія злобы враговъ своихъ, утверждали его въ такой рѣшимости [2]. И вотъ, по совершеніи божественной литургіи, Никонъ, огорченный и возмущенный до глубины души, поспѣшно разоблачается, какбы спѣша снять съ себя тяжесть церковнаго правленія, надѣваетъ «смиреннѣйшую и худѣйшую,» какъ самъ говоритъ, «архіерейскую мантію,» восходитъ на амвонъ, и въ слухъ многочисленнаго народа возглашаетъ: «я никогда и не помыслилъ бы,» сказалъ онъ, «на таковый санъ взыти, если бы государь въ этой же самой церкви не обѣщался предъ Богомъ, св. Ангеламп и всѣми святыми непреложно хранить заповѣди божественныя и правила церковныя. Но вѣсть Господь, яко нашъ великій государь далъ такое обѣщаніе предъ Богомъ, и предъ св. чудотворнымъ образомъ пресвятыя Богородицы, предъ св. Ангелами и всѣми святыми, и—не одинъ царь далъ такое обѣщаніе, но и весь царскій синклитъ и весь народъ. И до тѣхъ поръ, пока они пребывали по возможности вѣрными своему обѣщанію, мы терпѣли,» говорилъ Никонъ. «Но теперь», продолжалъ Никонъ, «когда они измѣнили своему клятвенному обѣщанію, и царь сталъ гнѣваться на насъ неправедно, якоже вѣсть Господь, мы, помня свое обѣщаніе о храненіи заповѣдей Господнихъ, како обѣщалися на поставленіи патріаршескомъ съ подписаніемъ, свидѣтельствуемъ въ церкви небомъ и землею, что государь напрасно гнѣвается на насъ, и, помня заповѣдь Господа: *егда гонятъ вы во градѣ, бѣгайте въ другій*, оставляемъ нашъ первопрестольный градъ, и отходимъ въ пустыню [3]». Затѣмъ, онъ поставилъ къ Владимірской иконы Богоматери жезлъ св. митрополита Петра, и взялъ

---

[1] Возраж. на 5 вопр. Стрѣшнева. Ркп. Воскр. мон.

[2] Никонъ самъ говоритъ объ этомъ въ возраж. на 5 вопр. Стрѣшнева.

[3] См. грам. Ник. къ Паисію Лигар. и возраж. на 5 вопр. Стрѣшнева.

вмѣсто него старческій посохъ. Въ ризницѣ написалъ письмо къ царю, и отправилъ во дворецъ съ діакономъ Іовомъ [1]: «се вижу гнѣвъ твой на мя умноженъ безъ правды, и того ради и соборовъ во св. церквахъ лишаемы; азъ же пришлецъ есмь на земли; и се нынѣ, поминая заповѣдь Божію, дая мѣсто гнѣву, отхожу отъ мѣста и града сего, и ты имаши предъ Господомъ и Богомъ дати отвѣтъ [2]».Ославъ къ государю такое письмо, Никонъ опять вышелъ изъ алтаря, и сѣлъ среди храма на ступеняхъ архіерейской каѳедры, лицемъ къ западнымъ дверямъ, въ ожиданіи царскаго отвѣта. «Невѣдомо», говоритъ Никонъ, «читалъ или нѣтъ государь» это письмо, только «то письмо назадъ прислалъ съ тѣмъ же діакономъ [3].» Между тѣмъ, приходитъ къ патріарху отъ имени царя князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой, съ вопросомъ: «почему ты просишь себѣ келліи, когда есть у тебя келліи, на патріаршемъ дворѣ?»—«Не мои это келліи,» отвѣчалъ Никонъ, «но того, кому Господь благоволитъ отдать ихъ; а меня прошу государя отпустить въ какой нибудь монастырь.» Трубецкой отправился съ такимъ отвѣтомъ патріарха къ царю. Народъ, бывшій въ церкви, пораженный такою необычностію, и не желая разстаться съ любимымъ своимъ архипастыремъ, держалъ запертыми двери, не позволяя ему уходить, и со слезами умолялъ его не лишать паству своего присутствія. Простодушный, онъ думалъ, что самъ царь придетъ теперь въ церковь, и успокоитъ возмущеннаго духомъ патріарха. Но отъ царя опять приходитъ Трубецкой, въ сопровожденіи Стрѣшнева Иродіона. Опять предложенъ былъ Никону прежній вопросъ; Никонъ далъ прежній отвѣтъ. «Нѣтъ ли у тебя какого гнѣва на великаго государя, или какихъ нибудь наносныхъ рѣчей?» продолжалъ Трубецкой. «Никакого гнѣва на царя у меня нѣтъ, и

---

[1] Въ одномъ мѣстѣ называетъ она этого посланника «ключаремъ,» въ другомъ «ризничимъ.» См. грам. къ Паисію Лигар. и возраж. на 26 вопр. Стрѣшнева. [2] Между тѣмъ посланнику данъ былъ наказъ просить у государя для патріарха уединенной келліи. См. возраж. Ник. на 5 вопр. Стрѣшн. Ср. Шушер. [3] См. возраж. Ник. на 26 вопр. Стрѣшнева Паисію Лигариду. Ср. грам. Никона къ конст. патр. Діонисію. Ркп. Воскр. мон.

никакихъ наносныхъ рѣчей на него я не слушаю,» отвѣчалъ Никонъ; «но даю мѣсто гнѣву царскаго величества, что безъ правды царскаго величества синклитъ, бояре и всякіе люди церковному чину обиды многія творятъ, а сыску и управы царское величество не даетъ, а о чемъ мы пожалимся, и онъ гнѣвается на насъ [1].» Съ такимъ отвѣтомъ Трубецкой опять возвратился къ царю. Народъ продолжалъ держать крѣпко запертыми двери, чтобы не выпустить патріарха. Прошло довольно времени, царь не приходилъ, и никого отъ себя не присылалъ. Никонъ часто вставалъ съ своего мѣста, и хотѣлъ выйдти изъ церкви, но народъ съ рыданіемъ удерживалъ его. Прослезился и самъ Никонъ, но—не оставилъ своего намѣренія. Приходитъ снова Трубецкой съ нѣкоторыми другими боярами, и объявляетъ отъ имени государя, что Никонъ можетъ выбрать для своего жительства любой монастырь. Никонъ поклонился Трубецкому, сказавъ: «покланяюся великому государю за его царскую милость», и послѣ этихъ словъ со слезами пошелъ изъ церкви, возглашая слова псалмопѣвца: *«се удалихся бѣгая, и водворихся въ пустыни; чаяхъ Бога, спасающаго мя отъ малодушія и отъ бури* [2]». Бояре велѣли разступиться народу, и отворить двери. Народъ съ горькимъ рыданіемъ сопровождалъ своего первосвятителя.

Площадь покрыта была, говоритъ Шушеринъ, грязью. Никонъ встрѣтилъ здѣсь ѣдущую колымагу, и хотѣлъ сѣсть въ нее, чтобы отправиться на воскресенское подворье. Народъ все еще надѣялся, что архипастырь не оставитъ ихъ. Тотчасъ лошадь была выпряжена, и колымага откинута въ сторону. Никонъ продолжалъ идти пѣшкомъ. Онъ дошелъ уже до воротъ Спасителя. Народъ заслонилъ предъ нимъ собой эти ворота, и не хотѣлъ пустить въ нихъ патріарха, не внимая ни-

---

[1] Такъ передаетъ этотъ отвѣтъ Трубецкому самъ Никонъ въ грамотѣ къ конст. патр. Діонисію. Но, по Шушерину, Никонъ будто-бы такъ отвѣчалъ: «оставляю престолъ свой, вѣдая своя къ Богу согрѣшенія; многажды бо ради грѣховъ моихъ здѣ, въ царствующемъ градѣ, многія войны и моры быша, и вся злая, и того ради оставляю престолъ свой.»

[2] См. грам. Никона къ Паисію Лигариду. Ркп. Воскр. мон.

какимъ его убѣжденіямъ. Никонъ сѣлъ въ одной изъ нишей, и плакалъ. Но являются стрѣльцы, и — ворота для патріарха отворились. Ему подана была карета; но Никонъ въ нее не сѣлъ, и пѣшій прибылъ на воскресенское подворье. Здѣсь, подавъ сопровождавшему его народу миръ и благословеніе, онъ вошелъ въ свои келліи.

Никонъ предполагалъ, что царь, увидѣвъ такую рѣшительность его, вспомнитъ гражданскія и церковныя его заслуги, приведетъ на память и прежнюю взаимную ихъ дружбу, и — умирится [1]. Самъ царь, казалось, благопріятствовалъ такимъ надеждамъ Никона. На воскресенское подворье явились къ Никону отъ царя Трубецкой и Стрѣшневъ съ повелѣніемъ царя: «яко да не отъиду,» говоритъ Никонъ, «не видѣвся съ нимъ». Но прошло три дня; вѣсти отъ царя Никону никакой не было. Нетерпѣливый [2] Никонъ рѣшился окончательно оставить столицу. Онъ призвалъ къ себѣ крутицкаго митрополита Питирима; сказалъ ему, что «на время» удаляется въ свой Воскресенскій монастырь, и поручаетъ ему, до своего возвращенія, завѣдывать, въ качествѣ намѣстника, патріаршими дѣлами, сносясь по важнѣйшимъ дѣламъ съ самимъ патріархомъ [3]. Наконецъ, выпросилъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ двѣ простыхъ плетеныхъ кіевскихъ колымаги; на одну изъ нихъ сѣлъ самъ, а на другую положилъ свои вещи [4], и въ такомъ видѣ отправился въ путь къ Воскресенскому монастырю.

Царь скорбѣлъ объ униженіи патріарха. Онъ послалъ въ слѣдъ за нимъ Трубецкаго съ патріаршею каретою. Но посланный нашелъ Никона уже въ Воскресенскомъ монастырѣ. «Почему ты безъ указу царскаго величества съ Москвы съѣхалъ?» спросилъ здѣсь Никона Трубецкой. «Я не въ дальнее мѣсто отъѣхалъ,» отвѣчалъ ему Никонъ, «буде царское вели-

[1] Такъ говоритъ самъ Никонъ въ грам. къ конст. патр. Діонисію. [2] Такъ называетъ себя самъ Никонъ. См. ист. р. Ц. 1850. IV. стр. 236—585. Возраж. на 26 вопр. [3] Въ числѣ прочихъ вещей, Никонъ взялъ съ собой и книгъ. См. его грам. къ Паисію Лигариду. [4] См. грам. Ник. къ конст. патр. Діонисію.

чество на милость преложится, и гнѣвъ свой отложитъ, опять будемъ [1].» Бояринъ просилъ Никона принять по крайней мѣрѣ присланную отъ царя карету; Никонъ отказался отъ этой чести. Трубецкой отвезъ эту карету въ село монастырское Чернево, и здѣсь она оставалась долгое время.

И вотъ Никонъ, по собственнымъ его словамъ, «водворился въ пустыни [2].» Онъ не переставалъ однакожь ждать, что государь пришлетъ къ нему грамоту съ приглашеніемъ возвратиться въ Москву, и возстановить взаимный миръ [3]. Онъ предполагалъ даже, что рѣшительнымъ удаленіемъ своимъ изъ Москвы возбудитъ и во врагахъ своихъ сожалѣніе объ утратѣ патріарха и желаніе возвратить его на престолъ [4]. Онъ думалъ, что страсти враговъ его перестанутъ дѣйствовать, когда съ его стороны не будетъ имъ противодѣйствія. Но не такъ случилось на самомъ дѣлѣ. Въ Москвѣ сказали, говоритъ Никонъ: «намъ не надобенъ патріархъ; добръ и крутицкій митрополитъ [5],» — сказали это, и какъ будто забыли просить патріарха о возвращеніи. Напротивъ, одно занимало теперь умъ, память и сердце враговъ Никона: какъ бы совершенно низложитъ его съ патріаршаго престола.—Но прежде, нежели будемъ обозрѣвать жизнь Никона въ воскресенскомъ его уединеніи, обратимъ вниманіе на мнѣнія различныхъ отечественныхъ и иностранныхъ писателей о причинахъ несогласій между нимъ и царемъ.

Согласно съ тѣмъ, какъ мы изложили причины несогласій между царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и патріархомъ Никономъ, говорятъ объ этихъ причинахъ два иностранца—баронъ Майербергъ и Адамъ Олеарій, также первый жизнеописатель Никона—иподіаконъ его, Иванъ Корнильевичъ Шушеринъ, и наконецъ самъ Никонъ.

Майербергъ, который былъ посланникомъ къ царю Алексѣю Михайловичу отъ римскаго императора Леопольда, жилъ въ Москвѣ, зналъ языкъ русскій, и перевелъ на латинскій языкъ

---

[1] Тамъ же. [2] Возраж. на 5 вопр. Стрѣшнева. [3] См. грам. Ник. къ конст. патр. Діонисію. [4] См. возраж. на 26 вопр. Стрѣшнева. [5] Тамъ же.

уложеніе царя Алексѣя Михайловича, такъ говоритъ о печальной участи Никонъ: «патріархъ Никонъ, бывши любезнѣйшимъ царю, казался всемощнымъ у него; но онъ низринутъ придворною жизнію, и сокрывшись въ монастырѣ, имъ самимъ построенномъ, Іерусалимъ именуемомъ, живетъ въ упадкѣ, безъ всякой надежды возстановленія, не теряя однакожь бодраго духа. О паденіи его разные говорятъ различно. Правдоподобнѣе приписываютъ это чрезмѣрной охотѣ его къ новостямъ и опрометчивому совѣту завести Россіи войну съ поляками и шведами, а также—тому, что для искорененія невѣжества, онъ открылъ въ Москвѣ училища языковъ латинскаго и греческаго, велѣлъ снять съ западныхъ стѣнъ въ церквахъ отъ частныхъ людей ставившіяся иконы, дабы молящіеся не стояли къ нимъ задомъ; жестоко укорялъ оба пола за частыя по турецкому обыкновенію омовенія. Этимъ самымъ у недовѣрчивыхъ и привязанныхъ къ старинным обычаямъ россіянъ подпалъ онъ подозрѣнію въ перемѣнѣ будто бы догматовъ вѣры. За то у всѣхъ онъ въ ненависти, и всѣ вообще желаютъ ему заточенія, такъ что никого не имѣетъ онъ заступникомъ себѣ у царя, котораго сердце отдалила отъ него еще и царица, издавна его ненавидящая, и тесть царскій, непріязненный ему по нѣкоторымъ своимъ причинамъ. А добрый царь Алексѣй такъ осажденъ этими любимцами своими и другими первостатейными министрами, что никому нѣтъ до него доступа. Далѣе вопли утѣсненныхъ, нужды государства и неудачи войскъ, или вовсе отъ него утаеваются, или прикрываются приличными намѣреніямъ ихъ видами [1].»

Олеарій, бывшій врачемъ царя Алексѣя Михайловича съ 1659 г. до 1666 года, и—очевидцемъ бѣдственной участи Никона, такъ говоритъ о причинахъ удаленія его въ воскресенское уединеніе: «патріархъ... почелъ себя обиженнымъ, и удалился въ деревню; будто бы онъ хотѣлъ, какъ говорятъ, сдѣлать нѣкоторыя нововведенія, или лучше сказать, преобразованія;

[1] Ber. Moscov. p. 87. Мнѣніе Майерберга принимали — Миллеръ, Левекъ, Леклеркъ, Конрсъ. См. слов. писат. д. чина. въ статьѣ: Никонъ патріархъ.

потому что не принадлежитъ къ числу обожателей иконъ, которымъ русскіе очень преданы.» О царѣ Коллинсъ дѣлаетъ такой отзывъ: «царь обыкновенно добръ, благодѣтеленъ, цѣломудренъ, точенъ въ исполненіи церковныхъ обрядовъ, покровитель вѣры; если бы не окружало его густое облако доносчиковъ и бояръ, которые направляютъ къ злу добрыя его намѣренія, то его безъ сомнѣнія должно бы поставить на ряду съ добрѣйшими и мудрѣйшими государями [1].»

Шушеринъ начинаетъ исторію печальной участи Никона такими словами: «позавидѣ супостатъ великія любве благочестиваго царя со святѣйшимъ Пикономъ патріархомъ; нача быти между ними безсовѣтіе и раздоръ чрезъ нѣкихъ злыхъ человѣкъ, иже отъ супостата на то устроенныхъ [2].»

Подобнымъ же образомъ писалъ о причинахъ своего несогласія съ царемъ и *самъ Никонъ*. Правда, далекій отъ тонкостей жизни придворной, и всегда прямой и открытый въ душѣ, нетерпѣвшій ни въ комъ двуличности, Никонъ говоритъ нерѣшительно о клеветахъ бояръ на него; тѣмъ не менѣе онъ сдѣлалъ весьма замѣчательный отзывъ о причинахъ своей печальной участи. Вотъ какъ онъ пишетъ объ этомъ, напримѣръ къ константинопольскому патріарху Діонисію: «отъ исперва благороднѣйшій царь нашъ бысть благочестивъ вельми и милостивъ, и во всемъ божественнаго закона послушливъ, елико нами что скажется, и милостію Божіею и за нашимъ благословеніемъ повоева литовскую землю; тогда нача мало по малу гордѣти и выситися, и нами глаголемая отъ заповѣдей божественныхъ презирати, и во архіерейскія дѣла вступатися, повелѣніемъ и судомъ (церковнымъ) обладати,—или собою такъ восхотѣлося ему,» замѣчаетъ Никонъ, «или отъ злыхъ человѣкъ развращенъ, якоже и Ровоамъ царь израилевъ отверже соборъ старческій, и послуша паче юношъ, совоспитающихся

---

[1] Чт. моск. общ. ист. и др. 1846, № 1 матер. иностр. стр. 6, 13.

[2] Шушеринъ, современникъ и соучастникъ страданій Никона, не могъ, конечно, по своему положенію, назвать по имени этихъ «злыхъ людей».

съ нимъ [1].» Въ другомъ мѣстѣ Никонъ сравниваетъ себя съ Мардохеемъ, царя—съ Артарксерксомъ, а враговъ своихъ—съ Аманомъ. Разсказавъ исторію о торжествѣ Мардохея надъ клеветникомъ своимъ Аманомъ, Никонъ продолжаетъ: «добро было бы, аще бы и у нашего царя государя отъялъ Господь сонъ забвенія; помянулъ бы государь нашъ и нашу къ нимъ государемъ работу, и молитвы, и слезы, якоже есть вѣдомо имъ государемъ, и превратилъ свое немилосердіе къ намъ на первую любовь, и совѣтующимъ на мя злое сотворилъ бы, яко же и Артаксерксъ Аману, иже приготови Мардохею висѣлицу въ дому своемъ, понеже Мардохей не кланяшеся Аману, и зависти ради, что сидѣлъ Мардохей въ дому царевѣ; дабы и нашъ государь сотворилъ тѣмъ, которые душу его смущаютъ и ненавидѣти насъ творятъ, и тогда бы и нашего государя царя утишилъ Господь Богъ, якоже царя Артарксеркса, отъ гнѣва [2].» Наконецъ, Никонъ, кромѣ этой гражданской, такъ сказать, причины своихъ неудовольствій съ царемъ, представляетъ еще другую—со стороны пастырской заботливости своей о благѣ Церкви. Извѣщая константинопольскаго патріарха Діонисія, между прочимъ, о появленіи раскола въ нашей отечественной Церкви, по случаю исправленія Никономъ богослужебныхъ книгъ, Никонъ заключаетъ свою рѣчь объ этомъ предметѣ такимъ образомъ: «и сего ради отъ всѣхъ возненавидѣнъ есмь, занеже помощію Божіею пщемъ и держимъ во всемъ неразрывно греческаго закона преданія, яже вся нынѣ называютъ моимъ Никоновымъ преданіемъ [3].»

Замѣчательно также, что въ исторіи печальной участи Никона всегда являются, какъ мы уже видѣли и еще увидимъ, одни и тѣ же сановники. Дворъ царя Алексѣя Михайловича былъ весьма многочисленный. Однихъ стольниковъ было 2,714, ближнихъ бояръ—11, бояръ—69, окольничихъ—90, думныхъ дворянъ—37. думныхъ дьяковъ—11 [4]. Между тѣмъ, въ дѣлѣ

---

[1] Ркп. Воскр. мон. См. также возраж. на 26 вопр. Стрѣшнева. [2] Возраж. на 24 вопр. Стрѣшнева. [3] См. грам. въ ркп. Воскр. мон. [4] Берхъ, ч. 2. стр. 126—147.

Никона видѣли и постоянно будемъ видѣть только Стрѣшневыхъ, Милославскихъ, Одоевскаго, Долгорукаго, Трубецкаго, Салтыкова, Ромодановскаго и дьяка Алмаза Иванова, т. е. видимъ какбы заговоръ противъ Никона. Иначе, почему бы должны непремѣнно являться здѣсь только—родственники царя (Стрѣшневы и Милославскіе), бояре монастырскаго приказа (Долгорукій и Одоевскій), и тѣ изъ бояръ, изъ которыхъ однихъ царь оставлялъ своими намѣстниками во время похода польскаго, а другіе имѣли въ своихъ семействахъ духовныхъ дѣтей протопопа Аввакума [1]?

Но представляютъ и другія причины первоначальнаго неудовольствія между царемъ и патріархомъ; только всѣ эти причины не заслуживаютъ вѣроятія.

Уніятъ Кульчинскій считаетъ виною паденія Никона то, что будто бы Никонъ хотѣлъ и просилъ царя объявить его папою, и будто бы приказалъ уже сдѣлать для себя папскія регаліи. Но великая княжна Ирина Михайловна изъяснила царю, брату своему, что если онъ на это согласится, то не можетъ уже имѣть вмѣстѣ съ папою столицы своей въ Москвѣ. Морозовъ при этомъ увѣрилъ царя, что Никонъ для этой именно цѣли приказалъ напечатать жалованную грамоту Константина великаго папѣ Сильвестру. «Никонъ», продолжаетъ Кульчинскій, «послѣ того перешелъ въ католическую Церковь, и, чтобы не жить съ схизматиками, удалился въ свой Воскресенскій монастырь. Черезъ 4 года опять возвратился было въ Москву; но, такъ какъ не согласился на войну противъ поляковъ, то по именному повелѣнію отосланъ опять назадъ. Потомъ, когда царь повелѣлъ своему духовенству судить его, Никонъ послалъ аппеляцію къ папѣ; а потому царь принужденъ былъ дѣло это перенесть на судъ греческихъ патріарховъ, которые его, какъ еретика, осудили и отослали въ одинъ, на Волгѣ находящійся, монастырь [2].» Быть можетъ, что и

---

[1] Дворц. разр. т. III, стр. 413. 461. Ист. р. ц. 1850 IV, стр. 239. 240.

[2] Слов. пис. д. чина, въ концѣ статьи: Никонъ патр. Ср. Берх. 1. стр. 224. 225.

дѣйствительно обвиняли Никона предъ царемъ въ стремленіи сдѣлаться папою, какъ вообще обвиняли его въ стремленіи къ самовластію. Но, чтобы самъ Никонъ былъ виновенъ въ этомъ, на то нѣтъ и не можетъ быть никакихъ доказательствъ [1]. Напротивъ, Никонъ не терпѣлъ латинства, и соборъ, осудившій Никона, не только его самого не обвиняетъ въ склонности къ латинскимъ догматамъ, но и говоритъ, что Никонъ «называлъ» русскую Церковь преклонившеюся къ латинскимъ догматамъ «ради газскаго митрополита Паисія [2].»

Татищевъ новой клеветой на Никона дополняетъ обвиненіе, взводимое на патріарха іезуитомъ Кульчинскимъ. Онъ говоритъ, что Никонъ первый изъ отечественныхъ первосвятителей приказалъ ставить на церквахъ по пяти главъ, вмѣсто прежней будто бы всегда одной, и подъ четырьмя изъ нихъ боковыми разумѣлъ 4-хъ вселенскихъ патріарховъ, а подъ пятою — среднею и самою большею — себя самаго, какъ главу ихъ, въ качествѣ папы [3]. Далѣе: будто бы Никонъ не только повредилъ кормчую книгу, внесеніемъ въ нее правилъ о судѣ церковномъ, и въ частности — грамоты Константина великаго папѣ Сильвестру, но и прямо сочинилъ эту книгу, по своимъ выдумкамъ. Еще: будто бы Никонъ, съ цѣлію возвысить санъ патріаршій предъ царскимъ, измѣнилъ во всѣхъ лѣтописяхъ слова: «посла князь», или «повелѣ князь» митрополиту или епископу, на выраженіе: «моли князь». Но всѣ эти клеветы такъ неосновательны, что ниспровергаются даже при поверхностномъ знакомствѣ съ исторіею отечественной Церкви. Издревле, далеко прежде Никона, существовали въ Россіи церкви одноглавыя и пятиглавыя. Такихъ церквей немало сохранилось и до нашего времени въ нашихъ древнѣйшихъ городахъ: Кіевѣ, Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ, Черниговѣ и др. [4]. Даже можно напротивъ сказать, что Никонъ, если бы хотѣлъ держаться западнаго обычая при сооруженіи церквей,

---

[1] См. замѣчаніе о папствѣ Никона въ концѣ жизнеоп. Никона, составл. арх. Аполлосомъ. 1845. [2] См. извѣстіе о низложеніи Никона, въ вивл. VI. № II. [3] Ист. Р. кн. II, стр 428. [4] Пам. и др. 1 стр. LVII.

то долженъ былъ бы строить церкви одноглавыя, а не пятиглавыя. Церкви съ 5-ю главами—принадлежатъ преимущественно стилю греческому. Справедливо только то, что въ патріаршій періодъ исторіи нашей Церкви умножились въ Москвѣ пятиглавые храмы [1]. Обвиненіе Никона въ подложномъ будто бы изданіи кормчей книги опровергается свидѣтельствомъ самой кормчей: въ ней въ концѣ означено, что она начата печататься при патріархѣ Іосифѣ съ 7 ноября 7158 года (1650), и только въ свѣтъ издана Никономъ въ лѣто 7161 (1653), въ первый годъ его патріаршества, съ нѣсколькими измѣненіями, сдѣланными, какъ мы уже замѣчали, по указанію преимущественно древнихъ греческихъ и славянскихъ списковъ кормчей. Наконецъ, послѣднее обвиненіе, будто бы Никонъ замѣнилъ слово «повелѣ князь» словомъ «моли князь», опровергается свидѣтельствомъ древнѣйшихъ отечественныхъ лѣтописей, не бывшихъ въ рукахъ Никона: здѣсь Шлецеръ видѣлъ неоднократно выраженіе «моли князь» и проч. Впрочемъ, и самъ Татищевъ сознается, будто бы эту перемѣну сталъ дѣлать еще митрополитъ Макарій при исправленіи Кипріановыхъ степенныхъ книгъ [2].

Татищевъ передаетъ еще слѣдующее извѣстіе о причинахъ неудовольствія между царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и патріархомъ Никономъ. «Одинъ дворянинъ,» говоритъ онъ, «убившій брата и невѣстку для полученія деревень, составлявшихъ ихъ помѣстье, осужденъ былъ по законамъ къ смерти. Видя неизбѣжную казнь, онъ подкупилъ царскаго духовника, чтобы исходатайствовалъ ему у царя прощеніе. Государь отказалъ духовнику въ исполненіи его ходатайства, а духовникъ дерзнулъ отлучить за это царя отъ причащенія св. таинъ. Царь жаловался на духовника Никону; но патріархъ не только не уничтожилъ, а напротивъ подтвердилъ и одобрилъ распоряженіе духовника. Государь сталъ питать послѣ того неудовольствіе противъ Никона, и не хотѣлъ видѣться

[1] Пам. и. др. 1. стр. LVII.

[2] Слов. пис. д. чина, ч. 2, въ статьѣ: патр. Никонъ.

съ патріархомъ. Раздраженный патріархъ оставилъ самовольно паству, и уѣхалъ изъ Москвы въ воскресенскую обитель. Тщетно призывала его паства, скорбѣвшая о его отсутствіи [1].» Но если Никонъ дѣйствительно подтвердилъ духовниково запрещеніе, то, значитъ, онъ уже имѣлъ *негодованіе* противъ царя, а за что, въ разсказѣ Татищева нѣтъ объ этомъ ни слова; притомъ, вѣроятно ли, чтобы духовникъ для спасенія убійцы продалъ свою душу, совѣсть, вѣру, и сдѣлалъ такую дерзость въ отношеніи къ царю, а патріархъ сталъ поддерживать недостойнаго духовника? Наконецъ, по законамъ того времени, *вотчина* была наслѣдственна, а *помѣстье* составляло временное имѣніе, которое давалось вмѣсто жалованья [2]. Слѣдовательно, убійца не могъ бы воспользоваться помѣстьемъ своего брата [3].

Кромѣ того, иностранцы писали, будто бы Никонъ противился разводу царя Алексѣя Михайловича съ первою его супругою, или, по другимъ, второму браку его, по смерти первой супруги [4]: но въ первомъ случаѣ царица была бы защитницею Никона, тогда какъ, напротивъ, извѣстно, что она была непріязненна Никону. А вторая половина этого обвиненія—въ большомъ разладѣ съ исторіею и хронологіею: смерть первой супруги царя случилась уже въ 1669 году, когда Никонъ томился въ заточеніи. Притомъ, Никонъ и въ заточеніи своемъ радовался второму браку царя, и принялъ съ живѣйшею признательностію свадебные подарки [5].

Были изъ иностранцевъ и такіе, которые разглашали, будто Никонъ, подкупленный большими деньгами отъ польскаго короля, возбудилъ русскій народъ къ бунту, который не иначе могъ быть усмиренъ, какъ пролитіемъ крови многихъ тысячь людей [6]. Но виновникомъ бунта въ Москвѣ, какъ извѣстно, было корыстолюбіе нѣкоторыхъ бояръ, и особенно

---

[1] См. прим. Татищ. на судебникъ. Ср. повѣствш. о росс. Арцыбаш. ч. 2. стр. 144.
[2] Улож. гл. XVII. [3] Р. ист. Глинки, ч. VI. стр. 67.
[4] Ц. ист. Иннокентія, ч. 2. стр. 560. [5] См. у Шушерина.
[6] У Бакмейстера—въ концѣ книжки. и у Берха, ч. 1. стр. 227.

Морозова. Бунтовщикомъ и взяточникомъ Никонъ никогда не былъ: напротивъ, онъ опасностію собственной жизни укрощалъ народные мятежи, неумолимо преслѣдовалъ корыстолюбіе бояръ, и щедрою рукою благодѣтельствовалъ бѣднымъ.

Наконецъ, въ рижской газетѣ 1670 года отъ 19 ноября было, между прочимъ, напечатано, будтобы Никонъ низложенъ за то, что позволилъ лютеранамъ, кальвинистамъ и папистамъ ходить въ русскія церкви; что̀ у нашихъ предковъ считалось несогласнымъ съ христіанствомъ. Низверженный Никонъ, прибавляетъ газета, собралъ будто бы войско, и хотѣлъ за свое безчестіе отмстить царю войною. Послѣ того, газета нашла нужнымъ похвалить Никона за терпимость его къ иновѣрнымъ, оправдать его дѣйствія, и при этомъ высказать нѣсколько обидныхъ порицаній царю. Царь искалъ у шведскаго правительства наказанія издателю этой газеты [1]. Правда, тогдашнее правительство наше внимательно изслѣдовало, сколько жило съ патріархомъ въ Воскресенскомъ монастырѣ иновѣрцевъ, и кто они, и кто изъ иностранцевъ посѣщаетъ Никона [2]. По причину такихъ дѣйствій правительства объясняетъ Шушеринъ: опасались, говоритъ онъ, чтобы Никонъ въ состояніи гнѣва не сталъ обвинять царя предъ иностранцами въ какихъ нибудь неодобрительныхъ поступкахъ, и не раскрылъ имъ тайнъ нашего двора. Вѣрно и то, что враги Никона впослѣдствіи клеветали на него, будто онъ «строитъ крѣпости (монастыри), собираетъ войско, приготовляетъ оружіе,» и т. д. [3]; но чтобы Никонъ когда либо допустилъ возникнуть въ себѣ такой мысли, на это нельзя представить никакихъ основаній. О терпимости Никона къ иновѣрцамъ вотъ что пишетъ одинъ очевидецъ его: «въ Москвѣ множество франковъ, шведовъ и англичанъ; но патріархъ Никонъ изгналъ ихъ изъ города, потому что ненавидитъ всякаго рода еретиковъ. Непосредственною причиною изгнанія

---

[1] Слов. пис. д. чина, въ статьѣ: Никонъ патріархъ.

[2] Собр. госуд. грам. и догов. т. IV, № 37. 38.

[3] Впослѣдствіи узнаемъ это обстоятельнѣе.

было то, что во время одного крестнаго хода по улицамъ города онъ замѣтилъ, что эти люди не снимаютъ шапокъ, и не крестятся предъ св. крестами и иконами. Онъ вытребовалъ у государя выслать ихъ изъ всѣхъ православныхъ городовъ и крѣпостей, и чтобъ впередъ они жили за городскими стѣнами, исключая тѣхъ, которые примутъ православіе. Онъ велѣлъ уничтожить церкви и церковки, которыя они здѣсь издавна имѣли, равно какъ и мечети татаръ. Болѣе всѣхъ пострадали армяне, особенно во множествѣ жившіе въ Астрахани. Велѣно было разрушить ихъ церкви, и имъ запретили носить московское платье. Одинъ армянинъ, бывшій придворнымъ переводчикомъ, просилъ у Никона позволенія носить московское платье, и подкрѣпилъ свою просьбу приложеніемъ 50,000 рублей; но и это не приклонило патріарха на милость [1].»

Такимъ образомъ, всѣ изложенныя разнообразныя причины неудовольствій между царемъ и патріархомъ, несогласныя съ тѣми причинами, какія представлены въ нашемъ изслѣдованіи, показываютъ только то, какъ можетъ разнообразиться молва, основанная на однихъ догадкахъ, и до какихъ странныхъ видовъ она въ состояніи доходить! Каждый изъ писателей полагаетъ на нее печать своего образа воззрѣнія на предметы. «Можетъ быть,» заключимъ словами Левека, «появятся и еще историки, которые захотятъ признавать Никона злодѣемъ! Такъ-то любятъ даже безъ доказательствъ умножать число виновныхъ [2].» Но возратимся къ изложенію дальнѣйшей исторіи патріарха Никона.

По удаленіи въ Воскресенскій монастырь, Никонъ жилъ въ немъ самымъ строгимъ подвижникомъ, представляя въ себѣ для братіи образецъ иноческихъ трудовъ. По прибытіи въ обитель,

---

[1] Странств. антіох. патр. Макарія, описс. архид. Павломъ. Б. для чт. XV, III, стр. 101. Свидѣтельство Павла подтверждается и актами историч., также показаніями другихъ писателей. См. дополн. къ ист. акт. т. III, № 121. Ср. Берх. 1. стр. 223. [2] Слов. писат. д. чина, въ статьѣ: Никонъ п.

онъ облекся въ бѣдную и грубую одежду [1], надѣлъ на себя желѣзныя вериги, и всецѣло посвятилъ себя молитвѣ, посту и тѣлеснымъ трудамъ. Въ черной монашеской мантіи, только съ источниками, онъ первымъ являлся въ церковь къ богослуженію, и послѣднимъ выходилъ изъ нея. Каждый день, по окончаніи литургіи, онъ со слезами выслушивалъ молебенъ пресвятой Богородицѣ, «поемый во всякой скорби душевной и обстояніи.» Келейное правило исполнялъ со всею точностію, по уставу Анзерскому, и продолжалъ до глубокой ночи. Постъ его былъ постоянный и самый строгій. Пищу его составляли хлѣбъ, огородныя овощи, и въ праздники, говоритъ Шушеринъ, мелкая рыба; питьемъ служила вода. Между тѣмъ, въ простой бараньей шубѣ, въ рясѣ «изъ власъ агнчихъ пепеловиднаго цвѣта [3]», подпоясанный усменнымъ поясомъ, покрытый куколемъ, Никонъ, съ простою тростію въ рукѣ, первымъ являлся среди всѣхъ монастырскихъ работъ. Самъ съ братіею ловилъ для обители рыбу; копалъ вокругъ монастыря рвы и пруды, и наполнялъ ихъ рыбою; строилъ мельницы, разводилъ огороды и плодовые сады; рубилъ лѣсъ подъ посѣвъ хлѣба, разширялъ и удобрялъ поля; осушалъ болота рвами; улучшалъ покосы, косилъ и убиралъ сѣно: всегда и вездѣ являлся примѣромъ трудолюбія, исправности и благоразумной опытности; первый исходилъ на всякое дѣло, и послѣ всѣхъ полагалъ конецъ своимъ трудамъ.

Во время постовъ, установленныхъ св. Церковію, Никонъ умножалъ свои подвиги. Во 150 саженяхъ отъ обители, на берегу рѣки Истры, онъ устроилъ для уединенія и совершеннаго безмолвія пустыню, съ двумя церквами, по примѣру церквей на Аѳонской горѣ у пустынныхъ отцевъ [4]. Сюда-то онъ удалялся во время св. постовъ, оставляя общежительную обитель, для совершеннаго пустыннаго уединенія и безмолвія.

---

[1] См. у Шушерина. [2] Молебенъ служили на греческомъ языкѣ и греческимъ напѣвомъ. Шушер. [3] Такъ говоритъ Шушеринъ. [4] Подобныя же пустыни были имъ устроены и при Иверскомъ монастырѣ См. акт. ист. IV, № 109.

Здѣсь на единѣ съ собою и Богомъ, изнурялъ плоть свою, и возвышалъ духъ свой къ Господу постоянною молитвою, постомъ, колѣнопреклоненіемъ и поклонами. Сонъ его тогда былъ не болѣе трехъ часовъ въ сутки.

Особеннымъ предметомъ попеченій его и трудовъ была начатая имъ дивная по своему плану церковь Воскресенія Христова. Главное вниманіе Никона было сосредоточено на успѣхѣ и исправности работъ по ея сооруженію. Теперь онъ говорилъ самъ въ себѣ вмѣстѣ съ Давидомъ: «*едино просихъ отъ Господа, то взыщу: еже жити ми въ дому Господни вся дни живота моего, зрѣти ми красоту Господню, и посѣщати храмъ святый Его!*» При попечительномъ его и неусыпномъ надзорѣ, строеніе церкви совершалось успѣшно. Никонъ самъ носилъ кирпичи для нея, побуждая и поощряя своимъ примѣромъ къ тому же дѣлу и братію своего монастыря.

Такъ было во всѣ работные дни. Въ праздники и царскіе дни, говоритъ Шушеринъ, Никонъ являлся архипастыремъ. Въ простой, но благообразной архіерейской одеждѣ, съ архипастырскимъ жезломъ въ рукѣ, входилъ тогда Никонъ въ церковь, и совершалъ божественную литургію, по чинопослѣдованію архіерейскому. Въ это время онъ рукополагалъ въ построенные имъ монастыри іеродіаконовъ и іеромонаховъ, и посвящалъ архимандритовъ, и поставлялъ въ монастырскія села священниковъ По совершеніи литургіи, онъ раздѣлялъ съ братіею монастыря общую монастырскую трапезу.

Въ часы, свободные отъ трудовъ, молитвы и послушанія монастырскаго, Никонъ посвящалъ себя чтенію духовныхъ книгъ. Здѣсь онъ продолжалъ, между прочимъ, составлять свою лѣтопись. Изображая превратности царствъ, народовъ и частныхъ людей, Никонъ точнѣе узнавалъ цѣну своего крестнаго испытанія въ сладостномъ уединеніи Новаго Іерусалима.

Среди строгихъ подвиговъ благочестія, Никонъ не забывалъ и дѣлъ милосердія, которое составляло какбы душу его жизни. Онъ повелѣлъ братіи принимать и покоить въ обители всѣхъ странниковъ и пришельцевъ, которые приходили сюда

во множествѣ для поклоненія святынѣ. Онъ питалъ ихъ нерѣдко вмѣстѣ съ собой въ трапезѣ, и содержалъ въ обители до трехъ дней на счетъ монастыря, и не только людей, но «и самый ихъ скотъ», говоритъ Шушеринъ. Нерѣдко случалось, что въ обитель Никона уклонялись для успокоенія утомленные ратники, возвратившіеся въ отчизну съ поля битвы. Никонъ самъ угощалъ ихъ въ братской трапезѣ, и даже омывалъ имъ ноги, по заповѣди евангельской, говоритъ Шушеринъ [1]. Въ иные дни такихъ гостей было у Никона до двухъ и трехъ сотъ. Совершая это самъ въ Воскресенской обители, Никонъ завѣщавалъ намѣстникамъ тоже дѣлать въ прочихъ своихъ монастыряхъ. Онъ хотѣлъ вдохнуть во всю свою братію духъ христіанскаго милосердія.

Приходили ли къ Никону люди, желавшіе посвятить себя на всецѣлое служеніе Богу въ Воскресенской обители; онъ никого изъ нихъ не отсылалъ отъ себя, памятуя слово Господа: *грядущаго ко Мнѣ не имѣю вонъ* [2]. Брать «вклады» съ поступающихъ вновь въ его обитель не было въ обычаѣ у Никона; напротивъ, онъ самъ давалъ новопоступившему иноку всю монашескую одежду.

Царю извѣстны были всѣ высокіе подвиги Никона въ Воскресенскомъ его уединеніи. Поэтому, благочестивый государь нерѣдко присылалъ ему богатую милостыню—по тысячѣ и по двѣ тысячи рублей, говоритъ Шушеринъ. Кромѣ того, нерѣдко отправлялъ съ своего сытнаго двора множество различныхъ яствъ и питій для братской трапезы. Всякій разъ, когда случалась какая нибудь особенная радость въ домѣ царя, Никонъ получалъ отъ государя богатые подарки. Въ день тезоименитства особъ царскаго дома, къ Никону посылались имянинные пироги, какъ бывало всегда и прежде до удаленія его въ Воскресенскій монастырь [3].

---

[1] Такъ поступали въ то время и многіе благочестивые люди. См. напр. жизнь Ордына-Нащокина, у Терещенки стр. 30—70, т. 1.

[2] Тоже предписывалъ онъ и настоятелю Иверской обители. Акт. ист IV. № 71.

[3] Временн. т. XIII. матер. стр. 4. 5. 9. 11. 27. 56. 60. Ср. жизнеоп. Никона, сост. А Аполл. стр. 46. Дворц. разр. т. III, стр. 357. 364. 409 и др.

Особенную милость патріарху оказалъ государь въ томъ, что передалъ въ полное его распоряженіе построенныя имъ обители, со всѣми угодьями, землями и людьми, имъ принадлежащими. Царь запретилъ даже своимъ чиновникамъ брать обыкновенные государственные поборы съ монастырскихъ крестьянъ, приписанныхъ къ обителямъ Никона. Кромѣ того, онъ назначилъ Никону каждогодную плату за камскія соляныя варницы въ 2000 рублей.

При помощи всѣхъ этихъ средствъ и пособій Никонъ воздвигалъ выше и выше храмъ Воскресенія Господня въ своемъ новомъ Іерусалимѣ.—Но злоба и зависть, удалившія патріарха изъ столицы въ пустынное изгнаніе, не переставали и здѣсь возмущать миръ его души [1]. Только заботливое сердце царя все еще было обращено къ прежнему своему другу—патріарху Никону [2].

Прошелъ годъ по удаленіи Никона въ Воскресенскій монастырь. Въ Москвѣ тогда распространился слухъ, будто крымскій ханъ идетъ на Россію. Сердце царя обратилось съ дружескою заботливостію къ патріарху, жившему въ беззащитномъ Воскресенскомъ монастырѣ. Къ нему отправленъ былъ думный дьякъ Алмазъ Ивановъ съ порученіемъ — предложить Никону переселиться въ другое безопаснѣйшее мѣсто. «Индѣ, кромѣ Москвы, ближнихъ градовъ нѣтъ», отвѣчалъ ему Никонъ на предложеніе, и потомъ продолжалъ: «и здѣ намъ пребыти не у чего, а въ дальнія мѣста ѣхать не на чѣмъ, и ты царскому величеству доложи, гдѣ намъ изволитъ жить» [3]. Дьякъ отправился обратно въ Москву. Между тѣмъ патріархъ давно уже всего болѣе желалъ личной бесѣды съ царемъ. Въ монастырѣ заговорили, что орда уже приближается къ самымъ московскимъ предѣламъ. Никонъ поспѣшилъ за Алмазомъ въ Москву. Здѣсь онъ

---

[1] См. возраж. Никона на 19 вопр. Стрѣшнева. [2] См. гр. Ник. къ конст. патр. Діонисію. [3] Это происшествіе Никонъ подробно описываетъ въ грам. къ конст. Діонисію.

остановился на Воскресенскомъ подворьѣ, и далъ знать о себѣ царю. Вмѣсто радушнаго пріема, какого ожидалъ Никонъ, отправленъ былъ къ нему тотъ же Алмазъ Ивановъ съ вопросомъ: «Зачѣмъ онъ пріѣхалъ?» — «По присылкѣ царскаго величества и для ради варварскаго нахожденія», отвѣчалъ Никонъ. Отвѣтъ Никона былъ переданъ царю. Три дня послѣ того Никонъ не получалъ отъ царя никакой вѣсти. Наконецъ, дума царская присудила отослать Никона въ колязинскій монастырь. Съ такимъ объявленіемъ опять отправленъ былъ къ нему Алмазъ Ивановъ. «Не лучше ли въ Зачатейскій монастырь, что̀ въ Китаѣ городѣ, въ углу, у Зачатія?» сказалъ ему Никонъ. «Да тамъ тюрьма», отвѣчалъ дьякъ. «О томъ-то и я говорю», замѣтилъ Никонъ [1], и продолжалъ: «аще не угодно царскому величеству наше пришествіе, миръ и благословеніе, то мы пойдемъ въ свое строеніе, въ Воскресенскій монастырь, а въ Колязинъ монастырь не йдемъ» [2]. «Поѣзжай, не упрямься, чтобъ большаго дурна не учинилось», возразилъ дьякъ. Но Никонъ просилъ свиданія и личнаго объясненія съ государемъ. Государь прислалъ къ нему того же дьяка спросить: «о какихъ нуждахъ хочетъ онъ говорить съ государемъ?» Никонъ не далъ отвѣта дьяку. Наконецъ, государь снова прислалъ къ Никону того же дьяка сказать, чтобы онъ явился во дворецъ вечеромъ. Въ назначенное время Никонъ допущенъ былъ до личнаго свиданія съ царемъ, впрочемъ въ присутствіи бояръ. Никону оказаны были всѣ почести патріаршія: царь и бояре принимали отъ него благословеніе, и царь даже посадилъ Никона возлѣ себя на томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ онъ въ счастливые годы своего патріаршества [3]. Но искренняго разговора у него съ царемъ не было. Даже не упомянуто было въ рѣчахъ и объ оставленіи Никономъ патріаршаго престола [4]. Только государь далъ Никону позво-

---

[1] Шушеринъ. [2] Грам. Никона къ конст. патр. Діонисію. Ркп. Воскр. мон. [3] Объ этомъ говоритъ Никонъ въ возраж. на 17 вопр. Стрѣшнева, съ такимъ замѣчаніемъ: «якоже вси вѣдятъ, бывшіи ту.»

[4] «Вѣдая нашему отшествію вину,» говоритъ Никонъ, «государь царь ни-

леніе, осмотрѣть, если онъ захочетъ, построенные имъ монастыри, и потомъ звалъ его въ слѣдующій день на царскій обѣдъ; но Никонъ отказался, сказавшись, что рано утромъ думаетъ ѣхать изъ Москвы. По выходѣ отъ царя, Никонъ посѣтилъ царицу и всѣхъ членовъ царскаго семейства, и затѣмъ возвратился на свое подворье. На другой день онъ уже опять жилъ въ воскресенскомъ уединеніи.

Спустя два мѣсяца послѣ возвращенія изъ Москвы въ Воскресенскій монастырь, Никонъ, частію по желанію осмотрѣть основанные имъ монастыри, частію по открывшемуся въ Воскресенскомъ монастырѣ недостатку средствъ къ содержанію [1], отправился сперва въ монастырь Иверскій, а потомъ—отсюда—въ Крестный. Изъ Воскресенскаго монастыря въ Иверскій и Крестный вызвался сопровождать Никона одинъ іеродіаконъ Ѳеодосій, прибывшій сюда изъ Москвы, и сказавшійся гонимымъ отъ митрополита Питирима за приверженность къ Никону. Никонъ принялъ его и приблизилъ къ себѣ. Но въ Крестномъ монастырѣ поведеніе Ѳеодосія показало въ немъ человѣка подозрительнаго. При допросѣ онъ сознался, что подосланъ отравить патріарха. Чаша съ отравой уже была выпита Никономъ; но Господь, сохранившій святителя невредимымъ отъ подобной опасности еще въ отрочествѣ, не допустилъ ему умереть и теперь [2]. Никонъ отправилъ Ѳеодосія къ царю, вмѣстѣ съ письмомъ о злыхъ его умыслахъ. Въ Москвѣ Ѳеодосій сперва не хотѣлъ признаваться въ своемъ покушеніи на жизнь патріарха, а потомъ открыто сознался, что онъ вино-

---

чтоже намъ о семъ возвѣстилъ.» Тамъ же.» Государь царь свои очи далъ видѣти, и въ сидѣніи ничтоже отмѣнилъ, зная мою неповинность предъ нимъ государемъ. См. возр. на 17 вопр. Стрѣшн.

[1] «Терпѣли есмы недостатокъ харчевъ нашихъ,» говоритъ Никонъ въ грам. къ Паисію Лигариду. Также: «оскудѣвшимъ намъ потреба тѣлеснымъ, отъидохомъ во Иверскій монастырь.» См. возраж. на 17 вопр. Стрѣшнева.

[2] Однакожь Никонъ писалъ въ грамотѣ къ Паисію Лигариду: «есмы въ большой кручинѣ и болѣзни; правда Божія отъ смертной отравы насъ сохранила, но ради грѣховъ моихъ допустилъ Богъ доткнутися ей внутреннимъ моимъ, и для того мучимся тою злою порчею, и чаемъ, что не долго житіе будетъ.»

венъ въ томъ, о чемъ писалъ Никонъ царю. Царь отдалъ виновнаго въ полное распоряженіе Никона. Патріархъ благодарилъ царя, и отвѣчалъ, что въ своемъ дѣлѣ не можетъ быть судіею, и не желаетъ зла врагамъ своимъ. Чье это было орудіе—изслѣдованіе не открыло. Но Никонъ былъ увѣренъ, что это былъ «митрополита крутицкаго злой діаконъ», подосланный имъ искать смерти ненавистнаго патріарха. И самый Ѳеодосій показывалъ, будто послали его митрополитъ Питиримъ и чудовскій архимандритъ Павелъ [1]; но подробнѣйшее изслѣдованіе дѣлъ было оставлено.

Между тѣмъ, дѣла церковнаго правленія пришли въ большое разстройство. Все, что дѣлалъ истинно полезнаго для Церкви Никонъ, было теперь объявлено суевѣрами вреднымъ для чистоты православія, Никоновымъ-еретическимъ преданіемъ [2]. Бѣды Никона были бѣдою и для училищъ, основанныхъ Никономъ. Ревнители просвѣщенія подверглись въ народѣ нареканію въ измѣнѣ православію [3]. Мятежные расколоучители открыто начали возставать противъ новоисправленныхъ книгъ, и—вмѣстѣ противъ ихъ просвѣщенныхъ исправителей. Никоново исправленіе богослужебныхъ книгъ, говорили они, угрожаетъ паденіемъ вѣрѣ. Суевѣры сдѣлались теперь столько сильны, что успѣли возвратить въ Москву изъ Сибири протопопа Аввакума, и Аввакумъ въ столицѣ принимаемъ былъ съ честію. Въ тоже время они открыто просили царя свергнуть Никона, и возглашали въ народѣ, что Никонъ въ немилости у царя за исправленіе богослужебныхъ книгъ. Благочестивый государь укрощалъ по возможности возмущеніе суевѣровъ [4]: повелѣвалъ ловить возмутителей народнаго спокойствія, и предавать строгому наказанію. Но эти мѣры не истребляли и даже не останавливали распространенія раскола.—Съ другой стороны, монастырскій приказъ вступилъ

---

[1] Кромѣ Шушерина и самаго Никона, говоритъ объ этомъ и Паисій Лигаридъ въ своемъ представленіи царю о необходимости скорѣе кончить дѣло Никона. Собр. госуд. гр. IV. № 119. [2] См. грам. Ник. къ конст. патр. Діонисію. [3] Слов. писат. д. чина, въ статьѣ о Никонѣ. [4] Шушеринъ.

теперь въ полное распоряженіе дѣлами церковными, и производилъ большіе безпорядки въ Церкви [1]. Прежнія опредѣленія Никона теперь подвергались измѣненію въ монастырскомъ приказѣ [2]. Даже начали говорить, что самъ Никонъ, отходя изъ Москвы, «на волю монастырскаго приказа положился въ судѣ, какъ онъ изволитъ. [3]» Наконецъ, самое духовенство, которое до совершеннаго удаленія Никона въ воскресенское уединеніе оставалось только въ числѣ безмолвныхъ зрителей бѣдствій Никона, теперь открыто пристало къ сторонѣ враговъ и недоброжелателей патріарха.

Можетъ быть духовные давно уже были недовольны строгимъ и взыскательнымъ патріархомъ; но собственная власть его и особенно сила у царя заграждали для нихъ всякое покушеніе къ возстанію противъ него. Теперь, удаленіе Никона въ Воскресенскій монастырь развязало имъ, такъ сказать, руки и языкъ. Но, прежде нежели покажемъ дѣйствія ихъ противъ Никона, объяснимъ причины самаго недовольства ихъ Никономъ, имѣя въ виду преимущественно ближайшія къ патріарху лица.—При кроткомъ, но слабомъ предшественникѣ

---

[1] Съ глубокими, тяжкими вздохами, во многихъ мѣстахъ своихъ возраженій на вопросы Стрѣшнева, говоритъ Никонъ о церковныхъ безпорядкахъ въ это время между-патріаршества. Здѣсь Никонъ представляется оплакивающимъ какбы опустошеніе отечественной Церкви въ его время отъ вмѣшательства свѣтскихъ властей въ правленіе церковное,—оплакивающимъ это опустошеніе подобно, какъ онъ самъ говоритъ, пророку Іереміи, плакавшему надъ развалинами Іерусалима. См. возраж. на 23, 24, 26 и 27 вопр.

[2] Грамотой отъ 15 марта 1658 г. Никонъ далъ полоцкому Богоявленскому монастырю право ставропигіи. См. вивл. III, стр. 346. Но царскою грамотою отъ 21 февр. 1659 года это распоряженіе Никона отмѣнено. — Также: Никонъ подвергъ епитиміи двухъ іеродіаконовъ Кирилло-бѣлоезер. мон.; но въ августѣ 1658 года писали въ Кирилло-бѣлоезер. мон. отъ имени царя: «въ нынѣшнемъ году... отецъ и богомолецъ бывшій патріархъ Никонъ оставилъ престолъ, а запрещенныхъ черныхъ діаконовъ, Кипріана и Іону простилъ и разрѣшилъ. Акт. эксп. IV, № 108. Но Никонъ говорилъ по этому случаю, что монаст. приказъ разрѣшаетъ тѣхъ, кого связываетъ церковная власть. См. возраж. на 26 вопр.

[3] «Никогда, никогда,» отвѣчалъ на это Никонъ, «никогда Никонъ чрезъ Божественныя велѣнія не глаголетъ, ни хочетъ, да что будетъ, но глаголетъ Никонъ: Божественные законы не повелѣваютъ мірскимъ людемъ возложенными Господеви обладати, движимыми и недвижимыми вещьми, ниже судити.» См. тамъ же.

Никона, престарѣломъ Іосифѣ, какъ бояре, такъ духовные распоряжались дѣлами Церкви по собственному произволу. Патріархъ существовалъ почти только по имени, и подтверждалъ распоряженія подчиненныхъ ему пастырей. Довольно уже того въ подтвержденіе этой мысли, что справщики книгъ исправили тогда книги по своему мудрованію, а не по благочестивому желанію и намѣренію патріарха, и тѣмъ менѣе по ожиданіямъ отъ нихъ Церкви. При Никонѣ настало другое время. Здѣсь дѣйствовалъ одинъ Никонъ. Прочія церковныя власти должны были только слушать его, и исполнять его волю. По дѣйствію этой-то могучей воли, нетерпѣвшей слышать ни отъ кого возраженій, Никонъ совершилъ во дни своего архипастырскаго служенія столь много истинно полезнаго для Церкви. Но эта же предпріимчивая, рѣшительная и непреклонная въ своихъ стремленіяхъ воля Никона вовлекла его въ непріятныя столкновенія съ людьми, раздѣлявшими съ нимъ бремя церковнаго правленія. Мы видѣли, что Никонъ имѣлъ неудовольствіе еще съ патріархомъ Іосифомъ, по случаю исправленія богослужебнаго порядка и церковнаго пѣнія. Можетъ быть, его постигло бы и тогда же какое нибудь наказаніе отъ патріарха, если бы не поддерживалъ его самъ царь. Никонъ дѣлается патріархомъ; между тѣмъ остаются въ сторонѣ лица, считавшія себя достойными занять это высокое служеніе. И вотъ о Никонѣ говорятъ: «напрасно онъ величается; мы сами— старѣе его въ попахъ»[1]. Никонъ дѣйствуетъ самостоятельно, такъ какъ будто бы и не было при немъ прочихъ архіереевъ; на него гнѣваются. Наконецъ, Никонъ судитъ, осуждаетъ и извергаетъ епископа (Павла коломенскаго), упорнаго въ расколѣ; прочіе архипастыри, составлявшіе постоянный соборъ при патріархѣ, скрываютъ въ своемъ умѣ до времени мысль, что Никонъ самовольно дѣйствуетъ въ управленіи Церковію. Не говоримъ уже о тѣхъ изъ духовныхъ, которые сами тайно или явно держались раскола; не говоримъ и о низшемъ духо-

[1] См. возраж. Ник. на 23 вопр. Стрѣшнева. Сравн. прим. 645.

венствѣ, которому не могла нравиться строгая взыскательность патріарха.

Никонъ, жаловались также въ свое время, унижалъ будтобы архіереевъ и въ частномъ обращеніи съ ними. Помня слово Апостола, говорилъ о себѣ Никонъ,—*ина слава солнцу, ина слава лунѣ, и ина звѣздамъ*, онъ съ высоты патріаршаго престола не хотѣлъ нисходить въ обращеніи съ подчиненными ему архіереями до совершеннаго равенства съ ними [1]. Признавая въ нихъ своихъ братій о Христѣ и сослужителей, Никонъ въ тоже время различалъ церковное и гражданское значеніе власти патріарха и подчиненныхъ ему архіереевъ. Привыкшіе, при кроткомъ предшественникѣ Никона, мѣряться, такъ сказать, честію съ патріархомъ, честолюбивые изъ духовенства хотѣли видѣть такоеже уваженіе къ ихъ личностямъ и отъ Никона. Никонъ не соотвѣтствовалъ ихъ ожиданіямъ; они распространили слухъ, что Никонъ «не хочетъ называть ихъ братіею, особенно—архіереевъ, имъ самимъ посвященныхъ, но и вельми унижаетъ [2]».

Наконецъ, у нѣкоторыхъ изъ архипастырей были еще свои личныя неудовольствія противъ Никона. Жесточайшими врагами его являются: Иларіонъ, м. рязанскій, Питиримъ, митрополитъ крутицкій, и Меѳодій, епископъ мстиславскій. Почему же? Иларіонъ не могъ забыть невинной вины Никона въ отношеніи къ нему, вины той, что Никонъ какбы отстранилъ собой отъ патріаршаго престола отца его, которому первому выпалъ тогда избирательный жребій, и именемъ котораго, какъ дряхлаго старца, Иларіонъ надѣялся править Церковію. Притомъ Иларіонъ былъ родственникъ Павла, епископа коломенскаго: въ мірѣ Иванъ Ананіинъ, онъ былъ женатъ на сестрѣ Павла коломенскаго [3]. Питиримъ, съ низложеніемъ

---

[1] См. возраж. — на 11 вопр. [2] См. 11 вопр. Стрѣшнева. Ркп. рум. муз. № CCCLXXVI. [3] Чт. и. о., ист. и др. р. 1848 № 7. Жизнь Питирима. Ср. Москвит. 1854 г. № 19. Смѣсь, стр. 137. Вотъ нѣкоторыя свѣдѣнія о родинѣ враговъ Никона: *Аввакума* род. въ селѣ Григоровѣ одной губерніи и уѣзда съ патр. Никономъ, верстахъ въ 15-ти отъ родины Никона. Это село принадлежало бояри-

Никона, самъ надѣялся быть патріархомъ, какъ и былъ, хотя недолго, и не въ то время, когда хотѣлъ [1]. Меѳодій слышалъ постоянныя возраженія Никона противъ законности посвященія его въ епископа мстиславскаго и блюстителя каѳедры кіевскаго митрополита [2]. Какъ же имъ было не желать низложенія столь непріязненнаго къ нимъ патріарха [3]?

Итакъ, повторимъ, съ удаленіемъ Никона въ Воскресенскій монастырь, бояре и власти, говоря языкомъ того времени, возстали общими и совокупными силами на Никона: *расторгнемъ отъ насъ узы его, и отвержемъ иго его,*» сказали они сами въ себѣ [4], и — вотъ предлагаютъ царю подъ предлогомъ попеченія о благоустройствѣ Церкви, низложить Никона съ патріаршаго престола соборомъ отечественныхъ архипастырей.—

Салтыковъ и Трубецкой вмѣстѣ съ митрополитомъ Питиримомъ представили царю, что Церковь остается безъ верховнаго пастыря, и что необходимо по этому избрать новаго патріарха. Царь повелѣлъ быть собору. Февраля 16, 7168 (1660) года, составился въ крестовой патріаршей палатѣ соборъ изъ русскихъ и нѣсколькихъ, бывшихъ тогда въ Москвѣ, греческихъ архипастырей. На соборъ явился и самъ царь, въ сопровожденіи своихъ вельможъ. Онъ открылъ первое засѣданіе рѣчію къ архипастырямъ, въ которой объявлялъ, что «святая Божія соборная Церковь, пастыря и жениха неимѣетъ», по случаю оставленія престола патріархомъ Никономъ, и пред-

---

ну Юрію Алексѣевичу Долгорукому, противнику Никона, и приверженцу Аввакума, который величалъ его въ одномъ посланіи вѣрнымъ рабомъ Христовымъ. Павелъ, епископъ коломенскій, род. въ селѣ Лопатищахъ, вблизи Вельяминова и Григорова. Не далеко отъ Лопатищъ, близъ Лыскова, есть село Кирилово — родина Ананіи, отца митр. Иларіона. Этотъ Ананій былъ сперва священникомъ Зачатейскаго монастыря, а потомъ—монахомъ въ Нижегородскомъ монастырѣ. У него были послушниками: патр. Никонъ, архим. Іосифъ, сопровождавшій Никона въ заточеніе, и митр. Иларіонъ.

[1] Тамъ же. [2] См. возраж. Никона на 17 вопр. Стрѣшнева.

[3] Шушеринъ открываетъ еще особенную причину неудовольствій ихъ противъ Никона, когда называетъ всѣхъ ихъ «человѣкоугодниками.»

[4] См. возраж. Никона на 26 вопр. Стрѣшнева.

лагалъ собору разсмотрѣть внимательно дѣло Никона, и прекратить вдовство Церкви [1]. Соборъ объявилъ съ своей стороны полную готовность исполнить волю царя, и опредѣлилъ начать изслѣдованіе дѣла съ слѣдующаго дня. Тѣмъ и окончилось засѣданіе первое. Утромъ 17 февраля опять собрался священный соборъ въ крестовой патріаршей палатѣ. Бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ представилъ на судъ собора доносы разныхъ лицъ на патріарха Никона, и предлагалъ отъ имени государя допросить здѣсь же, по этимъ доносамъ, самихъ доносителей. Доносы касались оставленія Никономъ патріаршаго престола. Двое изъ доносителей—митрополитъ Питиримъ и бояринъ Трубецкой свидѣтельствовали, что Никонъ будтобы, не дослуживъ литургіи, оставилъ престолъ съ клятвою—никогда на него не возвращаться. Но всѣ прочіе показывали только то, что Никонъ «отошелъ» изъ Москвы въ Воскресенскій монастырь, что и безъ того было ясно до очевидности. Сербскій митрополитъ Михаилъ даже явно противился свидѣтельству Питирима. Но за то другіе греки упрекали Никона въ дерзости Амановой, сильно возставали противъ его строптивости, и подавали открытый голосъ «извергнуть» Никона [2]. «И преосвященніи», сказано въ соборномъ свиткѣ, «пріявъ сіи письменныя сказки, свидѣтелей противъ сказокъ на соборѣ допрашивали—священнаго сана по священству, а прочихъ— по святой евангельской непорочной заповѣди». Выслушавъ показанія свидѣтелей объ отшествіи Никона въ Воскресенскій монастырь, соборъ «позналъ: святѣйшій Никонъ патріархъ оставилъ престолъ своею волею». Послали тогоже Салтыкова доложить государю о слѣдствіяхъ соборнаго разсужденія о дѣлѣ Никона, и вмѣстѣ просить государя «о указѣ». Государь повелѣлъ сдѣлать выписку изъ церковныхъ правилъ

---

[1] Никонъ дѣлаетъ выписку изъ дѣяній этого собора въ возраженіи на 17 вопр. Стрѣшнева.

[2] Они имѣли въ этомъ случаѣ свои побудительныя причины. См. б. для чт. XV, III, стр. 95, 96. Никонъ строго обходился съ пріѣзжавшимъ въ Россію испорченными греками.

приспособительно къ винѣ Никона. Соборъ возложилъ это дѣло на архіепископа вологодскаго Маркелла, архіепископа рязанскаго Иларіона, архіепископа псковскаго Макарія, архимандрита чудовскаго Павла и игумена Александро-свирскаго монастыря Симона. Они выписали тѣ правила, въ которыхъ говорится о самовольномъ оставленіи престола епископами, и въ которыхъ эти епископы, самовольно оставляющіе свою паству, подвергаются «отлученію [1].»

Въ третіе засѣданіе, соборъ, основываясь, какъ онъ самъ говоритъ, на этихъ выписанныхъ изъ кормчей книги правилахъ, опредѣлилъ подвергнуть Никона низложенію съ патріаршаго престола даже съ изверженіемъ изъ священнаго сана.

Но явился и поборникъ правды, знаменитый Епифаній Славеницкій. Онъ безбоязненно заговорилъ на соборѣ, противъ всѣхъ одинъ, въ защиту Никона, и объявилъ, что въ правилахъ церковныхъ нѣтъ того, чтобы отрекшагося отъ престола епископа лишали священства. «Долго спорили объ этомъ вопросѣ; согласія не было. Надобно было однакожъ написать рѣшеніе, и представить государю. Но какъ написать? Подвергнуть ли Никона изверженію изъ сана, или только низложить его съ престола? Составить «изреченіе собора» поручено было Епифанію Славеницкому. Ученый мужъ нашелъ средство уладить это дѣло. Онъ составилъ два опредѣленія. Въ одномъ Никонъ осуждался на совершенное низложеніе съ престола съ изверженіемъ изъ сана и ссылкою въ заточеніе. Здѣсь сказано, что патріархъ Никонъ оставилъ свой престолъ,» ни отъ единаго не понуждаемъ, обличаемъ же отъ своея совѣсти, дерзновенно исповѣдавъ предъ людьми посредѣ соборныя церкве недостоинство свое, и сотворивъ отрицаніе, и клятвою клятся, яко аще размыслю взыскати престола своего, да буду анаѳема.» Поэтому соборъ, на основаніи 14, 27, 34 и 35 Апост. правилъ, 25 IV Всел., Двукр. соб. и «иныхъ законовъ цар-

---

[1] Ап. 36. Акт. 17. Двупр. 16. Сард. 12. Карѳ. 82 Ср. посл. отцевъ Ефесскаго собора къ Памфилійскому собору.

скихъ и правилъ соборныхъ и отеческихъ,» и принявъ во вниманіе то, что «Никонъ на себе судъ изнесе, отрицаяся и отвергаяся престола своими устнами, своимъ произволеніемъ, никѣмъ гонимый или понуждаемый,» опредѣлилъ: «судихомъ отвергнутися ему законно и праведно, и всеконечно обнажитися престола и архіерейства, отпасти и отчуждитися совершенно, и вмѣсто его иному рукоположитися, якоже правда ищетъ, постоянно словесному Христову стаду не стояти безъ пастырскаго попеченія и призрѣнія; сего ради да бывшій нашъ патріархъ Никонъ буди извнѣ, и обнаженъ всякаго архіерейскаго дѣйства и благодати, и нпедину волю имѣя прочее во архіерейскія одежды облачатися, и архіерейское служеніе что совершати, яко лишенъ архіерейскія благодати и власти.[1]» Но осторожный Епифаній составилъ въ тоже время и другое опредѣленіе, гдѣ Никонъ подвергался только лишенію патріаршаго престола, съ оставленіемъ въ санѣ архіерейскомъ. Такимъ образомъ, представляя государю то и другое «изреченіе собора», онъ писалъ въ особой по этому предмету грамотѣ: «аще убо есть царства твоего и собора судъ, изреченіемъ да извержется (Никонъ), сице пишется грамота изверженія его [2]; аще же есть мысль и намѣреніе великаго твоего царствія и собора, яко да будетъ токмо лишенъ престола, а не совершенно изверженъ, се знаменовахомъ и другую грамоту сицевую...; но», присовокуплялъ Епифаній, «не яко мы извергаемъ его, ниже изреченіе изрекаемъ, но вопрошени бывше, якоже тече, яже на немъ, вина, отвѣщаемъ, и паки, якоже явится святому твоему царствію и святому собору, сице да будетъ».—Но царь не утвердилъ ни того, ни другаго опредѣленія собора о Никонѣ. Изъ самой нерѣшительности дѣйствій собора не трудно было усмотрѣть пристрастіе въ его сужденіяхъ.

Итакъ, дѣло Никона осталось нерѣшеннымъ. Въ концѣ апрѣля прибылъ въ Москву извѣстный царю своимъ красно-

[1] Рѣп. Воскр. мон.

[2] За тѣмъ слѣдуетъ самое опредѣленіе, которое мы выше выписали.

рѣчіемъ и ученостію архимандритъ полоцкаго Богоявленскаго монастыря Игнатій Іовлевичь. Обратились и къ нему за мнѣніемъ о дѣлѣ Никона. Въ торжественной рѣчи предъ соборомъ ученый архимандритъ говорилъ, что, «не выслушавъ голоса самого патріарха—почему удалился онъ отъ каѳедры, и намѣренъ ли оставить ее навсегда», нельзя составить рѣшительнаго опредѣленія объ отрѣшеніи его отъ управленія Церковію, тѣмъ менѣе объ изверженіи его, и что русскіе епископы не въ правѣ судить своего патріарха безъ сношенія съ восточными патріархами, и поэтому предлагалъ собору производить дѣло Никона «искусно, долгимъ исправленіемъ и многимъ совѣтомъ», и если угодно будетъ собору избрать новаго патріарха, то просить для имѣющаго быть новаго первосвятителя благословенія и согласія у Никона [1].—Этотъ голосъ проникъ въ кроткую душу царя, нехотѣвшаго взять на себя осужденіе патріарха.

Никонъ жилъ въ это время въ своемъ Крестномъ монастырѣ. Царь отправилъ къ нему стольника Пушкина просить разрѣшенія его на избраніе новаго патріарха. Никонъ не отказывался дать это разрѣшеніе; но право назначить себѣ преемника предоставлялъ главнымъ образомъ себѣ. Онъ хорошо зналъ своихъ судей и ненависть, какую они къ нему питали. Кромѣ того, онъ просилъ, чтобы въ непосредственное и исключительное его завѣдываніе отданы были построенные имъ монастыри. Пушкинъ съ такимъ отвѣтомъ Никона возвратился въ Москву. Въ слѣдъ за нимъ прибылъ и Никонъ въ Воскресенскій монастырь, чтобы здѣсь ближе наблюдать за дѣйствіями собора [2].

Соборъ не согласился на предложеніе Никона. Архіепископъ кипрскій Кириллъ даже утверждалъ, что не слѣдуетъ давать монастырей въ управленіе архіереямъ, отходящимъ на покой, и что такъ будто бы принято въ восточной Церкви. И участь Никона опять осталась нерѣшенною.

---

[1] Виніов. III, № 40.

[2] См. возраж. Никона на 17 вопр. Стрѣшнева.

Услышавъ о такихъ дѣйствіяхъ собора, Никонъ назвалъ его «жидовскимъ сонмищемъ [1].» Это такой же соборъ, говорилъ онъ, каковы были соборы: «на Василія великаго повелѣніемъ епарха, на Григорія Богослова повелѣніемъ Валента, на Іоанна Златоустаго повелѣніемъ царицы Евдоксіи, и на Филиппа митрополита повелѣніемъ царя Іоанна Васильевича Грознаго.» Соборъ этотъ, говорилъ Никонъ, составленъ по повелѣнію царя, а не по волѣ высшей церковной власти, какъ должно бы быть по правиламъ Церкви [2]. Онъ судитъ патріарха, а между тѣмъ состоитъ изъ подвластныхъ ему епископовъ: члены судятъ свою главу. Онъ судитъ патріарха заочно, даже ниоднажды не позвавъ его къ суду, тогда какъ по правиламъ Церкви подсудимый епископъ долженъ быть позванъ на судъ собора три раза, и тогда уже, если онъ не явится, можно судить его заочно [3]. Соборъ, наконецъ, предлагаетъ государю избрать новаго патріарха при жизни прежняго, вопреки кореннымъ, говоритъ Никонъ, постановленіямъ о патріаршествѣ въ Россіи [4]. И по всѣмъ этимъ причинамъ Никонъ дѣлаетъ такой отзывъ о соборѣ: «аще кто назоветъ сіе соборище жидовскимъ сонмищемъ, не погрѣшитъ истины; аще кто разсмотритъ того дѣянія, вся лжи полна, и ниединыя истины [5]»

Тѣмъ не менѣе управленіе всѣми дѣлами патріаршаго престола поручено было соборомъ митрополиту Питириму, съ запрещеніемъ ему сноситься съ патріархомъ [6]. Вступивъ, такимъ образомъ, во всѣ права патріарха, Питиримъ пересталъ поминать имя Никона при богослуженіи, запретилъ дѣлать это и во всѣхъ россійскихъ церквахъ, подъ угрозой строжай-

---

[1] См. вопр. Стрѣшн. 7, 8, 9 и 10. [2] Акт. 16, 19, 20. Лаод. 40. Халк. 19, VII всел. 6. [3] Апост. 74. Карѳ. 28. [4] См. въ кормчей «сказаніе о патріаршествѣ въ Россіи.» Ср. Двукр. 16.

[5] Возраж. Никона на 7, 8, 9 и 10 вопр. Стрѣшнева. [6] См. возраж. Никона на 22 вопр. Стрѣшн. Правда, митрополиты крутицкіе издавна завѣдывали дѣлами московскаго первосвятит. престола; но только—въ качествѣ викаріевъ, «въ которое время митрополиту или патріарху не пожелается.» См. ист. акт. 1, стр. 276.

шаго наказанія церковнаго и гражданскаго, началъ становиться при богослуженіи на патріаршемъ мѣстѣ, наконецъ— совершилъ, вмѣсто патріарха, «шествіе въ недѣлю ваій на осляти [1]», и рукоположилъ, по волѣ государя, епископа Меѳодія въ Оршу и Мстиславль, тогда какъ, говоритъ Никонъ, эти города «были подъ Литвою, и посвятивъ, отпустилъ на кіевскую митрополію, въ качествѣ мѣстоблюстителя кіевской каѳедры, между тѣмъ какъ Кіевъ принадлежалъ тогда къ патріархату константинопольскому [2].» Узнавъ о такомъ самоволіи Питирима, Никонъ въ церкви Воскресенскаго монастыря провозгласилъ ему отлученіе отъ общенія церковнаго [3].

Узнали и въ Москвѣ о такомъ поступкѣ Никона, и приняли на нѣсколько въ недоумѣніе. Благочестивый государь хотѣлъ непремѣнно знать, вмѣнима ли клятва, произнесенная Никономъ на Питирима, или нѣтъ. Въ это время жилъ въ Москвѣ епископъ полотскій Каллистъ. Онъ извѣстенъ былъ царю, какъ образованнѣшій архипастырь своего времени [3]. И вотъ Каллисту поручено было составить отъ себя и представить государю мнѣніе объ анаѳемѣ, которую Никонъ провозгласилъ Питириму. Епископъ полотскій исполнилъ данное ему порученіе. Въ началѣ своей грамоты, въ которой представляетъ онъ государю свое мнѣніе о разсматриваемомъ поступкѣ Никона, просвѣщенный епископъ уподобляетъ Церковь Христову ковчегу Ноеву, и горько скорбитъ, что между отечественными пастырями нѣтъ единодушія; отчего Церковь, вмѣсто того, чтобы служить мѣстомъ убѣжища, успокоенія и спасенія для всѣхъ обуреваемыхъ, труждающихся и обремененныхъ душъ, сама обуревается жестокими раздѣленіями и расколами [5]. Затѣмъ, похваляетъ ревность благочестивѣйшаго царя, который одинъ, по словамъ Каллиста, блю-

---

[1] См. возраж. Ник. на 22 вопр. Стрѣшнева. Никонъ говоритъ объ этомъ обрядѣ: «иначъ же и самѣмъ дѣйствуючи таковая, сумнительно истрашно было.»

[2] См. грам. Никона къ конст. патр. Діонисію. [3] Чт. м. о. ист. и др. р. 1848. № 6. Питиримъ, патр. всер. Также: грам. Ник. къ Дион. и Паисію Лигар.

[4] См. о немъ въ слов. писат. д. чина. [5] См. эту грам. въ ркп Воскр. мон.

детъ цѣлость и безопасность корабля Церкви, «аки котва корабля нашего». Наконецъ, переходитъ къ самому поступку Никона, и разсматриваетъ основанія, по которымъ Никонъ возгласилъ Питириму анаѳему. Такихъ основаній поставляетъ онъ три: Никонъ, говоритъ онъ, предавая анаѳемѣ Питирима, могъ имѣть въ виду или то, что Питиримъ безъ воли своего патріарха, совершалъ обрядъ шествія на осляти, или то, что онъ рукоположилъ Меѳодія мстиславскаго, или «словеса (Питирима о Никонѣ) досадительная и поносительная.» Противъ первой вины Питирима Каллистъ отвѣчаетъ, что совершать обрядъ шествія на осляти не запрещается не только всякому архіерею, но и священнику. Противъ второй: Меѳодій правильно поставленъ Питиримомъ въ блюстители кіевской митрополіи; такъ какъ это сдѣлано по совѣту съ соборомъ другихъ архипастырей. Правда, замѣчаетъ при этомъ Каллистъ, что правила церковныя запрещаютъ епископамъ «дѣлать что либо важное безъ воли старѣйшаго между ними [1]: но Никонъ, продолжаетъ онъ, клятвенно отрекся отъ своего престола, и слѣдовательно не имѣетъ уже никакого права вступаться въ управленіе областію, ему непринадлежащею. Онъ теперь, говоритъ Каллистъ о Никонѣ, «нѣсть старѣйшина властію архіереомъ, ниже патріархъ нынѣ московскій, но точію архіерей безпрестольный и безобластный.» О третьей винѣ Питирима Каллистъ разсуждаетъ такъ: «если бы и дѣйствительно Питиримъ поносилъ Никона; во всякомъ случаѣ «никому же самого себе отмстити подобаетъ.» Архіерей, продолжаетъ онъ, обвиненный въ какомъ нибудь поступкѣ, судится соборомъ 12 епископовъ [2]. Никонъ между тѣмъ одинъ осудилъ Питирима. Впрочемъ, замѣчаетъ Каллистъ, пусть бы вины Питирима были и дѣйствительно «удобоклятвенны;» но по оставленіи престола «и по соборномъ отставленіи, святѣйшій Никонъ, не сый пастырь, не можетъ быти и наказатель, не сый кормчій нѣсть и управитель; чужда ему жатва сія, убо

---

[1] Апост. 34. Ант. 9. Двукр. 14. [2] Карѳ. 12. Ср. Апост. 74.

серпъ его да не внидетъ въ ню.» Послѣ такого разсмотрѣнія причинъ, по которымъ Никонъ произнесъ анаѳему Питириму, Каллистъ рѣшаетъ предложенный ему вопросъ слѣдующимъ образомъ: «тща есть и суетна предлежащая клятва, неимуща основанія тверда, убо безвредна и некрѣпка, и якоже ничтоже сущи мнится быти; аще и возопи святѣйшій Никонъ гласомъ клятвеннымъ на преосвященнаго Питирима. Но не знаемъ гласа его, яко несуща пастыря; тѣмъ же и не пріемлемъ есть, нимало же вреденъ, и непщую толико ему успѣвати, елико волны или стрѣла, камень біющія, вредно дѣютъ; или яко сѣнь мимо вскорѣ грядущи, якоже ничтоже суще, ничтоже досаждаетъ, тако клятва тщща не найдетъ ни на единаго.»

Впрочемъ, просвѣщенный архипастырь не выдаетъ своего мнѣнія за непремѣнно и неизмѣнно вѣрное, и обѣщаетъ согласиться съ мнѣніемъ высшихъ іерарховъ. «Сіе мое о сей клятвѣ разумѣніе и разсужденіе,» заключаетъ онъ свою грамоту, «въ немъ же аще что изгрубилъ, прощенію сподобитися недоумѣнію моему, смиренно къ твоима пресвѣтлаго царскаго величества припадаю ногама, ничесомуже, яко нижайшій во архіереѣхъ, высочайшихъ умовъ согласію прекословяще[1].»

Но отзывъ Каллиста объ анаѳемѣ Никона Питириму не успокоилъ умовъ, раздраженныхъ противъ патріарха. Оскорбленные до глубины души этимъ поступкомъ Никона, враги его начали разсѣявать предъ царемъ и въ народѣ новыя клеветы на патріарха, одну другой чернѣй, одну другой ужаснѣе, которыя сдѣлали Никона страшилищемъ своего времени и для послѣдующихъ вѣковъ. Больно слушать крики страстей, дошедшихъ до дикости!

Никонъ, какъ мы уже знаемъ, по волѣ государя назвалъ одну изъ построенныхъ имъ обителей Новымъ Іерусалимомъ. Что бы, кажется, можно было вывести изъ этого названія,

---

[1] Защищеніе Никона увидимъ впослѣдствіи.

кромѣ повода къ постоянному назиданію въ вѣрѣ и благочестіи христіанскомъ? Но нѣтъ; врагамъ Никона нуженъ былъ поводъ къ клеветѣ на своего противника. Никонъ жилъ теперь въ этомъ Новомъ Іерусалимѣ. Итакъ, враги прежде всего распространили мнѣніе, что Никонъ не имѣетъ будто права называться московскимъ патріархомъ, а долженъ называться — новоіерусалимскимъ. Епископы, разсуждали недоброжелатели Никона, получаютъ свое названіе отъ мѣста, въ которомъ живутъ. Значитъ, заключали они, Никонъ долженъ называться не московскимъ, а новоіерусалимскимъ патріархомъ [1]. Въ связи съ этимъ мнѣніемъ явилось другое: вотъ, заговорили враги Никона, явился ужь и новый Іерусалимъ; отсюда придетъ Антихристъ; Никонъ и есть этотъ самый Антихристъ! Раскольникамъ, озлобленнымъ на ревностнѣйшаго защитника и поборника православія отечественной Церкви, и безъ того уже готовымъ видѣть въ немъ врага Церкви, понравилось такое названіе Никона. Молва объ этомъ распространялась далѣе и далѣе, и раздавалась громче и громче. И— Никонъ долженъ былъ доказывать озлобленнымъ противъ него изувѣрамъ и суевѣрамъ, что не онъ Антихристъ, а кто нибудь другой, потому что къ нему не могутъ относиться признаки Антихриста, указываемыя въ священномъ писаніи и ученіи св. отцевъ Церкви. Но возраженіе Никона осталось только на бумагѣ [2], *а слово сіе*, что Никонъ Антихристъ, *промчеся* между раскольниками *даже до сего дне!* Сколько нужно было терпѣнія Никону, чтобы спокойно выслушивать такія горькія клеветы!

Въ Воскресенскомъ монастырѣ жили съ Никономъ многіе изъ иностранцевъ: греки, поляки, новокрещенные нѣмцы, черкесы и жиды [3].» Кромѣ того, дивный планъ воздвигаемаго здѣсь храма во имя Воскресенія Христа Спасителя возбуждалъ любопытство иностранныхъ путешественниковъ по Россіи, и привлекалъ ихъ къ Никону въ Воскресенскій монастырь. Ни-

---

[1] См. 13 вопр. Стрѣшнева Паисію Лигариду, и отвѣтъ Паисія.
[2] Возраж. на 13 вопр. Стрѣшнева. [3] Шушеринъ.

конъ принималъ и покоилъ всѣхъ ихъ весьма радушно. Но въ Москвѣ нашлись люди, которые это обстоятельство обратили въ тяжкую вину Никону. Царю было сказано, что Никонъ въ бесѣдѣ съ иностранцами жалуется имъ на него, какъ на присвоителя будто бы церковной власти и церковнаго имущества. Разгнѣванный царь неоднократно посылаетъ къ Никону своихъ бояръ съ строгимъ выговоромъ за мнимое оскорбленіе себя, и съ повелѣніемъ не имѣть впредь никакихъ сношеній съ иностранцами [1].

Тоже обстоятельство, только съ другой стороны, обратили въ новую клевету на Никона. Нашлись опять люди, которые распустили молву, будто Никонъ въ Воскресенскомъ монастырѣ окружаетъ себя иноземцами для того, чтобы подъ ихъ прикрытьемъ бѣжать за границу, и оттуда искать патріаршаго престола въ Россіи силою военнаго оружія! Дума будто бы повѣрила этой молвѣ, и внимательно допытывалась, нѣтъ ли дѣйствительно у патріарха намѣренія бѣжать за границу, и въ какой степени опасны для отечества окружающіе Никона иноземцы [2].

Наконецъ, Никонъ, какъ попечительный и искусный домовладыка, дѣятельно занимался хозяйственнымъ устройствомъ своихъ монастырей. Вотчины ихъ, раскинутыя на обширныхъ пространствахъ, заключали въ своихъ предѣлахъ много земель пустопорожнихъ. Никонъ заселялъ, или, какъ тогда выражались, «наполнялъ тыя земли наемцы и боярскими подданными». Самые монастыри онъ ограждалъ крѣпкими стѣнами, и снабжалъ даже военными орудіями, по общему духу нашей отечественной древности [3]. Враги Никона не опустили и это благоразумное хозяйство его поставить ему въ вину, и въ вину тягчайшую. Никонъ, говорили они, не только называется великимъ государемъ, но и на самомъ дѣлѣ хочетъ быть великимъ государемъ, владѣтельнымъ. Вотъ онъ строитъ для себя

---

[1] Шушеринъ и Берхъ, ч. 1, стр. 224 225. [2] Собр. госуд. грам. и дог. IX, № 34, 35. [3] Ист. акт. IV, № 177.

крѣпости, или, по ихъ выраженію, «обозы и ограды»,— такъ говорили они, указывая на величественныя стѣны, какими ограждалъ и украшалъ Никонъ свои монастыри. Вотъ, говорили они далѣе, Никонъ набираетъ себѣ подданныхъ изъ разныхъ наемныхъ людей, русскихъ и иностранцевъ, которыхъ и поселяетъ въ своихъ монастырскихъ вотчинахъ [1]. Иностранцы, услышавъ это, заговорили: Никонъ хочетъ сдѣлаться папою! Вѣсти эти, конечно, передавались царю; при чемъ, по всей вѣроятности, не забыли сказать, что Никонъ притворной дружбой выманилъ себѣ у царя тѣ огромныя имѣнія, какими теперь владѣетъ, выманилъ именно съ цѣлію самому сдѣлаться великимъ государемъ [2].

Но, какбы недовольствуясь этими клеветами, враги Никона находили нужнымъ искать еще новыхъ обвиненій противъ патріарха. По всѣмъ церквамъ и монастырямъ посланы были отъ имени царя особенныя довѣренныя лица, съ порученіемъ изслѣдовать на мѣстѣ «о недовѣдомыхъ нашихъ,» говоритъ Никонъ, или о томъ, «кто что про меня вѣдаетъ, и гдѣ изъ котораго монастыря что либо движимыхъ или недвижимыхъ вещей взялъ, вотчины, или золотые, или ефимки,» и проч. Настоятелямъ монастырей предписано было составить «подлинно порознь и по статьямъ сказки и росписи, и за своими руками прислать къ великому государю съ нарочнымъ и добрымъ старцемъ или слугою безъ всякаго мотчанія, о томъ, что ималъ патріархъ Никонъ, будучи на патріаршескомъ престолѣ, потребы монастырскія, казну, лошади, хлѣбъ, вотчины на мѣну въ цѣны и безъ цѣны, и церковныхъ, и казен-

---

[1] Тамъ же — № 178.

[2] Иначе, что значатъ слова грамоты, которою упразднялись Никоновы монастыри: «на то на все (на вотчины монастырей) Никонъ ималъ наши царскаго величества грамоты во всѣмъ противны нашему великаго государя указу,» когда мы знаемъ, что Никонъ строилъ монастыря съ соизволенія царя? Напрасно возражалъ Никонъ: «обоза не строю, оградою огражденъ есмь отъ обычая прежнихъ монастырей, но ни котораго въ семъ надѣянія не имѣю; ико основанъ есмь и утвержденъ на камени вѣры, и огражденъ божественною благодатію;» Никона не слушали, и оправданій его не принимали. Возраж. на 15 вопр. Стрѣшн.

ныхъ и вотчинныхъ потребы сосудовъ серебряныхъ и золотыхъ, и книгъ, и иного чего, и сколько четвертей хлѣба, и куды возили къ нему, и въ которомъ году и мѣсяцѣ, и при которыхъ властѣхъ. Всякъ камень,» заключаетъ Никонъ, «подвигли, да что либо обрящутъ на мя [1].» Отправленные слѣдователи «сыскивали съ большимъ страхомъ и прещеніемъ, и ложнымъ всякимъ воровскимъ людемъ, кто что скажетъ, вѣрили, и по тѣмъ сказкамъ» доносили своему ближайшему начальству, а отсюда свѣдѣнія сообщались царю [2].

Въ тоже время раскрытъ былъ тайный архивъ патріарха. Никонъ горько жаловался на это оскорбленіе себѣ, особенно потому, что имъ нарушались тайны, ввѣренныя ему, какъ святителю [3].

Какъ при дворѣ составляли разныя клеветы на Никона, и передавали царю, такъ и къ Никону, въ Воскресенское его уединеніе приходили разные легкомысленные люди, и сообщали ему неблагопріятныя вѣсти объ отношеніяхъ къ нему государя царя. Эти злые языки не только поддерживали, но и усиливали и раздували пламя взаимной вражды между ними. Такъ, къ Никону, по собственнымъ его словамъ, явился одинъ человѣкъ, и сказалъ ему, будто бы онъ самъ слышалъ отъ царя: «если бы я,» такъ говорилъ будто бы при немъ царь, «не боялся Бога, то сдѣлалъ бы патріарху то, чего онъ и не вѣдаетъ.» Естественно было раздраженному патріарху повѣрить этой вѣсти, и привести себѣ на память слова Евангелія: *хотяше его убити, но боящеся народа, зане яко пророка его имѣяху* [4]. Поступки съ Никономъ царедворцевъ, приходившихъ къ нему съ выговорами отъ царя [5], еще болѣе убѣж-

---

[1] Возраж. на 19 вопр. Стрѣшнева. [2] Никонъ неоднократно упоминаетъ объ этомъ слѣдствіи по его дѣлу въ возраж. своихъ на 17 и 19 вопр. Стрѣшнева и въ грам. къ конст. патр. Діонисію. [3] Дѣло это началось вскорѣ послѣ 24 дек. 1662 г. См. и. р. Ц. 1850. IV. стр. 62. [4] См. возраж. Ник. на 21 вопр. Стрѣшнева. [5] «Родіонъ Стрѣшневъ и Іосифъ Кукинъ,» говоритъ Никонъ, «грозились на меня въ келліи моей убійствомъ.» См. возраж. на 21 вопр. Стрѣшнева.

дали его въ справедливости такихъ горькихъ и соблазнительныхъ вѣстей [1].

Среди столь смутныхъ обстоятельствъ нашей отечественной Церкви, прибылъ въ Россію бывшій митрополитъ газскій Паисій Лигаридъ. Онъ былъ сперва въ Іерусалимѣ протоіереемъ; затѣмъ — постригся въ монашество, и посвященъ на митрополію въ Солунь, а отсюда переведенъ впослѣдствіи въ Газу іерусалимскую. Патріархъ іерусалимскій Пектарій, узнавъ о нехорошемъ поведеніи газскаго митрополита, лишилъ его каѳедры, и подвергъ запрещенію священнодѣйствія [2]. Тогда Паисій обратился искать себѣ счастія въ Греціи и Италіи, и здѣсь долго скитался безъ епархіи. Но вотъ теперь, когда въ нашемъ отечествѣ возникли церковныя смуты, Паисій испросилъ одобрительную грамоту у константинопольскаго патріарха Парѳенія Куккума, какъ знающій церковныя правила, и явился съ нею въ Москву, какъ способный будто бы къ употребленію при изслѣдованіи поступковъ Никона [3]. Здѣсь, каждая изъ враждебныхъ сторонъ, по дѣлу Никона, желала имѣть у себя Паисія. Самъ Никонъ, надѣясь, что Паисій, какъ мужъ ученый [4], пристанетъ къ сторонѣ защитниковъ патріарха, написалъ ему дружеское письмо, въ которомъ откровенно излилъ предъ нимъ жалобу на бѣдственное свое состояніе, и подробно описалъ, какъ причины своего удаленія въ Воскресенскій монастырь, такъ и печальное состояніе Церкви послѣ отшествія его изъ Москвы [5]. Но Паисій, милостиво принятый царемъ и еще болѣе вельможами, не замедлилъ стать въ ряду

---

[1] См. возраж. на 19 вопр. Ср. возраж. на 26 вопр. Стрѣшнева.

[2] Слов. писат. дух. ч., въ статьѣ: Паисій Лигаридъ.

[3] Слов. пис. д. ч., въ статьѣ: П. Лигар. — Есть мнѣніе, будто Никонъ самъ вызывалъ его изъ Молдавіи; но изъ всѣхъ отзывовъ о немъ Никона видно, что Паисій былъ до этого времени неизвѣстенъ Никону. См. жизнеоп. Ник., сост. А. Аполл. стр. 57. 1845 г. Ср. гр. Ник. къ конст. патр. Діонисію, и возраж. на 26 вопр. Стрѣшнева.

[4] Замѣчательно: всѣ просвѣщеннѣйшіе мужи того времени были на сторонѣ патріарха Никона, хотя иногда не смѣли открыто высказываться.

[5] См. эту грам. въ рки. Воскр. мон.

самыхъ ожесточенныхъ враговъ Никона, и сдѣлался «всѣхъ злыхъ совѣтовъ на Никона составитель» [1]. Къ нему-то обратились теперь съ радостными надеждами всѣ недоброжелатели Никона, давно жаждавшіе низложенія непріязненнаго имъ патріарха. И вотъ первымъ дѣломъ Паисія и вельможъ были 27 вопросовъ боярина Семена Лукьяновича Стрѣшнева о «новыхъ обычаяхъ патріарха Никона», и отвѣты Паисія, прибранные изъ церковныхъ правилъ въ осужденіе Никону [2]. И Паисій, какъ говоритъ о немъ Никонъ, «ни о клеветѣ увѣдѣвъ, ниже о клеветникѣ, вся святыя Божія заповѣди, и св. апостолъ и св. отецъ каноны—на соблазнъ людемъ простымъ растолковалъ» [3]. Всѣ безобразные слухи, какіе до этого времени распущены были въ народѣ врагами Никона, были утверждены и какбы освящены [4] голосомъ Паисія и письменнымъ его свидѣтельствомъ [5], и Никонъ сдѣлался теперь въ глазахъ правительства церковнаго и гражданскаго самымъ подозрительнымъ и опаснымъ человѣкомъ. Со стороны церковной признали его самовольнымъ нововводителемъ, потребителемъ праотеческой, древней, истинной вѣры, и даже противникомъ Христа, *превозносящимся паче всякаго глаголемаго Бога или чтилища* (2 Сол. 2, 4); со стороны гражданской — государственнымъ мятежникомъ, противникомъ царской власти [6]. Подъ страхомъ жестокихъ наказаній, запрещенъ былъ постороннимъ людямъ входъ къ Никону. Служителей его, духов-

---

[1] Въ грам. къ конст. патр. Діонисію. [2] Рук. Рум. муз. № CCCLXXVI. По описс. Восток. стр. 562

[3] Въ грам. къ конст. патр. Діонисію. [4] Никонъ говоритъ, что Паисія бояре слушали, «яко пророка Божія.» Тамъ же.

[5] Впрочемъ, Паисій былъ человѣкъ хотя ученый, но—легкомысленный: вмѣсто того, чтобы судить о поступкахъ Никона по канонамъ церковнымъ, онъ указывалъ на примѣры изъ языческой исторіи, на разныя явленія въ природѣ, или прибѣгалъ къ однимъ умственнымъ соображеніямъ. «Не достало тебѣ святыхъ божественныхъ книгъ, «говоритъ ему Никонъ,» ты же физиками, и орѣховымъ листьемъ и иными шпынскими прибавками отвѣты твориши.» См. возраж. Ник. на 17 вопр. Стрѣшнева. Также и. р. ц. 1850. IV. прим. 88.

[6] См особенно отвѣты Паисія на 12, 13, 16, 17. 26 и 27 вопр. Стрѣшн.

ныхъ и свѣтскихъ людей, близкихъ къ нему, и всѣхъ жившихъ съ нимъ имѣли всегда въ особенномъ вниманіи и подъ строгимъ надзоромъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ подвергали даже пыткамъ, по одному какому нибудь подозрѣнію, ссылали въ дальніе монастыри въ строгое заключеніе [1].

Но не щадилъ и Никонъ Паисія. Въ раздраженномъ состояніи души онъ написалъ сильное возраженіе противъ отвѣтовъ Паисія на вопросы Стрѣшнева, и какъ въ этомъ письменномъ возраженіи, такъ и въ устныхъ своихъ бесѣдахъ о Паисіѣ, признавалъ его злѣйшимъ своимъ врагомъ, и изливалъ всю горечь непріязни къ нему.

Такимъ образомъ, съ прибытіемъ въ Москву Паисія Лигарида, смуты нашей отечественной Церкви не только не уменьшились, но и увеличились. Къ прежнимъ присоединились новые. Никонъ, защищая неподсудимость духовенства гражданскимъ судіямъ, въ жару ревности высказалъ мысль, что «священство больше царства [2].» Отсюда возникъ и распространился въ народѣ вопросъ «о предѣлахъ власти царской и патріаршей.» Этого мало: легкомысленный Паисій, прибирая все, чѣмъ бы можно было доказать искомую справедливость желаемаго изверженія Никона, написалъ, между прочимъ, въ своихъ отвѣтахъ Стрѣшневу, что архіерей, дважды пріявшій рукоположеніе, долженъ быть, по правиламъ церковнымъ, изверженъ изъ сана [3]. Никонъ, говорилъ Паисій, былъ дважды рукоположенъ: при посвященіи на митрополію новгородскую, и при возведеніи на патріаршій престолъ; слѣдовательно и Никонъ долженъ быть изверженъ изъ сана [4]. Паисій не предвидѣлъ, къ какимъ печальнымъ слѣдствіямъ придетъ такое его умствованіе. Никонъ не затруднился возразить на это умствованіе Паисія. Показавъ истинный смыслъ церковныхъ правилъ, опредѣляющихъ изверженіе изъ сана

---

[1] Шушеринъ и Никонъ въ грам. къ конст. патр. Діонисію.
[2] Возраж. на 24 и 26 вопр. Стрѣшнева.
[3] Ап. 68, Карѳ. 36, 59. Вас. вел. 1. [4] Отв. на 1 вопр. Стрѣшнева.

дважды рукоположенному [1], Никонъ обращается потомъ, между прочимъ, къ примѣрамъ отечественной Церкви, и замѣчаетъ, что, подобно ему, были дважды рукоположены патріархи — Іовъ, Гермогенъ и Филаретъ. Но такъ какъ, говорилъ онъ, по правиламъ Церкви, должны быть извержены и тѣ, которые рукополагали ихъ въ другой разъ, а рукополагали ихъ и восточные патріархи, и такъ какъ, далѣе, должны быть отлучены отъ Церкви и тѣ, которые принимаютъ у себя священнослужителей, изверженныхъ изъ сана [2]; то какое отсюда горькое слѣдствіе! Будто бы пастыри восточной и русской Церкви потеряли правильное поставленіе патріарховъ, и подверглись, частію извержению изъ сана, частію отлученію отъ Церкви за общеніе съ извержеными [3]. Но Никонъ не останавливался на этомъ: принимающій, говорилъ онъ далѣе, въ общеніе съ собою человѣка, отлученнаго отъ Церкви, и самъ долженъ быть, по правиламъ Церкви, отлученъ отъ Церкви [4]. Паисій, продолжалъ Никонъ, отлученъ отъ Церкви своимъ патріархомъ; но съ нимъ имѣютъ общеніе царь, высшіе іерархи и бояре русскіе: опять — какое жалкое слѣдствіе! Наконецъ, Паисій, говорилъ Никонъ, держится латинства [5]; съ нимъ однакожъ имѣютъ общеніе пастыри отечественной нашей Церкви: такъ не подвергается ли опасности и наша Церковь уклониться въ латинство? Все это благопріятствовало мыслямъ раскольниковъ, и раздирало внутренній миръ Церкви. Паисій видѣлъ, что онъ послужилъ виновникомъ всѣхъ этихъ волненій, и рѣшился скорѣе избавиться отъ Никона. И вотъ, по его настоянію, начались приготовленія къ новому собору для разсужденія о дѣлахъ Никона. Въ февралѣ 1663 года окружною грамотою царя извѣщены были всѣ архипастыри отечественной Церкви, чтобы къ 9 мая явились въ Мос-

---

[1] См. толк. въ опытѣ курса ц. законов. ч. 1, стр. 216.

[2] Ап. 10. акт. 2, Вас. вел. 88. Ср. Сард. 14, карѳ. 28, 38.

[3] Никонъ замѣчаетъ еще при этомъ, что патр. Фил. Ник. крестилъ царя Ал. Мих. См. возраженія на 1 вопр. Стрѣшнева. [4] Ап. 10 акт. 2, Вас. вел. 85

[5] См. возраж. на 26 вопр. Стрѣшнева.

кву на соборъ, и привезли съ собой искуснѣйшихъ въ правилахъ церковныхъ архимандритовъ и іеромонаховъ [1]. Мая 10 опять открылось въ крестовой патріаршей палатѣ соборное разсужденіе о Никонѣ; предсѣдателемъ собора былъ Паисій Лигаридъ. Согласно мнѣнію Игнатія Іовлевича, высказанному имъ еще на первомъ соборѣ, теперь постановлено было снестись по дѣлу Никона съ константинопольскимъ патріархомъ, и отъ него просить разрѣшенія споровъ, возмущающихъ покой русской Церкви. Сообразно съ такимъ опредѣленіемъ собора, составлены были предсѣдателемъ его Паисіемъ Лигаридомъ 25 вопросовъ о разныхъ поступкахъ Никона. Паисій Лигаридъ іюня 7, въ самый день пятидесятницы [2], представилъ государю прошеніе отъ своего имени, въ которомъ, выставляя себя ревнителемъ Церкви и царской чести, писалъ, что для пользы Церкви и царя надобно передать судъ надъ Никономъ константинопольскому патріарху... Патріаршеское достоинство,» писалъ онъ, между прочимъ, царю, «превосходитъ всѣ прочія, и потому, какъ частно, такъ и общественно всѣ признаютъ непристойнымъ, что толь высокое сѣдалище въ продолженіе 4 лѣтъ остается обнаженнымъ красоты своей.... Если патріархъ Никонъ оказался преступникомъ, то опредѣленіемъ собора, какъ недостойный, долженъ былъ изверженъ; если же онъ ни въ чемъ не обвиненъ, то свободно можетъ возвратиться на свой престолъ. Такимъ образомъ, должно наконецъ окончить сію распрю; ибо Россія сдѣлалась позорищемъ для вселенной, и всѣ народы ожидаютъ видѣть окончаніе и развязку сего трагическаго зрѣлища. Сверхъ того, нужно доказать невинность и безпристрастіе; ибо еще носится ложный слухъ, что патріархъ Никонъ бѣжалъ по причинѣ угрожавшей ему опасности тайнаго убійства и открывшагося тиранскаго заговора. Таковая молва наноситъ вашей авгу-

---

[1] Акт. эксп. IV, № 140.

[2] Это видно изъ самой грамоты, гдѣ между прочимъ въ началѣ читается: «нынѣ свыше ниспосылаются на насъ огненные языки, одушевляющіе къ свободному проповѣданію истины.» См. собр. госуд. гр. и дог. IV, № 28.

стѣйшей имперіи явное безславіе отцеубійства, и вопервыхъ наноситъ безчестіе вашему священнѣйшему величеству, потомъ правительство и народъ русскій покрываетъ неизгладимымъ безславіемъ смертнаго грѣха, котораго и единое помышленіе приводитъ въ ужасъ. Такимъ-то сужденіемъ иностранцевъ,» продолжаетъ Паисій, «подвергаешься ты, Алексѣе, человѣче Божій! по причинѣ одного Никона, осыпаннаго твоими благодѣяніями и милостями; но я знаю уже, что безпримѣрная неблагодарность превратила медъ въ желчь, и добрѣйшее вино — въ оцетъ. Итакъ, остается сообщить обо всемъ константинопольскому патріарху, дабы онъ, какъ вселенскій судія, законнымъ порядкомъ могъ дать правосудное рѣшеніе въ столь важномъ дѣлѣ, отъ котораго страждетъ общая слава всего государства [1].» Въ заключеніе своей грамоты, Паисій предлагаетъ государю писать «сообщеніе» константинопольскому патріарху на греческомъ языкѣ — «для удобнѣйшаго понятія безъ помощи переводчика, дабы тайны вашего величества,» говоритъ Паисій, «не разгласились между разномыслящимъ народомъ (ad multos variae opinionis et censurae compotes).» — Царь согласился на предложеніе Паисія, но повелѣлъ отправить вопросы о Никонѣ не къ одному константинопольскому патріарху, а ко всѣмъ восточнымъ первосвятителямъ, и объ имени Никона въ самыхъ вопросахъ не упоминать, чтобы рѣшеніе восточныхъ патріарховъ казалось тѣмъ болѣе безпристрастнымъ, и чтобы потомъ соборъ русскихъ іерарховъ, основываясь на сужденіи восточныхъ патріарховъ о разныхъ случаяхъ изъ исторіи Никона, могъ самъ уже произнести судъ открытый надъ Никономъ. Итакъ, тѣмъ же лѣтомъ отправленъ былъ на востокъ іеродіаконъ грекъ Медетій съ вопросами къ патріархамъ о поступкахъ Никона. Посланнику, сверхъ того, даны были особенныя жалобныя грамоты на Никона ко всѣмъ восточнымъ патріархамъ, съ тайнымъ наставленіемъ

---

[1] Собр. гос. гр. и дог. IV, № 28. Писана на лат. языкѣ, съ краю тогда же сдѣланъ русскій переводъ.

изъяснить имъ подробнѣе вины Никоновы [1], и требовать въ патріаршихъ отвѣтахъ ближайшаго къ нимъ примѣненія [2].

Между тѣмъ въ то самое время, когда соборъ продолжалъ еще свои разсужденія о Никонѣ, монастырскій приказъ съ своей стороны не забывалъ оскорблять и раздражать новыми нападеніями и безъ того уже до глубины души огорченнаго и разстроеннаго патріарха.

Нѣкто Иванъ Ситинъ подалъ въ монастырскій приказъ на Никона челобитную, въ которой писалъ: «Никонъ завладѣлъ многою моею землею, велѣлъ меня убить; человѣка моего велѣлъ повѣсить, крестьянъ моихъ патріаршіе крестьяне, по приказанію Никона, били и грабили, и наконецъ — Никонъ присвоилъ себѣ моего крестьянина, и вписалъ въ свою отчину, село Рождественское [3]». Монастырскій приказъ отправилъ окольничаго Осипа Сукина и дьяка Василія Брехова къ Никону, въ Воскресенскій монастырь, изслѣдовать это дѣло, и, если Никонъ окажется виноватымъ, потребовать отъ него законнаго удовлетворенія Ситину. Началось слѣдствіе въ Воскресенскомъ монастырѣ. Никонъ объявилъ, что онъ 1) не отнималъ у Ситина земли, но самъ Ситинъ завладѣлъ монастырскою землею; 2) убивать Ситина никогда не приказывалъ, а напротивъ знаетъ, что Ситинъ угрожаетъ ему убійствомъ [4]; 3) крестьянинъ Ситина самъ повѣсился, по страху наказанія отъ своего господина; 4) крестьяне патріаршіе и Ситина поссорились сами собой, безъ участія Никона, и наконецъ 5) Ситинъ хочетъ присвоить себѣ чужаго, патріаршаго крестьянина, а не патріархъ крестьянина Ситина [5]. Съ такимъ отвѣ-

---

[1] На это указываютъ сами вост. патріархи. См. собр. госуд. гр. дог. IV, № 37.

[2] Это можно замѣтить не только при внимательномъ, но даже бѣгломъ чтеніи патріаршихъ отвѣтовъ. См. собр. г гр. и догов. IV, № 27.

[3] Дѣло это подробно описалъ Никонъ въ возраж. на 26 вопр. Стрѣшнева.

[4] На это, какъ вѣроятное подозрѣніе, указывали ему впослѣдствіи и бояре. См. собр. гос. гр. и дог. IV, № 34.

[5] Патріархъ указывалъ и на мѣсто происхожденія этого крестьянина, по которому (происхожденію) онъ не могъ принадлежать Ситину. Возраж. на 26 вопр. Стрѣшн.

томъ Никона слѣдователи возвратились въ Москву. Но монастырскій приказъ не удовлетворился ихъ слѣдствіемъ. «Наряжены» были новые слѣдователи: думный дворянинъ Иванъ Баклановскій и дьякъ Звѣревъ. Имъ приказано было спросить о дѣлѣ Никона съ Сытинымъ людей постороннихъ. Посланные спрашивали «окольныхъ людей.» По слѣдствію опять оказалось, что весь доносъ Сытина былъ составленъ имъ на Никона ложно. Монастырскій приказъ оставилъ дѣло безъ всякихъ дальнѣйшихъ послѣдствій, хотя въ уложеніи сказано, что за ложные доносы, и особенно за безчестіе патріарху, истцы подвергаются строгому наказанію [1].

Ненаказанная клевета одного подала смѣлость и другимъ клеветникамъ дѣлать подобные же доносы на патріарха, только съ большимъ для себя успѣхомъ, чѣмъ—успѣхъ Сытина.

Осенью 1662 года стольникъ и родственникъ царскій Романъ Бобарыкинъ донесъ монастырскому приказу, будто бы Никонъ завладѣлъ участкомъ его земли близъ Воскресенскаго монастыря. Не изслѣдовавъ дѣла, приказъ позволилъ Бобарыкину взять этотъ участокъ отъ монастыря, и обратить въ свою собственность. Бобарыкинъ, не взирая на всѣ возраженія Никона, насильно отнялъ у монастыря спорный участокъ. Насталъ іюнь 1663 года. Стали поспѣвать въ поляхъ озимовыя хлѣба; созрѣвала и рожь Бобарыкина. Никонъ поспѣшилъ приказать своимъ крестьянамъ, чтобы они сжали ее для Воскресенскаго монастыря. Бобарыкинъ подалъ челобитную въ монастырскій приказъ. И вотъ, являются въ другой разъ къ Никону въ Воскресенскій монастырь окольничій Осипъ Сукинъ и думный дворянинъ Иванъ Баклановскій, съ порученіемъ отъ монастырскаго приказа истребовать отъ патріарха удовлетвореніе Бобарыкину за пожатую у него рожь [2]. Никонъ далъ замѣтить присланнымъ, что патріарха не прилично судить окольничему и думному дворянину. Но Осипъ

---

[1] См. улож. гл. X, ст. 14, 18, 19, 31.

[2] Никонъ описываетъ это дѣло въ возраж. на 26 вопр. Стрѣшнѣва.

Сукинъ, посмотрѣвъ въ данный ему отъ монастырскаго приказа наказъ, возразилъ Никону съ грубостію: «Отвѣчай! Или велятъ учинить указъ по своему усмотрѣнію, а для сдѣлки пришлютъ отряда два стрѣльцовъ.» — «Угрозъ вашихъ не боюсь,» отвѣчалъ Никонъ, раздраженный грубостію окольничаго; «убивай хоть теперь, если тебѣ приказано!» — «Коли такой указъ будетъ, не поссоримся,» продолжалъ Сукинъ. Никонъ не имѣлъ болѣе терпѣнія продолжать рѣчь съ нимъ, и немедленно отдалъ приказаніе своему казначею принести всѣ деньги, какія только найдутся въ казнѣ монастырской. Деньги были принесены. Оказалось 600 рублей. Никонъ положилъ ихъ всѣ на столъ предъ судіями. «Господь глаголетъ,» сказалъ онъ потомъ, обратившись къ нимъ,—*хотящему судитися съ тобою, и ризу твою взяти, отдай ему и срачицу*. Возьмите и вы отъ меня все, что имѣю. Если же этого будетъ для васъ мало, то велю отдать вамъ всѣ оклады съ монастырскихъ образовъ, колокола, книги, и всю утварь церковную.» Окольничій предложилъ Бобарыкину взять деньги; въ знакъ послушанія судіи, Бобарыкинъ взялъ всѣ деньги. Получивъ, такимъ образомъ, съ избыткомъ удовлетвореніе [1], посланные возвратились въ Москву.

Спустя нѣсколько дней, монастырскій приказъ снова отправляетъ нѣкоторыхъ изъ своихъ чиновниковъ въ Воскресенскій монастырь, по дѣлу же Бобарыкина. Окольничій Осипъ Сукинъ, не извѣстно почему, былъ устраненъ отъ этого назначенія. Мѣсто его занялъ думный дворянинъ Баклановскій, которому данъ былъ въ помощь дьякъ Василій Звѣревъ. Они прибыли въ монастырь въ сопровожденіи многихъ подъячихъ и отряда стрѣльцовъ. Явившись къ Никону, они объявили ему окончательное рѣшеніе монастырскаго приказа, по которому Никонъ долженъ непремѣнно уступить спорную землю Боба-

[1] Никонъ говоритъ, что Бобарыкинъ взялъ съ него за 67 четвертей ржи 600 р. А тогда рожь продавалась по 50 к. за четверть. Значитъ, лишнихъ получилъ Бобарыкинъ, по словамъ Никона, 566 р. и 50 к.

рыкину. Патріархъ возразилъ, что эта земля издавна принадлежитъ Воскресенскому монастырю, а не Бобарыкину [1]. Тогда посланные объявили прямо, что имъ приказано отвести эту землю Бобарыкину, и послѣ этихъ словъ отправились на самое поле исполнить данное имъ отъ монастырскаго приказа порученіе [2]. Это было вечеромъ 25 іюня. Никонъ велѣлъ братіи монастырской немедленно собраться въ церковь. Пришелъ сюда тотчасъ и самъ. Здѣсь приказалъ онъ пѣть молебенъ св. кресту Господню, и во время молебна возглашать псалмы, какіе положено, по чинопослѣдованію св. Аѳанасія александрійскаго, пѣть «въ напастѣхъ [3].» На другой день, по совершеніи литургіи, Никонъ повторилъ этотъ молебенъ по тому-же чинопослѣдованію. Въ концѣ молебна онъ полагалъ предъ образъ Божіей Матери и подъ святой крестъ жалованную грамоту царя Воскресенскому монастырю, и читалъ надъ нею молитвы. При этомъ молебнѣ случилось быть и Бобарыкину. Не сказавъ впрочемъ объ этомъ ни слова, ни въ церкви, ни потомъ въ келліяхъ патріарха, къ которому онъ заходилъ послѣ литургіи, Бобарыкинъ отправился въ Москву.

Въ Москвѣ онъ донесъ монастырскому приказу, что Никонъ 1) на молебнѣ проклиналъ царя и все его семейство, выбирая слова проклятія изъ псалмовъ, и, полагая предъ иконами жалованную грамоту царя Воскресенскому монастырю, читалъ надъ нею какія-то молитвы; 2) въ тотъ же день порицалъ царя въ своей келліи. Чувствительный и довѣрчивый царь повелѣлъ собраться у себя въ палатахъ архипастырямъ, какіе составляли тогда въ Москвѣ соборъ для суда надъ Никономъ, и со слезами жаловался имъ на патріарха. Архипастыри тогда же положили немедленно послать Никона въ за-

---

[1] Никонъ ссылался даже въ этомъ случаѣ на жалованную грамоту государя Воскр. монастырю, гдѣ земля Бобарыкина значится приписанною къ мон. Никона. См. возраж. Никона на 26 вопр. Стрѣшнева.

[2] Впослѣдствіи, государь Ѳеодоръ Алексѣевичъ возвратилъ этотъ участокъ Воскресенскому монастырю, съ прибавленіемъ еще одного села изъ вотчинъ Бобарыкина. [3] Псал. 68 и 108.

точеніе. Но два епископа [1] настояли, что необходимо предварительно изслѣдовать дѣло.

Для слѣдствія отправлены были въ Воскресенскій монастырь — бояринъ монастырскаго приказа князь Никита Ивановичь Одоевскій, окольничій Родіонъ Стрѣшневъ и думный дьякъ Алмазъ Ивановъ, съ отрядомъ стрѣльцевъ и множествомъ дворянъ и дѣтей боярскихъ [2]. Съ духовной стороны посланы были астраханскій архіепископъ Арсеній и архимандритъ Богоявленскаго московскаго монастыря Ѳеодосій. Съ ними отправился и газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ, также съ званіемъ слѣдователя, хотя не имѣлъ никакого законнаго права на судъ по дѣламъ чужой Церкви и ея патріарха. Государь повелѣлъ имъ обходиться съ Никономъ почтительно. Но они распорядились Никономъ по своему: допрашивали его съ наглою дерзостію, вмѣсто вопросовъ предлагали ему укоризны и брань, и своею грубостію и дерзостію до того наконецъ раздражили патріарха, что онъ принужденъ былъ сказать имъ: «видно, вы теперь пришли на меня, какъ нѣкогда приходили жиды на Христа!» — «Такъ ты насъ и христіанами не признаешь?» возразилъ Одоевскій. «Христіанства въ васъ никакого не вижу, ни знаю, кромѣ беззаконія и мучительства», отвѣчалъ Никонъ [3]. Принявъ за крайнее оскорбленіе себѣ эти слова патріарха, слѣдователи удалились изъ его келлій.

Между тѣмъ, по всему монастырю разставлена была стража изъ стрѣльцовъ, въ видѣ предохранительной мѣры отъ возмущенія. Стрѣльцы содержали караулъ въ самыхъ келліяхъ Никона [4]. Всякій разъ, когда Никонъ долженъ былъ выходить съ своею братіею на монастырскую работу, ихъ сопровожда-

---

[1] Лазарь Барановичь и Симонъ вологодскій. [2] См. собр. госуд. гр. и дог. т. IV, № 34. Ср. возраж. Ник. на 26 вопр. Стрѣшнева.

[3] Подробно описано это слѣдствіе въ собр. г. гр. и дог. т. IV. № 34 и 35, и въ возраж. Ник. на 26 вопр. Стрѣшнева. Ср. ист. р. Ц. 1850. IV. стр. 63—65.

[4] «По тому чину, якоже жиды о Христѣ дѣяли,» замѣчаетъ Никонъ.

ли стрѣльцы. Наконецъ, лишили Никона и этой, хоть горькой, свободы. Одоевскій отъ имени государя [1] объявилъ ему 28 іюля, чтобы «онъ изъ Воскресенскаго монастыря никуда не выходилъ, и въ самомъ монастырѣ зналъ только свою келлію и церковь, а за ограду монастыря отнюдь не выходилъ». «И въ темницу, пожалуй, готовъ есмь», отвѣчалъ патріархъ Одоевскому, «только ты выслушай правило константинопольскаго собора: мірской человѣкъ, безъ суда повергающій епископа въ темницу, или оскорбляющій его другимъ какимъ нибудь образомъ, проклятъ [2]. «На это есть грамота отъ собора», возразилъ Паисій Лигаридъ. «А на основаніи какихъ правилъ церковныхъ она писана?» спросилъ Никонъ. «Съ собору писана, а не отъ правилъ», отвѣчалъ Паисій. «Пусть дѣлаютъ, что̀ хотятъ», заключилъ Никонъ, «воля ихъ да будетъ!»

Не менѣе своего патріарха терпѣли отъ слѣдователей и всѣ духовные и мірскіе люди, жившіе съ нимъ. Стрѣльцы врывались въ полномъ своемъ вооруженіи въ монастырскія келліи и даже въ церковь во время богослуженія, съ насиліемъ влекли иноковъ и мірскихъ людей къ допросу, и послѣ допроса, соединеннаго съ жестокими пытками, содержали подъ крѣпкою стражею.

Одержимый такою «напастію» [3], Никонъ усугубилъ свои молитвы къ Заступницѣ усердной, Матери Господа Вышняго. По окончаніи обыкновеннаго молебна предъ иконою Божіей Матери, «пѣваемаго во всякой скорби душевной», Никонъ каждый день послѣ литургіи съ обильными слезами, стоя на колѣнахъ предъ иконою Богоматери, и съ распростертыми руками взывалъ съ сонмомъ своихъ иноковъ къ Царицѣ небесной: «предстательство христіанъ непостыдное», и т. д.

---

[1] Но государь впослѣдствіи писалъ Никону, что бояре распоряжались съ нимъ такимъ образомъ совершенно своевольно.

[2] Собор. въ хр. прем. Б. пр. 3.

[3] «Нѣсть ли се гоненіе и беззаконіе? За многія лѣта такого беззаконія нѣсть слышано,» говоритъ объ этомъ слѣдствіи Никонъ.

И однакожъ, по донесенію самихъ слѣдователей, крайне недобросовѣстному [1], все дѣло Никона состояло только въ томъ, что онъ велѣлъ читать на молебнѣ псалмы съ осужденіями на нечестивыхъ, имѣя въ виду Бобарыкина; а свидѣтели, которыхъ слѣдователи допрашивали, единогласно говорили, что за царя патріархъ велѣлъ читать и читались ектеніи, но—къ кому относились псалмы, имя того не было произносимо [2]. «Непристойныя рѣчи Никона про царя», о которыхъ доносилъ Бобарыкинъ, состояли только въ томъ, что Никонъ укорялъ царя за общеніе съ «латиномудреннымъ Паисіемъ».

По самому донесенію слѣдователей царь не могъ не видѣть ненависти, преслѣдующей Никона, и поспѣшилъ успокоить патріарха своими подарками.—Но злоба недоброжелателей Никона нашла новое средство къ возмущенію мирныхъ и святыхъ занятій его въ Воскресенскомъ уединеніи.

Никонъ, какъ ревностный архипастырь, заботясь сдѣлать иновѣрныхъ сыновъ отечества сынами единой православной отечественной Церкви, и связать ихъ съ нею крѣпкими узами сыновней преданности и любви, имѣлъ обычай держать новокрещенныхъ подъ непосредственнымъ своимъ надзоромъ—до времени значительнаго преспѣянія ихъ въ вѣрѣ и благочестіи. Въ числѣ такихъ новокрещенныхъ жили съ нимъ въ Воскресенскомъ монастырѣ два еврея, — христіяне впрочемъ по имени и совершившемуся надъ ними крещенію, но усердные почитатели талмуда по вѣрѣ и душевнымъ своимъ свойствамъ. Одинъ изъ нихъ часто отлучался изъ обители въ столицу къ

---

[1] Ист. р. Ц. 1850, IV, стр. 63.

[2] «И то не статное дѣло,» говорилъ Никонъ, «проклинать государя; азъ говорилъ молитвы святыя о его государевомъ здоровьѣ и о государынѣ царицѣ, и о государѣхъ царевичахъ, а на обидящихъ насъ, каковы молитвы сложены отъ Давида царя, якоже той молится въ своихъ скорбѣхъ и гоненіихъ къ Господу Богу на враговъ своихъ, и я тѣ молитвы говорилъ, и что въ нихъ писано, мнѣ того нельзя убавить,—такъ безъ убавки св. Церковь приняла.» См. возр. на 26 вопр.

такому же еврею, по имени Даніилу, извѣстному при дворѣ [1]. Въ домѣ Даніила, говоритъ Шушеринъ, совершались жидовскіе обряды, въ которыхъ принималъ участіе и крестникъ патріарха. Неблагодарный, онъ дерзалъ даже клеветать на Никона предъ Даніиломъ, который въ свою очередь, въ надеждѣ милостей отъ бояръ, не медлилъ распространять эти клеветы при дворѣ. Нашлись между тѣмъ люди, которые сказали обо всемъ этомъ патріарху. Никонъ приказалъ изслѣдовать это дѣло. По обыкновенному производству судебныхъ розысковъ въ то время, обвиняемаго стали пытать, и наложили ему раны, какъ говоритъ Шушеринъ. Но онъ не признавался. Потому, велѣно было посадить его въ монастырскую тюрьму. Въ это время, новокрещенный товарищъ его, опасаясь, быть можетъ, и самъ пытокъ, тайно убѣжалъ въ Москву, и, явившись «на государевомъ дворѣ,» громко закричалъ: «за мною есть государское слово.» Государь повелѣлъ привести его къ себѣ, и услышалъ отъ него, что въ Воскрес. монастырѣ брошенъ патріархомъ въ темницу человѣкъ, который проситъ царское величество освободить его отъ оковъ, и позволить ему явиться на судъ въ Москву. Тогда же посланы были въ Воскресенскій монастырь чудовскій архимандритъ Іоакимъ и одинъ гражданскій чиновникъ съ отрядомъ стрѣльцовъ. Никонъ безпрекословно отдалъ имъ невѣрнаго служителя своего и Христова. Дерзкій клеветникъ не убоялся очернить непорочную жизнь Никона и предъ самимъ царемъ: строгаго подвижника, добровольно расторгнувшаго узы брака ради уединенной жизни для Бога, онъ обвинялъ предъ царемъ въ невѣрности своимъ обѣтамъ и во многихъ другихъ преступленіяхъ, даже въ смертоубійствѣ. Изумился кроткій и благочестивый царь,

---

[1] Изъ исторіи медицины Рихтера видно, что этотъ Даніилъ былъ дѣйствительно изъ евреевъ, и служилъ лѣкаремъ при аптекарскомъ приказѣ, и пользовался такою милостію царя, что былъ имъ пожалованъ въ званіе доктора медицины. Не удивительно, если Никонъ опасался новыхъ клеветъ на себя отъ близкихъ сношеній своего крестника съ Даніиломъ. См. ч. II. стр. 260.

и строго, подъ угрозой лишенія языка, запретилъ ему распространять эти слухи о патріархѣ [1].

Въ маѣ 1664 года возвратился въ Москву съ Востока іеродіаконъ Мелетій съ отвѣтами четырехъ восточныхъ патріарховъ на 25 вопросовъ русской Церкви о разныхъ случаяхъ изъ исторіи патріарха Никона. Восточные первосвятители, основаясь на томъ, что слышали изъ устъ Мелетія о Никонѣ, и что писали имъ изъ Москвы въ особенныхъ жалобныхъ грамотахъ на патріарха [2], рѣшили вопервыхъ возникавшій тогда въ нашемъ отечествѣ по дѣлу Никона вопросъ «о предѣлахъ власти царской и патріаршей [3],» и потомъ строго осудили поступокъ Никона при избраніи его въ санъ всероссійскаго патріарха, когда онъ требовалъ отъ царя, пастырей и всего народа клятвы въ вѣрности себѣ [4], также—возстаніе его противъ монастырскаго приказа и уложенія [5], анаѳему на Питирима и другихъ [6], титло великаго государя [7], созданіе монастырей [8], участіе въ управленіи дѣлами государственными [9], особенно—удаленіе изъ Москвы въ воскресенское уединеніе [10], за что̀ уже теперь опредѣлили ему быть низведеннымъ на степень *простаго монаха,* посвященіе имъ людей на церковныя должности послѣ удаленія своего съ престола [11], отзывъ его о соборѣ 1660 г. [12], улучшенія, сдѣланныя имъ въ чинѣ общественнаго богослуженія [13], и наконецъ гнѣвъ его за оскорбленіе его боярина [14]. «Тотъ архіерей,» заключаютъ свое разсужденіе восточные патріархи, «тотъ архіерей, ко-

---

[1] Тѣмъ не менѣе и эта клевета, какъ увидимъ, послужитъ поводомъ къ особому и тяжкому обвиненію Никона.

[2] Такъ говоритъ одинъ изъ нихъ самихъ. См. собр. г. гр. и дог. IV, № 141.

[3] Поэтому и заглавіе надъ ними въ русскомъ изданіи ихъ значится такое: «о власти царской безпредѣльной, а патріаршей ограниченной.» См. собр. гос. гр. и дог. т. IV, № 27. Вопр. и отв. 1, 2.

[4] Вопр. и отв. 3. [5] Вопр. и отв. 4 и 5. [6] Вопр. и отв. 6 и 7. [7] Вопр. и отв. 10 и 11. [8] Вопр. и отв. 12. [9] Вопр. и отв. 13.

[10] Вопр. и отв. 14, 15 и 16.

[11] Вопр. и отв. 17. «Да извержется и накажется мірски.»

[12] Вопр. и отв. 18, 19, 20, 21, 22 и 23. Также 8 и 9.

[13] Вопр. и отв. 24. [14] Вопр. и отв. 25.

торый виновенъ по всѣмъ этимъ нашимъ отвѣтамъ, учиненнымъ безъ всякаго грѣха (ἀπροκριματίως), долженъ быть низверженъ изъ архіерейской чести и достоинства, и другой вмѣсто него да рукоположится [1].»

Патріархъ іерусалимскій Нектарій сдѣлалъ на концѣ общихъ патріаршихъ отвѣтовъ еще свою особенную приписку, въ которой утверждалъ, «что по отвѣтамъ, изложеннымъ восточными патріархами, судится (εὑδόνεται) не только епископъ и митрополитъ, но и патріархъ, который не долженъ говорить, что ему нельзя быть судимымъ отъ своихъ, учиненныхъ ему епископовъ: «всякая церковная персона,» говоритъ Нектарій, «отъ коеяждо церковныя персоны правима есть, съ настоящимъ слогомъ святыхъ правилъ (τῷ παρόντι συνταγματι τῶν ἱερῶν κανόνων) [2].

Отвѣты восточныхъ патріарховъ, съ особенною припискою къ нимъ Нектарія, были присланы въ Москву, какъ мы уже сказали, съ іеродіакономъ Мелетіемъ. Но въ тоже время Нектарій отправилъ отъ себя особыхъ довѣренныхъ людей къ царю Алексѣю Михайловичу для испрошенія милостыни, и имъ вручилъ особливую грамоту къ нему, съ убѣдительнымъ прошеніемъ о возвращеніи Никона на московскій патріаршій престолъ [3]. Эта грамота проникнута самымъ глубокимъ и живымъ сочувствіемъ къ несчастному русскому патріарху, пламенною и сердечною любовію къ Церкви и благосостоянію ея служителей, и открытымъ выраженіемъ чувствъ мыслей своей души. Нектарій писалъ, что ни въ грамотѣ царской, ни въ наказѣ, данномъ послу, не нашелъ онъ при-

---

[1] Подписали: Діонисій конст., Паисій алекс., Макарій антіох. и Нектарій ерусалимскій. [2] Собр. госуд. гр. и дог. т. IV, № 27, въ концѣ.

[3] Собр. госуд. гр. и дог. т. IV, № 37. Отсюда видно, что восточные первосвятители въ совѣсти своей сознавали несчастное состояніе Никона по ненависти его сильныхъ враговъ, но не смѣли открыто выражать своего мнѣнія. Бѣдственное состояніе ихъ самихъ заставляло ихъ быть весьма осторожными: на царя они вполнѣ надѣялись, и хотѣли возвѣстить ему правду, но бояръ опасались, и имъ давали уклончивые отвѣты.

чинъ къ строгому осужденію Никона, и умолялъ царя вспомнить заслуги этого достойнаго патріарха, не слушать возмутителей общественнаго покоя, возвратить Никона на патріаршій престолъ, и тѣмъ возстановить миръ въ отечественной Церкви[1]. «Проспмъ мы священное ваше величество.» писалъ Нектарій, «чтобы вы не преклоняли слуха вашего къ совѣтамъ мужей завистливыхъ, любящихъ мятежи и возмущенія. Свидѣтельствуюсь Богомъ, что насъ весьма огорчили случившіеся въ россійской Церкви соблазны. Вы не вѣдаете, что въ теперешнемъ положеніи, когда наша Церковь находится подъ игомъ рабства, мы уподобляемся кораблямъ, потопляемымъ постоянными бурями отъ разныхъ притѣсненій языческихъ, и одну вашу россійскую Церковь мы видѣли, подобно второму Ноеву ковчегу, служащею спасеніемъ отъ всякаго языческаго потопа, и сохраняющею въ себѣ неистлѣнными сѣмена благочестія. Нынѣ же кто внушилъ вамъ отвращеніе отъ сего блага мира? Миролюбивѣйшій государь! послѣдуй кротости Давида, воспріими ревность по вѣрѣ православной, и постарайся со тщаніемъ паки возвести законнаго патріарха вашего на престолъ его, дабы во время священнаго твоего царствованія не было положено злаго и гибельнаго начала смѣнять православныхъ и правомыслящихъ о догматахъ вѣры патріарховъ вашихъ. Это послужило началомъ паденія Церкви нашей въ Константинополѣ, и содѣлало насъ посрамленными предъ западною Церковію. Опасайтесь и вы, чтобы необычайное у васъ не обратилось въ гибельную привычку.—Если Никонъ говоритъ, что онъ отрекался не отъ престола, а отъ непокорныхъ, то явно, что онъ обличаетъ непокорность народа. Итакъ, покажите къ нему достодолжное повиновеніе, какъ къ строителю благодати, повиновеніе, говорю, не обыкновенное въ церквахъ Божіихъ, но каковое предписываютъ

---

[1] Объ «отвѣтахъ» восточныхъ патріарховъ Нектарій замѣчаетъ, что они не могутъ служить основаніемъ для рѣшительнаго осужденія Никона, какъ приговоръ заочный.

Божественные законы. Если бы киръ Никонъ и письменно отрекся отъ престола, то и сіе извинительно [1].»

Это письмо восточнаго патріарха, чуждаго смутъ русскихъ бояръ, произвело глубокое впечатлѣніе на добродушнаго царя. Онъ и всегда понималъ друга своего лучше, чѣмъ кто либо изъ придворныхъ вельможъ. Теперь убѣжденіе въ невинности и величіе Никона было въ немъ снова оживлено. Великодушный государь вспомнилъ заслуги Никона для Церкви и престола, какбы забылъ огорченія, какія терпѣлъ отъ него въ предшествовавшее печальное время взаимныхъ несогласій, и не хотѣлъ выдать Никона злобѣ многочисленныхъ его недоброжелателей. Въ октябрѣ тогоже (1664) года Никонъ прислалъ въ Москву своего архимандрита, по нуждамъ воскресенской обители. Царь благосклонно принялъ архимандрита, и написалъ къ самому Никону письмо, полное любви и уваженія: «Великому государю,» писалъ царь, «святѣйшему Никону, архіепископу царствующаго града Москвы и всея великія и малыя и бѣлыя Россіи патріарху... Да ты жалуешь—пишешь, тужишь о насъ; и аще Богъ дастъ, живъ будешь, за твоими пресвятыми молитвами не зарекались и не зарекаемся и паки пріѣзжать; а старца твоего государева, новаго Іерусалима, препокоивъ, отпустилъ къ тебѣ, и стрѣльцовъ Саввы чудотворца 50 человѣкъ послалъ. Царь Алексѣй со многою любовію радостною лобызавъ честную десницу твою государеву, челомъ бью [2].»

Теперь обрадовались друзья и доброжелатели Никона, и предприняли намѣреніе утвердить царя въ прежней любви и расположенности къ патріарху. Этотъ опасный подвигъ взялъ на себя боярин Никита Алексѣевичь Зюзинъ [3]. Ни-

---

[1] Въ концѣ своей грамоты Нектарій, между прочимъ, пишетъ: «съ симъ вмѣстѣ пишу и къ нему (Никону), братски увѣщевая его, что ему не прилично было оставить столицу, и не жить въ оной. Если соизволите царское величество, то перешлите къ нему помянутое писаніе.»

[2] Чт. м. о. и. и др. р. 1848. № 5, въ концѣ.

[3] Шушеринъ называетъ его мужемъ «благочестивымъ и богобоязненнымъ.» Исторически извѣстно, что онъ былъ нѣкогда бояриномъ Никона. См. дворц.

конъ любилъ Зюзина и уважалъ его, какъ прямаго и достойнаго слугу престола [1]. Въ свою очередь, Зюзинъ понималъ великія достоинства Никона, и видѣлъ ненависть, какою преслѣдовали его бояре. Преданность его патріарху изобрѣла средство примирить царя и патріарха,—средство, обѣщавшее, по видимому, несомнѣнный успѣхъ. Зюзинъ хотѣлъ соединить опять сердца обоихъ друзей внезапнымъ свиданіемъ. Онъ предполагалъ, что внезапное появленіе Никона въ Москвѣ обрадуетъ царя, и сильнѣе оживитъ въ немъ чувство любви къ прежнему искреннему своему другу [2]. Зюзинъ отправляетъ къ Никону письмо. Въ немъ извѣщаетъ патріарха, что будто бы царь прислалъ къ нему «ближнихъ своихъ людей» — Артамона Матвѣева и Аѳанасія Нащокина [3], и чрезъ нихъ велѣлъ ему, Никитѣ, написать къ Никону письмо слѣдующаго содержанія: «чтобы Никонъ въ слѣдующій воскресный день, или на праздникъ святаго Петра митрополита, пріѣхалъ къ утрени въ московскій Успенскій соборъ; стражѣ, которая бы стала спрашивать его при воротахъ городскихъ, сказалъ, что это власти Саввинскаго монастыря; по входѣ въ соборную церковь, сталъ на обычномъ патріаршемъ мѣстѣ, взялъ въ руку посохъ св. Петра митрополита и послалъ просить царя къ утрени; тогда царь, сказано въ письмѣ, пришлетъ бояръ съ отказомъ, но Никонъ не долженъ ихъ слушать; онъ долженъ чрезъ этихъ же бояръ просить у государя ключей отъ келлій

разр. т. III, стр. 333. Самъ Никонъ называетъ его «человѣкомъ святаго житія.» См. грам. Никона къ конст. патр. Діон.

[1] Никонъ въ свое время покровительствовалъ Зюзину; самъ исходатайствовалъ ему достоинство боярское. См. дворц. разр. т. III, стр. 347. Онъ также своимъ ходатайствомъ возвратилъ Никиту милость царя, которой Никита лишился было во время своего воеводства въ Путивлѣ. См. чт. м. общ. ист и др. р. 1818 № 8, въ концѣ. Странств. ант. патр. Макарія въ библ. для чт. т. XV, III, стр. 73.

[2] «Не вѣмы,» говорилъ Никонъ о поступкѣ Зюзина, «по царскому ли, истинно велѣнію, или другихъ своихъ наговоромъ, или своимъ повѣніемъ-хотя между нами любовь сотворити и миръ, писалъ намъ даже до трижды.» См. грам Никона къ конст. патр. Діонисію.

[3] Никонъ называетъ ихъ «любимцами» царскими. Тамъ же.

патріаршихъ; царь ключи пришлетъ; по совершеніи утрени Никонъ долженъ идти въ свои келліи, и просить къ себѣ государя; тогда царь чрезъ нѣсколько времени самъ придетъ къ нему и переговоритъ о его дѣлѣ». Но Никонъ могъ придти къ вопросу, почему же царь написать такое письмо къ нему поручилъ Никитѣ Зюзину, а не кому нибудь другому? Зюзинъ предвидѣлъ такое недоумѣніе въ патріархѣ, и прибавляетъ въ письмѣ, будто Нащокинъ и Матвѣевъ сказали ему отъ имени царя, что—болѣе некому поручить это дѣло, такъ какъ Никонъ никому другому, кромѣ Зюзина, не повѣритъ. Въ заключеніе письма Зюзинъ проситъ Никона возвратить къ нему подлинникъ письма.

Письмо отправлено съ новгородскимъ священникомъ Сисосмъ Андреевичемъ. Но Никонъ не повѣрилъ такому неожиданному извѣстію. Онъ списалъ съ письма копію, и оставилъ ее при себѣ, а подлинникъ возвратилъ чрезъ того же священника къ Зюзину, съ такой припиской: «не возможно тако быти, во еже мнѣ тако къ Москвѣ шествіе сотворити.

Прошло нѣсколько дней; Никонъ не являлся въ Москвѣ; Зюзинъ не хотѣлъ оставить своего предпріятія. Онъ призываетъ къ себѣ одного изъ иподіаконовъ патріаршихъ, и объявляетъ ему, будто царь посылаетъ его къ Никону съ письмомъ. «Царь вѣдаетъ», говорилъ ему Зюзинъ, «твою любовь къ патріарху, такожде и онаго къ тебѣ». Иподіаконъ не вѣрилъ; всѣ тогда знали безпомощное состояніе Никона, и боялись печальной участи людей, которые рѣшались говорить или дѣлать что нибудь въ пользу и защиту преслѣдуемаго патріарха. Зюзинъ призвалъ своего духовника, и представилъ его въ свидѣтели истины своихъ словъ. Иподіаконъ повѣрилъ, и понесъ Никону новое письмо отъ Зюзина. Здѣсь было сказано, что царь въ другой разъ присылалъ къ нему, Зюзину, своихъ ближнихъ людей, Матвѣева и Нащокина, и опять поручилъ ему извѣстить Никона о своемъ желаніи видѣть патріарха въ Москвѣ. «Даже», прибавлялъ Зюзинъ, «царь прислалъ ко мнѣ съ ними записку собственной руки,

гдѣ было сказано, чтобы я вѣрилъ тому, что будутъ говорить мнѣ Артамонъ и Аѳанасій. «И ты убо, святѣйшій» заключалъ свое письмо Зюзинъ, «повѣрь намъ и пришествіе сотвори».

Никонъ и съ этимъ письмомъ поступилъ такъ же, какъ съ первымъ. Копію съ него оставилъ у себя, а подлинникъ возвратилъ, по желанію Зюзина, къ нему. Въ собственной запискѣ къ своему доброжелателю опять отвѣчалъ: «Не возможно сему тако быти».

Спустя еще немного дней, Зюзинъ опять посылаетъ того же иподіакона къ Никону съ новымъ письмомъ. Онъ проситъ патріарха покориться волѣ великаго государя, который въ третій разъ будто бы извѣщаетъ его о своемъ желаніи видѣть прежняго своего друга въ Москвѣ. «Если же и теперь не будешь въ Москву», писалъ Зюзинъ Никону отъ имени царя, «и не сотворишь мира въ Церкви и между нами; то знай, что во вѣки не водворится въ Церкви тишина, и наша любовь не возстановится; если же ты прибудешь теперь въ Москву, по нашему желанію, то во всемъ исполнимъ волю твою, какъ угодно будетъ тебѣ и Господу Богу».

Никонъ отвѣчалъ посланнику: «возвращенія себѣ патріаршаго престола не желаю; но мира и тишины Церкви Божіей и царскаго милосердія душевно желаю; только боюсь, чтобы въ этомъ дѣлѣ не было обмана. Но вручаю себя волѣ Божіей и царскому благоволенію». Иподіаконъ отвѣчалъ, что Зюзинъ посылалъ его съ письмомъ при своемъ отцѣ духовномъ во имя царскаго повелѣнія. Никонъ рѣшился испытать на самомъ дѣлѣ вѣрность этихъ извѣстій, не возвратилъ теперь Зюзину подлиннаго его письма, и сталъ собираться въ путь. «Скажи боярину», говорилъ онъ иподіакону, «что я самъ буду въ Москву, и письмо его привезу».

Ласковый пріемъ, сдѣланный незадолго предъ этимъ временемъ, какъ мы видѣли, царемъ архимандриту воскресенскому, также дружеское письмо царя, которое получилъ Никонъ тогда же съ архимандритомъ своимъ, и наконецъ одно

представившееся ему въ церкви во время утренняго богослуженія видѣніе, въ которомъ предсталъ ему сонмъ прежде почившихъ святителей, возставшихъ изъ гробовъ въ храмѣ Успенія, и по воззванію св. Петра, давшихъ ему руки съ поощреніемъ къ защитѣ Церкви [1],—разсѣяли въ душѣ его тѣни сомнѣнія касательно содержанія письма Зюзина, и расположили его исполнить предложеніе усерднаго къ нему боярина.

Въ субботу за недѣлю до праздника Рождества Христова, послѣ вечерняго богослуженія, Никонъ отправился въ Москву съ архимандритомъ своимъ и нѣсколькими иноками. У московскихъ Смоленскихъ воротъ ихъ спросили—«кто они?» отвѣтъ былъ: «Власти Саввина монастыря». Послѣ этого, ихъ пустили въ Москву [3]. Никонъ явился прямо въ Успенскій соборъ. Здѣсь совершалась уже утреня, и читали первую кафизму. При входѣ въ церковь, Никонъ велѣлъ своимъ спутникамъ пѣть входное «достойно есть», а самъ приложился къ св. иконамъ. Протодіаконъ сказалъ ектенію «помилуй насъ, Боже», и, послѣ обычнаго возгласа священника, Никонъ сталъ на патріаршемъ мѣстѣ, и взялъ въ руку оставленный имъ нѣкогда посохъ св. Петра митрополита. Тогда подошелъ къ нему подъ благословеніе митрополитъ ростовскій и ярославскій Іона III Сисоевичъ, бывшій мѣстоблюстителемъ патріаршимъ [4], также протоіерей собора и прочіе священники и весь народъ. Начали продолжать чтеніе псалтири. Никонъ призываетъ къ себѣ митрополита Іону, и посылаетъ его съ воскресенскимъ архимандритомъ и однимъ

---

[1] См. описаніе видѣнія въ рукоп. Воскр. монаст.

[2] На это время указываетъ Никонъ въ грамотѣ къ констат. патр. Діонисію. Рукоп. Воскр. монаст.

[3] А самого Никона запрещено было впускать въ столицу.

[4] Онъ былъ рукоположенъ изъ архимандритовъ ростовскаго Авраміева монастыря въ митрополита ростовскаго патріархомъ Никономъ, августа 22, 1652 г. См. дворц. розр. т. III, стр. 325. Чт. м. общ. ист. и др. р. 1847 г. № 2. Древняя святыня ростовская. А Питиримъ былъ въ это время уже новгородскимъ митрополитомъ.

изъ соборныхъ священниковъ [1] къ государю сказать, что «патріархъ принесъ миръ и благословеніе великому государю, всему его царскому дому, и всему царствующему дому».

Посланные явились къ государю, и передали ему слова Никона. Царь пришелъ въ изумленіе. Немедленно были отправлены гонцы къ знатнѣйшимъ боярамъ и духовнымъ властямъ—звать ихъ во дворъ царскій для совѣта. Минута была рѣшительная: отъ нея зависѣло или паденіе враговъ Никона, или низверженіе его самого. Бояре и духовенство собрались во дворецъ, и положили послать къ Никону съ вопросомъ: «почему и зачѣмъ онъ прибылъ?»

Былъ посланъ бояринъ Никита Одоевскій съ нѣсколькими другими. [2] Никонъ отвѣчалъ имъ, что принесъ миръ и благословеніе великому государю, всему дому царскому и всей своей паствѣ [3]. Съ такимъ отвѣтомъ посланные возвратились во дворецъ, гдѣ ожидала ихъ царская дума.

Бояре и бывшіе здѣсь архіереи дали царю совѣтъ — отослать Никона опять въ Воскресенскій монастырь. Съ такимъ порученіемъ отправились къ Никону: бояринъ Одоевскій, Паисій Лигаридъ, Питиримъ и нѣкоторые другіе изъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ [4]. Но патріархъ, согласно содержанію письма, объявилъ имъ желаніе видѣть лице самаго царя. «Хощу видѣти лице царское и благословити домъ его», сказалъ имъ Никонъ. Посланные укорили его тѣмъ, что онъ прибылъ въ Москву, какъ тать, въ нощи, и присовокупили: «не возможно тебѣ видѣти царскаго лица, потому что о твоемъ дѣлѣ дано уже знать неоднократными грамотами вселенскимъ восточнымъ патріархамъ, и вскорѣ ждемъ пришествія ихъ въ Москву; поэтому». говорили посланники Никону, «нельзя тебѣ видѣть царя до вселенскихъ патріарховъ». Въ заключеніе

---

[1] См. грам. Никона къ конст. патр. Діонисію. Рукоп. Воскр. мон.

[2] Тамъ же. [4] Совершенно согласно съ Шушериным передаетъ эту рѣчь и самъ Никонъ въ грамотѣ къ конст. патр. Діонисію.

[1] Самъ Никонъ говоритъ объ этомъ въ грамотѣ къ конст. патр. Діонисію. Рукоп. Воскр. мон.

своей рѣчи они опять повторили Никону, чтобы онъ немедленно возвратился въ Воскресенскій монастырь: «пойди ты», говорили они ему, «въ свой Воскресенскій монастырь, и живи тамъ до указу, и не мѣшкай, чтобъ большаго дурна не учинилось» [1]. Никонъ отвѣчалъ рѣшительно, что имѣетъ крайнюю нужду видѣться съ царемъ «ради нужныхъ великихъ дѣлъ». Посланные донесли объ этомъ государю.

Все это происходило въ большомъ Успенскомъ соборѣ, во время утрени.

Окончилась утреня. Никонъ въ церкви ожидалъ отвѣта отъ царя. Является опять Одоевскій, и объявляетъ снова, чтобы Никонъ возвратился въ Воскресенскій монастырь, впредь до царскаго указа. Никонъ приложился къ св. иконамъ, и вышелъ изъ церкви, взявъ съ собой и посохъ св. митрополита Петра. Ключарь просилъ его оставить посохъ въ соборѣ, но Никонъ отвѣчалъ ему: «не твое дѣло; я прежде оставилъ его; я же теперь и беру его».

У церкви ожидали Никона бояринъ Димитрій Долгорукій и отрядъ стрѣльцевъ съ полковникомъ. Государь приказалъ имъ проводить Никона за городъ, чтобы не произошло народнаго смятенія. Садясь въ сани, Никонъ отрясъ прахъ съ ногъ своихъ, возглашая слова Спасителя: *идѣже аще не пріемлютъ васъ, исходяще отъ града того, и прахъ отъ ногъ вашихъ отрясите, во свидѣтельство на ня* (Лук. 9, 5) [2]. Полковникъ стрѣлецкій отвѣчалъ: «а мы этотъ прахъ подметемъ». «Размететъ васъ сія метла явившаяся», возразилъ ему Никонъ, и отправился въ путь [3].

За «земляным городомъ», боярин велѣлъ остановиться Никону, «для великаго государева дѣла». Никонъ остановился. «Государь повелѣлъ мнѣ», сказалъ Долгорукій, «просить

---

[1] Тамъ же. [2] Тоже дѣлалъ Никонъ «и по всѣмъ градным вратомъ по пути» какъ самъ говоритъ. См. его грам. къ конст. патр. Діонисію. Рук. Воскр. мон. [3] Никонъ подъ этой метлой разумѣлъ явившуюся тогда комету. См. Берха, ч. 2, стр. 119—121.

у тебя для него благословенія и прощенія».—«Богъ его проститъ», отвѣчалъ Никонъ, «если только эта смута не отъ него произошла».—«Какая смута?» спросилъ его Долгорукій. Никонъ отвѣчалъ: «если государь не виновенъ въ настоящемъ моемъ пришествіи въ Москву, если это сдѣлалось не по его волѣ и безъ его вѣдома, то Богъ ему проститъ». Долгорукій съ такимъ отвѣтомъ патріарха возвратился къ государю; вмѣстѣ съ нимъ оставили Никона и стрѣльцы.

По приходѣ къ государю, Долгорукій объявилъ ему отвѣтъ Никона, и присовокупилъ, что патріархъ взялъ съ собой посохъ св. Петра митрополита. Опять вопросъ—какъ поступить теперь съ патріархомъ? Надобно было узнать обстоятельнѣе о пріѣздѣ его въ Москву, и взять у него посохъ святаго митрополита московскаго. За тѣмъ и другимъ отправили къ Никону, со стороны духовенства—митрополита сарскаго Павла и чудовскаго архимандрита Іоакима, а изъ гражданскихъ сановниковъ — окольничаго Продіана Стрѣшнева и дьяка Алмаза Иванова съ 6-ю стрѣлецкими головами и многими ратными людьми [1]. Имъ велѣно было почтительно просить у патріарха посоха, если онъ у него самого въ рукахъ; если же у иподіакона патріаршаго, то взять безъ дальнихъ объясненій, но не возвращаться въ столицу безъ посоха и яснаго отвѣта отъ Никона о его приходѣ въ Москву. Посланные встрѣтили Никона въ селѣ Черневѣ [2]. Здѣсь они объявили ему волю царя и собора. Но Никонъ не хотѣлъ ни открыть имъ тайны письма, по которому явился въ Москву, ни отдать посоха. Упорство съ той и другой стороны продолжалось двое сутокъ. Домъ, гдѣ остановился патріархъ, постоянно окруженъ былъ стражею. Посланные къ нему отъ царя, въ точности исполнивъ данный имъ наказъ, находились при Никонѣ неотлучно, и не переставали докучать ему требованіемъ о дѣлѣ, для котораго посланы къ нему [3].

[1] См. грамоту Никона къ конст. патр. Діонисію. [2] По словамъ Никона, это село отстоитъ отъ Москвы на 20 верстъ.—См. грам. къ конст. патр. Діонисію.

[3] Никонъ говоритъ, что его томили и голодомъ: «много томили насъ гладомъ и всякою нуждою.» См. грам. къ конст. патр. Діонисію.

Терпѣніе Никона, наконецъ, истощилось. Онъ увидѣлъ, «что отъ нихъ не избыть» [1]. Взявъ въ руку свою посохъ, и крѣпко держа его, Никонъ обратился къ посланнымъ, и сильнымъ голосомъ сказалъ имъ: «при первомъ нашемъ удаленіи изъ Москвы, мы свидѣтельствовали въ соборномъ храмѣ, что государь царь несправедливо гнѣвается на насъ; теперь тоже свидѣтельствуемъ предъ этимъ св. посохомъ, и просимъ царское величество оставить свой гнѣвъ на насъ. Буде ему наше смиреніе не годно патріархомъ на Москвѣ быти», продолжалъ Никонъ, «и онъ, якоже хощетъ, да сотворитъ, точію насъ бы жаловалъ—не оскорблялъ, и кто будетъ у него патріархъ, и онъ бы тоже не изобижалъ насъ, и ни во что же наше достояніе не вступался». Потомъ, возвышая голосъ, Никонъ такъ заключилъ свою рѣчь: «и аще царское величество правду станетъ къ намъ держать, то сей св. посохъ ему въ благословеніе, и въ отмщеніе супостатомъ его; аще ли кая неправда его къ намъ смиреннымъ обрящется, то да будетъ сей св. посохъ ему во свидѣтельство и отмщеніе всякой неправдѣ его» [2]. Затѣмъ вручилъ посохъ своему архимандриту Герасиму, который сопровождалъ его въ Москву и теперь, по указу царя, долженъ былъ съ настоящими посланными изъ Москвы возвратиться ко двору. Ему же отдалъ Никонъ и письма Зюзина, и поручилъ отдать, какъ письма такъ и посохъ, лично государю.

Принявъ отъ архимандрита посохъ, государь отослалъ его въ соборъ съ митрополитомъ крутицкимъ Павломъ [3].

Зюзина подвергли жестокимъ пыткамъ, и среди ихъ допрашивали, по какому побужденію и съ чьего совѣта писалъ онъ письма къ Никону? Виновный не хотѣлъ скрывать своей вины. Онъ немедленно объявилъ, что все это сдѣлалъ «отъ своего изволенія, желая видѣть Церковь Божію въ умиреніи, такожде и великаго государя съ святѣйшимъ патріархомъ въ совѣтѣ, на Аѳанасія же Нащокина и Артемона Матвѣева пи-

---

[1] Тамъ же. [2] Тамъ же. [3] Ист. акт. V, 478—480.

салъ напрасно», прибавилъ онъ, «того ради, дабы мнѣ святѣйшій патріархъ о томъ писанія повѣрилъ».

Боярская дума приговорила Зюзина къ смерти, на основаніи 2 ст. 4 гл. уложенія. Но государь, «по просьбѣ благородныхъ чадъ своихъ», какъ сказано въ грамотѣ о наказаніи Зюзина, «помиловалъ его отъ смерти», но повелѣлъ лишить его всѣхъ вотчинъ, сослать въ Казань, и вписать въ число служивыхъ дворянъ, вмѣстѣ и съ дѣтьми его [1].

Иподіаконъ, носившій письма Зюзина къ Никону, не дожилъ до суда человѣческаго. Немного дней спустя, послѣ заключенія своего подъ стражу, онъ скончался, завѣщавъ тѣло свое погребсти въ обители воскресенской, къ которой питалъ чувства особенно благоговѣнія и преданности. Государь позволилъ исполнить это завѣщаніе вѣрнаго слуги патріаршаго. Никонъ встрѣтилъ его съ крестами за монастырской оградой, и съ особенною честію внесъ въ церковь, признавая въ немъ, какъ говоритъ Шушеринъ, мученика. Потомъ самъ совершилъ надъ нимъ погребеніе, и велѣлъ поставить гробъ его подъ лѣстницей, которая вела на Голгоѳу.

Священникъ Сисой, носившій первое письмо Зюзина къ Никону, былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь, и тамъ окончилъ остатокъ дней своихъ въ подвигахъ иноческихъ [2].

Митрополитъ ростовскій Іона подвергнутъ епитиміи за то, что подошелъ къ благословенію Никона, и уволенъ отъ званія блюстителя патріаршаго престола. На это мѣсто опредѣленъ былъ теперь Павелъ, митрополитъ крутицкій.

Когда наказаны были такимъ образомъ всѣ, которые были

---

[1] Собр. госуд. грам. и догов. т. IV, № 38. Жена Зюзина не видала мученій своего супруга; она скончалась жертвою своей искренней привязанности къ нему. Какъ только услышала она, что мужа ея требуютъ къ допросу, въ которымъ необходимо, по тогдашнимъ законамъ, соединялись мучительныя пытки, тогда же пала мертвою. Объ этомъ согласно говорятъ и Шушеринъ и самъ Никонъ въ грам. къ конст. патр. Діонисію.

[2] Такъ говоритъ Шушеринъ, а самъ Никонъ не зналъ въ точности о судьбѣ Сисоя; зналъ только, что онъ «безвѣстно заточенъ со всѣмъ домомъ.» См. грам. Никона къ конст. патр. Діонисію.

прикосновенны къ дѣлу Зюзина,—«тое смущеніе,» скажемъ словами Шушерина, «конецъ пріятъ».

Но теперь отправили къ самому Никону думнаго дьяка Дементія Башмакова, и чудовскаго архимандрита Іоакима—съ порученіемъ передать ему волю царя и собора, чтобы онъ изложилъ и прислалъ въ Москву на бумагѣ то, что устно говорилъ посланникамъ царскимъ въ селѣ Черневѣ, отдавая имъ посохъ св. Петра митрополита. Никонъ безпрекословно исполнилъ эту волю царя и собора. Онъ отправилъ къ собору грамоту, въ которой объявлялъ свое согласіе на избраніе новаго патріарха, прощалъ всѣхъ оскорбившихъ его, разрѣшалъ какъ виновныхъ предъ нимъ епископовъ, такъ и бояръ—Стрѣшнева Семена, Бобарыкина и подобныхъ имъ, какъ скоро они будутъ просить у него прощенія; но требовалъ, чтобы подъ его управленіемъ остались три, построенныя имъ, обители; чтобы въ распоряженіе ими не вмѣшивались епархіальные архіереи; чтобы постановленіе священнослужителей въ этихъ монастыряхъ и въ церквахъ, отъ нихъ зависящихъ, предоставлено было ему; наконецъ, чтобы ему занимать послѣ дѣйствительнаго московскаго патріарха первую степень на соборахъ, имѣть свободный доступъ къ царю, а также, чтобы и къ нему былъ свободный доступъ всѣмъ, кто пожелаетъ посѣщать [1]. Но соборъ, на разсмотрѣніе котораго предоставлено было царемъ это требованіе Никона, не согласился признать независимости Никона отъ власти новаго патріарха, дозволить ему свободное посвященіе священнослужителей въ его обителяхъ, безъ участія епархіальныхъ архіереевъ; требовалъ даже обратно вотчинъ, отписанныхъ отъ другихъ мѣстъ въ Воскресенскій монастырь; лишалъ этотъ монастырь имени новаго Іерусалима, и, наконецъ, ограничивалъ пріѣздъ Никоновъ въ столицу. Никонъ даже не былъ удостоенъ отвѣта отъ собора на свою грамоту. «Но не бысть намъ противу того отвѣта,»

[1] См. эту грамоту въ прилож. къ жизнеопис. Никона, составленному арх. Аполлосомъ. № XXI. Она писана 7173(1665) г., генв. 13. Акт. ист. V, 178—181.

говорилъ Никонъ [1]. И не могло быть отвѣта: въ Москвѣ нужна была эта грамота отъ Никона только для свидѣтельства, что онъ самъ не только будто бы устно, какъ прежде, но и письменно, какъ теперь, отрекся отъ патріаршаго престола [2]. Нужна была эта грамота для собора, который имѣлъ вскорѣ составиться для окончательнаго суда надъ Никономъ подъ предсѣдательствомъ самихъ восточныхъ патріарховъ.

Нельзя же было, наконецъ, оставаться дѣламъ Церкви въ такомъ неустроенномъ положеніи. Отвѣты восточныхъ патріарховъ, по отзыву одного изъ нихъ самихъ, не могли рѣшить окончательно участи Никона, какъ приговоръ заочный [3]. Между тѣмъ царь не хотѣлъ взять на себя осужденія патріарха, бывшаго нѣкогда любимѣйшимъ его другомъ. Итакъ, для водворенія въ Церкви мира и тишины, отправлены были ко всѣмъ четыремъ восточнымъ патріархамъ призывныя грамоты, чтобы они явились лично на соборъ въ Москву для суда надъ Никономъ, «дабы здѣсь своими очима видѣли они дѣла, отъ него творимыя, вящшее имѣли извѣстіе, и дабы очиститися пресвѣтлѣйшему царскому престолу, купно же во еже бы людскаго и мірскаго ухранитися надъ предбудущія времена отлаголанія, да не рекутъ изгнана быти Никона изъ патріаршества по страсти нѣкоей человѣческой! [4]. Но, какъ скоро стало извѣстно въ народѣ, что призываютъ въ Москву восточныхъ патріарховъ; суевѣріе мнимыхъ старообрядцевъ, окрѣпшее несчастіемъ Никона, дико возстало не только на Никона,

---

[1] См. грам. Никона къ конст. патр. Діонисію. Рукоп. Воскр. мон.

[2] См. 5-й вопросъ Стрѣшнева Паисію газскому. Рук. Воскр. мон.

[3] Грамата іерусалимскаго патріарха Нектарія къ царю Алексѣю Михайловичу, въ собр. гос. грам. и догов. т. IV, № 37.

[4] Виніоѳ. ч. IV, № II. Вѣроятно, сдѣлано это распоряженіе не позже начала 1666 г. По крайней мѣрѣ отъ 26 января 1666 г. одинъ изъ придворныхъ бояръ, отправляя въ Аѳонскіе монастыри царскую милостыню, въ объясненіе того, почему государь посылаетъ теперь къ нимъ небогатую милостыню, замѣчаетъ: «есть иное дѣло нѣкое, еже на время бытства своего щадити сокровища совѣщаетъ и понуждаетъ: точію прилежно, отцы святіи, молитеся о благополучномъ совершеніи настоящаго дѣла.» См. виніоѳ. ч. II, стр. 409.

но и на всю восточную Церковь, отъ которой не могло ожидать себѣ пощады. «Иные устно, другіе письменно», стали разглашать, будто вновь исправленныя Никономъ книги—еретическія, Церковь болѣе не Церковь, архіереи не архіереи, восточные христіане и пастыри ихъ потеряли чистоту вѣры, живя среди иновѣрныхъ» [1]. Волненіе въ народѣ возрастало болѣе и болѣе. «Священники оставили думать о церковномъ благочиніи, и стали гнушаться книгами, напечатанными при Никонѣ» [2]. Наконецъ, толпо гласно и дерзостно начали «лаять и клеветать» на Церковь «не словесы точію лживыми, но и писанми, много хуленіемъ исполненными, яко симъ (писаніямъ) даже рукамъ, онымъ же (словамъ) ушесамъ коснутися самаго пресвѣтлаго православнаго царя Алексѣя Михайловича» [3]. Тогда царь, «возревновавъ по Богѣ ревностію Иліиною», немедленно послалъ грамоты во всѣ грады и страны своего государства къ архіереямъ, призывая ихъ въ Москву на соборъ. Пастыри Церкви русской, «яко добріи вои Христовы и яко добріи пастыріе», поспѣшили на голосъ царя, и явились въ Москву въ февралѣ 1666 года. Но расколъ такъ глубоко и широко раскинулъ свои корни, что сами пастыри какбы не довѣряли другъ другу въ чистотѣ вѣры, и прежде, нежели приступили къ разсужденію о неустройствѣ Церкви, нашли нужнымъ предварительно «соиспытатися и совзыскати между собою тако въ православныхъ догматахъ вѣры, якоже и въ преданіяхъ св. отецъ, дабы не услышати: *врачу, исцѣлися самъ*». Итакъ въ предварительномъ собраніи пастырей въ патріаршей крестовой палатѣ, гдѣ въ это время не было никого болѣе, кромѣ особъ духовныхъ, они предложили сами себѣ три вопроса, особенно важныхъ по тому времени: а) «како должно есть непщевати о святѣйшихъ патріарсѣхъ греческихъ,—суть ли они православны, живуще подъ властію ве-

[1] См. прим. 315, въ книгѣ «о вѣрѣ». Ср. соборн. свитокъ при служ. 1668 г.

[2] Тамъ же, и рукоп. дѣяніе собора 1666—67 г. въ патр. моск. библ., съ котораго у насъ былъ вѣрный списокъ, и откуда взяты свѣдѣнія объ этомъ соборѣ. [3] Рукоп. дѣяніе собора 1666—67 года.

ликаго гонителя имени христіанскаго»? б) Книги греческія печатныя и древнія рукописныя, ихъ же гречестіи патріарси и вси священницы во всякомъ священнослуженіи употребляютъ, держати годствуетъ ли, и суть ли праведныя и достовѣрныя? в) «Соборъ, бывшій въ Москвѣ при патріархѣ Никонѣ (1654 г.), есть ли за праведный соборъ вмѣстителенъ?» На всѣ эти вопросы «бысть единъ гласъ всего освященнаго собора», что и греческіе патріархи, и греческія богослужебныя книги, и московскій соборъ 1654 г. — «православны во всемъ». Каждый архіерей, для большей достовѣрности, далъ свое мнѣніе на бумагѣ, и утвердилъ подписью своей руки [1].

Апрѣля въ 29 день было второе засѣданіе собора, въ царской столовой палатѣ. Оно открыто рѣчью царя къ отцамъ собора. «На плодоносной нивѣ православной русской державы,» говорилъ царь, «посѣялъ небесный Домовладыка пшеницу чистаго православія ученіемъ и подвигами сперва св. Апостола Андрея первозваннаго, потомъ — Кирилла и Меѳодія, впослѣдствіи согрѣлъ ее «рачительствомъ» великой княгини Ольги, наконецъ обильно одождилъ и возрастилъ водами крещенія Владимірова, такъ что она и плодъ нескудный принесла въ житницу небесную; но теперь,» продолжалъ царь, «возникли на этой нивѣ душевредные плевелы — расколы, которые угрожаютъ собой чистой пшеницѣ православія, и потому я,» говорилъ государь, «собралъ васъ сюда, зная, что «вашего званія дѣло есть, еже ниву Божію изъ плевелъ очищати; мы же,» продолжалъ о себѣ царь, «готовп есмы вся наша и самихъ насъ положити на побореніе по Церкви Божіей.» Затѣмъ, онъ предоставляетъ на соборъ уложеніе восточныхъ патріарховъ о патріаршествѣ въ Россіи (хрисовулъ) — книгу, которая для Никона служила руководствомъ въ исправленіи

[1] Присутствовали на этомъ соборѣ изъ митрополитовъ—новгородскій Питиримъ, казанскій Лаврентій, ростовскій Іона, сарскій Павелъ, сербскій Ѳеодосій; изъ архіепископовъ -вологодскій Симонъ, смоленскій Филаретъ, рязанскій Иларіонъ, тверскій Іоасафъ, псковскій Арсеній; епископъ одинъ—вятскій Александръ, державшійся сперва раскола, но въ 3-е засѣданіе собора раскаявшійся, и принятый въ общеніе.

всѣхъ безпорядковъ церковныхъ его времени [1], и спрашиваетъ отцевъ собора: «такъ ли вѣруютъ и исповѣдуютъ архипастыри русской Церкви?» Митрополитъ Питиримъ, отъ имени всего собора, благодарилъ царя рѣчью за ревность къ православію, и на вопросъ о книгѣ «хрисовулъ» отвѣчалъ:—«пріемлемъ ю, яко истинную броню вѣры; тако вѣримъ, тако держимъ, якоже въ ней.» Засѣданіе окончилось.

Утвердившись, такимъ образомъ, въ православіи, пастыри приступили къ изслѣдованію и разсмотрѣнію неустройствъ, волновавшихъ Церковь. Въ послѣдующія 7 засѣданій были призываемы къ суду собора всѣ главнѣйшіе виновники церковныхъ возмущеній. Многіе изъ нихъ раскаялись въ своихъ заблужденіяхъ, и были приняты соборомъ въ общеніе съ Церковію; но упорнѣйшіе остались непреклонны въ суевѣріи своемъ, и сосланы въ заточеніе [2]. Наконецъ, въ 2-е и послѣднее засѣданіе соборъ составилъ и положилъ обнародовать «наставленіе благочинія церковнаго,» чтобы «уврачевать душепагубный вредъ, заразившій собой многихъ членовъ россійской Церкви» [3].

---

[1] Такъ говоритъ объ этомъ самъ Никонъ въ возраж. на 26 вопр. Стрѣшнева, въ рук. Воскр. мон. Эта же книга расположила Никона, между прочимъ, какъ мы видѣли, къ ревностному исправленію нашихъ богослужебныхъ книгъ, «да ни едино разнство имамы» съ православною восточною Церковію.»

[2] Раскаялись въ своемъ заблужденіи: Александръ епископъ вятскій, попъ Никита, (который однакожъ при царяхъ — Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ производилъ снова мятежи), монахъ Ефремъ Потемкинъ, іеромонахъ Сергій, старецъ Серапіонъ, дьякъ Ѳеодоръ, іеромонахъ Григорій Нероновъ, въ мірѣ Іоаннъ, впослѣдствіи однакожъ подобно Никитѣ, возвратившійся къ прежнимъ заблужденіямъ; игуменъ златоустовскій Ѳеоктистъ, старецъ соловецкій Герасимъ, архимандритъ муромскій Антоній, игуменъ бизвоковскій Сергій. Остались упорными: протопопъ Аввакумъ, который за то преданъ въ Успенскомъ соборѣ всенародно анаѳемѣ, и сосланъ въ острогъ пустоозерскій. Діаконъ Ѳеодоръ, который лишенъ за особенную дерзость—языка, и отправленъ въ дальнее заточеніе, и попъ Лазарь, котораго постигла участь Ѳеодора.

[3] См. начало этого наставленія въ служебн. 1668 г.: «понеже грѣхъ ради нашихъ,» и т. д. до «соблазнишася.» Послѣдующія за тѣмъ наставленія настоятелямъ монастырей и поповскимъ старостамъ (которыхъ нѣтъ въ служебникѣ патріарха Іоасафа, но находятся въ рукоп. моск. патр. библ), направлены противъ тѣхъ безпорядковъ въ Церкви, о которыхъ мы имѣли слу-

Но, тогда какъ пастыри нашей отечественной Церкви, въ ожиданіи прибытія въ Москву восточныхъ патріарховъ, заботились о возстановленіи въ своей Церкви надлежащаго благоустройства и порядка; Никонъ, для суда надъ которымъ призывались патріархи, обратился къ константинопольскому первосвятителю Діонисію съ прошеніемъ себѣ защиты. Онъ написалъ къ нему пространную грамоту, въ которой подробно изложилъ вселенскому іерарху исторію своего вступленія, по волѣ царя и народа, на московскій патріаршій престолъ, объяснилъ начало своихъ несогласій съ царемъ, сообщилъ свѣдѣніе о появленіи въ Церкви нашей раскола, описалъ свое отшествіе изъ Москвы въ Воскресенскій монастырь и послѣдующее затѣмъ состояніе отечественной Церкви, особенно распространился о Питиримѣ, Меѳодіѣ и о Паисіѣ Лигаридѣ, наконецъ—просилъ Діонисія дать о немъ судъ безпристрастный и совершенно справедливый. «И о семъ молимъ вашу святыню,» заключаетъ Никонъ свою грамоту къ Діонисію, «разсудить о насъ и о царскомъ величествѣ въ правду, како подобаетъ быти, якоже хощете и сами судими быти въ день втораго пришествія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, и намъ о всемъ скажите въ правду; а мы и сами,» продолжалъ онъ, «не будимся на таковое дѣло, дабы намъ быти патріархомъ на Москвѣ, но дабы Божіихъ судебъ въ противленіе не впасть. — А что будетъ въ семъ дѣлѣ неправѣдно ваше кое повелѣніе,» прибавляетъ онъ, «то Господь нашъ Іисусъ Христосъ взыщетъ на васъ въ день судный праведно» [1]. Одинъ грекъ изъ іеромонаховъ, жившихъ съ Никономъ въ Воскресенскомъ монастырѣ, перевелъ эту грамоту на греческій языкъ, и въ такомъ переводѣ она отправлена

чай упомянуть, когда говорили о пастырскихъ трудахъ Никона по благоустройству церковнаго управленія. Соборъ утверждалъ тоже, къ чему стремился Никонъ въ своемъ управленіи Церковію.

[1] Рукоп. Воскр. мон. Въ концѣ грамоты: «писанъ нашего строенія новаго-Іерусалима Воскресенскаго монастыря, лѣта 7174» или 1666 года. Мѣсяца и дня не означено.

отъ Никона съ довѣреннымъ лицемъ въ Константинополь. Но на дорогѣ была перехвачена, доставлена царю, и глубоко огорчила кроткое сердце государя!

Между тѣмъ стало извѣстно, что два восточныхъ патріарха александрійскій Паисій и антіохійскій Макарій уже идутъ въ Россію для суда надъ Никономъ [1]. Царь послалъ новыя призывныя грамоты къ пастырямъ отечественной Церкви, чтобы всѣ они прибыли въ Москву для великаго дѣла, и привезли съ собою искуснѣйшихъ изъ подчиненнаго имъ духовенства. Архіепископъ астраханскій Іосифъ долженъ былъ торжественно встрѣтить восточныхъ первосвятителей въ предѣлахъ Россіи, и сопровождать ихъ въ путешествіи до Москвы [2]. Во всѣхъ городахъ, чрезъ которые лежалъ ихъ путь въ Россіи, къ нимъ стекалось безчисленное множество народа, и духовенство выходило на встрѣчу со св. крестами и иконами. Почетная стража государя охраняла ихъ въ продолженіи всего пути.

Ноября 2-го самъ царь съ боярами и знатнѣйшимъ духовенствомъ торжественно встрѣчалъ восточныхъ патріарховъ въ Москвѣ. По обыкновенію того времени, сдѣлана была имъ встрѣча въ трехъ мѣстахъ. Сперва вышли къ нимъ съ св. крестами и иконами, и русскимъ духовенствомъ, имѣли шествіе къ Лобному мѣсту. Здѣсь встрѣтили ихъ 4 архіерея съ 10 архимандритами, 12 игуменами и 6 протоіереями. Наконецъ изъ Успенскаго собора вышелъ къ нимъ на встрѣчу митрополитъ Питиримъ съ ростовскимъ митрополитомъ Іоною, рязанскимъ архіепископомъ Иларіономъ и епископомъ черниговскимъ Лазаремъ, съ 7 архимандритами и протоіереемъ собора Михаиломъ [3]. Здѣсь же встрѣтилъ ихъ и самъ царь Алексѣй Михайловичъ.

[1] Конст. Діонисій и іерус. Досоѳей отказались прибыть въ Россію «ради непостоянства и различія времене, такожде страха ради внѣшнихъ.» Виблioѳ. ч. VI. № II. На это указывалъ и прежде іерус. патр. Нектарій. Собр. гос. гр. и дог. IV, 37. [2] Въ это время одинъ астраханскій татаринъ Мамай Исуповъ Касимовъ, имѣлъ случай оказать услугу патріархамъ, и зато впослѣдствіи, по ихъ ходатайству, получилъ отъ царя Алексѣя Михайловича жалованную грамоту на безпошлинную торговлю въ Москвѣ въ продолженіи 10 лѣтъ. См. собр. зак. 1, № 411. [3] Дворц. разр. т. III, стр. 651—653.

IV.

СУДЪ НАДЪ ПАТРІАРХОМЪ НИКОНОМЪ *.

Ноября 28, «по изволенію царя и согласію патріарховъ восточныхъ [1]», отправленъ былъ въ Воскресенскій монастырь отъ имени всего освященнаго собора архіепископъ псковскій Арсеній, и съ нимъ два архимандрита: богоявленскій изъза Ветошнаго ряда въ Москвѣ Герасимъ, и спасскій изъ Ярославля Сергій, также нѣсколько игуменовъ, и отрядъ стрѣльцевъ съ полковникомъ,—чтобы звать Никона въ Москву на судъ, предъ соборъ восточныхъ и русскихъ святителей. Посланные, прибывъ къ Никону, объявили ему волю собора: «святѣйшіе патріарси, александрійскій и антіохійскій», сказали они, «по согласію съ константинопольскимъ и іерусалимскимъ патріархами, пришедшіе въ царствующій градъ Москву, извѣстія ради всяческихъ вещей духовныхъ, и весь освященный соборъ требуютъ, чтобы ты далъ имъ отвѣтъ, почему оставилъ престолъ свой, и удалился въ Воскресенскій монастырь». Но ревностный поборникъ и точный хранитель каноновъ церковныхъ, Никонъ не преминулъ возразить имъ: «откуда взяли такое безчиніе святѣйшіе патріархи, что за мной, бывшимъ начальнѣйшимъ архіереемъ, посылаютъ, вопреки правиламъ св. Апостолъ и святыхъ отецъ, не архіереевъ, но архимандритовъ и игуменовъ? Правила соборныя и апостольскія», продолжалъ Никонъ, «прямо говорятъ, что

---

* Судъ надъ патріархомъ Никономъ, по свидѣтельству Татищева, подробно описалъ одинъ діаконъ *Луговскій;* но сочиненіе его не сохранилось. См. предизвѣ. къ ист. Татищева. Ср. слов. писателей дух. чина, въ статьѣ: Луговскій. Въ московской патріаршей библіотекѣ и въ академіи наукъ есть рукопись: «икона, или изображеніе дѣлъ московскаго патріаршаго престола.» Она составлена Варлаамомъ Ясинскимъ, митрополитомъ кіевскимъ. Здѣсь представляется, между прочимъ, подробный перечень судебныхъ бумагъ, касающихся дѣла патріарха Никона. Но большая часть этихъ бумагъ еще не издана въ свѣтъ. Ср. дополн. къ акт. ист. т. IV, № 137. Итакъ главнѣйшими въ настоящее время источниками свѣдѣній о судѣ надъ Никономъ служатъ: Шушеринъ и дѣяніе о низложеніи Никона въ собр. зак. 1, № 397, и виблioѳ. ч. IV, № 11.

[1] Собр. зак. 1, стр. 649.

должно посылать за обвиняемымъ епископомъ двухъ или трехъ епископовъ, а не архимандритовъ и игуменовъ [1]; а вы, архимандриты и игумены, по какому правилу явились теперь ко мнѣ?» [2]—«Мы съ тобой говоримъ не по правиламъ, а по указу», грубо отвѣчалъ ему архимандритъ Сергій: «давай отвѣтъ, пойдешь на соборъ, или нѣтъ» [3]. «Идти я не отказываюсь», замѣтилъ ему разгнѣванный грубостію его патріархъ, «но словъ твоихъ слушать не хочу».—«Ты этимъ безчестишь насъ», возразилъ ему Сергій. Но, чтобы скорѣе окончить споры, патріархъ отвѣчалъ: «съ вами есть архіепископъ; съ нимъ я и буду говорить». «Скажи же намъ», спросилъ тогда патріарха псковскій архіепископъ: «скажи намъ, что донести о тебѣ великому государю; будешь ты на соборъ, или не изволишь?»—«На соборъ я буду», отвѣчалъ Никонъ, «только немного оправлюсь» [4]. Между тѣмъ посланники собора отправляютъ въ Москву гонца съ извѣстіемъ, что Никонъ «обезчестилъ ихъ, и на соборъ въ Москву не йдетъ, и не хочетъ идти».

Настало время вечерняго богослуженія. Патріархъ отслушалъ съ братіею вечерню и повечеріе, и при выходѣ изъ церкви отдалъ архимандриту приказаніе, чтобы онъ и вся братія монастыря готовились служить литургію завтра вмѣстѣ съ патріархомъ. За тѣмъ, въ келліи прочиталъ онъ свое обычное вечернее правило [5], и все, что, по уставу Церкви полагается для приготовленія къ священнодѣйствію. По окончаніи молитвы, сдѣлалъ распоряженіе о предстоящемъ отправленіи въ Москву на соборъ: велѣлъ взять съ собой кормчую книгу, псалтирь съ возслѣдованіемъ, свои возраженія на вопросы боярина Стрѣшнева Паисію Лигариду [6], и крестъ, который обыкно-

[1] Прав. апост. 74, Карѳ. 28. [2] Шушеринъ. Въ дѣяніи о низложеніи Никона сказано только вообще, что Никонъ «даде отвѣтъ *досадительный*. Но, если оставить безъ вниманія этотъ разсказъ Шушерина, то отвѣтъ Никона, по изложенію его въ дѣяніи, вовсе не представляется досадительнымъ. См. собр. зак. I, стр. 649. [3] Шушеринъ. [4] Шушеринъ и дѣяніе о низложеніи Никона.

[5] Правило скита Анзерскаго, которое Никонъ исполнялъ и въ бытность свою на престолѣ патріаршемъ.

[6] Впрочемъ Никонъ не обнародовалъ своихъ возраженій, подражая, какъ онъ самъ говоритъ, примѣру Господа, который не отвѣчалъ на судѣ, хотя «тысящи

венно носили предъ патріархомъ во время его шествія; болѣе ничего не велѣлъ брать. Немного спустя, начался, по его приказанію, благовѣстъ къ утрени. Послѣ утрени призвалъ онъ къ себѣ духовнаго отца, и исповѣдался предъ нимъ. За тѣмъ, самъ съ архимандритомъ и священниками совершилъ елеосвященіе, и помазалъ освященнымъ елеемъ себя, весь свой причтъ и братію, чтобы предстать предъ соборъ, говорилъ онъ впослѣдствіи, съ чистою совѣстію и готовностію положить душу свою за истину [1]. Все это происходило въ церкви. По приходѣ въ келліи, онъ приказалъ читать для себя часы и послѣдованіе ко св. причащенію. Тогда посланники собора опять явились въ келліи Никона, и дали знать ему, что имѣютъ до него «государево дѣло». Патріархъ не хотѣлъ нарушить бесѣдой съ ними благодатнаго мира души, принятаго имъ отъ силы таинствъ, и велѣлъ сказать имъ, что не можетъ теперь принять ихъ: «яко азъ нынѣ готовлюся къ небесному Царю», отвѣчалъ онъ. Немедленно потомъ приказалъ благовѣстить къ литургіи, отправился въ голгоѳскую церковь, предшествуемый свѣщами и пѣніемъ, облачился въ архіерейскія одежды, и—въ послѣдній разъ литургисалъ по чину патріаршему. Между тѣмъ явились въ церковь и посланники собора, и безпокойный архимандритъ Сергій завелъ громкій споръ съ иноками о новоисправленныхъ богослужебныхъ книгахъ, о стройномъ пѣніи, введенномъ въ церковь Никономъ, и о греческомъ языкѣ, на которомъ Никонъ совершалъ теперь литургію, но котораго Сергій не понималъ, и потому оглашалъ еретическимъ. Патріархъ не потерпѣлъ его безчинія: онъ послалъ къ нему своего иподіакона, по имени Германа [2], и приказалъ выйдти ему изъ церкви. Сергій вышелъ, а съ нимъ вышли и всѣ прочіе посланники собора. Трогательно совершалась ли-

---

могъ предложити на отвѣщаніе.» «Научимся же и мы отъ сего,» продолжаетъ Никонъ, «егда растлѣнно судяще зримъ, ничтоже глаголати, да не молву множайшу сотворимъ, ниже множайшему осужденію вина будетъ не хотящимъ послышати глаголы наши.» См. возраженіе на 26 вопросъ Стрѣшнева. [1] Тамъ же.

[2] Этотъ иподіаконъ былъ впослѣдствіи архимандритомъ Воскресенской обители, и имѣлъ счастіе исходатайствовать Никону возвращеніе въ свою обитель.

тургія патріархомъ, который былъ увѣренъ, что уже въ послѣдній разъ здѣсь на землѣ предстоитъ святому жертвеннику, и пріемлетъ на руки святая святыхъ! Неразъ порывались слезы изъ очей Никона и всѣхъ его сослужителей. Послѣ заамвонной молитвы, онъ съ глубокимъ умиленіемъ сердца поучалъ братію свою въ продолжительной бесѣдѣ съ нею терпію за Христа; книга дѣяній апостольскихъ лежала у него предъ глазами, и примѣры св. Апостоловъ воодушевляли его и чрезъ его уста—всю братію обители къ готовности съ радостію переносить всѣ страданія и лишенія за Христа и Его св. Церковь, какъ говорилъ Никонъ. Обильные потоки слезъ текли изъ очей слушателей, безпредѣльно преданныхъ бѣдствующему своему патріарху, настоятелу и отцу. По совершеній литургіи, Никонъ, подавъ миръ и благословеніе братіи, съ миромъ пошелъ въ свои келліи.

Но нѣтъ мира «съ ненавидящими мира». На самомъ крыльцѣ церковномъ встрѣтили патріарха громкіе упреки посланниковъ собора: «что ты насъ держишь», громко говорили они, «ни прикажешь, ни откажешь». Особенно много и грубо кричалъ архимандритъ Сергій, котораго первый жизнеописатель Никона, иподіаконъ его Шушеринъ, называетъ «невѣжественнымъ». Патріархъ, не отвѣчая имъ на грубости, кротко пригласилъ ихъ съ собою въ келліи. Здѣсь онъ спросилъ архіепископа: «за чѣмъ приходили они къ нему сегодня утромъ?» «Къ тебѣ есть указъ», отвѣчалъ ему архіепископъ, «чтобы ты ѣхалъ въ Москву на судъ предъ соборъ. Скажи же», продолжалъ онъ, «поѣдешь или нѣтъ?»—«Слава Богу!» отвѣчалъ Никонъ, «о всемъ готовъ есмь и иду».

Вечеромъ того же дня патріархъ отправился въ путь. Съ горькимъ плачемъ и рыданіемъ сопровождали его иноки устроенной имъ обители. На Елеонской горѣ, при подножіи водруженнаго имъ здѣсь креста, на томъ самомъ мѣстѣ, откуда онъ нѣкогда вмѣстѣ съ царемъ обозрѣвалъ величественную мѣстность новой обители, и называлъ ее новымъ Іерусалимомъ,—здѣсь теперь остановился патріархъ, чтобы еще однажды

взглянуть на любимую свою обитель, и подать ей о имени Божіемъ благословеніе мира и благоденствія. Онъ вышелъ изъ повозки, надѣлъ мантію, велѣлъ діакону читать ектенію, и молился вмѣстѣ со всею братіею о здравіи и спасеніи благочестивѣйшаго государя, и о благосостояніи святой обители, къ которой обращены были теперь взоры и сердце его. Съ глубокою скорбію въ душѣ благословилъ онъ потомъ съ Елеона въ послѣдній разъ свою обитель, подалъ благословеніе и лобзаніе мира каждому изъ братій, и—обратился продолжать путь. Взорами, полными слезъ, провожала его братія съ высоты Елеона, пока не скрылся отъ нихъ патріархъ въ темной дали. Тогда съ грустію въ сердцѣ, съ молитвою къ Богу о возвращеніи къ нимъ любимаго настоятеля, возвратились они въ свою обитель.

Никонъ продолжалъ свой путь къ Москвѣ, но уже не съ торжественностію патріарха, а въ униженномъ видѣ подсудимаго. Ему предшествовалъ отрядъ стрѣльцевъ; позади ѣхали духовныя власти, которыя посланы были отъ имени царя и собора звать его на судъ въ Москву.

Версты за двѣ до села Чернева встрѣтилъ патріарха архимандритъ владимірскаго Рождественскаго монастыря Филаретъ, и именемъ указа велѣлъ ему остановиться. Подошедши за тѣмъ къ Никону, онъ вручилъ ему грамоту отъ собора, въ которой было написано: «посылали къ тебѣ преосвященнаго Арсенія, архіепископа псковскаго, со архимандриты, и указали тебѣ сказать, чтобы ты ѣхалъ къ Москвѣ вскорѣ, и ты великаго государя указу и святѣйшихъ патріарховъ повелѣнія не послушалъ, къ Москвѣ не поѣхалъ, отказалъ нечестно, и тѣмъ непослушаніемъ великому государю учинился непослушенъ, и святѣйшихъ патріарховъ и весь соборъ обезчестилъ. И великій государь, за премногое свое беззлобіе и долготерпѣніе, и святѣйшіи патріарси и преосвященный соборъ, презрѣвше твоя досады и непослушаніе, прислали къ тебѣ второе архимандрита Филарета, да Чудова монастыря соборнаго старца священника Лаврентія, чтобъ тебѣ пріѣхать къ

Москвѣ нынѣшняго 175 (7175) года, декемвріа во 2 день, въ другомъ, или въ третьемъ часу нощи, а чтобъ неранѣе другова и не позже третьяго часа; а взъѣхавъ, стоять на архангельскомъ подворьѣ въ Кремлѣ городѣ, у никольскихъ воротъ, а ѣхать тебѣ смирнымъ образомъ въ десяти человѣкахъ или меньше.» [1]. «Не правда», сказалъ Никонъ, прочитавши грамоту, «неправда, будто я обезчестилъ архіепископа, архимандритовъ и игуменовъ, которые приходили звать меня на судъ, какъ неправда и то, будто я не ѣду въ Москву; не я васъ безчещу, а вы меня безчестите, когда, вопреки церковнымъ правиламъ, посылаете за мной архимандритовъ и игуменовъ.»—«Мы приходимъ», отвѣчалъ Филаретъ, «исполняя волю освященнаго собора, а не сами собой это дѣлаемъ.» «Некому на васъ жаловаться», воскликнулъ огорченный патріархъ, «остается—одному Богу, предъ небомъ и землею, засвидѣтельствовать ваши неправды», и съ трепещущимъ сердцемъ громко возгласилъ: «слыши небо, и внуши земле!»

Въ самомъ селѣ Черневѣ [2] патріархъ былъ опять остановленъ. Здѣсь встрѣтилъ его новоспасскій архимандритъ Іосифъ. Была ночь. Іосифу надобно было обьявить Никону волю царя, восточныхъ патріарховъ и всего освященнаго собора; но онъ не зналъ наизусть того, что было предписано ему соборомъ для объявленія Никону, и особенно не помнилъ наизусть титула восточныхъ патріарховъ. Итакъ, именемъ указа приказавъ остановиться Никону и его спутникамъ, Іосифъ послалъ за огнемъ, и потомъ, когда принесли ему огня, онъ прочиталъ въ данномъ ему наказѣ титулы царя, восточныхъ патріарховъ и всего освященнаго собора, за тѣмъ повторилъ тоже, что было сказано Никону и прежде рождественскимъ архимандритомъ Филаретомъ, и наконецъ присовокупилъ: «посылали къ тебѣ, Никону, и въ другой разъ владимірскаго рождественскаго архимандрита Филарета, но ты и его обезчестилъ, и въ Москву не ѣдешь; приказывается же тебѣ въ послѣдній

[1] Собр. закон. I, стр. 650.

[2] Тогда село это называлось; по волѣ патріарха, Назаретомъ.

разъ непремѣнно быть въ Москвѣ 3-го декабря, ночью, и съ небольшимъ числомъ людей.»—«Охъ, лжи и неправды исполненныя», отвѣчалъ возмущенный духомъ патріархъ; «давно ли», продолжалъ онъ, «былъ у меня владимірскій архимандритъ, да и теперь онъ съ нами? Какъ же онъ обезчещенъ, и какъ я не ѣду въ Москву? Горе, горе вашей лжи и неправдѣ! и для чего велите мнѣ пріѣхать въ Москву ночью, и съ небольшимъ числомъ людей?»—«Я невольный человѣкъ», отвѣчалъ ему Іосифъ, «мнѣ что написали, я то и говорю».

Дальнѣйшій путь до села *Тушина* совершался безъ остановокъ. Въ Тушинѣ подошелъ къ патріарху сопровождавшій его стрѣлецкій голова, и сказалъ: «велѣно намъ пріѣхать въ Москву 3-го числа декабря; а нынѣ еще 30 ноября; такъ не остановиться ли намъ здѣсь? Между тѣмъ отправимъ въ Москву гонца спросить, велятъ ли намъ пріѣхать раньше 3 декабря, или нѣтъ».—«Дѣлайте, какъ хотите», отвѣчалъ ему Никонъ. Поѣздъ здѣсь остановился. Полковникъ отправилъ въ Москву гонца за приказаніями. Никонъ велѣлъ приготовить для себя домъ, въ которомъ бы не было никого изъ постороннихъ людей. Въ немъ отслушалъ вечерню, повечеріе и обычное свое вечернее правило, и на нѣсколько успокоился. Въ туже ночь получается указъ отъ царя, чтобы Никону пріѣхать въ Москву за 4 часа до свѣта. Отправились. Въ Москвѣ, у Каменнаго моста, близъ кремля, остановили Никона и его свиту. При свѣтѣ большаго числа фонарей, которые на это время были зажжены здѣсь, осматривали, сколько людей прибыло съ патріархомъ, и кто они. Нашли—немного, и пустили всѣхъ идти далѣе. У никольскихъ кремлевскихъ воротъ, гдѣ было архангельское подворье, опять остановили ихъ, и самыя ворота отъ нихъ затворили. Вдругъ являются два стрѣльца, и берутъ иподіакона Никонова, который предшествовалъ своему патріарху въ пути съ крестомъ. Никонъ еще прежде говорилъ ему, что можетъ это случиться, и тогда же приказалъ ему отдать себѣ крестъ, въ случаѣ, если потребуютъ его куда нибудь отъ патріарха. Такъ и поступилъ теперь этотъ иподіаконъ;

вручилъ крестъ патріарху, а самъ отдался на волю стрѣльцевъ. Быстро вели [1] его стрѣльцы въ караульню Каменнаго моста, и отсюда представили для допросовъ во дворецъ [2]. Никона между тѣмъ помѣстили на архангельскомъ подворьѣ.

Горестно было Никону видѣть, что его лишаютъ самыхъ близкихъ къ нему людей; но его ожидали еще большія огорченія. Подворье, на которомъ помѣстили патріарха, находилось въ кремлѣ, у никольскихъ воротъ, на углу такъ называемаго Лыкова двора [3]. Какъ только вступилъ въ него Никонъ съ своей свитой; весь Лыковъ дворъ окруженъ былъ строгимъ карауломъ, такъ что нельзя было никому ни къ нимъ войти, ни отъ нихъ выйдти. Съ наступленіемъ же дня крѣпко заперли самыя ворота никольскія, и разломали мостъ предъ этими воротами, такъ чтобы никому нельзя было идти и мимо Лыкова двора. Между тѣмъ патріархъ, по принятому имъ обычаю, велѣлъ пѣть у себя въ келліи утреню и потомъ—въ свое время часы. По окончаніи богослуженія, онъ приказалъ своему эконому предложить трапезу себѣ и своимъ спутникамъ, но услышалъ отъ него, что всѣ припасы, какіе взяты были изъ Воскресенскаго монастыря, отправлены на воскресенское подворье, потому что ночью сюда ихъ не пустили. «И теперь», продолжалъ экономъ, «стража не пускаетъ никого — ни къ намъ, ни отъ насъ. У меня есть», говорилъ онъ, «только одинъ укрухъ хлѣба, который остался въ моихъ санихъ,—вотъ онъ», и при этихъ словахъ показалъ его патріарху. Была тогда суббота. «Раздроби его намъ всѣмъ», отвѣчалъ ему патрі-

---

[1] «Взяша,» говоритъ о себѣ этотъ клирикъ, «подъ обѣ пазухи и понесоша, аки на воздусѣ, не успѣвахъ ногами достигнутися.» *Шушерина.*

[2] Этотъ иподіаконъ—тотъ самый Шушеринъ, который первый описалъ жизнь своего патріарха. Онъ пользовался особенною близостію къ Никону. Во дворцѣ, говоритъ онъ о себѣ, спрашивали его «о недовѣдомыхъ вещѣхъ». Онъ отвѣчалъ, что ничего не знаетъ, о чемъ его спрашиваютъ. Ему угрожали пытками, но онъ оставался твердымъ въ своемъ словѣ. Итакъ, 11 дней содержали его подъ карауломъ въ приказѣ тайныхъ дѣлъ; затѣмъ—въ московской тюрьмѣ болѣе трехъ лѣтъ, и наконецъ сослали въ Новгородъ, гдѣ еще 10 лѣтъ онъ томился въ оковахъ. Слов. писат. дух. чина, въ статьѣ: Шушеринъ Иванъ-Корнильевичъ.

[3] См. др. росс. виблioѳ. VI, 291.

архъ, «да не будемъ», говорилъ онъ далѣе, «жидовствующе, вопреки церковнымъ канонамъ, постящеся въ субботу». Экономъ раздѣлилъ этотъ хлѣбъ болѣе, чѣмъ на 30-ть частей, по числу людей, составлявшихъ свиту патріарха. И этой пищей довольствовались они цѣлый тотъ день.

Утромъ (въ 9 часу) слѣдующаго дня, который былъ воскресный, *въ 1-е число декабря,* «въ царской палатѣ, нарицаемой столовой [1]», составился блистательный соборъ, какого до сихъ поръ не видала еще россійская Церковь. Здѣсь собрались 2 восточныхъ патріарха, 7 митрополитовъ русскихъ, и столько же греческихъ, 6 архіепископовъ русскихъ, и 2 греческихъ, 5 епископовъ русскихъ, 24 архимандрита, 7 игуменовъ, 13 протоіереевъ, и сверхъ того протосинкелъ великія александрійскія церкви, и экономъ апостольскаго антіохійскаго престола [2]. Сюда явился и самъ царь, въ сопровожденіи своихъ знатнѣйшихъ бояръ [3]. «Спмъ всѣмъ собравшимся», скажемъ словами дѣянія, посланы были звать Никона на соборъ: Александръ, епископъ вятскій, Меѳодій, епископъ мстиславскій, и архимандритъ изъ нижняго печерскаго монастыря Іосифъ. По приходѣ въ келлію патріарха, они сотворили обычную молитву, поклонъ патріарху, и, по его указанію, сѣли. Началась бесѣда. Но немного спустя, посланные встали и сказали Никону: «царское величество и святѣйшіе патріархи и весь освященный соборъ призываютъ тебя на соборъ».—«Готовъ», отвѣчалъ имъ Никонъ, и тотчасъ хотѣлъ идти, приказавъ келейному своему монаху, чтецу Марку, нести предъ собою патріаршій крестъ. Посланные къ нему отъ собора остановили его: «не прилично тебѣ, оставившему патріаршій престолъ,

[1] Виніов. ч. 6, № 11. [2] Тамъ же и собр. зак. т. 1, стр. 650—652. Рукоп. патр. библ. № 386.

[3] Въ передней сторонѣ комнаты устроенъ для царя высокій тронъ со ступенями. Вблизи его, съ той и другой стороны, приготовлены мѣста для восточныхъ патріарховъ; далѣе, поодаль отъ мѣстъ патріаршихъ, находились мѣста—на правой сторонѣ для духовенства, а на лѣвой—для бояръ. Между послѣдними занималъ мѣсто и царскій духовникъ. Предъ лицемъ патріарховъ и ставленъ былъ столъ, украшенный «златокованнымъ ковромъ;» на немъ лежало нѣсколько книгъ.

идти на соборъ съ предносимымъ крестомъ», сказали они патріарху. Патріархъ отвѣчалъ имъ словомъ Божіимъ, объясняя имъ изреченіями св. писанія непобѣдимую силу креста Господня во всѣхъ случаяхъ жизни человѣческой. Посланные долго спорили съ нимъ. Патріархъ не уступалъ, и продолжалъ идти. Они отправили отъ себя вѣстниковъ на соборъ сказать, что Никонъ не йдетъ безъ креста. Соборъ подтвердилъ имъ неослабно настаивать, чтобы патріархъ оставилъ крестъ. Но Никонъ не хотѣлъ слушать ихъ убѣжденій. Такъ, среди споровъ, вышли они изъ внутреннихъ келлій въ переднюю. Здѣсь опять удержали патріарха посланные отъ собора, и требовали, чтобы крестъ непремѣнно былъ оставленъ. Патріархъ не переставалъ доказывать имъ словомъ Божіимъ силу креста. Вышли въ сѣни: посланники твердо настаивали, чтобы Никонъ не велѣлъ нести предъ собой креста. Но еще тверже стоялъ въ своемъ намѣреніи непоколебимый Никонъ, и, бесѣдуя о побѣдоносной силѣ креста Господня, продолжалъ идти впередъ. Вотъ уже спустились на крыльцо верхнее и потомъ нижнее. Споръ становился сильнѣе и сильнѣе; Никонъ не показывалъ ни малѣйшаго признака уступчивости требованію собора; времени въ безполезныхъ спорахъ прошло уже очень много. Является наконецъ вѣстникъ отъ собора, и объявляетъ Никону позволеніе идти на соборъ съ предносимымъ крестомъ.

Весь кремль занятъ былъ безчисленнымъ стеченіемъ народа: патріархъ съ большимъ трудомъ находилъ себѣ путь. Предъ нимъ несли животворящій крестъ Господень; народъ съ честію встрѣчалъ своего любимаго, но несчастнаго патріарха, котораго за 9 лѣтъ тому назадъ со слезами провожалъ изъ Успенскаго собора на Воскресенское подворье. Никонъ благословлялъ на всѣ стороны. Приблизились къ первопрестольному храму московскихъ святителей; здѣсь совершалась божественная литургія. Патріархъ желалъ поклониться отечественной святынѣ, благоговѣйно хранимой въ святилищѣ этого храма; южныя двери Успенскаго собора были отворены; но лишь только подошелъ къ нимъ патріархъ, двери передъ нимъ

затворились. Никонъ сдѣлалъ благоговѣйное поклоненіе святому храму, гдѣ самъ нѣкогда, на высотѣ святительскаго престола, призывалъ благодать Божію на царствующій градъ и на всю обширную державу русскую, и отправился далѣе. Въ Благовѣщенскомъ соборѣ также возносилась къ Господу безкровная жертва. Никонъ прошелъ къ западнымъ дверямъ; онъ желалъ хотя на нѣсколько проникнуть слухомъ своимъ къ сладостнымъ для истиннаго христіанина звукамъ умилительнаго пѣнія литургійнаго; но и здѣсь передъ нимъ затворились двери. Сотворивъ опять поклоненіе святому храму, съ болѣзненнымъ чувствомъ Никонъ отправился уже прямо въ царскую столовую, гдѣ ожидалъ его многочисленный соборъ. Но и здѣсь встрѣтили его новыя огорченія.

Двери столовой были до этого времени открыты; Никонъ уже издали видѣлъ сонмъ святителей, имѣвшій произнести надъ нимъ рѣшительный судъ. Но опять, какъ только онъ подошелъ къ дверямъ, онѣ были передъ нимъ затворены. Въ это время происходило между присутствовавшими на соборѣ совѣщаніе: встать ли, когда войдетъ Никонъ, или не вставать? Рѣшено наконецъ: никому не вставать для Никона. Никонъ между тѣмъ стоялъ предъ дверями, и ждалъ, когда позволено будетъ ему войдти. Наконецъ, двери отворились, и подсудимый патріархъ предсталъ собору іерарховъ съ предносимымъ ему крестомъ и съ архипастырскимъ жезломъ въ рукѣ. Благочестивый царь, увидѣвъ крестъ, предносимый патріарху, всталъ съ своего мѣста; его примѣру послѣдовали и всѣ судіи Никона. Патріархъ подошелъ къ столу, который былъ поставленъ предъ восточными патріархами, прочиталъ «достойно есть» и «Владыко многомилостиве», и, сотворивъ отпустъ, отдалъ посохъ слѣдовавшему за нимъ монаху Серафиму, самъ между тѣмъ приблизился къ ступенямъ трона царскаго, и трижды поклонился царю [1]. Затѣмъ, онъ сдѣлалъ по поклону восточнымъ патріархамъ, всему прочему духовенству,—боя-

[1] Этого требовалъ обычай того времени.

рамъ. Монахъ Маркъ, въ это время, поставилъ патріаршій крестъ на правой сторонѣ царскаго трона, въ углу. Никонъ, не видя приготовленнаго для себя мѣста, взялъ опять свой посохъ изъ рукъ монаха Серафима, и всталъ около стола предъ лицемъ государя. Царь, стоя на высшихъ ступеняхъ своего трона, едва слышнымъ голосомъ велѣлъ ему сѣсть, и указалъ мѣсто по правую сторону своего трона, *на лавкѣ*. «Гдѣ повелишь мнѣ сѣсть, государь?» отвѣчалъ Никонъ. Царь опять указалъ ему на тоже мѣсто. «Не зналъ я, государь», отвѣчалъ Никонъ, «что такъ поступлено будетъ здѣсь со мной; не привезъ я съ собой архіерейскаго стула; а это мѣсто—не для меня. Скажи же, государь», продолжалъ Никонъ, «для чего ты призвалъ меня предъ этотъ соборъ?» Между тѣмъ и крестоносецъ Никона, увидѣвъ, что патріархъ не сѣлъ, опять взялъ крестъ его, и сталъ предъ лицемъ государя, при концѣ стола патріаршаго. Царь сошелъ со ступеней своего трона, и, обращаясь къ патріархамъ, возгласилъ: «святѣйшіе вселенскіе православные патріархи! судите меня съ этимъ человѣкомъ, который прежде былъ для насъ истиннымъ пастыремъ, пасшимъ народъ Божій въ правду, подобно Моисею, предводительствовавшему израильтянами; а потомъ, не знаю, что съ нимъ случилось: оставилъ этотъ городъ и паству, удалился въ Воскресенскій монастырь, сотворилъ Церковь россійску вдовствовати осмь лѣтъ и шесть мѣсяцевъ, имъ же извѣтомъ мнози раскольницы и мятежницы восташа, Церковь терзати начаша, и многія души лестнымъ ученіемъ во адъ низвлекоша; между тѣмъ онъ», продолжалъ царь, указывая на Никона, «живя въ Воскресенской обители, предавалъ проклятію многихъ изъ духовныхъ и гражданскихъ особъ. Я призвалъ ваше правосудіе», заключилъ свою рѣчь царь, «съ тѣмъ, чтобы все это вы разсудили». Слезы текли изъ очей кроткаго государя, при обвиненіи человѣка, нѣкогда столь близкаго его сердцу, и—прослезился соборъ. Восточные патріархи чрезъ толмача спросили Никона, почему онъ оставилъ престолъ и удалился въ монастырь?—Никонъ отвѣчалъ, что удалился «отъ гнѣва цар-

ска»[1], и водворился въ пустыни, не выходя однакожъ изъ епархіи. Царь свидѣтельствовалъ Богомъ предъ всѣми, что никакой личной вражды не питалъ противъ святителя, и напротивъ—какъ въ благочестіи рожденный и воспитанный, всегда почиталъ первосвятителя, какъ отца. Патріархи опять спросили Никона: почему онъ, оставляя престолъ свой, «клятву сотвори, еже никогдаже на престолъ возвратитися, ниже помыслити?» Никонъ отвѣчалъ: «никогдаже о семъ кляхся», и подробно разсказалъ, какъ онъ оставилъ Москву, и почему въ воскресенскомъ уединеніи предавалъ анаѳемѣ нѣкоторыхъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ. Отвѣта отъ восточныхъ патріарховъ не было. Царь продолжалъ: «онъ же, Никонъ, писалъ о насъ къ константинопольскому патріарху, порицая насъ въ своемъ письмѣ «всякими дѣлы и словесы».—«Я писалъ къ константинопольскому патріарху, какъ младшій братъ старшему, котораго притомъ я признаю православнымъ», отвѣчалъ Никонъ, «и не предполагалъ, чтобы ее обнаружили ко вреду и соблазну Церкви». Судіи опять безмолствовали; пересталъ говорить и самъ царь. Тогда возстали съ обличеніями на Никона новгородскій, бывшій крутицкій, митрополитъ Питиримъ, рязанскій митрополитъ Иларіонъ, и мстиславскій епископъ Меѳодій. Они наперерывъ другъ передъ другомъ осыпали Никона бранью, и спѣшили обвинить его, предъ соборомъ восточныхъ и русскихъ архипастырей, въ клятвенномъ оставленіи престола, самовольномъ низверженіи коломенскаго епископа Павла и суровомъ обращеніи съ паствою. Иларіонъ подымалъ даже руку на первосвятителя. Самъ Никонъ предался гнѣву въ сильныхъ противъ нихъ возраженіяхъ. Начали-было читать грамоту Никона къ константинопольскому патріарху Діонисію; но патріархи, чтобы прекратить возникшее смятеніе на соборѣ, сказали Никону чрезъ толмача: «иди въ свояси; завтра опять позовемъ тебя сюда же; будь готовъ; завтра же прочтемъ и грамоту, которую ты писалъ къ константинопольскому патріарху». Тогда Никонъ возвратился на

[1] Собр. закон. 1, стр. 652.

архангельское подворье съ тою же честію русскаго патріарха, съ какою явился на соборъ: предъ нимъ несли животворящій крестъ Господень.

Былъ, какъ мы сказали, день воскресный. Патріархъ еще на пути къ собору жаждалъ услышать литургійное богослуженіе, и—не слышалъ. Теперь, по возвращеніи съ собора, онъ велѣлъ пѣть, по крайней мѣрѣ, часы въ своей келліи. Послѣ часовъ, патріарху доносятъ, что свита его остается третій день безъ пищи, съ того самаго времени, какъ патріархъ отправился изъ Воскресенскаго монастыря въ Москву. Сжалился Никонъ надъ несчастнымъ положеніемъ своихъ спутниковъ, «да не скончаются гладною смертію», сказалъ онъ, и послалъ одного изъ нихъ просить начальника стражи, окружавшей архангельское подворье, чтобы онъ довелъ до свѣдѣнія государя, что Никонъ и его свита истаяваютъ отъ голода, и что патріархъ проситъ царя позволить свободный выходъ его людямъ съ архангельскаго подворья, чтобы «потребная приносить». Начальникъ стрѣльцевъ за лучшее для себя призналъ не отходить отъ своего мѣста, и никого изъ своихъ подчиненныхъ не посылать во дворецъ съ такимъ извѣстіемъ. Долго не видя успѣха, патріархъ самъ громкимъ голосомъ закричалъ всѣмъ стрѣльцамъ, которые были разставлены на Лыковомъ дворѣ [1], чтобы сказали государю о бѣдственномъ состояніи Никона и его людей. Тогда одинъ изъ сотниковъ принялъ смѣлость доложить объ этомъ своему полковнику, а этотъ придворному боярину, и такимъ образомъ состояніе Никона и его свиты стало извѣстно самому царю. Добрый государь Алексѣй Михайловичь, все еще сохранявшій чувства почтенія и дружбы къ патріарху, приказалъ отпустить изъ своего двора достаточное число съѣстныхъ припасовъ для содержанія Никона съ его людьми. Явились къ Никону съ этими припасами два подьячихъ съ сытнаго и кормоваго дворовъ. Послѣ поклона патріарху, молча подали ему

[1] А ихъ было по разнымъ мѣстамъ до 1000 человѣкъ.

росписаніе припасовъ, назначенныхъ для него царемъ. Никонъ не принялъ этихъ росписей, но спросилъ посланныхъ, отъ кого они и съ чѣмъ присланы? Чиновники отвѣчали безмолвнымъ поклономъ. Никонъ повторилъ свой вопросъ. «Насъ прислали ключники сытнаго и кормоваго дворовъ», былъ отвѣтъ. «Писано есть», отвѣчалъ Никонъ, «яко лучше есть зеліе ясти съ любовію, нежели телецъ упитанный со враждою;— скажите царю», прибавилъ онъ, «что этого я никогда у него не просилъ и не прошу: я прошу, чтобы дозволено было свободно приходить къ намъ и выходить отъ насъ». Посланные передали отвѣтъ Никона ключникамъ, а эти—дворецкому, который довелъ его до свѣдѣнія царя. Вечеромъ того же дня просимая Никономъ свобода была дарована царемъ ему и его людямъ, съ тѣмъ только ограниченіемъ, чтобы изъ посторонникъ никто не смѣлъ проходить къ нимъ, съ чѣмъ бы то ни было. Обрадовался Никонъ милости царской: тотчасъ отправлены были нарочитые люди на воскресенское подворье за монастырскими съѣстными припасами, и Никонъ имѣлъ въ тотъ вечеръ утѣшеніе вкусить вмѣстѣ съ своею братіею припасовъ любимаго имъ новаго Іерусалима. Послѣ трапезы благодарилъ онъ Бога, не только за то, что Господь насытилъ его съ братіею земныхъ благъ, но и за то, что даровалъ имъ пищу изъ святой ихъ обители.

Декабря 5-го[1] опять явились къ патріарху Александръ, епископъ вятскій, Меѳодій, епископъ мстиславскій и архимандритъ Іосифъ съ приглашеніемъ на соборъ. Патріархъ немедленно отправился съ ними, предшествуемый св. крестомъ. Соборъ собранъ былъ въ прежнемъ мѣстѣ. Патріархъ, по приходѣ на соборъ, прочиталъ, какъ и въ первый разъ, молитвы, поклонился царю, восточнымъ патріархамъ, и всему собору, и сталъ на томъ же мѣстѣ, которое занималъ въ предшествовавшее засѣданіе. Начали читать «отвѣты восточныхъ патріарховъ» о винахъ Никона. Всѣ слушали съ глубокимъ безмолвіемъ. Но Никонъ назвалъ «еретическими» правила, приводи-

[1] Собр. госуд. грамотъ и догов. т. IV, № 52. Собр. зак. т. I, стр. 652.

мыя изъ номоканона противъ обвиненій, на него взносимыхъ; потому, говорилъ Никонъ, что греческій номоканонъ напечатанъ въ странахъ западныхъ. Тогда восточные патріархи подняли свой номоканонъ, лежавшій предъ ними на столѣ, «начаша цѣловати», и спросили прочихъ архіереевъ, принимаютъ ли они эту книгу? «Пріемлемъ и цѣлуемъ», отвѣчалъ соборъ. [1] Никонъ не возражалъ. За тѣмъ приступили къ чтенію грамоты Никона къ константинопольскому патріарху Діонисію, выбирая изъ нея мѣста наиболѣе рѣзкія по выраженію въ нихъ Никономъ непріязни къ своимъ недоброжелателямъ. Всѣ однакожь слушали съ глубокимъ молчаніемъ. Только самые ожесточенные враги патріарха — Питиринъ, Іларіонъ и Меѳодій прерывали это безмолвіе грубою и дерзкою бранію, которою осыпали Никона. [2] Царь Алексѣй Михайловичъ, видя безмолвіе бояръ, съ укоромъ обратился къ нимъ, и требовалъ уликъ противъ патріарха. Въ рядахъ ихъ открылось движеніе: всѣ какъ будто готовились что-то сказать, и всѣ между тѣмъ опять молчали. Каждый имѣлъ только личности противъ Никона, которыя боялся обнаружить. Наконецъ выступилъ на средину собора князь Юрій Долгорукій, и объявилъ, будто Никонъ называлъ Церковь русскую преклонившеюся къ догматамъ латинскимъ, потому только, что Паисій Лигаридъ принимаемъ былъ ласково боярами. Убѣжденный въ своей невинности, съ прискорбіемъ въ душѣ и презрѣніемъ во взорахъ посмотрѣлъ на него Никонъ. Царь печально склонилъ голову. «Благочестивѣйшій государь,» сказалъ тогда Никонъ,—«девять лѣтъ проготовляли то, въ чемъ сегодня хотѣли обвинить меня, но что жь вышло? Никто не можетъ промолвить ни слова, никто не отверзаетъ устъ;—не всуе ли поучишася тщетнымъ? Но вотъ я даю тебѣ совѣтъ: повели имъ побить меня камнями, и они это сдѣлаютъ; иначе, если и еще девять лѣтъ будутъ выдумывать клеветы, то и тогда

[1] Впрочемъ Шушеринъ объ этомъ событіи на соборѣ не говоритъ; трудно согласить это и съ благоразуміемъ Никона.

[2] «Яко звѣріе дивіи обскачуще блаженнаго Никона, рыкающе и вопіюще нелѣпыми гласы, и безчинно всячески кричаху лающе.» *Шушеринъ.*

ничего не найдутъ противъ меня!» Слезы блеснули на очахъ государя; онъ закрылъ лице свое руками, и склонилъ голову на край своего трона. Всѣ безмолвствовали. Долго царь оставался въ такомъ положеніи, смущаясь и негодованіемъ и сожалѣніемъ: негодованіемъ на бояръ, безмолвныхъ въ рѣшительныя минуты суда, и сожалѣніемъ о патріархѣ, котораго открытая душа представлялась ему теперь въ болѣе и болѣе ясномъ свѣтѣ. За тѣмъ опять продолжено чтеніе грамоты Никона. Царь, слушая ее, приходилъ болѣе и болѣе въ задумчивость: сердце его согрѣвалось мало по малу прежнею любовію къ патріарху. Любящее сердце его не вынесло горестнаго положенія бывшаго друга, иногда возражавшаго, иногда безотвѣтнаго. Послѣ продолжительнаго молчанія, во время котораго царь погруженъ былъ въ глубокую думу, онъ тихо сошелъ со ступеней своего престола, приблизился къ Никону, и, взявъ его за руку, началъ тихо говорить ему, такъ что могли слышать только близкіе къ патріарху иноки: «святѣйшій! что́ это ты сдѣлалъ въ позоръ и безчестіе мнѣ?» — «Что?» отвѣчалъ вопросомъ Никонъ. «Ты, предъ отправленіемъ на соборъ,» продолжалъ царь, «исповѣдался, причастился и елеемъ освятился, готовясь къ собору, какбы на смерть; это — для меня позоръ.» — «Государь!» отвѣчалъ патріархъ; «я все это сдѣлалъ потому, что ожидалъ не только скорбей и мученій, но и самой смерти.» «О, святитель Божій!» продолжалъ кроткій и благочестивый государь; «я и помыслить объ этомъ не могу, не только сдѣлать; ужели ты думаешь, что я забылъ заслуги твои, оказанныя тобою мнѣ и моему семейству и всему государству въ бѣдственную годину посѣщенія Божія? Нѣтъ, не будетъ этого!» и клятвами продолжалъ царь увѣрять Никона во всегдашней своей преданности къ нему и неизмѣнной любви. Но Никонъ ясно предвидѣлъ печальный конецъ своей борьбы съ многочисленными недоброжелателями, и потому при первыхъ клятвенныхъ словахъ царя удержалъ его рукою, и тихо отвѣчалъ: «Благочестивѣйшій государь! не возлагай на себя такихъ клятвъ; повѣрь мнѣ, что лютыя скорби и бѣды

готовятся мнѣ.» И чтобы показать царю хоть сколько нибудь коварство враговъ своихъ, Никонъ разсказалъ ему, какъ соборъ присылалъ за нимъ, вопреки церковнымъ правиламъ, архимандритовъ, чтобы раздражить патріарха, и какъ потомъ эти посланники безчинно поступали съ нимъ. Царь на это ничего не отвѣчалъ, но продолжалъ укорять Никона: «и тѣмъ ты обезчестилъ меня», говорилъ онъ Никону, «что писалъ къ константинопольскому патріарху жалобную грамоту на меня.» — «Я писалъ эту грамоту тайно, отвѣчалъ опять Никонъ, «какъ братъ къ брату, и не думалъ, чтобы она была обнаружена когда нибудь на соблазнъ народу.» Царь предложилъ ему возстановить взаимный миръ и разрушить средостѣніе, возникшей между ними, вражды Но Никонъ былъ твердо убѣжденъ, что минувшая дружба ихъ уже невозвратима, и потому, не смотря на увѣренія царя, предрекъ свое горькое осужденіе. «Добро и блаженно, царю, избралъ еси дѣло, аще совершиши его,» отвѣчалъ Никонъ; «но повѣрь мнѣ,» продолжалъ онъ, «что это не будетъ исполнено.» Послѣ этихъ словъ разлучились царь и патріархъ. И это было уже послѣднее ихъ свиданіе въ здѣшней жизни, и послѣдняя бесѣда послѣ осьмилѣтней разлуки!

Между тѣмъ, когда происходилъ тайный разговоръ между царемъ и патріархомъ, неосторожно вмѣшался въ него инокъ, стоявшій возлѣ Никона съ патріаршимъ крестомъ. Царь гнѣвно воззрѣлъ на неосторожнаго инока. Восточные патріархи подумали, при этомъ случаѣ, что у патріарха съ царемъ идетъ немпролюбивая бесѣда о крестѣ, предносимомъ Никону. Немедленно, по ихъ повелѣнію, ихъ же архидіаконъ Анастасій выступилъ на среду собора, сдѣлалъ поклоненіе инокамъ, царю и патріархамъ, подошелъ потомъ къ крестоносцу Никонову, и сталъ брать у него крестъ. Жалобнымъ тономъ воскликнулъ инокъ къ своему патріарху: «Владыко святый! оружіе наше отнимаютъ отъ насъ». — «Воля Божія да будетъ», отвѣчалъ ему патріархъ: «если потребуютъ отъ насъ», продолжалъ онъ, «и послѣдней срачицы, и ту отдадимъ. Съ радостію

все будемъ терпѣть во имя Господне.» Итакъ патріаршій крестъ Никона былъ взятъ, и поставленъ предъ лицемъ восточныхъ патріарховъ.

Когда окончилось чтеніе грамоты Никона къ Діонисію, восточные патріархи отпустили Никона домой. Была уже ночь; по темнотѣ ея царь повелѣлъ проводить его до дому со свѣчами. «Дѣти, вы слышали,» сказалъ онъ по приходѣ домой инокамъ, бывшимъ съ нимъ на соборѣ, «вы слышали, что царь обѣщалъ намъ свое благоволеніе; но вѣрьте мнѣ: насъ ожидаетъ множество печалей и скорбей».

Прошла недѣля въ соборныхъ совѣщаніяхъ: дѣлали выписки изъ номоканона, сообразныя различнымъ винамъ Никона; исчисляли такъ же примѣры изъ исторіи византійской Церкви о патріархахъ, оставлявшихъ по собственной волѣ первосвятительскій престолъ. Только голосъ епископа черниговскаго Лазаря Барановича, Симона вологодскаго и коломенскаго Мисаила раздавался въ пользу Никона, которому они хотѣли сохранить санъ святительскій, лишая его мѣста патріаршаго. Они склонили было на свою сторону и восточныхъ патріарховъ, которые, внявъ ихъ совѣту, хотѣли уклониться отъ осужденія Никона. Они написали уже грамоты къ константинопольскому и іерусалимскому патріархамъ, съ извѣстіемъ, что не встрѣтивъ въ столицѣ московской ни ихъ самихъ, ни ихъ мѣстоблюстителей, отказываются приступить къ рѣшительному суду надъ Никономъ. Но имъ объявили, что согласіе прочихъ патріарховъ на осужденіе Никона уже извѣстно [1]. Итакъ рано утромъ *декабря 12* открылось третіе и послѣднее засѣданіе собора уже не въ царскихъ чертогахъ,

---

[1] Можетъ быть, въ этомъ случаѣ имѣли въ виду отвѣты восточныхъ патріарховъ о поступкахъ Никона. Но извѣстно, что александрійскій патріархъ Паисій былъ низложенъ въ это время съ престола константинопольскимъ патріархомъ, и, значитъ, никакъ уже не могъ имѣть отъ него согласія на осужденіе Никона. Вина этого низложенія Паисія не извѣстна. Но уже впослѣдствіи, по ходатайству царя Алексѣя Михайловича, Паисій былъ возстановленъ на патріаршій престолъ константинопольскимъ патріархомъ Меѳодіемъ. См. въ рукоп. воскр. мон. защитит. грамоту къ царю—Паисія Лигарида.

но въ небольшой Благовѣщенской церкви надъ вратами Чудовской обители. Добродушный государь не имѣлъ силы духа присутствовать при осужденіи своего прежняго друга. Старались уклониться также отъ собора и три достойнѣйшихъ своего времени епископа: Лазарь Барановичъ черниговскій, Симонъ вологодскій и Мисаилъ коломенскій. Но ихъ заставили, противъ ихъ воли, придти на соборъ. Симонъ вологодскій долго однакожъ отказывался подписать опредѣленіе собора; но, убѣжденный принужденіемъ, написалъ такъ: «аще истинно, буди тако, аще же нѣсть истины, ни азъ утверждаю.» Тѣмъ не менѣе Лазарь Барановичъ и Мисаилъ остались непреклонны въ своемъ мнѣніи, и не подписали свитка соборнаго [1]. Собравъ, такимъ образомъ, согласіе епископовъ на предварительно составленное осужденіе Никона, соборъ отправилъ своихъ посланниковъ звать самого Никона къ выслушанію соборнаго рѣшенія о его дѣлахъ.

Никонъ немедленно покорился требованію собора, и отправился—безъ предносимаго креста. По приходѣ въ церковь Благовѣщенія, онъ увидѣлъ всѣхъ отцевъ собора въ маломъ церковномъ облаченіи. Онъ сталъ посреди церкви, и ожидалъ распоряженій отъ восточныхъ патріарховъ. Они велѣли ему слушать «извѣщеніе соборнаго суда». Тогда экономъ антіохійскаго престола началъ читать съ амвона соборный свитокъ о низверженіи Никона, на греческомъ языкѣ. Послѣ него тоже самое повторилъ на славянскомъ языкѣ Иларіонъ, архіепископъ рязанскій, «вопія велегласно», какъ сказано въ дѣяніяхъ этого собора. Никона обвинили, что онъ 1., смутилъ все царство русское, вмѣшиваясь въ дѣла, неприличныя патріаршему достоинству и власти; 2., самовольно и съ клятвою оставилъ престолъ свой, за оскорбленіе только своего слуги; 3., по оставленіи отъ патріаршества распоряжался самовластно въ трехъ своихъ монастырихъ, и давалъ имъ гордыя названія

[1] См. списокъ съ подлиннаго свитка соборнаго, въ рукоп. воскр. мон. за Лазаря Барановича подписался Меѳодій, назвавъ себя епископомъ мстиславскимъ и черниговскимъ.

Іерусалима, Вѳлеема, Голгоѳы, и т. д.; 4., похищалъ разбойнически государственное достояніе, такъ что, еслибы могъ, похитилъ третію часть царства; 5., коварно препятствовалъ избранію, вмѣсто себя, новаго патріарха; 6., дерзостно предавалъ многихъ анаѳемѣ; 7., по причинѣ удаленія его изъ Москвы умножились въ Церкви соблазны и расколы; 8., ругался обычаемъ глумителей надъ двумя архіереями, единаго именуя Анну, другаго Каіафу; такожде дву отъ синклита царскихъ боляровъ и *посланниковъ*, именова Продомъ и Пилатомъ; 9., не смиреннымъ образомъ явился на соборъ, и 10., на самомъ соборѣ укорялъ восточныхъ патріарховъ, называя *безпрестольными*; 11., судъ патріаршескій уничижалъ, называя его баснями, и правила, приводимыя патріархами противъ *преступленій* его, признавалъ ложными; 12., въ грамотѣ къ константинопольскому патріарху называлъ государя латинствующимъ, мучителемъ, неправеднымъ, и царскій синклитъ и всю россійскую Церковь—преклонившимися къ латинскимъ догматамъ; 13., называлъ газскаго митрополита еретикомъ и мятежникомъ; 14., архіереи самъ единъ низверже, чромѣ всякаго помѣстнаго собора; 15., былъ жестокъ къ духовенству; 16., живя въ Воскресенскомъ монастырѣ, многихъ иноковъ и мірскихъ людей за преступленія градскими казньми мучаше, а не духовною кротостію наказываше».—«Познавше убо мы», заключали восточные патріархи свое опредѣленіе о Никонѣ, «яко Никонъ не архіерейскія употребляше кротости, но мучительски неправдамъ приложися: въ хищенія вдадеся, и мучительствы обвязася, по святымъ и божественныхъ богопроповѣдниковъ Апостоловъ, по вселенскихъ же, среднихъ и помѣстныхъ благочестивыхъ соборовъ правиламъ, сотворихомъ его всякаго священнодѣйства чужда: во еже бы ему къ тому не дѣйствовати архіерейскихъ. Ибо его совершенно извергохомъ и низложихомъ, мы, Божіею милостію патріарси съ омофоры и съ епитрахили, со всѣмъ помѣстнымъ пресвященнымъ соборомъ (и съ греческими прилучившимися архіереи), изъявляюще, еже отнынѣ вмѣнятися и именоватися простымъ мо-

нахомъ Никону, а не къ тому патріархомъ. Мѣсто же его обитанія даже до послѣдняго его издыханія опредѣлися, да будетъ обитель кая либо древняя и удобоприходная, во сже бы ему безпрепятно и безмолвно плакатися о своихъ грѣсѣхъ» [1].

Никонъ долго слушалъ безмолвно; наконецъ рѣшился остановить Иларіона, и сдѣлалъ возраженіе противъ нѣкоторыхъ обвиненій. Брань посыпалась на патріарха отъ рязанскаго архіепископа; Иларіонъ, забывъ всякое приличіе, «лаялъ на Никона», какъ тогда выражались, и въ своемъ неистовомъ состояніи называлъ его въ храмѣ Божіемъ самыми ругательными именами. «Чадо! благодать во устну твоею», кротко отвѣчалъ ему Никонъ. «Уста пастыря», продолжалъ онъ, «должны произносить благословенія, а не попошенія и неправду». Тогда восточные патріархи вошли на амвонъ, и, помолившись предъ царскими дверьми, обратились къ Никону, и, указывая на его клобукъ, повелѣвали ему чрезъ толмача снять его съ себя. «Почему же велите мнѣ снять съ себя клобукъ?» спросилъ огорченный Никонъ». — «Соборъ осудилъ тебя, и дѣла твои обличили тебя», отвѣчали ему патріархи; «посему», продолжали они, «ты недостоинъ отнынѣ называться патріархомъ, какъ оставившій самовольно и съ клятвою паству свою.» «Пусть соборъ осудилъ меня, хотя и неправедно», возразилъ имъ Никонъ; «пусть и дѣла мои, которыхъ однакожъ не было на са-

[1] См. собр. зак. 1, стр. 654—656. Собр. госуд. грам. и догов. т. IV, № 52 и 53. Виблioе. ч. III, № 49. рукопис. воскр. мон. Впрочемъ преосвященный митрополитъ Платонъ, говоритъ въ своей исторіи, что онъ имѣлъ у себя рукописное опредѣленіе собора надъ Никономъ, и что это церковное, какъ онъ говоритъ, опредѣленіе, во многомъ не сходно съ «извѣстіемъ,» или гражданскимъ манифестомъ о низложеніи Никона. По рукописи, которую имѣлъ преосвященный Платонъ, обвиняли Никона въ томъ 1), что онъ патріаршій домъ въ Москвѣ оставилъ и преселился въ Воскресенскій монастырь самъ собой, и сіе почтено, что онъ отрекся отъ патріаршества; 2) что по причинѣ его отлученія великое слѣдствіе заведено, и оттого многіе пострадали; 3) что досаждалъ царю въ присутствіи собора, и съ самимъ соборомъ былъ въ препрѣніи и ему непокоренъ; 4) что нѣкотораго митрополита газскаго называлъ еретикомъ и мятежникомъ; 5) нѣкоторыхъ архіереевъ безъ суда соборнаго запрещалъ, и изъ епархіи изгонялъ; 6) что, по отлученіи отъ патріарша престола, нѣкоторыхъ своихъ подчиненныхъ наказывалъ строго, даже и тѣлесно Ч. 2, стр. 238. Ср. ист. русск. Церкви 1850 г. ч. IV, стр. 69, 70.

момъ дѣлѣ, обличили меня; пусть я и самовольно оставилъ паству свою, но да не будетъ, чтобы я самъ съ себя снялъ клобукъ—это знаменіе моихъ клятвенныхъ обѣтовъ предъ Господомъ — сохранить до конца жизни непорочное иночество. Я самъ этого не сдѣлаю», продолжалъ онъ, «а если вамъ надобно, чтобы клобукъ былъ снятъ съ меня, то поступайте сами, какъ хотите»... Тутъ Никонъ немного остановился и потомъ продолжалъ, обратившись опять къ патріархамъ: «спрашиваю же васъ, откуда вы взяли такія правила, по которымъ низлагаете меня? Если я и дѣйствительно виновенъ; если и дѣйствительно достоинъ изверженія: то почему вы совершаете это дѣло втайнѣ, какъ татп? За чѣмъ привели меня сюда, въ эту малую монастырскую церковь, гдѣ нѣтъ теперь ни царя, ни народа? Не здѣсь я принялъ, по благодати Святаго Духа, жезлъ первосвятительскаго служенія россійской Церкви; не здѣсь, но въ великомъ соборномъ храмѣ, среди многочисленнаго стеченія народа, я воспріялъ патріаршество. Тамъ слезно умолялъ меня царь со всѣмъ народомъ быть ихъ первосвятителемъ; тамъ дали мнѣ царь и народъ клятву непзмѣнно хранить догматы и уставы Церкви; туда же пойдемъ и теперь, и тамъ, если найдете меня виновнымъ, низложите меня».—«Тамъ или здѣсь все равно», равнодушно отвѣчали патріархи на требованіе Никона; дѣло совершастся», продолжали они, «по волѣ всего освященнаго собора. А что здѣсь нѣтъ царя, то это его воля.» Сказавъ это, патріархи подошли къ Никону, и собственными руками сняли съ него клобукъ, украшенный жемчужнымъ херувимомъ, и драгоцѣнную панагію, слитую изъ серебра, вызолоченную и украшенную дорогими камнями. Тогда Никонъ, въ порывѣ негодованія, сказалъ громкимъ голосомъ, указывая на жемчугъ, серебро и драгоцѣнные камни: «возьмите и раздѣлите; получите облегченіе и отраду отъ угнетающихъ васъ нуждъ». Услышавъ такой укоръ, патріархи отдали клобукъ и панагію Никона келейному монаху его Марку, сопровождавшему своего патріарха на соборъ, а между тѣмъ сняли простой клобукъ съ одного изъ бывшихъ на соборѣ гре-

ческихъ иноковъ, и надѣли его на Никона. Но пастырскій жезлъ и архіерейская мантія остались у Никона, «страха ради народнаго». [1]. Наконецъ громкимъ голосомъ повторили восточные патріархи Никону: «отнынѣ ты уже не долженъ называться патріархомъ, и жить въ созданномъ тобою Воскресенскомъ монастырѣ; но долженъ идти *на покаяніе* въ назначенный тебѣ для этой цѣли отъ царя и собора Ѳерапонтовъ монастырь». И—послѣ этихъ словъ отпустили Никона. Садясь въ сани, съ сокрушеніемъ сердца и глубокимъ вздохомъ сказалъ Никонъ себѣ самому: «Никонъ, Никонъ! Вотъ за что все это тебѣ: не говори правды, не теряй дружбы; если бы ты устроивалъ у себя богатыя вечери, и съ ними угощался, то вѣрно этого съ тобой не случилось бы». — «Да не дерзнетъ кто отъ безчинныхъ ругатися Никону и обиду творити», отъ собора назначены были проводить Никона до подворья, и быть съ нимъ въ самомъ подворьѣ — два архимандрита: суздальскій Павелъ и ярославскій Сергій, извѣстный уже Никону по своей грубости; со стороны гражданской—слѣдовало за нимъ множество стрѣльцевъ: опасались народнаго возмущенія.

Но тѣ самые, которые посланы были отъ собора охранять Никона отъ обиды, терзали душу его, когда она и безъ того уже была вся въ ранахъ (негодованія и досады). Никонъ, во время пути, бесѣдовалъ съ своими иноками о терпѣніи. Сопровождавшему его архимандриту Сергію это не нравилось: «молчи, молчи, Никонъ!» неразъ съ грубостію кричалъ онъ въ слухъ патріарха. Никонъ сначала терпѣливо переносилъ такую грубость; но, увидѣвъ, что молчаніе его не пристыждаетъ Сергія, но вызываетъ на большія и большія дерзости, велѣлъ своему эконому Ѳеодосію сказать Сергію: «если имѣешь власть, то приди и загради уста». Экономъ тотчасъ исполнилъ волю своего владыки: «патріархъ велѣлъ тебѣ сказать», сказалъ онъ, обращаясь къ Сергію: «если имѣешь власть, то иди и загради ему уста».—«Какъ ты смѣешь называть па-

[1] Шушеринъ.

тріархомъ простаго черница?» вскричалъ Сергій на экономa.» «А ты какъ смѣешь отнимать у него имя патріарха, которое онъ получилъ свыше, а не отъ тебя гордаго?» послышался громкій голосъ изъ толпы народной. Сергій немедленно обратился къ стрѣльцамъ съ приказаніемъ, чтобы взятъ былъ человѣкъ, сказавшій такія слова. Ему донесли: «яко уже восхищенъ бысть и поведенъ.» Экономъ тотчасъ сообщилъ Никону о несчастныхъ слѣдствіяхъ своего замѣчанія Сергію: «блаженни изгнани правды ради, яко тѣхъ есть царство небесное,» отвѣчалъ на это Никонъ.

По приходѣ въ келлію, патріархъ искалъ утѣшенія себѣ и своей братіи въ чтеніи писаній св. отцевъ. Онъ преимущественно предъ другими твореніями отеческими любилъ бесѣды св. Златоуста на посланія апостола Павла. Ихъ-то онъ и сталъ читать предъ братіею въ настоящія горькія для всѣхъ ихъ минуты. Но невѣжественный Сергій отравилъ своей злобной грубостію и это сладкое утѣшеніе несчастнаго патріарха. Никѣмъ незванный, онъ дерзко явился во внутреннюю келлію къ патріарху, гдѣ всѣ съ благоговѣніемъ внимали словамъ Іоанна Златоуста изъ устъ своего архипастыря, прервалъ чтеніе, и съ насмѣшливостію—собственною рѣчію началъ утѣшать Никона, а для большей свободы снялъ съ себя и камилавку. «Кто жь тебя звалъ сюда?» сказалъ ему Никонъ.—«Меня просили сюда восточные патріархи и весь освященный соборъ», отвѣчалъ съ наглостію Сергій. «Положимъ, что это такъ; но перестань лаять на насъ, какъ наученный на это песъ», сказалъ ему Никонъ. Сергій не только не пересталъ, но еще съ большимъ ожесточеніемъ и дерзостію досаждалъ патріарху. «Вижу, Сергій,» замѣтилъ ему Никонъ, «вижу, что ты угождаешь людямъ, желая восхитить мой престолъ; но истину скажу тебѣ, что въ непродолжительномъ времени съ безчестіемъ лишишься и того, что теперь имѣешь.» Сказавъ это, Никонъ умолкъ, и никакъ уже не отвѣчалъ на дерзости Сергія, которыя еще долго не переставали терзать слухъ огорченнаго до глубины души патріарха.

Съ наступленіемъ вечера, Никонъ въ домовой церкви слушалъ вечерню. На ектеніяхъ поминали его патріархомъ. Отсюда опять возникла ссора у иноковъ Никона съ Сергіемъ. Въ самой церкви Сергій вскричалъ на служащихъ: «что вы это дѣлаете? поминаете простаго черница патріархомъ?» Но его запрещенія въ это время никто не слушалъ.

Наступила ночь. Безпокойный Сергій и другимъ не давалъ покоя съ зажженной свѣчей отправился онъ осматривалъ всѣ двери подворья, приговаривая: «какъ бы не ушелъ Никонъ.» Никто не хотѣлъ остановить его отъ такихъ предосторожностей. Между тѣмъ на земскомъ дворѣ, близъ архангельскаго подворья, въ туже ночь открылись страшныя пытки. Вопли несчастныхъ доходили до слуха Никона и его братіи. Къ довершенію печали патріарха, ему сказали, что пытаютъ любимаго имъ и «воспитаннаго при ногу его» иподіакона [1]. Кто были эти несчастные, и въ чемъ ихъ подозрѣвали, исторія не имѣетъ прямыхъ свѣдѣній. Не напрасно же, однакожь, вопли ихъ доходили до слуха Никонова, и притомъ въ самыя болѣзненныя для сердца его минуты... Шушеринъ не сомнѣвается, что это—были жертвы за патріарха, и говоритъ, что ихъ было много, такъ что за множествомъ не хотѣлъ и имена ихъ перечислять [2].

Возсіяло, наконецъ, послѣднее утро для Никона въ Москвѣ. Послѣ утренняго богослуженія, пришелъ къ нему боярин Семенъ Стрѣшневъ, принесъ разныхъ съѣстныхъ припасовъ и одежду изъ собольихъ мѣховъ, и именемъ царя просилъ патріарха принять все это на дорогу: «ты идешь,» говорилъ онъ, «въ путь далекій, и тебѣ нужно все это.»—«Возврати это къ пославшему тебя,» отвѣчалъ ему патріархъ; «Никонъ не имѣетъ въ этомъ нужды.» Стрѣшневъ долго упрашивалъ, чтобы подарки царя были приняты Никономъ: «ты еще болѣе разгнѣваешь царя,» говорилъ ему Стрѣшневъ. Но Ни-

[1] Предсказаніе Никона сбылось: вскорѣ онъ лишенъ былъ сана архимандрита и жилъ простымъ инокомъ въ толгскомъ ярославскомъ монастырѣ, гдѣ его и встрѣтилъ впослѣдствіи Никонъ, какъ увидимъ. [2] Такъ говоритъ о себѣ Шушеринъ.

[3] Ср. грам. Никона къ констант. патріарху Діонисію. Рукоп. воскр. монаст.

конъ оставался недоступенъ ни для какихъ убѣжденій. Тогда посланникъ царскій, почтительно приблизившись къ патріарху, тихо сказалъ ему: «Благочестивѣйшій царь просилъ у тебя благословенія себѣ и всему дому своему.» Но Никонъ отказался дать благословеніе. Стрѣшневъ опять долго упрашивалъ его, но не получилъ желаемаго. Тогда, сдѣлавъ ему поклонъ, отправился къ царю, и объявилъ о своемъ неуспѣхѣ.

Разгнѣванный царь немедленно повелѣлъ исполнить надъ Никономъ опредѣленіе собора—отвезти осужденнаго патріарха въ Ѳерапонтовъ монастырь, «во еже бы безпрепятно и безмолвно плакатися ему о своихъ грѣсѣхъ [1]».

Но прежде, нежели будемъ описывать жизнь Никона въ его заточеніи, сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній, большею частію собственными словами Никона, о тѣхъ обвиненіяхъ какія приписаны ему въ «извѣстіи о совершеномъ его низложеніи и изверженіи [2].»

«Праведно или неправедно осужденъ Никонъ, о семъ Богу судить,» говоритъ одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ архипастырей нашей Церкви [3]. Тѣмъ не менѣе страхомъ и трепетомъ обнимается сердце, при чтеніи заключительныхъ словъ

---

[1] Достойно замѣчанія, что въ то самое время, когда первый соборъ, составившійся изъ отечественныхъ архипастырей для суда надъ Никономъ, угрожалъ патріарху лишеніемъ священнаго сана и ссылкою въ заточеніе, въ это самое время родился тотъ, кто имѣлъ возвратить Никону любимое его воскресенское уединеніе и возстановить въ санѣ всероссійскаго патріарха. Царь и великій князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ родился 30 мая 1661 года. См. двор. разр. т. III, стр. 379.

[2] Впрочемъ, какъ въ гражданскомъ манифестѣ о низложеніи и изверженіи Никона, такъ и въ церковномъ опредѣленіи о его осужденіи, смѣшаны поступки Никона до времени несогласія его съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, въ которыхъ однакожъ тогда его не обвиняли, съ дѣлами его уже во время и послѣ возникшихъ между ними взаимныхъ неудовольствій. Современные Никону историки свидѣтельствуютъ, что онъ въ благополучные годы своего патріаршества, хотя былъ строгъ, но не былъ такъ строптивъ и раздражителенъ, какъ это случилось впослѣдствіи отъ жестокихъ преслѣдованій злобы и клеветы враговъ его. См. виніоѳ. изд. 2, ч. XVIII, стр. 405. И этого одного замѣчанія уже достаточно было бы къ оправданію Никона; но, такъ какъ Никонъ самъ себя оправдывалъ съ подробностію въ каждомъ изъ обвиненій, ему приписываемыхъ; то и мы воспользуемся его замѣчаніями, чтобы яснѣе представить его дѣло.

[3] Церк. ист. М. Плат. ч. 2, стр. 239.

«извѣщенія о совершеномъ низложеніи Никона.» Здѣсь страхомъ нелицепріятнаго суда Божія свидѣтельствуютъ судіи Никона справедливость своего опредѣленія надъ нимъ: «сія вся,» говорятъ они, «правильно сотворихомъ, кромѣ всякаго лицепріятія, и кромѣ страстнаго сужденія, боящеся немогуща прельститися Бога (имѣетъ бо Богъ око отмстительное), и страшащеся будущаго онаго судища, воздающаго казнь взаимъ; разсуждающе же во умѣ и въ мысли нашей, въ семъ и въ будущемъ вѣцѣ, вѣчнаго огня вѣчное мученіе, правильный и по Бозѣ судъ изнесохомъ, и сотворихомъ [1].»

Обвиненій, какъ мы видѣли, много падаетъ, по суду собора, на патріарха Никона. Но мы поставимъ самого Никона лицемъ къ лицу съ его обвинителями; чего не будетъ доставать въ отвѣтахъ Никона къ уясненію его дѣла, то дополнимъ собственными нашими замѣчаніями. Тогда истинное значеніе дѣла Никонова откроется, по нашему мнѣнію, въ обильнѣйшемъ свѣтѣ, незатемненномъ тѣнію пристрастія съ одной стороны, и клеветы—съ другой [2].

---

[1] Виліое. ч. III, № 49. Нелишнимъ считаемъ указать на судьбу главнѣйшихъ судей Никона. Восточные патріархи, по возвращеніи своемъ на паству, были повѣшены султаномъ за то, что безъ его повелѣнія отправлялись въ Россію. Богатая милостыня, какую они вывезли съ собою изъ Россіи, была у нихъ отнята турками, и самыя тѣла, послѣ казни, преданы позорному поруганію. Объ александрійскомъ патріархѣ Паисіѣ такъ говоритъ одинъ изъ его преемниковъ на престолѣ, Парѳеній въ своей грамотѣ къ царю Ѳеодору Алексѣевичу о возвращеніи Никону патріаршаго достоинства. См. рукоп. Воскр. мон. Паисій Лигаридъ, обличенный во многихъ злоупотребленіяхъ, лишился милости русскихъ бояръ, и выгнанъ изъ Россіи. Іосифъ, впослѣдствіи митрополитъ астраханскій, мучительски убитъ казаками; Иларіонъ, м. рязанскій, преданъ былъ суду за нѣкоторые предосудительные поступки, и отставленъ отъ епархіи; Меѳодій, еписк. мстиславскій, удаленъ отъ блюстительства митрополіи кіевской, и за измѣну и мятежничество потребованъ къ суду въ Москву, и скончался въ Новоспасскомъ монастырѣ подъ стражею. См. жизнеоп. Ник., составл. А. Аполлосомъ, изд. 1845 г. стр. 78. И еще до суда соборнаго, Никонъ говорилъ о нѣкоторыхъ изъ своихъ враговъ, что надъ ними исполнялись слова писанія: «разсыплетъ Богъ кости человѣкоугодниковъ.» «Овіи изъ нихъ,» говорилъ Никонъ, «виномъ сгорѣли, инъ удавился, инъ инако злопострада въ умре,» и за тѣмъ прибавляетъ: «якоже вси знаютъ о семъ.» (См. возраж. на 21 вопр. Стрѣшнева).

[2] Отвѣты Никона на обвиненія, ему приписываемыя, будемъ заимствовать, большею частію, изъ возраженій его на вопросы Стрѣшнева Паисію Лигариду.

Но предварительно скажемъ, что Никонъ признавалъ себя, предъ своею совѣстію, неповиннымъ ни въ одномъ изъ приписываемыхъ ему проступковъ. Въ одномъ изъ своихъ возраженій на отвѣты Паисія Лигарида боярину Стрѣшневу, онъ смѣло называетъ себя «ничтоже зла сотворшимъ ко всѣмъ.» «На насъ труждающихся въ словѣ Божіи наскачеши,» говоритъ онъ Паисію, «ничтоже зла тебѣ сотворшихъ, якоже и ко всѣмъ» [1]. Въ другомъ мѣстѣ онъ сравниваетъ себя съ Григоріемъ Богословомъ, и, приводя слова его изъ прощальной бесѣды съ константинопольской паствой, гдѣ ревностный архипастырь свидѣтельствуетъ чистоту всѣхъ своихъ дѣйствій, Никонъ продолжаетъ: «симъ послѣдуя, и мы глаголемъ: которое тяжкое отъ насъ кто либо пострада, или чимъ оттщетихомъ кого, или что есть досада наша, покажите ми, токмо не солгите [2].» На этомъ-то основаніи, Никонъ до конца жизни своей сохранилъ убѣжденіе въ несправедливости произнесеннаго надъ нимъ осужденія, и, какъ увидимъ впослѣдствіи, не переставалъ и въ самомъ заточеніи называть себя патріархомъ. Если же онъ и сознавался иногда въ своихъ винахъ по отношенію къ другимъ, то при этомъ замѣчалъ: «аще и наше что лихо было къ нимъ; писаніе глаголетъ не противитися злобѣ злобою» [3].

«Извѣщеніе о совершенномъ низложеніи Никона,» прежде всего обвиняетъ его *въ смутахъ государственныхъ*, какія произвелъ будто бы Никонъ своимъ вмѣшательствомъ въ дѣла «неприличныя патріаршескому достоинству и власти.» Но о гражданскихъ заслугахъ Никона самъ царь, какъ мы видѣли, на соборѣ восточныхъ и русскихъ святителей, судившихъ Никона, отзывался съ глубочайшею признательностію. И безпристрастная исторія отдаетъ полную справедливость мудрости и ревности Никона въ содѣйствіи царю въ дѣлахъ государственныхъ [4]. Какія же здѣсь разумѣются дѣла, неприличныя

---

[1] Въ возраж. на 23-й вопр. Стрѣшнева Паисію Лигариду.
[2] Возраж. на 19 вопр. Стрѣшнева. [3] Возраж. на 21 вопр.
[4] Русск. истор. Устрял. 1857 г. ч. 2, стр. 211—213.

патріаршескому достоинству, въ которыя Никонъ «влагался?» Ничто столько не соблазняло недоброжелателей Никона, какъ титулъ его—*великій государь*. Они видѣли въ этомъ титулѣ притязаніе патріарха на высшую гражданскую власть. Неоднократно случалось намъ видѣть въ исторіи Никона, какъ сильно укоряли его въ этомъ титулѣ бояре, приходившіе къ нему отъ имени государя въ церковь, при удаленіи его въ Воскресенскій монастырь. Этотъ же титулъ послужилъ камнемъ опоры для вражескихъ клеветъ на Никона предъ царемъ. Этотъ же титулъ вызвалъ вопросъ Стрѣшнева Паисію газскому: «Никонъ нарекся великимъ государемъ; согрѣшилъ ли онъ, что такое высочайшее титло принялъ? Согрѣшилъ ли или нѣтъ, скажи намъ и протолкуй [1].» Наконецъ тотъ же титулъ, какъ опора будто бы гражданскаго властолюбія Никона, имѣется вѣроятно и теперь въ виду, когда изрекается ему осужденіе за вмѣшательство въ дѣла, неприличныя патріаршему достоинству и власти.

Что же сказать объ этомъ титулѣ?—Самъ Никонъ не видѣлъ въ немъ ничего особеннаго. «Возвѣстите ми,» говорилъ онъ врагамъ своимъ, «что различествуетъ государь съ господиномъ?» [2]. Впрочемъ, замѣчаетъ Никонъ, если и имѣемъ особенное значеніе чести и власти титулъ—великій государь; то мы не сами себѣ восхитили его, говоритъ онъ; но получили, даже противъ своей воли, отъ государя царя: «онъ, великій государь», говоритъ Никонъ, «со многимъ моленіемъ говорилъ намъ о семъ». Это было въ Вязьмѣ, когда Никонъ представилъ государю семейство его, сохраненное отъ моровой язвы усердіемъ, попеченіемъ и молитвами Никона чтобы писались великимъ государемъ, а нашего изволенія на то не было.»

Первый изъ отечественныхъ патріарховъ носившій этотъ титулъ былъ Филаретъ, родитель государя царя Михаила Ѳеодоровича. Царь Алексѣй Михайловичъ питалъ къ Никону, въ

---

[1] Вопр. 12.

[2] Возраж. Ник. на 12 вопр. Стрѣшн.

началѣ его патріаршества, сыновнія чувства уваженія, преданности и любви. Всѣмъ извѣстна была и сила Никона предъ царемъ. Но особенно эта сила и власть обнаружились въ дѣлѣ присоединенія Малороссіи къ московскому престолу. Что же удивительнаго, если въ это время стали называть его въ дѣловыхъ бумагахъ, по примѣру патріарха Филарета, «великимъ государемъ [1]? Можетъ быть, тогда же самъ царь сдѣлалъ такое распоряженіе, только частнымъ образомъ, а неоффиціально. По крайней мѣрѣ, враги Никона, когда говорятъ объ этомъ титулѣ его, сознаются, что такъ началъ называть его самъ царь, «вельми почитаючи его [2].» Исторически извѣстно, что этотъ титулъ былъ приписанъ однажды и восточнымъ патріархомъ въ знакъ особеннаго почтенія къ нимъ царя и его вельможъ [3]. А въ Вязьмѣ государь, вѣроятно, только утвердилъ этотъ титулъ за Никономъ, или пожаловалъ ему оффиціально.

Никонъ впрочемъ самъ не искалъ и не желалъ этого титула. Онъ, согласившись съ желаніемъ царя писать этотъ титулъ въ грамотахъ, никакъ не согласился позволить провозглашеніе его въ церкви при богослуженіи. Поэтому-то впослѣдствіи и писалъ онъ о себѣ къ константинопольскому патріарху Діонисію: «мы великимъ государемъ не назывались, и въ государственныя дѣла не вступались; а что о неправдѣ кому говорили, и бѣдныхъ отъ бѣдъ избавляли, и то мы архіереи на сіе поставляемся [4].»

Далѣе читаемъ въ *извѣщеніи*: «*Никонъ посредѣ великія соборныя церкви обнажися изъ всего архіерейскаго одѣянія, вопія велегласно: не ктому есмь патріархъ московскій, ниже*

---

[1] Замѣчательно, покрайней мѣрѣ, что въ первый разъ Никонъ называется великимъ государемъ въ собр. грам. объ объявленіи войны Польшѣ за Малороссію. См. собр. госуд. грам. и догов. т. III, № 157. Но вначалѣ 1653 г. онъ назывался еще только великимъ господиномъ. См. ист. акт. № 191, т. IV.

[2] Возр. на 12 вопр. Стрѣшнева.

[3] Двор. разр. т. III, стр. 707, подобн. образ. русское благочестіе еще съ половины XVI, ст. за долго до учрежденія патріаршества, называло перваго святителя Россіи «святѣйшимъ». акт. ист. 1, № 173.

[4] Рук. Воскр. мон. Возр. 5.

ктому пастырь вмѣняюся, но пасомый, яко грѣшникъ и недостойный.» Такъ говорили Никону враги его и до соборнаго суда надъ нимъ: «Никонъ сверже съ себя ризы патріаршаго достоинства, по совершеніи божественныя литургіи»,— вотъ ихъ обыкновенное выраженіе. И Паисій газскій говорилъ объ этомъ поступкѣ Никона, какъ о необычайномъ: «инъ никтоже сотворилъ бы сего,» говорилъ онъ въ отвѣтахъ своихъ Стрѣшневу. Но Никонъ просто и ясно отвѣчалъ на это Паисію: «еда вы не снимаете съ себя священныхъ одеждъ, по совершеніи литургіи? А у насъ», прибавляетъ патріархъ, «таковъ есть чинъ». Что же касается до другой части этого обвиненія, будто Никонъ «вопіялъ велегласно въ церкви: не ктому есмь патріархъ московскій», и т. д.; то разсужденіе объ этомъ было еще на соборѣ, какъ мы видѣли, 1660 г., и тогдаже явились защитники Никона изъ пастырей, очевидцевъ Никонова отшествія въ Воскресенскій монастырь. На эту вину указывалъ Никону и Паисій Лигаридъ. Но Никонъ отвѣчалъ ему: «отъ кого ты навыкъ, будто азъ говорилъ: не достоинъ быти патріархомъ, и впредь я не патріархъ? Азъ, отходя отъ Москвы, говорилъ не тако, якоже ты глаголеши; но засвидѣтельствовалъ есмь Господу Богу и пречистѣй Богородицѣ, и святому и честному и животворящему кресту Господню, и св. Ангеломъ, и всѣмъ святымъ, у св. велицѣй церкви, предъ небомъ и землею, что вѣдалъ гнѣвъ царевъ безъ правды на мя, и сего ради дая мѣсто гнѣву, отхожду [1].»

«Сія же сотворивъ и проглаголавъ,» продолжаетъ *извѣщеніе*, «отъиде съ великимъ гнѣвомъ и стремленіемъ, и *отверже патріаршескую свою высоту, и врученное себѣ стадо, кромѣ всякія нужды и навѣта остави*, точію же человѣческою нѣкоею страстію уведенъ, и отмщенія ради на единаго честнаго мужа отъ синклита царскаго, ударившаго его патріаршаго слугу, и изгнавшаго отъ стола царскаго, суща мерзкаго человѣка.»

Не такъ разсуждалъ Никонъ о своемъ удаленіи изъ Моск-

[1] Возр. 5.

вы. Онъ говорилъ о себѣ, что оставилъ престолъ «злаго ради времени» [1], и объясняя это, прибавлялъ: «понеже все мірское владѣніе обняло, а мы ни во что почтены есмы» [2]. Кромѣ Никона, свидѣтельствовалъ объ этомъ и патріархъ іерусалимскій Нектарій въ письмѣ своемъ къ Алексѣю Михайловичу. Здѣсь онъ говоритъ, какъ мы уже знаемъ, что Никонъ оставилъ престолъ «ради непокориваго народа.» Правда, правила церковныя подвергаютъ строгому наказанію того пастыря, который самовольно оставилъ бы престолъ свой. Но тѣ же самыя правила дѣлаютъ весьма замѣчательное ограниченіе по этому предмету: «аще нѣкій епископъ, исповѣданія ради чистоты вѣры, или понеже бѣ поборникъ истины, рекше — противяйся властемъ, нетворящимъ истины, и того ради отъ града изгнанъ бысть, и въ другій градъ пріидетъ, ту пребываніе ему имѣти подобаетъ, дондеже примиреніе обрѣсти возможетъ» [3]. Такъ поступилъ и Никонъ, какъ онъ самъ о себѣ говоритъ [4]. Гонимый за неумолимую правду, которую онъ всѣмъ безъ лицепріятія возвѣщалъ [5], онъ три дня, послѣ объявленія въ соборѣ о своемъ намѣреніи оставить Москву, ожидалъ примиренія съ царемъ на Воскресенскомъ подворьѣ, и потомъ долго въ Воскресенскомъ монастырѣ, пока въ Москвѣ, вмѣсто того, чтобы просить патріарха возвратиться на престолъ свой, назначили соборъ для окончательнаго его низложенія. Тогда уже Никонъ удалился далѣе отъ Москвы въ Крестный монастырь [6], и въѣздъ въ Москву для него навсегда былъ запрещенъ [7].

Впрочемъ Никонъ зналъ только *отшествіе* свое къ Москвы, но не сознавалъ своего *отреченія*, о которомъ свидѣтельствуетъ «извѣщеніе.» «Слово отреченія,» говорилъ Никонъ въ

---

[1] Въ возр. на 17 вопр. [2] См. возр. Никон. на 19. вопр. Стрѣшнева. Указаніе на мон. приказъ. [3] Толк. на 17 прав. Сардик. соб. въ кормчей. [4] «Вѣсть Господь и св. Ангели его, яко мы,» говоритъ Никонъ, «по писанному во псалмѣхъ — «глаголахъ о свидѣніяхъ Твоихъ предъ цари и не стыдяхся», говорили не стыдяся. Возраж. 5. [5] Тамъ же. [6] Такъ говоритъ о своихъ намѣреніяхъ Никонъ въ грам. къ констант. патріарху. [7] Возраж. на 19 вопр.

отвѣтѣ своемъ Стрѣшневу,[1] не было произнесено устами моими, когда я удалялся изъ Москвы въ Воскресенскій монастырь 10 іюля 1658 года.» «Не оставляя архіерейства отходилъ,» писалъ также Никонъ въ грамотѣ къ константинопольскому патріарху Діонисію, и въ доказательство этого представлялъ: «взяхъ единъ сакосъ, и едину митру, и прочихъ одѣяній архіерейскихъ по единой одеждѣ недрагихъ взялъ, службы ради архіерейскія»[2]. Кромѣ того, отправляясь изъ Москвы, онъ благословилъ управлять дѣлами Церкви митр. Питириму, только *на время*[3], и приказалъ притомъ сноситься съ собой. Но Питиримъ уже самовольно вступилъ потомъ во всѣ права патріарха. Значитъ, Никонъ въ правѣ былъ сказать противъ обвиненія его въ отреченіи и оставленіи престола: «никогда же о семъ помыслихъ.»

Съ другой стороны, правила церковныя, говоритъ Никонъ, подвергаютъ осужденію тѣхъ епископовъ, которые самовольно удаляются изъ своей епархіи[4]. «Но мы,» продолжаетъ Никонъ, «въ иныя уѣзды и паствы не отходили, но въ нашихъ московскихъ паствахъ живемъ[5].»—Но пусть Никонъ оставляетъ свой престолъ совершенно произвольно. Почему же братіи не замѣтили ему въ тоже время, или въ другое удобнѣйшее, прочіе архипастыри, бывшіе тогда въ Москвѣ? Почему ни одинъ изъ нихъ не далъ совѣта Никону возвратиться на свой престолъ? Значитъ, и они—не безъ грѣха. Да-

---

Стрѣшнева. Ср. Шушерина и грам. Ник. къ конст. патр. Мы видѣли, что онъ со своей свитой не иначе могъ въѣхать въ Москву, когда звалъ его Зюзинъ,—не иначе, какъ подъ именемъ «Саввинскихъ властей.»

[1] Стрѣшневъ спрашивалъ Паисія газскаго, достаточно ли для низложенія Никона съ престола одного его устнаго отреченія, или нужно, чтобы онъ письменно отрекся? Паисій отвѣчалъ, что устное отреченіе въ церкви важнѣе, чѣмъ письменное. Никонъ возражаетъ имъ, что онъ никогда не отрекался, и не хотѣлъ отрекаться, и не отрекается отъ престола. Возраж. 5.

[2] Рукопись Воскресенскаго монастыря. [3] Тамъ же.

[4] 16 прав. двукр. соб., 12 Сард., 82 Карѳ., 9, 111. Всел., 17 Апост.

[5] Въ грамотѣ къ Паисію Лигариду. Рук. Воскр. мон. Впрочемъ, это не можетъ совершенно оправдывать Никона. По канонамъ Церкви, епископъ не долженъ надолго оставлять главное мѣсто своей каѳедры, и отходить къ какой либо другой церкви, въ его же епархіи находящейся. См. Карѳ. 82.

же сами они сознавали свою вину въ этомъ дѣлѣ; обвиняли ихъ за то и другіе. Это выразилось въ вопросѣ Стрѣшнева Паисію Лигариду: «имѣютъ ли грѣхъ архіереи, что не возбранили Никону злаго совѣта?» [1] Паисій такъ отвѣчалъ на этотъ вопросъ: «если они были спрошены Никономъ, то имѣютъ грѣхъ; если они не были спрошены, то грѣха не имѣютъ.» Правда, и самъ Никонъ не обвинялъ своихъ сослужителей за то, что они не удержали его отъ опаснаго удаленія изъ Москвы въ воскресенское уединеніе. «Виновны ли,» говоритъ по этому случаю Никонъ, «виновны ли Апостолы, которые не удерживали Іисуса Христа, когда Онъ удалялся отъ убійственныхъ рукъ жидовскихъ? Напротивъ» говорилъ Никонъ, «Апостолъ Петръ получилъ отъ Господа строгій укоръ за то, что однажды, слушая предсказаніе Господа о крестныхъ своихъ страданіяхъ, осмѣлился оказать: милосердъ ты, Господи. Не имать Тебѣ сіе быти. Иди, за Мною сатана, сказалъ ему тогда Господь.» [2].

Но отдавая справедливость такому великодушію Никона, не можемъ не винить сослужителей его, ни мало непопрепятствовавшихъ удаленію своего патріарха съ престола. Тѣмъ безотвѣтнѣе они въ этомъ отношеніи предъ судомъ правды, что самовольно потомъ и совершенно отпали отъ своего патріарха [3]!

Однакожъ, продолжаетъ «извѣщеніе,» Никонъ, и по удаленіи въ воскресенское уединеніе, *не переставалъ дѣйствова-*

---

[1] Вопр. [2] Возраж. на 6-й вопр. Стрѣшнева.

[3] Въ рукописн. опредѣл. собора о Никонѣ, которое видѣлъ преосвящ. митроп. Платонъ, въ связи съ обвиненіемъ Никона въ оставленіи патріаршаго престола читается другое, что «по причинѣ отлученія его изъ Москвы заведено было великое слѣдствіе, и оттого многіе пострадали» (Ц. ист. ч. 2, стр. 239). Дѣйствительно, по свидѣтельству самого патріарха, всѣ, которые хотѣли сказать за него доброе слово, подвергались жестокому преслѣдованію бояръ и строгимъ наказаніямъ. Въ грамотѣ къ конст. патр. Діонисію Никонъ представляетъ самыя имена нѣкоторыхъ страдальцевъ за преданность своему патріарху. Тоже говоритъ и Шушеринъ, который, кромѣ того замѣчаетъ, что за множествомъ этихъ именъ онъ уже не рѣшается и пересчитывать ихъ. Это все сказано о доброжелателяхъ Никона. Но и о врагахъ

ти архіерейская, хиротонисая безпрепятно.» И это обвиненіе до собора враги Никона считали немаловажнымъ. Боярин Стрѣшневъ предлагалъ вопросъ Паисію Лигариду: имѣлъ ли право Никонъ, по удаленіи въ Воскресенскій монастырь, рукополагать священниковъ и діаконовъ, и дѣйствительно ли его рукоположеніе [1]? Но Никонъ, какбы признавая это обвиненіе нестоющимъ возраженія, отвѣтилъ на него только вопросомъ: «по какимъ канонамъ недостойно ми есть рукополагати, и кто на мя свидѣтельствуяй [2]?» Самъ великій соборъ сдѣлалъ впослѣдствіи такое опредѣленіе о священникахъ и діаконахъ, рукоположенныхъ Никономъ: «быти имъ въ томъ чину, кто во что̀ посвященъ, для того, что сіи церковницы посвящены прежде изверженія монаха Никона изъ патріаршества [3].»

Далѣе, поставили Никону въ вину и самыя невинныя, для простаго даже смысла, дѣянія его. Онъ созидалъ, говорится въ *извѣщеніи*, монастыри *съ неприличными титлами и суетными именованіями, новый Іерусалимъ нарицая, и Голговою, Виѳаніею и Іорданъ.*» *Извѣщеніе* находитъ въ этихъ названіяхъ кощунство: «*глумяся*», продолжаетъ оно, «*изъ Божественныхъ вещей, и ругаяся вещамъ святымъ, нарицая себе быти патріарха Новаго Іерусалима.*» — Но послушаемъ, какъ разсуждаетъ Никонъ о святыхъ наименованіяхъ, какими украсилъ онъ свою обитель и нѣкоторыя изъ принадлежащихъ къ ней мѣстъ.

Еще Стрѣшневъ предлагалъ, между прочимъ, Паисію газскому такой вопросъ: «Никонъ строитъ по се время мона-

---

своихъ Никонъ самъ дѣлаетъ немаловажное замѣчаніе: «повѣда ми нѣкто отъ врагъ моихъ,» говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ своихъ возраженій, «тоде ты нынѣ добрѣ кручиноватъ? Вѣдь не старая пора; нынѣ насъ самихъ ищутъ, чтобъ на тебя били челомъ; а кто нынѣ не станетъ бить челомъ на тебя, и впредь услышатъ какое челобитье, и ему будетъ жестокое наказаніе: я нынѣ за неволею, едва съ постели всталъ, поѣхалъ по указу.» См. возраж. на 19 вопр. Стрѣшнева.

[1] Вопросъ 4 й. [2] Возраженіе на 4-й вопросъ Стрѣшнева; [3] Рукопись патріаршей библіотеки.

стырь, и назвалъ его новымъ Іерусалимомъ; доведется ли, чтобъ такого святаго града имя было перенесено ино [1]?» Паисій находилъ неприличнымъ такое названіе, по тѣмъ же причинамъ, какія указаны и въ соборномъ извѣщеніи. Что же отвѣчалъ Никонъ? «Не позорю азъ стараго Іерусалима новаго ради: говорилъ онъ, «понеже писано есть во пророцѣхъ»: изъ Сіона изыдетъ законъ, и слово Господне изъ Іерусалима,— того закона есмь любитель, и слова Господня хранитель; не стыждуся и самъ іерусалимляниномъ нарицатися. Согрѣшаетъ ли кто», спрашивалъ онъ далѣе, «согрѣшаетъ ли кто, еже въ славу Господу Богу съ любовію созидаетъ храмъ во имя святаго Воскресенія, еже есть во Іерусалимѣ, величествомъ и мѣрою и добротою?» [2] И потомъ отвѣчаетъ, что не только не неприлично, а напротивъ весьма душеспасительно для христіанъ имѣть предъ очами, по крайней мѣрѣ въ названіяхъ или въ вещественныхъ образцахъ видимые знаки того, что составляетъ предметъ ихъ особенной благочестивой любви и поклоненія. Для этой именно цѣли, продолжаетъ онъ, и воздвигнутъ Новый Іерусалимъ. «Священными изображеніи», говоритъ онъ, «и храмы, и жертвами, и священными сосуды и иными вещьми въ писаніихъ и умышленіяхъ, очи зрящихъ умъ возводятъ къ боговѣдѣнію и первообразному. Такъ», продолжаетъ онъ,« и постоянное воззрѣніе на Новый Іерусалимъ постоянно возводитъ взоры ума нашего къ тѣмъ священнымъ мѣстамъ, которыя прославлены божественными стопами, проповѣдію, чудесами, страданіями, смертію, воскресеніемъ и вознесеніемъ на небеса нашего Спасителя и дѣяніями Его святыхъ Апостоловъ, — къ тѣмъ святымъ мѣстамъ, откуда вѣра Христова распространилась во всѣ концы вселенной.

«Одинъ есть, по писанію, Іерусалимъ на земли, а второй на небеси», говорилъ Паисій Газскій въ отвѣтахъ своихъ Стрѣшневу, доказывая, что неприлично называть Воскресен-

[1] Вопр. 13. [2] Возраж. на 13 вопр. Стрѣшнева.

скую обитель новымъ Іерусалимомъ. «Такъ», отвѣчалъ на это Никонъ; «но въ одномъ только мѣстѣ, въ Антіохіи, первоначально стали называться вѣрующіе во Христа христіанами: значитъ», замѣчаетъ Никонъ, «намъ, живущимъ не въ Антіохіи, уже неприлично называться христіанами.»

«Впрочемъ», продолжаетъ Никонъ, «названіе новаго Іерусалима не мною дано построенному мною Воскресенскому монастырю. Самъ царь, удивленный красотою мѣстоположенія этого монастыря, которое созерцалъ онъ со мной съ Елеона, назвалъ его новымъ Іерусалимомъ — сперва устно, въ разговорѣ со мной, а потомъ и письменно въ особой на это грамотѣ. Таковая грамота», прибавляетъ Никонъ, «держится и нынѣ въ честнѣмъ мѣстѣ.—Смотри и виждь», заключаетъ послѣ того свое оправданіе Никонъ, обращаясь къ Паисію газскому, «смотри и виждь, на кого ты таковое поношеніе износиши и досаду твориши [1]!»

Что же касается до названія Никона *патріархомъ новаго Іерусалима;* то Никонъ нигдѣ и никогда не присвоивалъ себѣ такого названія. Правда, эта мысль ходила въ кругу его враговъ и до собора, и произвела такой вопросъ: «кто истинный патріархъ іерусалимскій?» Паисій, отвѣчая на этотъ вопросъ, огласилъ Никона антихристомъ. Но Никонъ насмѣшливо отвѣчалъ подобнымъ совопросникамъ: «возьмите хрисовулъ вселенскихъ восточныхъ патріарховъ, утверждающій патріаршество въ Россіи; тамъ увидите, кто іерусалимскій патріархъ, и какая честь и степень сѣдалища принадлежитъ всероссійскому патріарху [2]».

«Никонъ», говоритъ далѣе *извѣщеніе*, «*похищалъ разбойническы*, яко аще было ему лѣть и возможно, похитилъ бы третью часть царства.» Какимъ же образомъ Никонъ похищалъ государственное достояніе, и похищалъ разбойническы, похищалъ насильственно и съ ненасытимымъ корыстолюбіемъ? Конечно, здѣсь рѣчь идетъ о богатыхъ вотчи-

---

[1] Возраж. на 13 вопр. [2] Возражен. на 13 вопр. Стрѣшн.

нахъ, какія жаловалъ государь царь для монастырей и первопрестольной церкви патріарха; но чѣмъ же здѣсь виноватъ Никонъ? Послушаемъ, однакожь, что онъ самъ говоритъ въ оправданіе свое въ этомъ обвиненіи.—Вопервыхъ, Никонъ смотрѣлъ на недвижимое имѣніе церковное, не какъ на личную собственность духовенства, но какъ на достояніе Божіе: «не суть наше достояніе, но Божіе», говоритъ онъ о нихъ въ опроверженіе словъ Одоевскаго, который въ уложеніи назвалъ вотчины церковныя «патріаршими, митрополичьими», и т. п. [1]. Потомъ, Никонъ дѣйствительно получилъ отъ государя царя множество вотчинъ для патріаршаго дома и трехъ построенныхъ имъ монастырей. Но большая часть этихъ вотчинъ были наградою отъ царя Никону за его заслуги, или лично семейству царскому оказанныя, или вообще государству и Церкви, а всѣ вообще были усерднымъ даромъ дружбы и любви царя къ патріарху; объ этомъ свидѣтельствуютъ самыя жалованныя грамоты, какія давалъ царь патріарху.

Поэтому, съ полнымъ сознаніемъ своей правоты, Никонъ говоритъ: «ничтоже туне отъ царя нашего пріяхъ, отъ движимыхъ и недвижимыхъ вещей, *яко Богъ вѣсть*, и не погубихъ съ любодѣйцами, но все возложилъ Господеви, яко свидѣтельствуютъ вещи, и есть царю нашему не сугубо и трегубо воздаяніе, но присно плодоноспмо въ семъ вѣцѣ, и, по многолѣтнемъ его житіи, въ будущемъ до пришествія Христова не престанетъ прикладъ благодати [2].

«Никонъ», говорили также враги его, «разорилъ коломенскую епископію ради своего Воскресенскаго монастыря» [3]. «Сіе дѣло», отвѣчаетъ Никонъ, «сдѣлано къ божественной славѣ и Божіимъ людемъ ко спасенію, и не на разореніе епископіи». Какимъ же образомъ? «Коломенская епископія», продолжаетъ Никонъ, «прилежитъ патріаршей области, по близу

[1] Возраж. на 26 вопр. Стрѣшн. Паисію Лигариду.

[2] Возр. на 25 вопр. Стрѣшнева. Напротивъ, Никонъ о врагахъ своихъ пишетъ: «не явишися, сказано, предъ Господемъ Богомъ твоимъ тощъ; а нынѣ, въ церковь пришедъ, только о томъ и памятуютъ, гдѣ бъ что отъ церкви Божіей отнять.» Возраж. на 24-й вопр. Стрѣшнева. [3] Вопр. Стрѣшнева 15.

сущи; земля же вятская и великопермская отстоитъ больши полуторыхъ тысящь верстъ, и есть мѣсто немалое, и людей множество, къ нимъ же прилежатъ страны, языкъ не мало, и есть тамо останокъ немало языческихъ обычаевъ, нѣцыи же глаголютъ и идолопоклонническихъ останковъ останцы есть. Напрасно также», продолжаетъ Никонъ, «обвиняютъ меня, будто я сдѣлалъ это для Воскресенскаго монастыря. Воскресенскій монастырь, когда упразднялась епископія коломенская, не начиналъ еще и строиться. Притомъ, вотчины этой епископіи отобраны были не на патріарха, а на государя царя. Правда, впослѣдствіи онѣ перешли въ Воскресенскій монастырь; но впослѣдствіи, а не въ то самое время, когда закрывалась епархія коломенская. Государь царь, полюбивъ Воскресенскій монастырь, когда былъ въ немъ на освященіи первой деревяной церкви Воскресенія Христова, подарилъ этому монастырю вотчины, отобранныя недавно въ казну отъ упраздненной коломенской епископіи. Напрасно также», говоритъ Никонъ, «обвиняютъ меня одного въ этомъ дѣлѣ, если только оно заслуживаетъ сколько нибудь обвиненія. Въ приказѣ посольскихъ дѣлъ», говоритъ Никонъ, «свидѣтельствуетъ отпускъ, яко царскаго величества съ волею содѣяно и епископовъ совѣтомъ.»

Одно только можно поставить въ вину Никону въ этомъ отношеніи. Онъ, въ надеждѣ на свою силу и власть предъ царемъ, именемъ малолѣтняго царевича, когда царь былъ въ походѣ польскомъ, приписалъ нѣсколько казенныхъ пустошей къ своему Иверскому монастырю. Это было еще въ маѣ 1655 года [1]; но тогда ничего не говорили объ этомъ поступкѣ Никона!

Далѣе читаемъ въ *извѣщеніи*, что, хотя Никонъ «остави престолъ совершенно, обаче послѣди раскаявся, *различными препинаше коварствы, во еже бы иному не быти патріархомъ*». Но мы уже знаемъ, что Никонъ, послѣ тщетныхъ уси-

[1] Акт. ист. т. IV, № 99.

лій возвратиться на свой патріаршій престолъ, далъ свое согласіе на избраніе новаго патріарха. Припомнимъ здѣсь и слова Никона въ грамотѣ его къ константинопольскому патріарху Діонисію, гдѣ онъ говоритъ, что «быть патріархомъ на Москвѣ не пудимся», но только боимся, чтобы не прогнѣвать Бога отреченіемъ отъ святительскаго служенія Церкви.

Несравненно важнѣе слѣдующая вина, приписываемая Никону: Никонъ «*проклинаше россійскія архіереи, всякаго истязанія и суда кромѣ*».—Никонъ горячо поступилъ, предавъ Питирима анаѳемѣ за самоуправство. Но за чѣмъ же пренебрегли справедливою мыслію Никона? Никонъ подвергъ отлученію Питирима 1) за отступленіе отъ своего патріарха, 2) за самовольное посвященіе Меѳодія мстиславскаго, и 3) за совершеніе обряда—шествія на осляти, въ недѣлю ваій.

Правила Церкви говорятъ: «аще который пресвитеръ, или епископъ, или митрополитъ дерзнетъ отступить объ общенія съ своимъ патріархомъ, и не будетъ возносити имя его въ божественномъ тайнодѣйствіи, прежде сооершеннаго осужденія его; таковому соборъ опредѣлилъ быти чужду всякаго священнодѣйства» [3]. Такимъ образомъ, не прямо ли не только церковному отлученію, но и лишенію сана подвергъ себя Питиримъ самовольнымъ отступленіемъ отъ своего патріарха [4]?—Правда, есть ограниченіе этого правила: «отдѣляющіеся отъ общенія съ предстоятелемъ, ради нѣкія ереси, осужденныя св. соборами, не токмо не подлежатъ положенной правилами епитиміи, но и достойны чести, подобающей православнымъ [5]. Но Никона никто, кромѣ суевѣровъ, не обличилъ въ ереси; соборъ восточныхъ и русскихъ святителей призналъ вѣру Никона чистою.

Не забудемъ также, что въ тѣ времена входило, между прочимъ, въ епископскую присягу обязательство такое, что епископъ будетъ въ постоянномъ повиновеніи своему пат-

[1] Прав. двукр. с. 15, ср. 13, 14. [2] На это указываетъ самъ Никонъ въ грамотѣ своей къ конст. патр. Діонисію. См. рук. Воскр. мон.

[3] Двукр. соб. пр. 15.

ріарху и не будетъ слушаться гражданской власти, «хотя бъ ему и смертію претили», когда отъ него потребуютъ чего нибудь противнаго церковнымъ канонамъ. Это исповѣданіе обязательствъ святительскаго сана совершалось, предъ лицемъ Церкви въ храмѣ Божіемъ, въ присутствіи самого царя, съ твердымъ обѣщаніемъ признать себя достойнымъ изверженія изъ сана, въ случаѣ льстиваго человѣкоугодничества противъ своего патріарха [1]. Никонъ, такимъ образомъ, произнесеніемъ анаѳемы на Питирима исполнилъ то, на что Питиримъ самъ себя обрекалъ [2].

Немаловажнымъ основаніемъ для анаѳемы, произнесенной Никономъ на крутицкаго митрополита, служило и то, что Питиримъ, безъ сношенія съ константинопольскимъ патріархомъ, посвятилъ епископа Меѳодія, съ нареченіемъ его оршанскимъ и мстиславскимъ, и блюстителемъ кіевской митрополіи. Меѳодій былъ до этого времени протоіереемъ въ городѣ Нѣжинѣ. Царь Алексѣй Михайловичъ, въ видахъ тѣснѣй-

---

[1] См. возр. Ник. на 19 вопр. Стрѣшнева, гдѣ Никонъ представляетъ извлеченіе краткое изъ этой присяги. Вотъ оно: «обѣщаюся во всемъ послѣдовати и повиноватися вселенскимъ патріархамъ, и по нихъ бывающимъ, благоволеніемъ Божіимъ, святѣйшимъ патріархамъ отцемъ нашимъ, и не сотвориги имъ ничтоже по нуждѣ, ни отъ царя и великаго князя, ни отъ бояръ, и князей многихъ,—ни отъ множества народа, аще и смертію воспретятъ, или служити велятъ, или святительское творити въ чужей митрополіи во всѣхъ властѣхъ, кромѣ епархіи, данныя мнѣ отцемъ моимъ, или отшедшу ми въ которую страну чуждую не дѣйствовати ми священная, безъ повелѣнія отца моего; еще же и на томъ обѣщаваюся,—внегда позваги мя отцу моему и всему свящ. собору, безъ всякаго слова приходити на соборъ; еще же и на томъ обѣщаваюся, хотя ми князи держати или боляре и множество народа, не ослушатимися повелѣнія отца моего и всего св. собора, и еже по нихъ бывающихъ святѣйшихъ патріарховъ; еще же и на томъ обѣщаваюся, не хотѣти ми пріимати инаго патріарха, развѣ св. восточныя Церкве греч. закона; аще же сотворю что противъ тако вышеписанныхъ, безъ позволенія и безъ грамоты, или преступлю что едино отъ всѣхъ писанныхъ здѣ, лишенъ буду сана своего безъ всякаго слова. «Ср. акт. экси. 1, 375.» «Виждь», гов. потомъ Никонъ Паисію, «каково обѣщаніе дали (русск. архіереи) предъ Богомъ и св. ангелы его, и предъ всѣмъ свящ. соборомъ, и предъ госуд. царемъ и предъ всѣмъ сиклитомъ и множествомъ народа! Чтоже сохранили? Ничто же! во всемъ солгали!»

[2] Никонъ указываетъ на это обстоятельство и въ своихъ возраженіяхъ на вопр Стрѣшнева, и въ грамотѣ къ Паисію Лигариду. Рук. Воскр. мон.

шаго соединенія Литовскаго и Малороссійскаго края съ Московскимъ, неоднократно предлагалъ Никону посвятить въ Оршу православнаго епископа, и отправить его на жительство въ Кіевъ, въ качествѣ намѣстника митрополіи кіевской, отъ имени московскаго патріарха. Никонъ находилъ въ этомъ посвященіи 1) нарушеніе правъ константинопольскаго патріарха, къ области котораго принадлежалъ еще тогда Кіевъ; онъ предлагалъ государю снестись поэтому дѣлу съ константинопольскою Церковію, но этого сдѣлано не было; 2) нарушеніе правила церковнаго, которое запрещаетъ посвящать епископа безъ назначенія посвящаемаго къ опредѣленному мѣсту и церкви. Но Орша и Мстиславль, говорилъ Никонъ, «были въ то время подъ Литвою», и православныхъ жителей почти не имѣли, а православный Кіевъ принадлежалъ въ церковномъ отношеніи патріархату константинопольскому. Никонъ удалился изъ Москвы; Питиримъ исполнилъ волю царя. Меѳодій, не видавъ Орши, куда поставленъ былъ епископомъ, отправился въ Кіевъ. Кіевское духовенство извѣстило объ этомъ своего патріарха. Цареградскій патріархъ, на основаніи 35 апостольскаго правила, проклялъ его, крутицкаго митрополита», говоритъ Никонъ [1]. Но невозможно, прибавляетъ Никонъ, чтобы отлученный отъ Церкви константинопольскимъ патріархомъ, не былъ отъ нея отлученъ и всероссійскимъ патріархомъ [2].

Продолжая раскрывать поступокъ Питирима въ подробнѣйшихъ чертахъ [3], Никонъ находитъ въ немъ «четверогубое беззаконіе»: вопервыхъ, Питиримъ посвятилъ въ епископа того, кто избранъ въ этотъ санъ гражданскою властію, а не церковною, за что правила Церкви подвергаютъ извержению «поставившаго съ поставленнымъ отъ него» [4]; вовторыхъ правила запрещаютъ епископамъ дѣлать что либо важное въ Церкви «безъ старѣйшаго» и безъ совѣта областнаго

---

[1] Такъ описываетъ это дѣло Никонъ въ своемъ возр. на 26 вопр. Стрѣшн.
[2] Апост. 30, Лаод. 13, VII, всел. 3. [3] См. возраж. на 22 вопр. Стрѣшнева. [4] Ап. 30, VII, всел. 3. Лаод. 13.

собора; [1] а Питиримъ, послѣдній изъ русскихъ митрополитовъ, «посвятилъ Меѳодія безъ согласія на то своего патріарха и ни собора о томъ не собиралъ, ни соборовалъ»; въ третьихъ, правила запрещаютъ епископу совершать что либо епископское въ чужой епархіи [2], а Питиримъ посвятилъ Меѳодія въ Москвѣ, въ епархіи патріарха, а не въ своей митрополіи; въ четвертыхъ, онъ посвятилъ епископа въ цареградскую, чуждую область, что также противно правиламъ Церкви [3].

Наконецъ, объ обрядѣ въ недѣлю ваій, совершавшемся въ нашей Церкви, Никонъ говорилъ, что его можетъ совершить только одинъ патріархъ, потому что онъ одинъ «живъ и одушевленъ есть образъ Іисуса Христа», тогда какъ «градстіи епископы по образу суть 12 Апостоловъ, сельстіи же по образу 70 Апостоловъ». А крутицкій митрополитъ, прибавляетъ при этомъ Никонъ, сельскаго епископа мѣсто держитъ [4]. Прекрасно замѣчаетъ далѣе Никонъ, что Апостолъ Петръ «ниже на крестѣ восхотѣ тако пригвоздитися, якоже Христосъ, но стремглавъ умоли мучителей пригвоздитися; крутицкій же митрополитъ творитъ, что Христосъ дѣлалъ, емуже не достойно есть творити». Мы и сами, присовокупляетъ Никонъ, со страхомъ и трепетомъ совершали этотъ обрядъ. «Мерзость убо запустѣнія на мѣстѣ святѣ есть крутицкій митрополитъ», заключаетъ въ порывѣ негодованія Никонъ [5].

Прибавилъ, что Никонъ предалъ анаѳемѣ и троихъ иноковъ. Но опять не безъ основанія. Они были упорные раскольники: не только не принимали исправленнаго символа вѣры, но и въ храмѣ, во время богослуженія, производили изъ-за новоисправленныхъ книгъ большіе безпорядки [6].

Наконецъ, нужно ли говорить еще, какое основаніе имѣлъ Никонъ предать анаѳемѣ боярина Семена Стрѣшнева, когда этотъ бояринъ, по выраженію Никона, ругаясь надъ святи-

---

[1] Ап. 34. 37. Ант. 9, 1. Всел. 5, Лаод. 20 и др. [2] Ап. 14, 1. Всел. 16, анк. 13, 16, 21, 11. Всел. 2, IV. Всел. 5. [3] Ап. 35. [4] Возраж. на 22 вопр. Стрѣшнева. [5] Возр. на 22 вопр. Стрѣшнева. [6] См. въ грам. къ Паис. Лигариду, по рук. Воскр. мон.

тельскимъ благословеніемъ патріарха, «глумяся игралъ благодатію Христовою [1]».

Еще обвиненіе на Никона: «оставленіемъ престола сотвори Церковь свою вдовствовати осмь лѣтъ и шесть мѣсяцевъ, въ неже междупатріаршества время соблазнишася *его ради* мнози, и *явишася раскольницы и мятежницы православныя россійскія Церкве*». Но раскольники явились раньше удаленія Никона изъ Москвы въ Воскресенскій монастырь; и они-то между прочимъ, были причиною удаленія патріарха въ воскресенское уединеніе. Притомъ, виновникомъ такихъ безпорядковъ, послѣ удаленія патріарха, справедливѣе назвать Питирима, который самовольно вступилъ во всѣ права патріарха, и не имѣлъ ни столько силы духа, ни столько ревности и мудрости пастырской, чтобы противостать умноженію раскола въ Церкви. Кто виновенъ, что Аввакумъ, напр., сосланный Никономъ въ Сибирь, теперь, съ удаленіемъ Никона въ Воскресенскій монастырь, возвратился въ Москву, и получилъ полную свободу для мятежныхъ своихъ дѣйствій противъ Церкви?

Далѣе продолжаетъ извѣщеніе: Никонъ, «*ругаяся по обычаю глумителей двумъ архіереамъ, единаго именова Анну, другаго Каіафу, такожде ду отъ синклита царскаго боляровъ и посланниковъ именова Иродомъ и Пилатомъ*». Это объяснится само собою, когда припомнимъ слѣдствіе по доносу Бабарыкина на Никона. Тамъ между прочимъ, Никонъ говорилъ слѣдователямъ, что они поступаютъ съ нимъ, какъ жиды съ Христомъ. Эти-то слова Никона въ подробнѣйшихъ чертахъ раскрываетъ здѣсь «извѣщеніе» [2].

Новая вина Никона: «*не смиреннымъ образомъ пріиде на соборъ*». Никонъ гордъ, Никонъ величается преимуществами, какихъ удостоилъ его царь. Онъ засмотрѣлся на себя, и возгордился своею высотою»,—вотъ мнѣніе бояръ того времени о Никонѣ [3]. Но Никонъ такъ отвѣчалъ на эти отзывы о немъ:

---

[1] Возраж. на 1 вопр. Стрѣшнева.

[2] Возр. на 26 вопр. Стрѣшн. [3] См. 24 вопр Стрѣшн. Паис. Лигариду.

«не радуется Никонъ въ царскихъ привиллегіяхъ, ниже хвалится о нихъ; любитъ Никонъ св. Христово Евангеліе, за него же страдати хощетъ, и умрети о немъ готовъ; слышалъ Никонъ св. Писаніе: не надѣйтеся на князи, на сыны человѣческія, въ нихъ же нѣсть спасенія; всяка слава человѣка, яко трава» [1]. Но въ чемъ же состоялъ «несмиренный образъ», въ которомъ Никонъ явился на соборъ? Никонъ, говоря другими словами, явился на соборъ въ санѣ патріарха съ предносимымъ крестомъ. Но санъ снятъ съ него уже соборомъ патріарховъ. «*Паче же насъ*», говорятъ восточные патріархи, «*абіе оплагольствовати не преста, повѣдая не имѣти насъ древнихъ престоловъ нашихъ*, внѣ же нашихъ епархій скитающеся пребывати, единаго въ Египтѣ, другаго въ Дамаскѣ, безпрестольно». Никонъ говорилъ здѣсь о восточныхъ патріархахъ тоже, что прежде говорили о немъ самомъ враги его. Никонъ, говорили враги его, не долженъ называться московскимъ патріархомъ, потому что живетъ не въ Москвѣ, а въ Воскресенскомъ монастырѣ. Никонъ возражалъ: александрійскій и антіохійскій патріархи, такъ какъ живутъ въ Каирѣ и Дамаскѣ, не должны уже, согласно умствованію враговъ его, называться александрійскимъ и антіохійскимъ [2]. Кромѣ того, враги говорили Никону, что онъ непремѣнно подлежитъ изверженію изъ сана, между прочимъ за то, что жилъ болѣе опредѣленнаго канонами времени [3]—внѣ будто бы предѣловъ своей паствы. Никонъ опять возражалъ, что и восточные патріархи, когда пріѣзжаютъ въ Москву за милостынею, проживаютъ здѣсь болѣе опредѣленнаго канонами времени; значитъ, и они подлежатъ осужденію [4]. Тоже повторилъ онъ и на самомъ соборѣ, только въ выраженіяхъ болѣе рѣзкихъ.

Паисій такъ разсуждаетъ о гордости Никона: приключилося ему то, что пишутъ вершописцы о Нарциссѣ, который въ рѣчной водѣ кристальной посматривалъ свое лице, и увидя свое лице, чаючи, что не его, приклонился хотя цѣловати, и какъ приклонился сверхъ потребы, утонулъ.

[1] Возр. Никон. на этотъ вопр. [2] Возраж. на 17 вопр. Стрѣшнева.

[3] Карѳ. 32, Сард. 12, Двукр. 16. [4] Возраж. на 17 вопр. Стрѣшн.

На это то объясненіе Никона и указываетъ теперь «извѣщеніе» [1].

Но Никонъ не только укорялъ лично восточныхъ патріарховъ, но и «*судъ ихъ патріаршескій уничижи*». Чѣмъ же уничижилъ Никонъ судъ восточныхъ патріарховъ? Тѣмъ, отвѣчаютъ они, что «нарицалъ его баснями, того ради, яко приводихомъ за его преступленія правила, прямо его преступленіямъ противящіяся, яже онъ нарицаше лживая; наипаче же», продолжаютъ патріархи, «вторый канонъ, сотворенный на соборѣ, бывшемъ въ Св. Софіи, повелѣвающій сице: яко архіерей, нисшедый на мѣсто кающихся, не можетъ архіерейская дѣйствовати; сей онъ канонъ весьма отрече, и вся правила среднихъ и помѣстныхъ соборовъ, бывшихъ по VII всел. соборѣ, всячески отверже». «Паче же», присовокупляютъ патріархи, «толкованія и сказанія наша, яже обще мы, яко крайніи архіереи и учители Христовы Церкве сотворихомъ, самыя суеты нарече быти. Номоканонъ съ великимъ безстудствомъ нарече еретическимъ, того ради, яко напечатася въ странахъ западныхъ». Никонъ, какъ показываютъ его «возраженія», дѣйствительно не находилъ ни одного правила противъ своихъ поступковъ. По этому естественно могъ называть лживыми правила, приводимыя восточными патріархами противъ его поступковъ. Что же касается до 2-го канона собора въ храмѣ Св. Софіи, то Никонъ только не относилъ его къ себѣ, но вовсе не отвергалъ его, какъ будто-бы подложный [2]. Но чтобы Никонъ отвергалъ всѣ правила соборовъ, бывшихъ послѣ VII вселенскаго; то это весьма не достовѣрно. Никонъ благоговѣйно чтилъ всѣ каноны церковные, какъ «законодательство Св. Духа». Откуду церковные законы привзошли суть?» спрашиваетъ онъ въ одномъ мѣстѣ враговъ своихъ, и отвѣчаетъ онъ самъ: «свыше суть» [3]. И вездѣ, гдѣ ни говоритъ о церковныхъ привилегіяхъ, не иначе называетъ

---

[1] Впрочемъ этотъ поступокъ Никона показалъ, что и въ добродѣтельныя сердца проникаетъ тонкая ржа грѣха

[2] Возраж. на 17 вопр. Стрѣшн. [3] См. возр. на 26 вопр.

ихъ, какъ божественными [1]. Кромѣ того правила, на которыя указываетъ извѣщеніе, помѣщены самимъ же Никономъ въ кормчей книгѣ, которую Никонъ зналъ во всей точности, и почиталъ, какъ книгу «божественную [2]». Другое совсѣмъ дѣло, если Никонъ, знавшій одно толкованіе правилъ Церкви, именно то, которое принято имъ въ кормчей книгѣ, и которое онъ представлялъ въ свою защиту, не соглашался съ тѣмъ толкованіемъ, которое представляли восточные патріархи въ его обвиненіе. Потому-то онъ и называлъ эти толкованія «сущими суетами», какъ называлъ нерѣдко въ своихъ возраженіяхъ и толкованія Паисія Лигарида. По той же причинѣ, конечно, онъ назвалъ и номоканонъ восточныхъ патріарховъ еретическимъ—подъ тѣмъ предлогомъ, что книга эта напечатана была въ странахъ западныхъ.

Затѣмъ, обвиняютъ Никона въ личномъ оскорбленіи самаго царскаго величества, обвиняютъ въ томъ, за что правила св. Апостоловъ прямо изрекаютъ епископу: «да будетъ изверженъ отъ священнаго чина» [3]. «Ктому», продолжаютъ восточные патріархи, «во епистоліяхъ, къ намъ, четыремъ патріархамъ, посланныхъ отъ него бывшихъ, но въ руцѣ тишайшаго царя доставшихся,—въ нихъ же *извѣстова онъ православнѣйшаго государя нашего царя и* великаго князя Алексѣя Михайловича *латинствовати, наричая его мучителя неправедна, и* уподобляя его Іеровоаму и Озіи, *подобно же сгнклитъ и всю Церковь россійскую преклонившеюся къ латинскимъ догматамъ*».

Прежде, нежели представимъ отвѣтъ самого Никона на это обвиненіе, мы должны замѣтить, что, вопервыхъ, Никонъ писалъ не много «епистолій», но одну, и не ко всѣмъ четыремъ восточнымъ патріархамъ, но только къ одному константинопольскому, и притомъ лично ему одному, а не для сообщенія и прочимъ патріархамъ [4].—Эта грамота, говорится

[1] Такъ напр. онъ называетъ ихъ во многихъ мѣстахъ своихъ возраж. на вопр. Стрѣшн. П. Лигариду. См. рук. Воскр. мон., особенно—возр. на 26 вопр.
[2] Возраж. на 26 вопр. Стрѣшнева. [3] Пр. 84. [4] См. въ рук. Воскр. мон.

далѣе въ «извѣщеніи», досталась въ руки царя. Правда, она была перехвачена на дорогѣ у посланнаго съ нею отъ Никона къ константинопольскому патріарху. Потомъ, говорится въ извѣщеніи, будто бы Никонъ называлъ въ ней царя Алексѣя Михайловича мучителемъ, неправеднымъ и уклонившимся вмѣсто со всею отечественною Церковію въ латинство. Но въ самой грамотѣ нѣтъ объ этомъ ни слова. Общее ея содержаніе выражаетъ самъ Никонъ такими словами: «ею же (грамотою) объявляемъ твоему преблаженству, яже суть о насъ, како исперва бысть наше патріаршество, и отхожденіе отъ царствующаго града Москвы въ Воскресенскую обитель, и всѣхъ мимошедшихъ, яже суть о насъ». Правда Никонъ здѣсь съ сильнымъ негодованіемъ описываетъ злоупотребленія монастырскаго приказа, которымъ не было полагаемо преграды высшею властію; правда и то, что онъ извѣщаетъ константинопольскаго патріарха о наказаніяхъ, какимъ подверглись люди, дерзавшіе говорить что нибудь въ защиту Никона; но все это онъ описываетъ, какъ обыкновенный ходъ дѣлъ въ его время, не только безъ оскорбительныхъ выраженій для царской чести, но даже съ искреннимъ сожалѣніемъ о необуздываемомъ своеволіи бояръ. Никонъ и среди тѣсноты гоненій въ Воскресенскомъ монастырѣ молился за царя. «Нѣкогда оклеветанъ быхъ», писалъ онъ въ этой же грамотѣ, «яко бы проклинаю царя; се же никогда тако бысть, развѣ молитвъ нашихъ смиренныхъ» [1].

Что же касается до уклоненія будто бы русской Церкви, вмѣстѣ съ государемъ, къ латинскимъ догматамъ; то Никонъ объ этомъ говоритъ только въ томъ отношеніи, какъ мы уже замѣчали, что царь, пастыри и вельможи имѣютъ общеніе съ Паисіемъ Лигаридомъ, котораго Никонъ считалъ «латиномъ, еретикомъ», и даже сдѣлали его предсѣдателемъ собора для суда надъ русскимъ патріархомъ, и слѣдовательно какбы са-

[1] «Аще самъ еси недостоинъ,» писалъ онъ также Паисію Лигариду, «видѣти молитвы наши о царскомъ величествѣ, бываемыя во святѣй Церкви, по вся дни и нощи, вопроси отъ вѣдущихъ. Возр. на 25 вопр. Стрѣшн.

ми вмѣстѣ съ нимъ уклонились въ латинство [1]. Но мы увидимъ, въ какой мѣрѣ справедливъ былъ Никонъ въ своемъ отзывѣ объ этомъ Паисію.

Послушаемъ теперь, что говоритъ самъ Никонъ въ защиту себя противъ обвиненій въ оскорбленіи царкаго величества. «Не бранилъ азъ царя, ни браню, но злобу его оглаголую и не престану!» вотъ сущность оправданія Никона противъ обвиненія его въ оскорбленіи царя [2]. Объясняя въ другомъ мѣстѣ эти слова свои, Никонъ замѣчаетъ: «ему (царю) кажется легко, что волю далъ всякому неправеднику злословить насъ, елико кто хощетъ и умѣетъ, а намъ уже отъ тѣхъ злодѣевъ смерть приходитъ» [3]. Поэтому, въ грамотѣ къ Паисію Лигариду онъ пишетъ о своихъ неблагопріятныхъ отношеніяхъ къ царю такимъ образомъ: «Мы предъ царемъ никакой вины своей не знаемъ, опричь того, что пишемъ и говоримъ, постерегаючи неправды сунклита его, что св. Божіи монастыри до большаго убожества довели, и церкви Божіи сильною рукою своею разорили, и что дѣлать имъ то не годится». Раскрывая въ подробнѣйшихъ чертахъ эти неправды синклита, Никонъ продолжаетъ: «безъ нашего архіерейскаго благословенія отъ св. церквей и монастырей животы святыя и помѣстья отъемлютъ, и безъ архіерейскаго обранія (избранія), епископы и архимандриты по ихъ волѣ поставляются, и по разсмотрѣнію ихъ посылаются, и насъ самихъ и весь преосвященный соборъ мірскія люди судятъ и называется тотъ судъ—монастырскій приказъ». Къ этому прибавляетъ Никонъ: «и которыхъ самихъ отъ Св. Духа врученною намъ властію вяжемъ, тѣхъ увольняютъ, и ни во что нашу связку и проклятіе почитаючи, велятъ ихъ развязывать, и сами съ ними соединены, на молитву приходятъ, преступаючи Апостольскія 10 и 11 заповѣди» [4].

---

[1] «И отъ того ихъ собора» (на которомъ предсѣд. Паисій Лигаридъ,)» преста на Россіи св. вост. Церкви единеніе и ваше благословеніе, но отъ римскаго костела начатки воспріяли, по своимъ волямъ.» Слова Ник. въ грам. къ Діонисію [2] См. 26 вопр. Стрѣшнева [3] Возраж. на 19 вопр. Стрѣшнева.

[4] Рук. Воскр. мон.

Между тѣмъ, Семенъ Стрѣшневъ предлагалъ Паисію газскому, въ числѣ прочихъ вопросовъ и слѣдующій: «одинъ, который называетъ мучителемъ вельможнѣйшаго царя нашего, и смѣетъ нарицати несправедливаго обидителя и хищника; что̀ тому подобаетъ по святымъ правиломъ» [1]? Паисій отвѣчалъ такъ: «84 правило св. Апостолъ пишетъ: кто ни есть опозоритъ царя сверхъ права, будетъ казненъ; аще же мірскій человѣкъ, да будетъ проклятъ». Зналъ это правило и Никонъ; но находилъ несправедливымъ относить его къ себѣ. Онъ прежде всего укоряетъ Паисія въ неправильномъ чтеніи этого правила, и приводитъ правильное чтеніе его, по кормчей: «аще кто досадитъ цареви или князю безъ правды, аще есть причетникъ да извержется, аще мірскій человѣкъ да отлучится». Затѣмъ, останавливается здѣсь особенно на двухъ словахъ—«безъ правды» и «причетникъ», и въ слѣдъ за толкованіемъ, какое помѣщается въ кормчей, говоритъ: «безъ правды убо досаждати не оставляетъ (не позволяетъ) правило; по правдѣ же кто обличаетъ царя или князя, нѣсть достоинъ муки». Потомъ, обращая вниманіе на слово: «причетникъ», Никонъ замѣчаетъ, ссылаясь на царскія книги (*βασιλικὰ βιβλια*): «причетникъ, а не архіерей; ина бо слава солнцу, ина слава лунѣ, и ина звѣздамъ; досаждати убо цареви всѣмъ возбранено есть, но не архіереомъ».

Объяснивъ, такимъ образомъ, смыслъ Апостольскаго правила, Никонъ обращается къ своимъ отношеніямъ къ царю, и не отказывается, что онъ неоднократно «обличалъ» царя, но дѣлалъ это не по увлеченію какой нибудь личной страсти, но по здравому сознанію архипастырскаго своего долга. «Глаголахъ», говоритъ онъ о себѣ словами псалмопѣвца, «о свидѣніяхъ Господнихъ предъ цари, и не стыдяхся». Но были ли на самомъ дѣлѣ какія нибудь неправды царя, какъ говоритъ Никонъ? «А яже что неправедно есть и немилость царева, всѣмъ явно есть», отвѣчаетъ на это Никонъ [2]. Въ заключеніе

---

[1] См. 26 вопр. Стрѣшнева. [2] Здѣсь, между прочимъ, Никонъ въ горячности своей замѣчаетъ: «многъ лпкъ собранъ у Господа злопострадавшихъ

своего оправданія Никонъ дѣлаетъ различіе между словами: «дерзость и дерзновеніе», и въ поясненіе этого различія приводитъ множество изреченій и примѣровъ изъ св. Писанія,— къ себѣ онъ относитъ только «дерзновеніе».

Что же сказать намъ объ этихъ обвиненіяхъ, взносимыхъ на Никона, и оправданіяхъ самого Никона? Обвиненіе преувеличиваетъ истинное значеніе дѣла: Никонъ представлялъ царю на видъ несправедливости монастырскаго приказа, дѣлаемыя боярами отъ имени будто бы царскаго величества; вотъ враги Никона и обвиняютъ его въ оскорбленіи царскаго величества. Оправдывается Никонъ согласно съ вѣрнымъ смысломъ церковныхъ каноновъ. Исключеніе одно: «причетникъ» въ правилахъ Апостольскихъ означаетъ не чтеца только и пѣвца, какъ понимаетъ Никонъ, но всякое лице, принадлежащее къ клиру (κληρικὸς). Во всякомъ случаѣ, мы уже видѣли, что Никонъ вовсе не имѣлъ въ виду того, чтобы эта грамота его къ константинопольскому патріарху была обнаружена къ соблазну Церкви.

Продолжаемъ читать въ «извѣщеніи»: «Сіе же наипаче глаголаше *ради газскаго митрополита Паисія*, завистію уведенъ, занеже вѣдаше его обыкша бесѣдовати съ пресвѣтлымъ сунклитомъ о гражданскихъ дѣлахъ». Нетолько наипаче, но и единственно ради Паисія газскаго, говорилъ Никонъ то, о чемъ идетъ здѣсь рѣчь. Это доказываютъ возраженія Никона на вопросы Стрѣшнева, и грамота къ константинопольскому патріарху Діонисію, гдѣ онъ единственно и исключительно на общеніи пастырей и бояръ русскихъ съ Паисіемъ Лигаридомъ основываетъ свое мнѣніе объ опасности, какая угрожала отечественной Церкви отъ латинства. О самомъ Паисіѣ Никонъ дѣлаетъ такой отзывъ: «о немъ глаголется отъ свѣдущихъ его», говоритъ онъ напримѣръ въ грамотѣ къ константинопольскому патріарху Діонисію, «яко римлянинъ есть и вѣру держитъ римскую, и посвященъ во діаконы и во пре-

---

обличенія ради неподобныхъ дѣлъ царскихъ;» «имъ же», прибавляетъ онъ, «сподоби Христе Боже подражателемъ и намъ быти.»

свитеры папою, и будучи въ польской землѣ, въ костелѣ отправлялъ по римски, и во градѣ Москвѣ которые пресвитеры и діаконы, гречаны и московскіе, съ нимъ живутъ, и тѣ сказываютъ, что ничто достойно свитительства творитъ, мясо ястъ, и піетъ безвременно, и прежде ястъ и піетъ, а потомъ служитъ». Въ возраженіи на 26 вопросъ Стрѣшнева Никонъ говоритъ о Паисіѣ еще съ большею подробностію. «Нѣцыи повѣствуютъ», говоритъ онъ здѣсь, «яко Паисій не есть православныя святыя восточныя Церкве, но западнаго римскаго костела, у папы былъ 30 лѣтъ діакономъ, и въ Мутьянѣхъ былъ долгое время, и вельми насѣянъ римскія ереси, много попамъ вдовымъ велѣлъ на другихъ женахъ жениться, и черницамъ и черницамъ молодымъ брачитися, и мяса ясти, и мутьянскій митрополитъ писалъ ко вселенскимъ патріархамъ, и они его прокляли, и платье велѣли съ него взять, и онъ изъ Мутьянъ ушелъ въ Польшу, и въ Польшѣ многое время при королѣ былъ, и по всѣмъ костеламъ службу отправлялъ; да на него же свидѣтельство привезъ св. Аѳонскія горы монастыря Константинова архимандритъ Ѳеофанъ, — книжицу, толкованіе на «величитъ душа моя Господа», а та книжица друкована въ Римѣ, и въ ней писано: собнѣйшему владѣтелю, кардиналу, господину Франциску Барберини, владыцѣ моему честнѣйшему [1], и имя его написано мірское Пантелеймонъ Лихаридіусъ; да и здѣсь онъ живетъ, никакого черническаго правила не держитъ, и къ церкви не ходитъ, ни на вечерню, ни на утрению, ни на литургію; нѣцыи глаголютъ, яко и мясо ѣстъ; Ѳедоръ Татьянинъ самъ видѣлъ, какъ табакъ пьетъ».

Спрашивается: почему же Никонъ такъ неодобрительно отзывался объ этомъ газскомъ митрополитѣ? «Извѣщеніе» отвѣчаетъ: «завистію уведенъ, занеже вѣдаше его обыкша бесѣдовати съ пресвѣтлымъ сунклитомъ о гражданскихъ дѣлахъ.» Не то говоритъ безпристрастная исторія: по свидѣтельству Фабриція, Паисій Лигаридъ дѣйствительно принад-

[1] Такъ говоритъ Никонъ и въ грам. къ конст. патр. Діонисію.

лежалъ къ числу грековъ латинствовавшихъ [1]. Несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, то, что онъ учился въ Римѣ подъ именемъ Пантелеимона [2]. Въ московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ хранятся письма его къ кардиналу Барберини [3]. Что же касается до бесѣдъ Паисія съ царскимъ сунклитомъ о гражданскихъ будто бы дѣлахъ, то они весьма невѣроятны. Паисій не вмѣшивался и не могъ вмѣшиваться въ гражданскія дѣла. Напротивъ, какъ мы уже видѣли, онъ былъ душею общества враговъ Никона. Всѣ распоряженія, какія дѣлались по дѣлу Никона, были плодомъ «бесѣдъ Паисія съ пресвѣтлымъ сунклитомъ.» Бояре, говоритъ Никонъ, «во всемъ послушливы ему были, и что возглаголетъ, яко отъ устъ Божіихъ послушали его, яко пророка Божія.» Итакъ грекъ сомнительнаго православія былъ предсѣдателемъ собора русскихъ архипастырей, собравшихся (1663 г.) для суда надъ Никономъ! Но положимъ, что онъ былъ православный; имѣлъ ли право вмѣшаться въ дѣло Никона и быть его судіею?

Нельзя не удивляться крайней смѣлости и неосторожности этого ученаго мужа, отъ котораго Никонъ ожидалъ столько добрыхъ плодовъ для Церкви русской,—нельзя не удивляться, какъ онъ принялъ на себя званіе учителя и правителя дѣлъ Церкви не только въ чужой епархіи, безъ соизволенія мѣстнаго епископа, но и въ чужой странѣ, безъ воли мѣстнаго церковнаго правительства. Правила церковныя строжайше запрещаютъ епископамъ самовольное покушеніе на право и честь епископовъ другихъ областей. Ограждая честь и права епископа каждой области, они запрещаютъ архипастырямъ оставаться въ чужой епархіи болѣе трехъ мѣсяцевъ; а Сардійскій соборъ ограничилъ этотъ срокъ даже тремя недѣлями;

---

[1] Biblioth. graec. t. III, p. 782. ed 3. [2] Allatii de consensu Eccl. p. 996.

[3] Слов. пис. дух. чин., 2, 147.

[4] Ап. 14, 35, I. Всел. 15, II. Всел. 2, III. Всел. 8, IV Всел. 5, Ант. 9, 13, 21, 23, Карѳ. 64, 67, VI. Всел. 2, Сард. 11, 12, Двукр. 16 и мн. др. И по законамъ Юстиніана никодинъ епископъ не имѣлъ права оставаться внѣ своей епархіи болѣе года; въ случаѣ необходимости испрашивать какія нибудь пособія для Церкви, епископы должны были отправлять отъ себя довѣренныхъ лицъ. См. «отъ свитка нов. запов. Юстин.» пр. 3.

не позволяютъ постороннему епископу учить народъ въ церкви, гдѣ мѣстный епископъ не столько краснорѣчивъ, какъ первый, и вообще, подъ угрозой лишенія сана, запрещаютъ постороннему епископу дѣлать что либо въ чужой области безъ воли на то мѣстнаго епископа [1]. Газскій митрополитъ Паисій зналъ, конечно, всѣ эти правила, но не хотѣлъ приложить къ себѣ ни одного изъ нихъ. Очевидно, онъ не боялся осужденія за это ни отъ русскаго духовенства, ни отъ бояръ, которые тогда, можетъ быть, въ счастливомъ невѣдѣніи церковныхъ правилъ благоговѣли предъ умомъ и ученостію Паисія, или, что вѣроятнѣе, заглушали въ себѣ знаніе правилъ желаніемъ досадить строгому для нихъ Никону.

За тѣмъ, правила Церкви не позволяютъ епископу оставлять своей епархіи, безъ воли на то начальнѣйшаго епископа, митрополита или патріарха, и виновный въ нарушеніи этихъ правилъ осуждается на отлученіе отъ Церкви [2].

Но газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ не имѣлъ ни какого позволенія отъ своего патріарха на отправленіе въ Россію; напротивъ онъ былъ даже подъ запрещеніемъ священнослуженія у своего патріарха. Правда Паисій, говорили тогда, привезъ будто бы съ собой одобрительную грамоту отъ константинопольскаго патріарха; но если это и справедливо, во всякомъ случаѣ неизвѣстно, какимъ образомъ досталъ онъ эту грамоту, и, между тѣмъ, епископъ подъ угрозой лишенія сана, обязывается правилами Церкви не принимать въ общеніе съ собой клириковъ, отлученныхъ отъ Церкви другимъ епископомъ [3]. Эти правила, конечно, извѣстны были и константинопольскому патріарху, который давалъ Паисію одобрительную грамоту. Время открыло истинное значеніе Паисія Лигарида, и подтвердило справедливость словъ Никона, что Паисій «еретикъ и мятежникъ,» что онъ «скитался безъ истиннаго свидѣтельства о своемъ чинѣ и пришелъ въ россійскую страну «благочестіе украсть, прелазя божественнаго

[1] VI. Всел. 20. Сард. II. [2] Карѳ. 32. [3] Апост. 15, VI. Всел. 18, Ант. 3. Сард. 13.

писанія оплоты [1].» На соборъ восточныхъ патріарховъ, судившихъ Никона, Паисій боялся явиться и не явился, хотя впослѣдствіи подписался подъ всѣми опредѣленіями этого собора [2].

Въ 1868 г. самъ царь Алексѣй Михайловичь получилъ отъ іерусалимскаго патріарха Нектарія грамоту съ извѣстіемъ, что Паисій Лигаридъ, за самовольную и долговременную его отлучку отъ своей епархіи, и нѣкоторыя другія вины, давно уже отлученъ отъ Церкви, и лишенъ своего сана. Немного спустя, послѣ осужденія Никона, Паисій, какъ уже ненужный въ Москвѣ, получилъ повелѣніе удалиться въ свою епархію, но, доѣхавши до Кіева, здѣсь долженъ былъ остановиться. Іерусалимскій патріархъ Досиѳей, преемникъ Нектарія, и константинопольскій патріархъ Парѳеній, снова произнесли на него анаѳему. Паисій обратился къ царю Алексѣю Михайловичу съ просьбою о ходатайствѣ ему прощенія и разрѣшенія. Добрый царь принялъ на себя это ходатайство. Досиѳей разрѣшилъ Паисія отъ клятвы своей и своего предшественника Нектарія, который однакоже былъ еще въ это время живъ, хотя не завѣдывалъ дѣлами патріаршими, какъ удалившійся на покой. По этому, въ Москвѣ распространилась молва, что разрѣшеніе Паисія Досиѳеемъ не дѣйствительно. Но изворотливый Паисій доказалъ въ особой по этому предмету грамотѣ къ царю, что будто бы «ложно то рѣченія, яко подобаетъ человѣку отъ того разрѣшену быти, отъ кого связанъ бѣ, хотя бы онъ и живъ былъ» [3]. Между тѣмъ, проживая въ Кіевѣ, съ пенсіономъ отъ русскаго царя, онъ вызвался преподавать въ академіи философію, и доносами на кіевское духовенство началъ было и оттуда возмущать царя. Самъ воевода кіевскій, князь

---

[1] Возр. на 21 вопр. Стрѣшнева. [2] Слова. пис. дух. чина, въ статьѣ: Паисій Лигаридъ.

[3] Эту грамоту можно читать въ рук. Воскр. мон. Не представляя ни одного правила церковнаго въ защиту своего мнѣнія, Паисій приводитъ только множество примѣровъ изъ церк. исторіи, которыя однакоже показываютъ только то, что безъ вины отлученные отъ Церкви ересиками принимаются въ общеніе православными, хотя отлучившіе ихъ живы. Но Нектарій еретикомъ не былъ, какъ говоритъ и самъ Паисій, Поэтому Паисій, не сохраняя строгой послѣдовательности

Трубецкой, не зналъ, какъ выжить Паисія изъ Кіева [1]. Гдѣ скончался онъ, не извѣстно. Такова-то судьба главнѣйшаго виновника печальнаго рѣшенія участи патріарха Никона!— Но обратимся опять къ обвиненіямъ, приписываемымъ Никону.

Новое обвиненіе на Никона: «*архіереи самъ единъ низверже, кромѣ всякаго помѣстнаго собора*». Правда, епископъ, по правиламъ церковнымъ, можетъ быть судимъ только областнымъ соборомъ, а въ случаѣ невозможности составиться полному областному собору, епископа судятъ 12-ть епископовъ [2]. И патріархъ не можетъ низложить подвластнаго себѣ епископа безъ собора, но долженъ предложить его дѣло разсмотрѣю собора въ своемъ присутствіи [3]. Но и Павелъ, епископъ коломенскій, котораго одного только и низложилъ Никонъ, былъ судимъ еще на соборѣ 1654 г., когда происходило совѣщаніе объ исправленіи богослужебныхъ книгъ, и когда Павелъ одинъ противился опредѣленію всего собора. Потомъ, Никонъ писалъ о немъ константинопольскому патріарху въ тойже грамотѣ, въ которой просилъ совѣта у вселенскаго патріарха для предпринимаемаго тогда исправленія богослужебныхъ книгъ. Константинопольскій патріархъ Паисій, отвѣчая на эту грамоту Никона, подвергалъ въ тоже время извержению изъ сана и епископа коломенскаго Павла, противившагося этому святому дѣлу. Между тѣмъ Паисій писалъ грамоту не только отъ себя, но и отъ многочисленнаго собора, который составился при немъ для разсужденія объ исправленіи славянскихъ богослужебныхъ книгъ. Такимъ образомъ, Никонъ, осудившій Павла, епископа коломенскаго, былъ, можно сказать, только исполнителемъ воли и рѣшенія константинопольскаго

въ своихъ мысляхъ, говоритъ, что потому нѣтъ для него нужды просить разрѣшенія отъ Нектарія, что Нектарій не имѣлъ будто бы уже власти низать и рѣшить, «зане престолъ остави, и посохъ патріаршій въ Церкви вручи прямому своему преемнику Досиѳею. «Эту мысль подтверждаетъ ближайшимъ въ то время примѣромъ Питирима, который неоднократно подвергался отъ Никона проклятію, но не испросилъ у него разрѣшенія, «зане неудобно было сіе содѣлати?»

[1] Симб. сбор. дѣла малоросс. 47, 73, 192. [2] Ап. 74, Карѳ. 12. [3] Кирил. Алекс. пр. 1.

патріарха и его собора [1]. Притомъ, Павелъ былъ осужденъ за противодѣйствіе исправленію божественныхъ книгъ. Но это исправленіе совершалось соборомъ. Слѣдовательно и русскіе архипастыри, согласившіеся на исправленіе богослужебныхъ книгъ, согласились и на осужденіе епископа, который возставалъ противъ ихъ опредѣленія.

Но Никонъ, говорятъ, не ограничился обычнымъ низложеніемъ этого епископа; «но по низложеніи изъ мантіи *обнажи его жестоцѣ, и на лютая біенія и наказанія предаде,* не помянувъ онаго слова, яко дважды никогоже казнити подобаетъ за тожъ и едино преступленіе. Тѣмъ же», прибавляетъ извѣщеніе, «прилучися архіереови тому изумитися (съ ума сойдти) и погибнути бѣдному, кромѣ вѣсти, отъ звѣрей ли снѣденъ, или въ воду впадъ утопе.» Странно! этотъ же самый епископъ, который, по словамъ извѣщенія соборнаго, или «отъ звѣрей снѣденъ, или въ возу впадъ, утопе», и во всякомъ случаѣ безъ вѣсти пропалъ, ума лишившись, послѣ жестокаго наказанія отъ Никона,—этотъ самый, говоримъ, епископъ, послѣ осужденія Никона, предсталъ въ здравомъ умѣ и полномъ здоровьѣ томуже собору русскихъ и восточныхъ святителей, былъ осужденъ ими, какъ упорный и мятежный раскольникъ, и заточенъ въ Полеостровскій монастырь [2].

«Еще же и отца своего духовнаго *повелѣ безъ милости бити, даже обезувѣчену ему на ногу быти,* якоже сами язвы его видѣхомъ,» говорятъ восточные патріархи. Правда, Никонъ не пощадилъ за расколъ и собственнаго духовника. Но трудно повѣрить, чтобы тотъ самый Никонъ, который писалъ нѣкогда къ настоятелю Пверскаго монастыря: «ради Бога берегите братію и крестьянъ,» трудно повѣрить, чтобы онъ повелѣлъ бить до увѣчья, и когоже? Отца своего духовнаго!—Справедливо впрочемъ, что Никонъ сурово обращался съ подчиненнымъ ему духовенствомъ. Но нельзя строго обвинять его за эту суровость; если принять во вниманіе грубость

[1] См. въ скриж. 1656 г. [2] См. указан. выше рукоп. дѣяніе соб. 1666—67 г. Ср. ист. р. Ц., Муравьева. стр. 300.

нравовъ того времени. Вотъ какъ защищается самъ Никонъ противъ этого обвиненія. Онъ не отказывается отъ своей строгости и даже говоритъ о себѣ: «въ церкви смиряли мы иногда, а иногда и рукою по малу; того не отрицаемся творити и нынѣ врагомъ и безстрашнымъ людемъ» [1]. Враги Никона приписывали всю строгость обращенія Никона съ духовенствомъ личному его гнѣву и раздражительному характеру, и потому признавали его недостойнымъ носить священный санъ. Это именно выразилось въ вопросѣ Стрѣшнева Паисію газскому: «подобаетъ ли архіерею бить и ударить и въ ссылку сослать? То все чинилъ Никонъ, и не могъ ся насытить мірскими людьми, но и духовнымъ чиномъ всегда.»

«Отвѣто-творецъ», какъ называетъ Паисія Никонъ, отвѣчалъ такъ: «не сыскиваю лучшей добродѣтели, что правда въ человѣкѣ, что терпѣніе, а худшаго зла, что гнѣвъ». Потомъ, продолжая доказывать, что Никонъ поступалъ въ разсматриваемомъ отношеніи совершенно вопреки своему сану, Паисій указываетъ на примѣры кротости древнихъ—Авраама, Моисея, Давида, на примѣръ Апостола Павла и самого Пастыреначальника Іисуса Христа; далѣе ссылается на церковныя правила, которыя запрещаютъ священному лицу бить не только вѣрнаго, но и невѣрнаго [2]; наконецъ, обращаетъ вниманіе на священныя епископскія облаченія, и объясняетъ духовное значеніе ихъ въ смыслѣ кротости и терпѣнія.

Никонъ въ своемъ отвѣтѣ Паисію не отвергаетъ силы приводимыхъ имъ доказательствъ; но только показываетъ односторонность сужденія Паисіева. Тѣ самые древніе св. мужи, на которыхъ указывалъ Паисій, какъ на образцы кротости, «въ правдѣ были», говоритъ Никонъ, «не кротки, но и зѣло суровы и немилостивы». Авраамъ поразилъ оскорбителей племянника своего Лота, Моисей убилъ египтянина, разбилъ богоначертанныя скрижали закона, и т. п. Давидъ самъ о себѣ говоритъ: *возненавидѣхъ вся дѣлающія беззаконія*. И въ новомъ Завѣтѣ, продолжаетъ Никонъ, тотъ самый Апостолъ

[1] Возраж. на 21 вопр. Стрѣшнева. [2] Ап. пр. 27.

Павелъ, который въ одномъ мѣстѣ говоритъ о себѣ: *бѣхомъ тиси, якоже доилица грѣетъ своя чада,* — въ другомъ,— съ строгостію спрашиваетъ Коринѳянъ: *хощете ли, да съ палицею пріиду къ вамъ,* и повелѣлъ отлучить кровосмѣсника отъ общества христіанскаго. Самъ Іисусъ Христосъ, Сынъ любве Отчей, бичемъ изъ вервія изгналъ торжниковъ изъ храма іерусалимскаго [1].

Какъ же понимать кротость, которой требуетъ Церковь отъ каждаго изъ своихъ священнослужителей, частію въ положительныхъ канонахъ, частію въ самыхъ священныхъ облаченіяхъ, которыми она облекаетъ іерарховъ? Никонъ и на это отвѣчаетъ: «святіи», говоритъ онъ, «себе не отмщали, а по суду всякому неправду мстили, били и убивали». Сообразно съ этимъ, онъ понимаетъ и смыслъ церковныхъ правилъ, запрещающихъ священнослужителямъ ударять кого бы то ни было. «Аще кто, епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ», говоритъ Никонъ согласно съ толкованіемъ кормчей на 27 Апостольское правило, «отъ гордости и неудержанія ярости несе руку на искренняго, да извержется; аще кто, цѣломудренъ смыслъ имѣя, беззаконно нѣчто творящаго въ церкви Божіей или во святыхъ мѣстахъ, біетъ, таковый не извержется». Продолжая, такимъ образомъ, защищать себя прямо церковными канонами, Никонъ ссылается и на тѣ изъ нихъ, которые предписываютъ епископамъ имѣть у себя «местниковъ» для разсмотрѣнія и суда дѣлъ, поступающихъ къ епископу. «Тако быть и въ насъ съ царскимъ совѣтомъ», говоритъ Никонъ. Наконецъ, ослабляя силу послѣдняго доказательства Паисіева, Никонъ объясняетъ значеніе нѣкоторыхъ священныхъ принадлежностей архіерейскаго облаченія, приспособительно къ своей цѣли. Такъ напримѣръ, онъ говоритъ о жезлѣ, который, по его словамъ, дается между прочимъ и для того, «еже наказовати непокоривыя и жестокосердыя».

Послѣднее обвиненіе на Никона: «*живя въ Воскресенскомъ*

[1] Посему Никонъ прямо говоритъ: «яже о церковныхъ невѣжествахъ, или о инмхъ наказаніяхъ по винѣ, имамъ самаго законодателя Христа.»

монастырь, многихъ иноковъ и мірскихъ людей за преступленія градскими казнями мучаше, а не духовною кротостію наказоваше». За преступленія, а не безвинно! Значитъ справедливость на сторонѣ Никона. И опять, исторія не знаетъ другаго примѣра въ доказательство этихъ поступковъ Никона, кромѣ упомянутаго нами выше произшествія съ однимъ евреемъ. Братія Воскресенскаго монастыря всѣ были преданы Никону, какъ отцу. Иначе, они не рѣшились бы раздѣлять съ нимъ самыя тяжкія его страданія.

Итакъ, *общій выводъ* изъ всѣхъ изложенныхъ замѣчаній объ осужденіи Никона можетъ быть сдѣланъ слѣдующій:

1) Никонъ не правъ въ отношеніи къ царю, котораго дружбу и любовь нерѣдко оскорблялъ въ минуты глубокихъ душевныхъ огорченій. Но справедливость требуетъ сказать, что твердый въ своихъ правилахъ, онъ вѣрно не измѣнилъ бы благороднѣйшимъ качествамъ человѣка, не встрѣчая со стороны царя чего нибудь весьма горестнаго для своего сердца. Царь вѣрилъ клеветѣ враговъ Никона, и, не требуя отъ него личнаго объясненія, сталъ гнѣваться на патріарха — друга. Правда, царь, даже во время самаго соборнаго суда надъ Никономъ, изъявлялъ къ нему свою расположенность; но Никонъ ясно видѣлъ, что милостивыя обѣщанія царя идутъ въ противорѣчіи съ дѣлами.

2) О боярахъ и говорить нечего: сколько самыхъ несправедливыхъ огорченій и крайнихъ скорбей причинили они патріарху! — Никонъ, если не правъ въ отношеніи къ нимъ, то развѣ тѣмъ, что, по горячности, подвергалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ отлученію отъ Церкви.

3) Что же касается непріязненныхъ отношеній между нѣкоторыми лицами духовенства и патріархомъ, то послѣдній здѣсь менѣе всего виновенъ. Если Никонъ противъ нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ и гремѣлъ церковнымъ отлученіемъ; то надобно помнить, что въ этомъ случаѣ патріархъ имѣлъ дѣло не съ простыми людьми, но съ служителями алтаря, не съ своими личными врагами, а съ непокорными и мятежными

пастырями Церкви, возмущавшими ея миръ, и раздиравшими ея единство своимъ отдѣленіемъ отъ патріарха.

4) Соборъ восточныхъ и русскихъ святителей судитъ Никона, какбы забывая, что

а) онъ (соборъ) имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, который досадилъ другимъ только неумолимою правдою;

б) судитъ верховнаго пастыря, который, ревностно заботясь о благѣ Церкви и государства, безъ пощады, по требованію своего времени, преслѣдовалъ неблагочиніе церковное и преступленія гражданскія, допускаемыя невѣжествомъ, и защищаемыя покровительствомъ сильныхъ, и который заслужилъ по этому ненависть отъ наказанныхъ, или угрожаемыхъ наказаніемъ, равно какъ и отъ ихъ покровителей;

в) что возстанія противъ церковнаго порядка были слишкомъ сильны, и требовали мѣръ рѣшительныхъ, какія и употреблялъ Никонъ, и личныя оскорбленія, причиняемыя Никону, были такъ дерзки, что превосходили мѣру человѣческаго терпѣнія.

5) По дѣламъ церковнымъ, епископа могутъ обвинять только люди вообще «достойные вѣроятія» [1], о которыхъ притомъ надобно узнать, предварительно общественное мнѣніе [2]. Еретики, изверженные и отлученные, не принимаются въ свидѣтели и обвинители противъ епископа [3]; также неблагонравные и тѣ, которые тоже самое дѣло прежде разсматривали, или при разсмотрѣніи его присутствовали [4], и вообще — люди сомнительныхъ отношеній къ обвиняемому епископу [5]: «мнози бо таковіи,» сказано въ кормчей книгѣ, «церковное благочиніе смясти и превратити хотяще, клеветами вины сшиваютъ на непорочные и правовѣрные епископы [6]. Во всякомъ случаѣ, и самые достовѣрные свидѣтели должны подтверждать свои обвиненія на епископа основательными доводами [7]. Но соборъ осуждаетъ Никона, какбы не примѣчая, что:

---

[1] Ап. 74. [2] IV. Всел. 21. [3] Ап. 75, II. Всел. 6. Карѳ. 143, 144. [4] Карѳ. 3, 28, 70. [5] См. въ Корм. ч. 2. Зак. град. гранъ 27, прав. 1—35. [6] Толк. на 21 прав. IV. Всел. соб. [7] II. Всел. 6.

а) множество епископовъ, греческихъ и русскихъ, засѣдавшихъ на соборѣ, были личными врагами Никона; а прочіе изъ греческихъ епископовъ могли не знать въ истинномъ видѣ хода дѣлъ Никона;

б) доносители, свѣтскіе и духовные, не принадлежали къ числу людей съ добрыми качествами, и имѣли сильный поводъ къ клеветамъ на Никона въ своихъ непріязненныхъ къ нему отношеніяхъ; притомъ же они во время самаго собора болѣе ругались надъ патріархомъ, чѣмъ доносили на него;

в) главнѣйшіе изъ нихъ подлежали отлученію отъ Церкви, по суду своихъ патріарховъ, и

г) почти всѣ русскіе іерархи уже прежде разсматривали дѣло Никона, и готовы были лишить его святительскаго сана; наконецъ

д) доносители не представили никакихъ основательныхъ подтвержденій въ свидѣтельство истины своихъ донесеній; тогда какъ Никонъ устно и письменно защищался съ полнымъ сознаніемъ и яснымъ выраженіемъ правоты своего дѣла.

Обратимся теперь *къ дальнѣйшимъ дѣяніямъ великаго Московскаго собора.* Продолжая свои разсужденія о благоустройствѣ нашей отечественной Церкви, соборъ обратилъ вниманіе и на пастырскія распоряженія Никона по церковному управленію. Немногія и неважныя изъ этихъ распоряженій были соборомъ отмѣнены; но большая и главнѣйшая часть ихъ утверждена для Церкви на всѣ времена.

Такъ, вопервыхъ, мы видѣли, что Никонъ, по государственнымъ потребностямъ своего времени, запретилъ исповѣдывать и пріобщать разбойниковъ и татей, когда они будутъ пойманы, уличены въ преступленіи, и осуждены на казнь. Вопросъ объ этомъ постановленіи Никона былъ предложенъ самимъ царемъ собору восточныхъ патріарховъ. Патріархи отвѣчали: «*сія вся* суть еретическая и пребеззаконна, и внѣ Церкве Христовы.» «Это,» продолжаютъ патріархи, «ересь Новата, Евстафія и др., которые не хотѣли принимать въ общеніе съ Церковію людей падшихъ, хотя бы

они и раскаявались. За тѣмъ, они указываютъ на милосердіе Господа, преклонившаго ради спасенія грѣшниковъ небеса, и сошедшаго на землю; представляютъ мѣста изъ свящ. писанія, гдѣ самъ Богъ призываетъ грѣшниковъ къ раскаянію, и даетъ имъ обѣтованіе прощенія; наконецъ, ссылаются на церковныя правила, въ которыхъ говорится о причащеніи предъ смертію всѣхъ раскаявающихся грѣшниковъ, хотя бы они были въ это время подъ епитиміею [1]. Послѣднія слова отвѣта: «по вышеписанному вопросу обрѣтаемъ зѣло виновна Никона и послѣдующихъ ему.» Но еще бояринъ Стрѣшневъ спрашивалъ, между прочимъ, Паисія газскаго: «добро ли учинилъ Никонъ, или худо, яко не изволилъ, дабы исповѣдались и пріобщались, которые люди были виноваты, и указано ихъ казнить по градскимъ законамъ [2]? Паисій не одобрилъ постановленія Никона, и указалъ на примѣръ самого Спасителя, который на крестѣ даровалъ спасеніе одному изъ распятыхъ съ нимъ разбойниковъ.

Но Никонъ не остался безмолвнымъ и при осужденіи этого сдѣланнаго имъ постановленія. «Азъ того ради,» говорилъ онъ, «по всѣмъ градомъ таковыя грамоты посылалъ, яко, да преставше разбойницы, приходятъ въ покаянное житіе, прежде даже не яты будутъ [3].» Отсюда заключалъ Никонъ, что напрасно за такое постановленіе обвиняютъ его въ жестокости и безчувственной несострадательности: «да никтоже непщуетъ сіе суровство быти,» говоритъ онъ, «ниже безчеловѣчства, но конечныя кротости, и изряднаго врачеванія [4].» Показавъ такимъ образомъ добрую цѣль своего постановленія, Никонъ представляетъ, по своему разумѣнію, и каноническія его основанія. Онъ ссылается, вопервыхъ, на изреченія слова Божія, въ которыхъ заповѣдуется служителямъ Христовыхъ даровъ быть весьма внимательными въ раздаяніи ихъ людямъ, чтобы не повергать ихъ псамъ или предъ свиніями, и самимъ христіанамъ—достойно приготовлять себя къ

[1] Ап. 52, 1 Всел. 13, Анк. 16, Лаод. 2, Карѳ. 7, Григ. Нисс. 5. [2] Вопр. 2.
[3] Возраж. на 2 вопр. Стр. [4] Толк. на посл. къ Кор. 3 гл.

принятію этого высочайшаго дара. Далѣе онъ указываетъ на правила св. отцевъ, которыми повелѣвается священнослужителямъ соблюдать строгую разборчивость при сообщеніи св. даровъ, чтобы и самимъ не подпасть гнѣву Божію, и своею слабостію не погубить другихъ. Такъ онъ особенно указываетъ на правила св. Василія великаго, въ которыхъ говорится о людяхъ, непреодолимо держащихся своихъ пороковъ, и съ которыми, по нераскаянному ихъ упорству во грѣхахъ, «у насъ», говоритъ св. Василій великій, «не должно быть ничего общаго, чтобы и самимъ не погибнуть съ чужими грѣхами» [1], и на другія слова того же св. отца: «не даждь Сына Божія въ руки недостойныхъ, не устыдися никогоже отъ славныхъ земли въ часъ той, ни самаго того носящаго вѣнецъ [2];» также—на слова св. Іоанна Златоустаго въ толкованіи его на посланіе къ коринѳянамъ: «свяжи согрѣшившаго, дондеже умолитъ Бога, не остави его разрѣшенна, да не множае свяжется Божіимъ гнѣвомъ; аще азъ свяжу, Богъ ктому не свяжетъ, аще азъ не свяжу, нерѣшимыя того ждутъ узы.» Но самымъ важнымъ основаніемъ для своего постановленія признаетъ Никонъ плоды таинства причащенія. «Ядый Мою плоть и піяй Мою кровь, во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ», сказалъ Спаситель. «Кто же смѣетъ,» разсуждаетъ Никонъ, «таковое безстудство показати, да достойна сотворивъ Божественнаго причастія, тогда казнить?»

Защитивъ, такимъ образомъ, свое постановленіе, Никонъ продолжаетъ: «а еже бы исповѣдати, и причастити вскорѣ св. Божественныхъ таинъ разбойнику пойману на разбоѣ, или убійцѣ, нигдѣже обрѣтается таковое правило.» Касательно же разбойника, получившаго спасеніе въ послѣднія минуты своей жизни на крестѣ словомъ Спасителя: «днесь со Мною будеши въ раи,»—Никонъ замѣчаетъ Паисію: «смотри, яко и при распятіи Христовѣ единъ спасеся, и единъ осудися; како же ты глаголеши всякому подавати пречистыхъ таинъ[1]?» Впро-

[1] Прав. 84, 85. [2] Корм. л. 152.

чемъ, излагая защищеніе Никона, мы далеки отъ той мысли, чтобы раздѣлять совершенно его убѣжденіе, вопреки ясному правилу св. Апостоловъ, которое подвергаетъ извержению изъ сана епископа или пресвитера, неприпимающаго покаянія отъ раскаявающихся грѣшниковъ, какъ бы ни велики были ихъ грѣхи [2]. Но представляемъ здѣсь защищеніе Никона съ тѣмъ, чтобы показать, что онъ дѣлалъ свои постановленія «небезразсудно.»

Другое постановленіе Никона, отмѣненное соборомъ, касалось *освященія воды въ день Богоявленія*. Никонъ окружной грамотой отъ 1 января 1656 года постановилъ въ отечественной Церкви—совершать великое водоосвященіе въ праздникъ Богоявленія только однажды, въ навечеріе праздника: «зане,» писалъ онъ, «едино крещеніе по Апостолу, а не два; сего ради и древній св. восточныя Церкви чинъ точію въ навечеріе Богоявленія водоосвященіе творити повелѣваетъ» [1]. Эта грамота, подобно большей части граматъ того времени, заключалась клятвою на тѣхъ священнослужителей, которые не хотѣли бы покариться распоряженію патріарха. Но соборъ, судившій Никона, разсмотрѣвъ это постановленіе, опредѣлилъ: «повелѣніе и клятву, юже неразсудно положи Никонъ, бывшій патріархъ, о дѣйствѣ освященныя воды на св. Богоявленіе, еже дѣйствовати единощи (точію въ навечеріи), разрѣшаемъ и разрушаемъ, и ни во чтоже вмѣняемъ. Повелѣваемъ же и благословляемъ творити по древнему обычаю святыя восточныя Церкве, и по преданію св. богоносныхъ отецъ, въ навечеріи дѣйствовати освященіе св. водъ въ церквахъ, и по утріи на рѣкѣ, якоже повелѣваютъ и вси церковніи уставы, тѣже молитвы глаголати и дѣйствотворити [2].

Но не «неразсудно» поступилъ и Никонъ въ разсматриваемомъ нами постановленіи. Водоосвященіе на канунѣ праздника Богоявленія, какъ остатокъ того водоосвященія, которое съ древнихъ временъ Церкви совершалось въ навечеріе Бого-

[1] Возр. на 2 вопр. Стр. [2] Пр. 32. [1] Акт. вкп. IV. № 333. [2] Опред. 23 по рук. патр. библ.

явленія для крещенія оглашенныхъ [1], существовало въ древности въ Церквахъ восточныхъ, какъ видно изъ древнихъ церковныхъ уставовъ. Но другое водоосвященіе, совершающееся въ самый праздникъ, получило свое начало въ Церкви іерусалимской, и даже въ 5 и 4 столѣтіи совершалось только въ ней одной, гдѣ было обыкновеніе выходить въ день Богоявленія на Іорданъ, и здѣсь воспоминать крещеніе Спасителя [2]. Поэтому, объ немъ и упоминается не во всѣхъ древнихъ уставахъ восточныхъ, но только въ іерусалимскихъ. Вѣроятно, Никонъ имѣлъ подъ руками при исправленіи богослужебныхъ книгъ одинъ изъ такихъ уставовъ, гдѣ положено совершать водоосвященіе только однажды, и на этомъ основаніи самъ сдѣлалъ такое же постановленіе. Покрайней мѣрѣ, не безъ основанія же Никонъ говоритъ: «древній св. восточныя Церкве чинъ точію въ навечеріе Богоявленія водоосвященіе творити повелѣваетъ.»

Но, отмѣнивъ эти два постановленія Никона, великій соборъ непреложно утвердилъ всѣ прочіе пастырскіе труды Никона для благоустройства Церкви. Въ словѣ въ день Рождества Христова тогоже 1666 г., нѣсколько дней спустя послѣ осужденія Никона, патріархи Паисій и Макарій увѣщавали народъ и царя «взыскать премудрости [3].» «Видимъ», говорили патріархи, «яко во мнозѣхъ отъ васъ не имѣетъ премудрость мѣста, идѣже главу приклонити. Скитается она, якоже Христосъ, премудрость Божія, въ Виѳлеемѣтѣ вертепѣ, и нѣсть взыскаяй ея... Оставивше греческій языкъ и небрегуще о немъ, оставили есте и мудрость, и аки оземствовасте (изгнали) ю. Взыщите же ея (премудрости) толь моцнѣ, якоже искаху ея велиціи вселенныя учители: Василій великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустый, Аѳанасій великій, Діонисій Ареопагитъ, Іоаннъ Дамаскинъ и иніи многочисленніи свѣтильницы Церкве.» И, обращаясь къ самому царю, архипастыри говорили: «положи отнынѣ въ сердцѣ твоемъ такъ греческая,

[1] Theodor. lector. Histor. c. II, p. 556. Nicephi. Call. XI, 28, Const. Apost. l, V. c. 13. [2] Твор. св. от. т. V, стр. 163—167.

яко славенская и иная назидати; спудеовъ (учениковъ) милостію си и благодатію умножати, учители благоискусныя взыскати, всѣхъ честьми на трудолюбіе поощряти. То абіе узриши многія ученія тщатели, а въ малѣ времени пріимеши, дастъ Богъ, плодъ стократный и полныя рукояти отъ сихъ сѣменъ.»

Къ устроенію училищъ патріархи особенно призывали пастырей Церкви русской. «Не хощемъ же», говорили они, «да вся тягота и бремя на прекрѣпкій царскій престолъ возложится, яко едва не безконечныя имѣющій иждивенія на оборону и утвержденіе своея державы. Но токмо хощемъ, да раздѣлится на архіереи, и на избраннѣйшія начальныя архимандриты, яко имѣющихъ многія отчины и доходы довольныи. Да приложатся убо единодушно къ божественному сему дѣлу». Говорили потомъ пастырямъ: «сотворитеся дѣлатели въ винограднѣ Христовѣ, искореняюще терніе, и куколь душевредный извергающе. Можете бо отъ плевелъ очистити гумно, аще точію восхощете, занеже бо имѣете всякое благополучіе и довольство изобильное въ рукахъ вашихъ».

Такими представленіями восточные архипастыри преклонили одного изъ гражданъ Москвы къ устроенію училища при церкви св. Іоанна Богослова [1], и вмѣстѣ съ московскимъ патріархомъ Іоасафомъ двумя грамотами утвердили это благочестивое намѣреніе. Впослѣдствіи, не много спустя времени основалась славяно-греко-латинская академія [2].

Подобнымъ же образомъ великій соборъ утвердилъ и начатое Никономъ исправленіе богослужебныхъ книгъ, равно какъ и всѣ другія его распоряженія по благоустройству общественнаго богослуженія. «Испытывахомъ подробну», сказано въ свиткѣ собора, «чрезъ многое время новоисправленныя и новопреводныя книги, и ничтоже стропотно или развращенно,

[1] Въ рук. сун. библ. подъ № 130, л. 153, есть письмо прихожанъ сей церкви къ неизвѣстному лицу, гдѣ сказано: Еще же и другую благородную и полезную православному народу умысливше вещь, сирѣчь словенскія грамматики училища строеніе, учителя и учениковъ пристяжаніе, написахомъ челобитную ко пресвѣтлому царскому величеству, да изволитъ намъ сіе начинаніе къ совершенію возводити.» См. ист. рос. іерар. ч. 1, стр. 420. [2] Др. внвл. IV, стр 397.

или вѣрѣ нашей православнѣй противно въ новоисправленныхъ и новопреведенныхъ книгахъ печатныхъ обрѣтохомъ, но все согласно со старыми славяно-россійскими и греческими харатейными книгами». Одобривъ по этому книги, «яже исправишася и преведошася, и напечаташася при Никонѣ патріархѣ, и послѣ его отшествія, за благословеніемъ освященнаго собора»,—и утвердивъ православное ученіе о чтеніи символа безъ прилога «истиннаго», пѣніи Аллилуіи трижды въ рядъ, о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія, молитвѣ Іисусовой и четвероконечномъ крестѣ, о сложеніи перстовъ для благословенія народа и т. п., великій соборъ заключаетъ свое опредѣленіе о нихъ такъ: «сіе наше соборное повелѣніе и завѣщаніе ко всѣмъ чиномъ православнымъ предаемъ, и повелѣваемъ всѣмъ неизмѣнно хранити и покорятися святѣй восточной Церкви. Аще ли же кто не послушаетъ повелѣваемыхъ отъ насъ, и не покорится св. восточной Церкви, и сему освященному собору, и начнетъ прекословити и противлятися намъ, и мы таковаго противника данною намъ властію отъ св. и животворящаго Духа, аще будетъ отъ освященнаго чина, извергаемъ и обнажаемъ его всякаго священнодѣйствія и благодати, и проклятію предаемъ, аще же отъ мірскаго чина, отлучаемъ и чужда сотворяемъ отъ Отца и Сына и Св. Духа, и проклятію и анаѳемѣ предаемъ, яко еретика и непокорника, и отъ православнаго всесочленія и стада, и отъ Церкви Божія отсѣкаемъ, яко гнилъ и непотребенъ удъ, дондеже вразумится и возвратится въ правду покаяніемъ. Аще же кто не вразумится и не возвратится въ правду покаяніемъ, и пребудетъ въ упрямствѣ своемъ до скончанія своего, да будетъ и по смерти отлученъ и непрощенъ, и часть его и душа съ Іудою предателемъ, и съ распеньшими Христа жидовы, и со Аріемъ, и съ прочими проклятыми еретиками. Желѣзо, каменіе и древеса да разрушатся, и да растлятся; а той да будетъ неразрѣшенъ и неразрушенъ, и яко тимпанъ во вѣки вѣковъ. Аминь [1].»

[1] См. служ. 1668 г. Какъ понимать клятву этого собора смотр. въ прав. изъ твор. св. от. въ р. пер. 1853 г. стр. 27.

Патріархи не оставили безъ вниманія и церковнаго иконописанія. Согласно съ намѣреніями и трудами Никона, они особою грамотою (1668 г.) опредѣлили, чтобы занятіе иконописаніемъ не было дозволяемо всякому живописцу, но только избраннымъ и отличнѣйшимъ по искусству въ этомъ дѣлѣ, которые притомъ должны получить свидѣтельство о своемъ искусствѣ и правѣ на иконописаніе отъ другихъ опытнѣйшихъ иконописцевъ; чтобы иконописаніе было подъ наблюденіемъ духовнаго начальства; чтобы лучшіе иконописцы только этимъ художествомъ исключительно и занимались, и особенно, чтобы не развлекались какими нибудь низкими занятіями, и для этого освобождены были отъ низкихъ званій и должностей, несоотвѣтствующихъ ихъ священному занятію [1]. Въ слѣдъ за тѣмъ, царь Алексѣй Михайловичъ окружной грамотой отъ своего имени обнародовалъ это постановленіе восточныхъ патріарховъ, возвелъ иконописцевъ на степени первѣйшихъ художниковъ въ государствѣ, и подтвердилъ, чтобы иконы писали непремѣнно «по преданію св. и богоносныхъ отцевъ, по необходимому обычаю св. восточной Церкви, по приличности дѣлъ и лицъ, лѣпо, честно, съ достойнымъ украшеніемъ, искуснымъ разсмотромъ художествъ [2]. «Истинный духъ иконной живописи и цѣль ея въ грамотѣ царской выражены такъ: «во ежебы всякаго возраста вѣрнымъ, благоговѣйныя очеса на иконы возводящимъ, къ сокрушенію сердца и слезамъ покаянія, къ любви Божіей и св. его угодниковъ, къ подражанію житію ихъ богоугодному возбуждатися и, предстояще имъ, мнѣти бы себе на небеси стояти предъ лицы самыхъ первообразныхъ» [3]. Этого желалъ и къ этому стремился и патріархъ Никонъ.

Касательно же приношенія въ церковь прихожанами своихъ домашнихъ иконъ, великій соборъ опредѣлилъ: «пріиде и то въ слухъ нашъ, отчасти же и самѣмъ видѣти приключися, яко вообычаися здѣ неблаголѣпно, еже прихожанамъ иконы своя домашнія въ церкви приносити, и, всякаго чина кромѣ,

[1] Грам. патр. см. въ рук. «подлинникѣ.» [2] Акт. ист. IV, № 174. [3] Тамъ же.

идѣже кто хощетъ поставляти, не согласився и со священникомъ, чесо ради свары и прѣнія, паче же и вражды обыкоша быти, къ тому яко свѣщи всякъ предъ своею иконою поставляетъ, небрегомымъ сущимъ мѣстнымъ иконамъ олтарнымъ, и всякъ своей иконѣ моляся, на различныя страны покланяется, и тако веліе въ церкви смятеніе и неблагочиніе бываетъ; симъ же извѣтомъ неискусніи людіе своя си иконы (боги своя) именуютъ, чесо ради явствуются не знати единства Божія, паче же многобожію непщевати, еще же овогда тыя святыя иконы въ церковь приносятъ, овогда же износятъ, наипаче въ свѣтлыя дни воскресенія Христова, обнажающіе храмъ Божій красоты его, еже все есть не лѣпо; тѣмъ же судихомъ: отселѣ сицеву беззаконію не быти; аще бо кто хощетъ икону поставити въ церкви, да отдастъ ю вовсе церкви, не именуя ея своею, ниже износя отнюдь никуда, священникъ же благочинно да поставитъ ю, и свѣщи первіе мѣстнымъ олтарнымъ иконамъ да представляются, потомъ же прочимъ поклонъ чинно да творится, ко олтарю обращшимся.» Такъ было опредѣлено и Никономъ [1].

Наконецъ и главнѣйшіе подвиги Никона по церковному управленію получили утвержденіе отъ великаго собора. Монастырскій приказъ, съ которымъ боролся Никонъ, былъ закрытъ [2]. Неподсудимость духовенства мірскимъ судіямъ получила прочное основаніе. Соборъ поставилъ: «во всѣхъ архіерейскихъ домахъ быти духовнымъ искуснѣйшимъ мужемъ, судити духовныя лица и духовныя дѣла, да не вовлагаютъ отнынѣ, говоритъ соборъ, священниковъ и монаховъ въ мірскія судилища, ниже да судятъ мірскіе люди освященнаго монашескаго чина и всякаго церковнаго причта, якоже запрещаютъ правила св. Апостолъ и св. отецъ [3].» Особенно въ казенномъ приказѣ, завѣдывавшемъ церковными доходами, опредѣлено было присутствовать непремѣнно духовнымъ лицамъ, и вмѣ-

[1] Но, какъ мы уже замѣтили, осторожный преемникъ Никона не внесъ этого постановленія въ свой служебникъ, гдѣ помѣщены имъ другія правила собора [2] Акт. эксп. т IV, № 155, 161. Ср. гр. цар. также № 176. [3] Собр. зак. I. стр 697. 705.

стѣ съ тѣмъ мѣстная власть въ вотчинахъ поручена духовенству. Свѣтскихъ людей, положено было, посылать въ вотчины только для того, чтобы смирять людей непокорныхъ духовной власти, и наблюдать за безопасностію монастырей отъ пожара и воровства [1]. Царь подтвердилъ всѣ эти постановленія собора жалованной грамотой патріарху Іоасафу.

Правда, монастыри, построенные Никономъ и вотчины къ нимъ приписанныя, подверглись - было на соборѣ неблагопріятному о нихъ опредѣленію. Постановлено было сначала не признавать монастырей Никона правильно созданными, какъ основанныхъ будто бы безъ соизволенія собора русскихъ архипастырей, и самыя вотчины предположено было у нихъ отобрать. Но, по ходатайству царя, соборъ «вмѣнилъ монастыри Никона въ чинѣ правильно созданныхъ,» и дозволилъ имъ пользоваться вотчинами, пожалованными отъ Государя, возвративъ только церквамъ и монастырямъ тѣ изъ нихъ, которыя Никонъ приписалъ отъ этихъ церквей и монастырей къ своимъ монастырямъ [2].

Между тѣмъ епархія вятская, открытая Никономъ, была «укрѣплена» великимъ соборомъ, «дальняго ради разстоянія», какъ говорилъ въ свое время и Никонъ [3].

Не упоминаемъ о частнѣйшихъ распоряженіяхъ Никона по благоустройству церковнаго управленія, направленныхъ противъ господствовавшихъ въ то время безпорядковъ въ Церкви. Всѣ эти распоряженія получили высшее и неизмѣнное утвержденіе отъ великаго собора. Достаточно привесть въ под-

---

[1] Впослѣдствіи все это было утверждено вновъ соборомъ 1675 г. при патр. Іоакимѣ. См. акт. экеп. IV, № 204. Соб. опредѣл., объ отношеніи по дух. дѣламъ епархіальныхъ архіереевъ къ патр. и владычнымъ домовымъ церквамъ, патр. монастырямъ, вотчинамъ, въ ихъ епархіяхъ находящимся; о неподвѣдомствѣ дух. лицъ свѣтскому суду; о запрещеніи посылать дворянъ и боярскихъ дѣтей въ города и уѣзды по дух. дѣламъ и для сбора церк. дани, такъ какъ «отъ нихъ объявилось всякое безчиніе, ко свящ. чину налоги и обругательства и убытки, и сверхъ указныхъ статей имати лишніе сборы. Ср. № 205, и вып. церк. пр. учиненную патр. Адріаномъ для царя Петра В., въ рук. спб. д. акад. [2] Акт. ист. т. IV, № 215. [3] Собр. зак. 1, стр. 711 — 715, ср. въ ист. іер. стат. о мон. Иверскомъ, Крестномъ и Воскр., ист. акт. IV, № 149, 200. [4] Собр, зак. 1, стр. 708.

твержденіе этой истины свидѣтельство самого великаго собора, что, «*на немъ помощію благодати Божіей, Церковь россійская соединилась въ единство и согласіе вѣры и чина со св. восточною Церквію въ древнихъ преданіяхъ св. Апостоловъ и св. отецъ*» [1], т. е. великій соборъ довершилъ и непреложно утвердилъ то, что составляло главнѣйшій предметъ пастырской ревности и мудрости Никона [2].

Но, тогда какъ восточные патріархи одобряли и утверждали пастырскіе труды Никона, самъ виновникъ и совершитель этихъ трудовъ томился уже въ заточеніи.

V.

ЗАТОЧЕНІЕ ПАТРІАРХА НИКОНА *.

Рано утромъ, 13 декабря, на другой день по низложеніи Никона, приходитъ къ нему стрѣлецкій полковникъ Аггей Шепелевъ, и объявляетъ осужденному патріарху, что ему повелѣно немедленно отправиться въ Ѳерапонтовъ монастырь въ сопровожденіи отряда стрѣльцовъ. «Готовъ есмь», отвѣчалъ Никонъ полковнику, «твори, что ти повелѣно, и что хощеши». Шепелевъ вышелъ изъ келлій патріаршихъ.

За тѣмъ являются къ Никону посланники отъ вселенскихъ патріарховъ и всего освященнаго собора. «Вселенскіе патріархи и весь освященный соборъ требуютъ у тебя клобука и панагіи, которыя сняты вчера съ тебя, и отданы твоему монаху Марку», сказали они Никону. Никонъ безпрекословно исполнилъ требованіе собора, сказавъ только при этомъ: «воля Господня да будетъ!»

Шепелевъ снова явился къ патріарху, и объявилъ, что уже все готово къ его отправленію. Никонъ хотѣлъ немедленно отправиться; но ему велѣли нѣсколько подождать. Въ кремлѣ собралось множество народа, желавшаго проститься съ

[1] Рук. патр. библ. дѣян. соб. 1667 г. стр. 133—138. [2] Кромѣ рук. патр. биб., гдѣ помѣщено полное дѣяніе собора 1666—67 г., м. читать о постановленіяхъ этого собора въ служ. 1668 г. въ собр. вак. I, № 412 и акт. экси. IV, 155, 161, 162.

* Почти единственнымъ источникомъ свѣдѣній для этого отдѣла исторіи патр. Никона служитъ «извѣстіе о житіи патр. Никона,» составленное Шушериным.

своимъ первосвятителемъ. Правительство начало опасаться возмущенія, обыкновеннаго въ тогдашнее время. Боялись однакоже употребить и строгія мѣры, чтобы удалить народъ изъ кремля. Поэтому, прибѣгли къ хитрости. Приказано было стрѣльцамъ распустить въ собравшемся народѣ слухъ, что Никонъ будетъ отправляться чрезъ Спасскія ворота и по Срѣтенской улицѣ. Между тѣмъ въ тоже время отданъ былъ другой приказъ—обходиться съ народомъ кротко и ласково. Простодушные повѣрили этому слуху, и влекомые желаніемъ, проститься съ своимъ патріархомъ, поспѣшили выйти изъ кремля въ китай-городъ. Теперь, когда народъ удалился изъ кремля, Никонъ въ сопровожденіи ближайшихъ къ себѣ людей, духовныхъ и свѣтскихъ, вышелъ изъ своихъ келлій, и сѣлъ въ приготовленныя для него сани. Ихъ окружили 4 отряда стрѣльцевъ по 50 человѣкъ съ каждой стороны. Поѣздъ съ поспѣшностію отправился на Каменный мостъ, и потомъ въ Арбатскія ворота, называемыя иначе Смоленскими, и наконецъ за Земляной городъ. Никто изъ встрѣчавшихся не смѣлъ приблизиться къ Никону; стрѣльцы всѣхъ отгоняли; иноки и свѣтскіе люди, которые провожали Никона, окружены были также со всѣхъ сторонъ отрядами стрѣльцевъ. Вопли и рыданія спутниковъ Никона оглашали воздухъ. Никонъ, твердый духомъ, утѣшалъ ихъ словомъ Божіимъ и писаніями св. отцевъ.

Но правительство опасалось, чтобы и внѣ кремля, за Земляным городомъ, не произошло народнаго возмущенія. Этому благопріятствовала и самая темнота мѣстности, не освѣщенной, подобно кремлю, фонарями. Поэтому здѣсь, по обѣимъ сторонамъ дороги, по которой надлежало отправляться Никону, разставлено было до 1000 вооруженныхъ стрѣльцевъ, съ горящими факелами въ рукахъ Они проводили патріарха за Дмитровскія ворота до слободы Сущевой, и отсюда всѣ стрѣльцы, кромѣ отряда Шепелева, возвратились въ Москву.

Шепелеву съ его отрядомъ приказано было сопровождать Никона до самого мѣста заточенія. За слободой Сущевой, на выѣздѣ изъ города, полковникъ велѣлъ всѣмъ сопровождав-

шимъ Никона инокамъ и свѣтскимъ проститься съ патріархомъ. Тогда раздались громкія вопли и рыданія. Патріархъ благословилъ ихъ всѣхъ. «Предаю васъ Богу и благодати Его», сказалъ онъ имъ теперь, какъ нѣкогда Апостолъ Павелъ при разлукѣ съ ефесскими пресвитерами. Не сходя однакоже съ мѣста разлуки, они съ душевною скорбію долго взирали въ даль, которая поспѣшно скрывала отъ нихъ патріарха, пока Никонъ сталъ совершенно для нихъ невидимъ.

Теперь только народъ узналъ, что Никонъ уже давно отправился. Всѣ поняли обманъ; но оставалось только съ печалію разойтись по своимъ домамъ.

Была жестокая стужа. Никонъ между тѣмъ не имѣлъ теплой одежды. Царь, какъ мы видѣли, прислалъ ему на дорогу мѣховъ; но Никонъ не принялъ. Страдали съ нимъ и всѣ его добровольные спутники. Стрѣльцы, не показывая никакого состраданія къ нимъ, спѣшили только, сколько возможно скорѣе, отъѣхать далѣе отъ Москвы.

На разсвѣтѣ того же дня прибыли они въ одно селеніе близъ рѣки Клязьмы, въ разстояніи 25 верстъ отъ столицы. Здѣсь приказано было имъ остановиться. Остановились и простояли два дня безъ всякаго дѣла.

На третій день является сюда съ указомъ царскимъ печерскій архимандритъ Іосифъ. Ему приказано было смѣнить при Никонѣ новоспасскаго архимандрита, который прежде назначенъ былъ въ спутники осужденному патріарху. Разставаясь съ патріархомъ, новоспасскій архимандритъ, преемникъ настоятельства, которое занималъ нѣкогда и Никонъ, далъ ему отъ себя теплую одежду въ дорогу [1]. Кромѣ того онъ передалъ Никону и свой запасъ съѣстныхъ припасовъ [2]. Итакъ Никонъ нашелъ себѣ покровъ отъ зимняго холода, но спутники его продолжали страдать отъ стужи.

---

[1] «Шубу и треухъ, говоритъ Шушеринъ, отъ своего сіе имѣнія.»

[2] Шушеринъ замѣчаетъ, что Господь Богъ не оставилъ безъ награды этой добродѣтели архимандрита новоспасскаго. Онъ чрезъ семь лѣтъ послѣ того произведенъ въ санъ рязанскаго митрополита, а по смерти Никона, въ одинъ съ нимъ годъ «яко сослужебникъ его», скончалъ земное теченіе.

Въ самомъ пути постигло Никона большое несчастіе. Однажды ночью, когда поѣздъ отправлялся съ большою поспѣшностію по лѣсу, сани Никона раскатились по дорогѣ и ударились о дерево, Никонъ выпалъ изъ нихъ и ударился о пень головою, такъ что голова его разшиблась до крови. «Богъ вѣсть», замѣчаетъ при этомъ Шушеринъ, «отъ борзости ли коней это сдѣлалось, или съ намѣреніемъ правившихъ конями» [1].

Приближались къ Угличу. Никонъ видѣлъ, какъ страдаютъ путники его отъ зимняго холода. Ему хотѣлось, чтобы въ этомъ городѣ куплена была для нихъ теплая одежда. Но зналъ и то, что полковникъ не захочетъ остановиться въ городѣ, чтобы набожный народъ не произвелъ бунта, увидѣвши въ такомъ униженіи своего патріарха. Поэтому Никонъ отправилъ было впередъ нѣкоторыхъ изъ своихъ иноковъ, чтобы они распорядились покупкой для себя и своихъ товарищей теплой одежды, и потомъ были готовы къ дальнѣйшему путешествію вмѣстѣ съ нимъ изъ Углича. Но только что посланные Никономъ хотѣли отправиться по порученію патріарха, стрѣльцы остановили ихъ, и распоряженіе Никона осталось безъ исполненія.

Между тѣмъ въ Угличѣ какимъ-то образомъ сдѣлалось извѣстнымъ приближеніе къ городу изгнаннаго патріарха. Набожные граждане вышли къ нему на встрѣчу съ подарками. Никонъ радъ былъ принять отъ усердія ихъ теплую одежду и пищу; но стрѣльцы никодному изъ гражданъ вышедшихъ на встрѣчу, не позволили подойти къ Никону, всѣхъ разогнали крикомъ, бранью и ударами, и—стрѣлою, какъ говоритъ Шушеринъ, промчались по Угличу.

Проѣхали 15 верстъ отъ города впередъ. Здѣсь на пути находилось одно богатое село, гдѣ въ тотъ день былъ торгъ. Никонъ предполагалъ, что въ этомъ селѣ покрайней мѣрѣ позволено будетъ ему купить для спутниковъ теплую одежду. Но

---

[1] Замѣчательно это обстоятельство особенно потому, что отъ него, какъ увидимъ Никонъ страдалъ во все остальное время жизни постоянными головными болями.

Шепелевъ, опасаясь встрѣтить и здѣсь такое же усердіе отъ жителей къ патріарху, какое оказали граждане Углича, наперед послалъ туда отрядъ стрѣльцевъ съ приказаніемъ удалить съ улицы весь народъ, именемъ великаго государева дѣла. Приказаніе его было исполнено. Итакъ путешественники опять быстро пронеслись по пустой улицѣ села, едва замѣченные любопытными взорами изъ оконъ.

Подобныя же мѣры предосторожности были принимаемы и въ продолженіи всего остальнаго пути. Случалось ли остановиться гдѣ нибудь для отдыха, или для ночлега; напередъ посылаемы были въ эти мѣста отряды стрѣльцевъ, съ порученіемъ сгонять съ улицъ народъ, отводить особенный домъ для Никона и его спутниковъ, удалять изъ него всѣхъ постороннихъ людей, и когда прибывалъ сюда Никонъ, стрѣльцы тайно вводили его въ приготовленный домъ. Жители селъ и деревень, чрезъ которыя отправлялся Никонъ, знали, что везутъ подъ стражей въ ссылку какого-то великаго человѣка; но кто этотъ великій человѣкъ, никто не зналъ, и слово ропота не выходило ни изъ чьихъ устъ.

Но Господь, говоритъ Шушеринъ, не оставилъ въ совершенной безвѣстности своего святителя, осужденнаго въ заточеніе, и не допустилъ спутникамъ его страдать отъ холода въ продолженіе всего пути. Въ одномъ селѣ, недалеко отъ рѣки Мологи, Никонъ остановился ночевать. Стрѣльцы тайно ввели его въ приготовленный для него домъ, и, признавъ его крѣпко огражденнымъ отъ всякихъ любопытныхъ взоровъ, удалились въ другое мѣсто. Но вотъ, когда Никонъ остался одинъ съ нѣсколькими изъ своихъ спутниковъ, выходитъ изъ тайнаго мѣста [1] старушка, и съ горькими слезами спрашиваетъ ихъ, кто изъ нихъ рабъ Божій Никонъ? Ей указали на патріарха. Припавъ къ ногамъ святителя, старица горько зарыдала. «Куда ты идешь, пастырь нашъ? Зачѣмъ оставляешь насъ на расхищеніе? говорила она ему. Удивленный такою неожиданностію, Никонъ спросилъ: какъ она узнала о его заточеніи.»

[1] По Шушерину: подполья.

Въ прошедшую ночь, отвѣчала старушка, предсталъ мнѣ во снѣ Мужъ благообразный и сказалъ: «вотъ рабъ Мой Никонъ идетъ въ заточеніе, и терпитъ въ пути великую скорбь и скудость; ты помоги ему въ нуждѣ, сколько можешь.» Послѣ этихъ словъ, говорила старушка, явившійся мнѣ скрылся. «Клятвами подтверждала она, говоритъ Шушеринъ, истину своего видѣнія. Отъ глубины души возблагодарилъ Никонъ Господа, пекущагося о рабахъ своихъ. Старушка опять спустилась въ мѣсто своего убѣжища, и принесла оттуда 20 рублей денегъ и нѣсколько теплыхъ одеждъ. Со слезами просила она патріарха не отвергнуть ея приношенія. Съ благодарною и благоговѣйною душею принялъ Никонъ это приношеніе, какъ даръ самого Бога.

Рано утромъ, еще задолго до дневнаго разсвѣта, послышались на крыльцѣ дома, гдѣ ночевалъ Никонъ, шаги стрѣльцевъ; старушка, припавъ къ ногамъ Никона, со слезами испрашивала его благословенія. Никонъ осѣнилъ ее знаменіемъ св. креста, съ молитвой ко Господу, чтобы самъ Онъ многомилостивый воздалъ добродѣтельной старицѣ за то приношеніе, какое она, во имя Его, сдѣлала святителю. Задыхаясь отъ слезъ и рыданій, старушка скрылась въ прежнее тайное мѣсто.

Къ слѣдующей ночи, по словамъ Шушерина, прибыли они съ слободу Мологу. Недалеко отъ этой слободы находился монастырь Аѳанасьевскій, бывшій тогда приписнымъ къ Воскресенскому Никонову монастырю. Никонъ считалъ его поэтому своимъ, и желалъ провести наступавшую ночь въ священной сѣни обители, въ обществѣ преданной ему братіи. Шепелевъ, съ холоднымъ равнодушіемъ исполнявшій возложенное на него порученіе, не сочувствовалъ Никону въ пламенныхъ благочестивыхъ его желаніяхъ. Какъ приставникъ, который долженствовалъ хранить ввѣреннаго его надзору узника, Шепелевъ боялся вездѣ народнаго возмущенія, которое могло отнять у него Никона. Итакъ Никонъ принужденъ былъ остановиться въ слободѣ Мологѣ, недалеко отъ монастыря.

Утромъ Никонъ долженъ былъ отправиться мимо св. вратъ

монастырскихъ. Игуменъ и братія монастыря вышли къ нему на встрѣчу за врата съ различными приношеніями. Издали увидѣвъ вышедшихъ изъ монастыря иноковъ, Шепелевъ послалъ впередъ отрядъ стрѣльцевъ, съ приказаніемъ волей или неволей возвратить ихъ въ монастырь. Со скорбію въ душѣ взиралъ Никонъ, какъ стрѣльцы бранью и ударами обращали братію и игумена въ монастырь. Когда приблизились къ стѣнамъ монастыря, Никонъ благоговѣйно перекрестился, и заочно благословилъ св. обитель и усердіе къ нему братіи. Игуменомъ тогда въ этомъ монастырѣ былъ ученикъ и постриженикъ Никона Сергій.

Въ слѣдующую ночь они были уже близъ рѣки Шексны. Но въ это время опять встрѣтилъ Никонъ большое огорченіе. Никона уязвило острое дерево, лежавшее на дорогѣ, такъ сильно, что онъ едва не лишился жизни. Самое остріе этого дерева вонзилось въ тѣло его. Сидѣвшій вмѣстѣ съ нимъ инокъ вынулъ это остріе изъ язвы, и, какъ памятникъ страданій патріарха, положилъ, по его приказанію, въ сани для храненія до прибытія въ Ѳерапонтовъ монастырь.

Наконецъ близко уже было самое мѣсто заточенія Никона. Шепелевъ напередъ отправилъ въ Ѳерапонтовъ монастырь отрядъ стрѣльцевъ къ игумену и братіи съ извѣстіемъ, что къ нимъ, по указу государеву, посылается на заточеніе монахъ Никонъ, для котораго они должны приготовить келліи. Стрѣльцы явились въ монастырь въ полномъ своемъ вооруженіи. Игуменъ и братія не знали предварительно о томъ, что къ нимъ везутъ Никона. По этому появленіе вооруженныхъ стрѣльцевъ въ монастырѣ произвело немалое смущеніе въ инокахъ.

Но не задолго предъ тѣмъ временемъ въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ былъ пожаръ, который испепелилъ почти всѣ монастырскія зданія. Въ келліяхъ, уцѣлѣвшихъ отъ пожара, съ трудомъ помѣщалось братство монастыря. Для Никона здѣсь уже не могло быть мѣста. Оставались незанятыми только

двѣ комнаты больничныя—«смрадныя и закоптѣлыя, яже изрещи не удобно», какъ говоритъ объ нихъ Шушеринъ.

Еще до разсвѣта утренняго привезли въ монастырь и самого Никона. Его встрѣтилъ одинъ игуменъ. Братіи запрещено было даже показываться въ это время на дворѣ монастырскомъ. Игуменъ указалъ Никону приготовленныя для него келліи, и вотъ Никонъ изъ обширныхъ, свѣтлыхъ и великолѣпныхъ патріаршихъ палатъ [1] очутился «въ смрадныхъ и закоптѣлыхъ келліяхъ, яже изрѣщи неудобно.» [2] Испросивъ у Господа силъ крѣпости къ перенесенію своего тяжкаго, уже по самому началу, заточенія, Никонъ съ грустію въ сердцѣ смежилъ на нѣсколько очи свои для успокоенія отъ трудовъ и скорбей, подъятыхъ въ пути.

Разсвѣло. Къ Никону явились пріѣхавшіе съ нимъ изъ Москвы архимандритъ и стрѣлецкій полковникъ, также игуменъ и келарь монастыря. Утомленный отъ пути и страдавшій отъ двухъ большихъ язвъ, полученныхъ въ дорогѣ, Никонъ не могъ лично принять ихъ, но велѣлъ только своимъ инокамъ спросить, зачѣмъ они пришли. Они объявили, что по указу царя и всего освященнаго собора требуютъ его въ церковь. Зачѣмъ?—опять спросилъ ихъ Никонъ. Они отвѣчали, что имъ повелѣно отобрать у Никона архіерейскій посохъ и мантію. Никонъ безпрекословно тогда же отдалъ имъ и то и другое. Итакъ теперь уже и послѣдніе знаки патріаршаго достоинства Никона были взяты у него и отосланы въ столицу, гдѣ между тѣмъ избрали новаго всероссійскаго патріарха Іоасафа. [3]

Строго и жестоко было заточеніе Никона въ первые годы пребыванія его въ Ѳерапонтовѣ монастырѣ. Правда, добро-

[1] Припомнимъ, что Никонъ построилъ въ Москвѣ патріаршій домъ. Памятн. моск. древн. стр. 165.

[2] Монастырь Ѳерапонтовъ упраздненъ въ 1798 году, 27 апрѣля, и обращенъ въ приходскую церковь. По въ числѣ зданій, оставшихся отъ этого монастыря, донынѣ существуютъ каменныя палаты, въ которыхъ жилъ Никонъ; въ нихъ стѣны расписаны изображеніями пустынныхъ жителей. См. посл. часть ист. росс. іерарх. Вѣроятно эти изображенія сдѣланы уже впослѣдствіи самимъ Никономъ, когда возвратилась къ нему милость царя. [3] Собр. зак. т. 1, № 399.

душный царь Алексѣй Михайловичъ, желая получить благословеніе отъ Никона, котораго не получилъ при отправленіи его въ заточеніе, повелѣлъ Шепелеву оказывать осужденному патріарху снисхожденіе, и приготовлять для него столъ изъ царскихъ сокровищъ. Но гнѣвный Никонъ, не подавая царю благословенія, не хотѣлъ вкушать и трапезы отъ царскихъ яствъ. Онъ предпочелъ ей общую монастырскую братскую трапезу. Шепелевъ неоднократно упрашивалъ Никона принять «пищу отъ милости царскаго величества», и нерѣдко томилъ его голодомъ, не позволяя ходить за общую братскую трапезу; но непреклонный Никонъ отвѣчалъ всегда: «аще ми и умрети, но не сотворю сего.» Шепелевъ писалъ объ этомъ Государю, и, вмѣсто отвѣта, получилъ позволеніе возвратиться въ Москву, взявъ съ собою и печерскаго архимандрита Іосифа. Это было спустя мѣсяцъ послѣ заточенія Никона. И вотъ, на смѣну ихъ прибыли изъ Москвы новоспасскій архимандритъ Іосифъ и дворянинъ Стефанъ Лаврентьевъ сынъ Наумовъ. Жестокость заключенія Никона увеличилась. Новый приставникъ его не только не сталъ позволять никому изъ посторонпихъ приходить къ Никону, но и никого не допускалъ подходить близко къ его келліи. Келлія, гдѣ жилъ Никонъ, была въ самой стѣнѣ монастырской. Окна ея обращены были къ большой дорогѣ, которая проходила тогда подлѣ самой стѣны. Наумовъ приказалъ забить окна крѣпкими желѣзными рѣшетками. Самую дорогу перевелъ на другое мѣсто, отдаленное отъ монастырской стѣны. Къ дверямъ келліи, выходившимъ на открытый монастырскій дворъ, приставлена была крѣпкая стража, которая наблюдала за всѣми входившими и выходившими чрезъ эти двери. Такойже караулъ стоялъ и подъ окнами Никоновой келліи. Стража сопровождала Никона и его иноковъ при всѣхъ ихъ входахъ и выходахъ. Самые переходы ихъ изъ келліи въ церковь совершались въ сопровожденіи караула. Но Никонъ терпѣливый, говоритъ Шушеринъ, не ропталъ на свою горестную участь, и за все благодарилъ Господа, молясь за самыхъ враговъ своихъ: «Отче,

отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ.» Ни бѣдность, ни тѣснота, ни униженіе не могли поколебать въ немъ твердаго духа: безъ малодушія переносилъ свои страданія. Онъ постоянно носилъ на себѣ желѣзныя вериги, и маленькій серебряный ковчегъ съ св. дарами [1]. Въ такомъ расположеніи духа, и съ такимъ напутствіемъ, онъ всегда былъ истиннымъ воиномъ Іисуса Христа, облеченнымъ во вся оружія Божія противъ слабостей плоти и искушеній духа. Неутомимо дѣятельный, онъ не хотѣлъ оставаться праздным̀ъ и въ тѣснотѣ заточенія [2]. Очищая умъ и сердце смиренною молитвою къ Богу и покаяніемъ, онъ тѣло свое изнурялъ постоянными трудами. Онъ самъ носилъ дрова для своей келліи, ходилъ за водой на озеро, и готовилъ пищу для своей братіи, которая прибыла сюда раздѣлять съ нимъ скорби заточенія.

Приближалась сырная недѣля. Государь, приготовляясь къ народному празднику, вспомнилъ и о Никонѣ, съ которымъ въ счастливые дни его жизни раздѣлялъ онъ въ это время богатую трапезу въ своихъ царскихъ чертогахъ. Онъ велѣлъ отправить къ Никону отъ своего имени множество рыбы и напитковъ разнаго рода. Но Никонъ отказался принять подарки царя. Они напомнили ему невозвратимую утрату радостнѣйшихъ дней жизни, когда любовь и дружба сосединяли душу его съ душею царя. Однакожь общія просьбы братіи монастыря смягчили наконецъ его твердость, и Никонъ съ благодарностію принялъ милостыню царя.

Въ прощальное воскресенье Никонъ обѣдалъ въ общей монастырской трапезѣ. По его распоряженію, къ столу подавали яства и напитки, присланные ему отъ царя. Только одну дѣльву вина, говоритъ Шушеринъ, Никонъ приказалъ оставить до свѣтлаго Христова воскресенія, никому, однакожь, не открывая своего намѣренія, съ которымъ сдѣлалъ такое распоряженіе. Самъ между тѣмъ не вкушалъ теперь во время

---

[1] Эти знаки благочестиваго его смиренія донынѣ хранятся надъ гробомъ святителя въ Воскресенскомъ монастырѣ.

[2] «Праздность всякому злу вина бываетъ,» говоритъ Никонъ. Ркп. Воскр. мон.

обѣда ничего, что подавалось изъ подарковъ царя. Нѣкоторые изъ иноковъ Воскресенскаго монастыря, раздѣлявшихъ съ нимъ заточеніе, слѣдовали его примѣру. Но другіе, по недогадливости, вкусили отъ царской пищи и отъ царскаго питія. Никонъ подвергъ ихъ за это, говоритъ Шушеринъ, церковной епитиміи, какъ преслушниковъ воли настоятеля.

Насталъ великій постъ, и—Никонъ посвятилъ всего себя духовнымъ подвигамъ. Было время, когда онъ на дни св. четыредесятницы удалялся въ пустынное уединеніе, и тамъ среди совершеннаго безмолвія пребывалъ въ постѣ и молитвѣ. Теперь онъ далеко былъ отъ своего Воскресенскаго скита; но и среди общежительнаго монастыря Никонъ продолжалъ сохранять принятый имъ уставъ для препровожденія великихъ дней св. четыредесятницы. Уединенная молитва, строгій постъ и непрестанные труды были неразлучными спутниками его во все время св. поста.

Въ одинъ изъ дней св. четыредесятницы, послѣ утренняго богослуженія, которое совершалось въ его келліяхъ, Никонъ разсказалъ братіи свой сонъ прошедшей ночи. «Представилось мнѣ,» говорилъ Никонъ, «будто я нахожусь въ какомъ-то обширномъ, великолѣпно устроенномъ зданіи. Сюда приходитъ ко мнѣ протопопъ большаго московскаго Успенскаго собора Михаилъ, и проситъ у меня благословенія на освященіе одной церкви. «Я», говорилъ Никонъ, «вздумалъ провести его по всѣмъ комнатамъ этого зданія. Вотъ мы прошли съ нимъ двѣ-три комнаты, изъ которыхъ одна другой лучше и прекраснѣе. Наконецъ, вступили въ самую лучшую, и остановились, изумленные и пораженные ея великолѣпіемъ. Когда мы удивлялись ея великолѣпію, вдругъ является предъ нами свѣтлый и благообразный юноша, и спрашиваетъ насъ: «чему вы удивляетесь?»—«Какъ не удивляться такому великолѣпію? отвѣчалъ я,» говорилъ Никонъ. «Такъ знаешь ли, что это за зданіе?» опять спросилъ меня юноша,» говорилъ Никонъ. «Это зданіе сооружено и украшено твоимъ тер-

пѣніемъ:» и прибавилъ: «но постарайся скончать свое теченіе; а нынѣ говорю тебѣ, что ты вкусишь своего хлѣба.» Послѣ этихъ словъ, говорилъ Никонъ, юноша сдѣлался невидимъ.

Скоро послѣдовало, замѣчаетъ Шушеринъ, и исполненіе видѣнія. Въ тотъ же день, во время благовѣста къ литургіи, собрались къ Никону въ келлію жившій при немъ архимандритъ, начальникъ отряда стрѣльцевъ, и игуменъ монастыря съ келаремъ, чтобы, по обычаю, проводить его въ церковь. Благовѣстъ продолжался. Никонъ бесѣдовалъ съ своими посѣтителями о духовныхъ предметахъ. Вдругъ доносятъ ему, что его желаетъ видѣть іеромонахъ Мисаилъ, и съ нимъ нѣсколько послушниковъ Воскресенскаго монастыря, которые присланы отъ Воскресенской братіи къ Никону съ гостинцами. Съ радостію принялъ Никонъ эту вѣсть; немедленно приказалъ пустить ихъ къ себѣ, благословилъ, облобызалъ и посадилъ вмѣстѣ съ собою. Мисаилъ объявилъ, что онъ привезъ Никону отъ братіи 200 рублей денегъ и десять хлѣбовъ монастырскаго печенія, такожде—рыбы и другихъ запасовъ. Съ радостными слезами возблагодарилъ Никонъ Господа Бога, и усердіе братіи Воскресенской обители. «Вотъ и сбылось видѣніе»,—сказалъ онъ архимандриту и прочимъ, которые пришли къ нему предъ литургіею.

Въ самый день св. Пасхи, послѣ литургіи Никонъ пригласилъ къ столу своему архимандрита Іосифа, полковника Наумова, игумена и келаря Ѳерапонтова монастыря и многихъ изъ братіи. Во время обѣда, онъ приказалъ своимъ служителямъ принести вино, которое оставлено изъ присланнаго царемъ къ сырной недѣлѣ. Наполнивъ имъ свою чашу, Никонъ обратился къ своимъ гостямъ, и торжественно сказалъ: «да не до конца пребудетъ вражда наша съ царемъ, се нынѣ питіе сіе про здравіе благочестивѣйшаго царя со всѣми вкушаю, и впредь присланнымъ отъ него отрицатися не буду.» Обрадовались посѣтители этой благопріятной перемѣнѣ въ Никонѣ, и, при словахъ примиренія его съ царемъ, до земли поклонились ему. За тѣмъ, Никонъ самъ наполнилъ ихъ

чаши тѣмъ же виномъ, и просилъ ихъ пить за здравіе царя. Все это немедленно, въ тотъ же день, описано, и грамата съ такимъ извѣстіемъ отправлена къ государю.

Вскорѣ Никонъ получилъ отъ царя позволеніе имѣть свою отдѣльную церковь въ монастырѣ, для которой теперь же прислано было ему богато украшенное евангеліе напрестольное, серебряные потиръ и дискосъ, нѣсколько паръ церковныхъ облаченій, и немало различной церковной утвари. Никонъ избралъ для себя одну изъ монастырскихъ церквей, во имя Богоявленія Господня на св. вратахъ, и здѣсь стали совершать для него богослуженіе иноки, постриженники Воскресенскаго монастыря, рукоположенные нѣкогда въ священный санъ самимъ Никономъ, въ послѣдніе годы его патріаршества [1]. Одни изъ нихъ прибыли съ нимъ изъ Москвы, какъ добровольные спутники осужденнаго патріарха; другіе, послѣ различныхъ судебныхъ изслѣдованій объ участіи ихъ въ дѣлѣ Никона, подъ стражею присланы къ заточенному патріарху [2]. Самъ патріархъ сталъ съ этихъ поръ получать значительное содержаніе изъ Москвы, имѣлъ всѣ удобства жизни, даже выѣзжалъ изъ мѣста своего заточенія, и пользовался свободно монастырской библіотекой [3]. Рѣшетки отъ оконъ въ келліяхъ его были откованы, и даже разрѣшено было построить для него новыя келліи.

Получивъ такую свободу, Никонъ съ согласія игумена монастыря и начальника стрѣльцевъ Наумова, началъ съ своими иноками рубить лѣсъ на берегу озера, недалеко отъ монастыря, и разчищать мѣсто для посѣва хлѣба, и разведенія огородныхъ овощей. Между тѣмъ, собственными руками устроилъ

---

[1] Шушеринъ сохранилъ имена нѣкоторыхъ изъ нихъ. Это были іеромонахи: Памва и Варлаамъ, впослѣдствіи духовникъ Никона; клирики: Палладій, Маркелль и Мардарій; простые монахи: Виссаріонъ и Флавіанъ и «ины многи.»

[2] По свидѣтельству Шушерина, бояре многихъ изъ иноковъ Воскресенскаго монастыря подвергли суду, и затѣмъ заключенію подъ стражу, и заточенію въ дальніе монастыри. Многіе изъ такихъ узниковъ и жизнь свою окончили въ темницахъ. Но и теперь въ Ферапонтовѣ монастырѣ весьма внимательно смотрѣли за приходившими къ Никону, и многихъ, по подозрѣнію, отсылали къ суду.

[3] См. примѣч. къ № 213 въ акт. эксп. т. VI.

рыболовныя сѣти, нерѣдко по цѣлымъ днямъ трудился на озерѣ въ ловлѣ рыбы, и доставлялъ ее въ общую братскую трапезу.

Среди такихъ занятій онъ пришелъ къ мысли соорудить памятникъ своего заточенія. Для этой цѣли предпринялъ устроить посреди глубинъ озера каменный островъ, и на немъ поставить крестъ съ надписью, которая бы засвидѣтельствовала читателямъ о заточеніи патріарха. Предпринялъ и—сдѣлалъ. Избрано было имъ мѣсто на озерѣ въ разстояніи отъ берега на 2 версты, глубиною болѣе 2-хъ саженъ. Никонъ самъ съ своими иноками возилъ сюда на плотахъ каменья, и располагалъ ихъ по предположенному плану. Мало-по-малу каменный островъ Никона сталъ уже показываться изъ водъ озера. Никонъ укрѣпилъ его, и сдѣлалъ длиною болѣе, чѣмъ 12 саженъ, шириною—5 саженъ. Устроивъ такимъ образомъ свой островъ, Никонъ поставилъ на немъ крестъ съ надписью: «Никонъ, Божіею милостію патріархъ, постави сій крестъ Господень, будучи въ заточеніи за слово Божіе и за св. Церковь на Бѣлѣ-озерѣ въ Ѳерапонтовѣ монастырѣ, въ тюрьмѣ». Мимо этого самаго мѣста пролегала зимою большая дорога къ монастырю. Путешественники и богомольцы останавливались при крестѣ Никона, и прочитывали надпись.

Но одна опасная мысль, приведенная въ исполненіе, породила подобную себѣ другую. Никонъ приказалъ вырѣзать такую же надпись на всѣхъ своихъ келейныхъ сосудахъ, и приказаніе его было исполнено[1].

Этимъ дѣломъ занимался, по порученію Никона, одинъ изъ жившихъ съ нимъ иноковъ, именемъ Іона, человѣкъ нетрезвеннаго и буйнаго поведенія. Никонъ хотѣлъ однажды отправить его, говоритъ Шушеринъ, въ наказаніе за буйство на работу въ монастырскую пекарню. Іона прибѣгнулъ къ защитѣ гражданскаго надзирателя Никонова, оклеветалъ предъ нимъ патріарха, и, между прочимъ, открылъ ему тайну над-

[1] Всѣ эти надписи на крестѣ и сосудахъ, впослѣдствіи времени, при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ и патріархѣ Іоакимѣ, были сглажены. Вырѣзывать свое имя на келейныхъ сосудахъ было и прежде въ обычаѣ у Никона. См. пам. моск. древн. стр. 201.

писей, какія дѣлалъ Никонъ на своихъ сосудахъ и на устроенномъ имъ крестѣ. Наумовъ обо всемъ этомъ отписалъ царю, и отпустилъ въ Москву самого Іону для личныхъ объясненій о Никонѣ предъ его судьями. Но добродушный царь Алексѣй Михайловичъ оставилъ теперь этотъ поступокъ Никона безъ вниманія. Іона на пути въ Москву, останавливаясь въ городахъ, монастыряхъ и селахъ, вездѣ выдавалъ себя за ревнителя правды, который потому будто бы скрылся отъ Никона, что боялся строгаго наказанія отъ него за сопротивленіе разнымъ его преступленіямъ. Но клеветнику не суждено было видѣть столицы. Въ Переяславлѣ онъ, безчувственно петрезвый, упалъ въ кипящій на винокурнѣ котелъ, и здѣсь сварился. «Тако злѣ житія сего лишился,» говоритъ Шушеринъ, «якоже вторый Іуда предатель.»

Вскорѣ Никонъ сдѣлался боленъ, и, изнемогая отъ болѣзни и скорбей, сталъ предполагать близкимъ конецъ своей жизни. Въ это время онъ переносился душею въ блаженную обитель новаго Іерусалима, гдѣ подвизался нѣкогда съ братіею, какъ отецъ съ дѣтьми, которыхъ всѣхъ желалъ усыновить Господу. Онъ пламенѣлъ теперь желаніемъ сложить, по крайней мѣрѣ, бренные останки свои въ построенной имъ самимъ и возлюбленной болѣе другихъ обители Новаго Іерусалима. Не зналъ тогда Никонъ, что ему суждено еще долго томиться въ заточеніи, и пережить всѣхъ виновниковъ своего заключенія. Онъ написалъ къ строителю Воскресенскаго монастыря, старцу Сергію и братіи письмо, въ которомъ усердно просилъ ихъ исходатайствовать ему отъ царя разрѣшеніе быть, по крайней мѣрѣ, погребеннымъ въ Новомъ Іерусалимѣ подъ Голговою.

Казалось, самыя обстоятельства благопріятствовали исполненію надеждъ Никона. Въ Москвѣ не только народъ, но и самъ царь, по нѣжности сердца своего, почувствовалъ утрату столь великаго мужа, своего искренняго друга и мудрѣйшаго совѣтника. Всѣ дѣла государственныя, съ удаленіемъ Никона, пришли въ явное разстройство. Внутри отечества отъ не-

благоразумія бояръ происходили бунты. Внѣ предѣловъ государства, на полѣ битвы, честолюбивые воеводы спорили только другъ съ другомъ за мѣста, и теряли одну за другой побѣды; даже съ намѣреніемъ выдавали другъ друга врагамъ [1]. Царь, котораго присутствіе требовалось теперь и въ столицѣ и въ походѣ, не зналъ, что дѣлать. Онъ нерѣдко вспоминалъ съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ о тѣхъ счастливыхъ годахъ своего царства, когда самъ съ храбрымъ войскомъ разилъ на полѣ битвы враговъ, а патріархъ, другъ его, всей душей преданный благу отечественному, мудро управлялъ внутренними дѣлами государства. Паденіе Никона почиталъ теперь царь собственнымъ несчастіемъ. И какбы въ тайный упрекъ ему, предъ нимъ смѣнялись одинъ за другимъ патріархи, а Никонъ оставался живъ. Царь хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, получить благословеніе отъ первосвятителя, котораго почиталъ нѣкогда какъ отца, и не получалъ. Но теперь, когда Никонъ самъ обратился къ нему съ просьбой о дозволеніи быть погребеннымъ въ Воскресенскомъ монастырѣ, царь призналъ самымъ удобнымъ для себя временемъ испросить у него благословеніе. Наумову дано было знать, чтобы онъ предложилъ объ этомъ смиряющемуся патріарху. И вотъ Наумовъ, исполняя возложенное на него порученіе, однажды явился къ Никону, и отъ имени царя сталъ просить «прощенія и благословенія царскому величеству, и всему его дому». «Хорошо», недовѣрчиво отвѣчалъ Никонъ, «но скажи мнѣ», прибавилъ онъ, «кто тебя этому научилъ?» Наумовъ съ клятвою увѣрялъ, что ему объ этомъ писано изъ Москвы. «Если это такъ», продолжалъ Никонъ, «если царь перестанетъ гнѣваться на насъ напрасно, и томить насъ этими мученіями; то просьба твоя будетъ исполнена». Послѣ такого объясненія съ Наумовымъ, Никонъ написалъ къ царю прощальную грамоту. «Приходилъ ко мнѣ, богомольцу вашему», писалъ онъ царю [2], «Стефанъ Наумовъ, и говорилъ мнѣ вашимъ государскимъ словомъ, что

[1] Ист. Устр. 1837. II, стр. 238 и слѣд. [2] Приводимъ эту грамоту по Шушерину.

велѣли ему, по вашему государскому указу, съ великимъ прошеніемъ молить и просить о усмиреніи, чтобы я богомолецъ вашъ, тебѣ великому государю, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу, подалъ благословеніе и прощеніе, а ты, государь, богомольца своего милостію своею, по своему государскому разсмотрѣнію, пожалѣешь; и я смиренный тебя, великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, и благовѣрную государыню, царицу и великую княгиню Марію Ильиничну, благороднѣйшихъ царевичевъ, и благородныхъ царевенъ благословляю и прощаю; а когда ваши царскіе очи увижу, и тогда я, богомолецъ вашъ, вамъ государямъ со святымъ молитвословіемъ наипаче прощу и разрѣшу [1], якоже божественное святое Евангеліе показуетъ о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, и дѣяніе св. Апостолъ—всюду съ возложеніемъ рукъ прощеніе и цѣльбы творили» [2].

Но желанія и ожиданія Никона не исполнились. Царь, получивъ отъ него прощальную грамоту, не рѣшился, однакожь, дозволить ему возвратиться ни въ Москву, ни въ Воскресенскій монастырь. Присланный къ Никону съ грамотой отъ царя Иванъ Образцовъ привезъ ему только богатые подарки: 1000 рублей денегъ и множество различныхъ яствъ и питій. Но, обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, Никонъ отказался отъ этой милости царя, и возвратился къ прежнему на него гнѣву.

Марта 4-го 1669 [3] скончалась первая супруга царя Алексѣя Михайловича. Благочестивый государь опять отправилъ къ Никону подарки съ прошеніемъ молитвъ о упокоеніи усопшей царицы. Родіонъ Стрѣшневъ привезъ къ Никону 500 рублей денегъ. Какъ ни значительна была эта сумма по тому

---

[1] Такъ прощался съ государемъ и антіохійскій патріархъ Макарій, при отправленіи изъ Москвы въ 1668 году. См. дворц. разр. т. III стр. 769—774.

[2] Подпись: «смиренный Никонъ, милостію Божіею патріархъ, засвидѣтельствуя страхомъ Божіимъ, и подписалъ своею рукою.» Наумовъ сдѣлалъ приписку: «и я, Стефанъ Наумовъ, по приказу великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, его государя милость сказывалъ, и о смиреніи и о благословеніи съ упрошеніемъ молилъ и просилъ, и къ сему списку руку приложилъ.»

[3] Др. росс. вивл. т. II, стр. 205.

времени, но Никонъ не принялъ. «Мы должны», сказалъ онъ Стрѣшневу, «молиться за упокой царицы и безъ сея мзды, сколько Богъ подастъ намъ силъ». Стрѣшневъ долго и много убѣждалъ Никона принять отъ царя милостыню; но Никонъ оставался и остался непреклоненъ въ своемъ отказѣ. Впрочемъ, чтобы не возникло мнѣнія, что онъ не принялъ денегъ на поминовеніе царицы по злопамятству къ ней, какъ виновницѣ его изгнанія, Никонъ совершалъ по ней поминовеніе при каждой литургіи [1].

Однакоже, мало по малу начала опять смиряться непреклонная душа Никона. Царь вступилъ въ новый бракъ съ Натальей Кириловной Нарышкиной [2], и прислалъ Никону богатые подарки [3]; Никонъ охотно и съ душевною признательностію принялъ все присланное. Немедленно, по полученіи извѣстія о бракѣ царя, онъ отправился въ церковь съ своею братіею, и слушалъ благодарный молебенъ Господу Богу съ возглашеніемъ многолѣтія царю, новой супругѣ его, и всему ихъ дому. Наконецъ, въ знакъ совершенной своей преданности къ царю, усердно угостилъ его посланника, и одаривъ, отпустилъ съ честію [4].

Радовался и царь смягченію суроваго духа Никонова. Дружба между ними уже готова была, кажется, снова возгорѣться съ прежнею же силою. Никонъ отправилъ келейнаго своего діакона Мардарія въ Москву для испрошенія у царя нѣкоторыхъ новыхъ милостей для него и его братіи; царь все исполнилъ, съ честію и подарками отпустилъ отъ себя діакона, и съ своимъ посланникомъ отправилъ къ Никону значительную милостыню [5]. Можно было даже надѣяться, что скоро

---

[1] Поминалъ онъ также и паревича Алексѣя Алексѣевича, котораго именемъ управлялъ нѣкогда государствомъ. [2] Бракъ царя Алексѣя Михайловича съ Наталіею Кириловной Нарышкиной былъ 22-го января 7179—1671 года. См. дворц. разр. т. III, стр. 872. Акт. эксп. т. IV № 181. [3] 700 р. денегъ, и три мѣха—соболій, лисій и бѣличій, также—сукна и тафты чернаго цвѣта, еще 15 добрыхъ полотенъ и 20 полотенцевъ. Шушеринъ. [4] Имя ему—Косма Лопухинъ. [5] По исчисленію, Шушерина—«10 соболей добрыхъ, да мѣхъ соболій же, да денегъ 500 рублевъ, также посуды серебряной немало, пищи же и питія и иныхъ вещей обильно.» Діакону было отъ царя дано 10 рублей.

настанетъ часъ освобожденія Никона изъ заточенія. Но Промыслъ, по непсповѣдимымъ судьбамъ своимъ, опредѣлилъ быть иначе.

Косма Лопухинъ, присланный теперь отъ царя съ милостынею къ Никону, не успѣлъ еще выйдти изъ Ѳерапонтова монастыря, какъ сюда же прибываетъ братъ его, Ѳедоръ Лопухинъ, съ извѣстіемъ къ Никону о смерти царя Алексѣя Михайловича [1]. Съ непритворною горестію принялъ Никонъ эту неожиданную вѣсть. Онъ воздохнулъ отъ глубины сердца, прослезился, и, обративъ взоры къ небу, сказалъ: «воля Господня да будетъ! Аще бо здѣ съ нами прощенія не получи, но въ страшное пришествіе Господне судится имать». Лопухинъ просилъ его подать прощеніе царю на бумагѣ. «Мы исполняемъ», сказалъ Никонъ, «слово Господа: оставите, оставится и вамъ», и присовокупилъ: «Богъ его проститъ». Но не рѣшился дать письменнаго разрѣшенія [2].

Лопухинъ вручилъ Никону 100 рублей и мѣхъ песцовый черный на поминъ души покойнаго царя. Никонъ принялъ дары, и совершалъ поминовеніе за каждою литургіею.

Преемникомъ царю Алексѣю Михайловичу былъ юный сынъ его, Ѳедоръ Алексѣевичь. Состояніе Никона въ началѣ царствованія новаго царя напомнило Никону первые мѣсяцы его заточенія. «На блаженнаго Никона», скажемъ словами Шушерина, «паки діаволъ бурю возставляетъ чрезъ свое орудіе—злыхъ человѣкъ».

Юному царю опять оговорили Никона въ разныхъ тяжкихъ преступленіяхъ противъ мира Церкви и государства. Основаніемъ къ этимъ наговорамъ послужили неблагопріятные слухи о Никонѣ, распущенные упомянутымъ выше инокомъ

---

[1] Царь Алексѣй Михайловичь скончался 29 января 1676 года. См. собр. гос. гр. IV. 333. Дворц. зап. IV, 27—28. Акт. эксп. IV, 212. Въ духовномъ завѣщаніи своемъ онъ писалъ между прочимъ: «отъ отца моего духовнаго, великаго господина, святѣйшаго Никона, іерарха и блаженнаго пастыря, аще и не есть нынѣ на престолѣ семъ, Богу тако изволившу, прощенія прошу и разрѣшенія.» См. церк. ист. М. Плат. 2, 364.

[2] Шушеринъ говоритъ, что Никонъ сказалъ тогда Лопухину: «на письмѣ и учиню», пасъ бо онъ при жизни своей изъ заточенія сего свободна не учинилъ.»

Іоною. И вотъ къ Никону опять отправляютъ строжайшій карауль, съ крѣпкимъ наказомъ смотрѣть за нимъ неопустительно. Патріархъ Іоакимъ тогда же послалъ грамоту къ инокамъ Ѳерапонтова монастыря съ строжайшимъ запрещеніемъ именовать на письмѣ и изустно «святѣйшимъ патріархомъ» сосланнаго въ заточеніе монаха Никона[1]. Послѣ того стрѣльцы «тучи озлобленія и тѣсноты творяху блаженному Никону», говоритъ Шушеринъ. «Господи, не постави имъ грѣха сего», молился Никонъ за враговъ своихъ, чувствуя теперь въ сердцѣ всю сладость смиренія. «Благо мнѣ, яко смирилъ мя еси», неоднократно повторялъ онъ, испытавшій столько горестей, сокрушившихъ человѣческое самолюбіе.

Но не прошло и одного года отъ возшествія на престолъ Ѳеодора Алексѣевича, какъ представлено было ему до 300 обвинительныхъ статей на Никона. Исторія не сохранила намъ содержанія всѣхъ этихъ статей. Шушеринъ говоритъ только, что онѣ были «лжесоставны и полны всякія неправды». Царь, по совѣту съ патріархомъ, отправилъ къ Никону слѣдователей, которыми были чудовскій архимандритъ Павелъ, дворянинъ Иванъ Желябовскій и дьякъ Семенъ Рубцовъ. Имъ приказано было допросить Никона съ подробностію по всѣмъ обвинительнымъ статьямъ, и, отобравъ отъ него показанія, отправить самого въ Кирилловъ Бѣлоезерскій монастырь. По прибытіи въ Ѳерапонтовъ монастырь, слѣдователи, не заходя къ Никону, вошли въ одну изъ тамошнихъ церквей, и отсюда послали звать Никона, именемъ царскаго и патріаршаго указа. Изумленный такою неожиданностію Никонъ не отказался, однакожь, на ихъ призывъ, но немедленно явился въ церковь. Архимандритъ Павелъ объявилъ ему, что онъ присланъ по указу царя и патріарха произвести надъ нимъ слѣдствіе. «Воля Господня да будетъ», отвѣчалъ Никонъ: «не убоюся отъ темъ людей, окрестъ нападающихъ на мя; аще и что

[1] Акт. эксп. IV. № 201. Іоакимъ былъ возведенъ на патр. престолъ 26 іюля 1674 г. См. дворц. разр. т. III, стр. 963. Онъ былъ нѣкогда взысканъ милостію патр. Никона. Акт. ист. т. IV, № 108.

смертно пострадати надлежитъ, готовъ есмь». Желябовскій, принявъ такой отвѣтъ за оскорбленіе себѣ и своимъ товарищамъ, не удержался и въ самой церкви отъ грубой брани [1]. Но патріархъ обратился къ архимандриту, и попросилъ его скорѣе объявить ему дѣло, для котораго они присланы изъ Москвы. Тогда дьякъ прочиталъ, вопервыхъ, наказъ, данный слѣдователямъ, и потомъ — самыя обвиненія, взведенныя на Никона. Недоброжелатели Никона оклеветали монастырскую жизнь его; не устыдились обвинить въ участіи съ мятежникомъ Стенькою Разинымъ [2], клеветали и на чистоту жизни того, чье иночество было непорочно съ юныхъ дней; донесли и о крестѣ, который былъ поставленъ Никономъ на островѣ близъ Ѳерапонтова монастыря съ надписью: «Никонъ патріархъ заточенъ за слово Божіе и св. Церковь»; наконецъ говорили царю и патріарху, что Никонъ безпрестанно ссорится съ окружающими его людьми. Начались допросы. Никонъ не затруднялся отвѣтами, и каждое свое показаніе дополнялъ изреченіями слова Божія. Времени прошло много. Наконецъ допросы сдѣланы были всѣ. Никонъ надѣялся успокоиться послѣ такихъ душевныхъ волненій въ тишинѣ своей мирной келліи. Но его ожидали тягчайшія скорби. Слѣдователи, вызвавъ его изъ келлій на судъ свой въ церковь, уже не позволили ему опять возвратиться въ нихъ; но немедленно, по окончаніи допросовъ, окружила Никона стража изъ стрѣльцовъ, и, подъ ея строгимъ наблюденіемъ, онъ отправленъ былъ въ Кирилловъ Бѣлоезерскій монастырь. Подобная же участь постигла и нѣкоторыхъ изъ келейныхъ иноковъ Никона: нѣсколько дней содержали ихъ здѣсь же подъ крѣпкимъ карауломъ, и потомъ сослали въ крестный Никоновъ монастырь [3]. Келейную казну патріарха и всѣ вещи его слѣдователи, по отправленіи Никона въ Кирилловъ монастырь, переписали, запечатали, и отправили въ

---

[1] «Іоаннъ рыкнувъ, яко волкъ на блаженнаго свирѣпо, нача песіи неистовыми блядословіи поносити.» Шушеринъ. [2] См. Берхъ, ч. 1, стр. 261.

[3] Это были: іеромонахъ Варлаамъ, іеродіаконъ Мардарій—келейные патріарха

слѣдъ за нимъ въ Бѣлоезерскъ [1]. Здѣсь они положены были въ особенное мѣсто для храненія [2]. По Никону самому не позволено брать изъ нихъ ничего: «не дана ему и нужныхъ потребъ» [3]. Распорядившись такимъ образомъ Никономъ и его имѣніемъ, слѣдователи отправились обратно въ Москву, донесли царю и патріарху о своихъ дѣйствіяхъ въ Ѳерапонтовѣ монастырѣ, и представили имъ письменныя показанія Никона на тѣ многочисленныя обвиненія, какія были на него взнесены.

Помѣщеніе Никона въ Бѣлоезерскомъ монастырѣ было самое неудобное: «келліи бо, идѣже его заточиша, неугожи вельми отъ необычнаго нагрѣванія и угару» [4]. Страдая головными болями отъ спльнаго ушиба головы на пути изъ Москвы въ Ѳерапонтовъ монастырь, Никонъ теперь не зналъ покоя отъ этихъ болей ни днемъ, ни ночью. Съ каждымъ днемъ боли эти усиливались, такъ что онъ самъ и окружавшіе его стали опять ожидать скорой его кончины. Надъ нимъ сжалился архимандритъ Никита, настоятель монастыря, и отписалъ патріарху Іоакиму, чтобы позволено было построить для Никона новыя келліи, «да не безвременно скончается смертію,» писалъ Никита. Но «святѣйшій патріархъ,» говоритъ Шушеринъ, «многихъ ради духовныхъ и мірскихъ правленій и вседневныя докуки положи сія глаголы въ забвеніе.»

Новыя клеветы опять обратили вниманіе правительства на Никона. У него все уже было отобрано, что могло свидѣтельствовать о патріаршемъ его достоинствѣ, все—исключая одной панагіи и двухъ патріаршихъ печатей, которыя уцѣлѣли

---

[1] Такъ поступлено только съ келейнымъ имуществомъ патріарха. Но церковная утварь, пожалованная Алексѣемъ Михайловичемъ для церкви Никона, осталась въ Ѳерапонтовѣ монастырѣ, и впослѣдствіи указомъ патріарха Іоакима отъ 13 дек. 1676 г. обращена въ собственность монастыря. Акт. эксп. IV № 217.

[2] Въ ризницѣ Кирилло-бѣлоезерскаго монастыря сохранилось кресло Никона съ вырѣзанною на немъ надписью: 7176 года марта 29 дни сей стулъ сдѣланъ смиреннымъ Никономъ патріархомъ въ заточеніи за слово Божіе и св. Церковь въ Ѳерапонтовѣ монастырѣ въ тюрьмѣ. Вѣроятно, это—остатокъ отъ келейныхъ вещей Никона, перевезенныхъ изъ Ѳерапонтова монастыря въ Кирилло-бѣлозерскій. См. москв. 1843, № XI, стр. 269. [4] Шушеринъ.

у него до сихъ поръ, не извѣстно—какимъ образомъ [1]. Исторія не говоритъ, дѣлалъ ли Никонъ изъ этихъ вещей какое нибудь противузаконное употребленіе, или нѣтъ; тѣмъ не менѣе патріархъ Іоакимъ, «по времени нѣкоемъ», присылаетъ къ Никону своего ризничаго, діакона Іакинѳа, отобрать у Никона и эти вещи. Никонъ отдалъ ихъ посланнику безъ всякаго прекословія. Но, лишившись этихъ вещей, Никонъ получилъ то, что для него было болѣе всего нужно въ тогдашнемъ его положеніи. Іакинѳъ привезъ съ собой отъ патріарха указъ, которымъ позволялось передѣлать въ келліяхъ Никона печи, и построить для него особую поварню [2]. Но и теперь Никонъ не зналъ мира душевнаго: его постоянно занимала забота о довершеніи начатой имъ Воскресенской обители. Всѣ его мысли, чувства и желанія были къ ней устремлены. Никонъ самъ хотѣлъ лично надзирать надъ ея сооруженіемъ, и особенно—сооруженіемъ знаменитаго храма Воскресенія Христова.

Господь вложилъ въ сердце юнаго царя, скажемъ словами Шушерина, развѣдать и узнать подробно жизнь, дѣла и причины паденія Никона. Къ счастію блаженнаго патріарха, было при царѣ лице, которое могло представить ему Никона въ истинномъ его свѣтѣ. Это была тетка царя—царевна Татіана Михайловна. Она во всю свою жизнь питала глубокое уваженіе къ Никону, и никогда не забывала заслугъ его для семейства царскаго во время моровой язвы. Слыша преслѣдованія, клеветы и притѣсненія, какія терпитъ Никонъ въ своемъ заточеніи, Татіана Михайловна рѣшилась расположить царя къ облегченію горькой его участи. Въ благопріятныя минуты домашней бесѣды съ царемъ—своимъ племянникомъ, она со всею нѣжностію сострадательнаго и любвеобильнаго сердца своего разсказывала ему о дружбѣ Никона съ отцемъ его, царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, о заслугахъ Никона и пе-

---

[1] Панагію эту Никонъ привезъ съ собой еще изъ Воскресенскаго монастыря въ Москву, и отсюда—въ Ѳерапонтовъ монастырь. Печати обѣ были серебряныя—одна съ изображеніемъ Воскресенія Христова, и принадлежала, вѣроятно, Воскресенскому монастырю; другая—патріарха Іосифа. Шушеринъ.

[2] Акт. эксп. IV, № 213.

чальномъ его заточеніи. Сердце юнаго царя мало по малу проникалось любовію и уваженіемъ къ Никону. Мудрая тетка его не забыла напомнить ему и о его личныхъ отношеніяхъ къ Никону, какъ своему крестному отцу; указала наконецъ и на величественный и незабвенный памятникъ ума и благочестія Никона—храмъ Воскресенія Христова, въ новомъ Іерусалимѣ, который оставался, однакоже, недовершеннымъ, и подвергался опасности совершеннаго разоренія и опустѣнія. Она просила при этомъ царя возвратить Никона въ Воскресенскій монастырь. Наконецъ, чтобы окончательно расположить его къ этому доброму дѣлу, она убѣдила его посѣтить основанный Никономъ монастырь Воскресенія Христова. Недоброжелатели Никона предчувствовали его побѣду надъ собою, и старались отклонить царя отъ посѣщенія Воскресенской обители. Но убѣжденія тетки одержали верхъ надъ всѣми препятствіями, какія старались поставить враги Никона намѣренію царя видѣть новый Іерусалимъ.

Декабря 1-го 1680 года Ѳедоръ Алексѣевичъ удостоилъ посѣтить обитель, воздвигнутую Никономъ, и нареченную по волѣ царственнаго друга его Новымъ Іерусалимомъ. Пораженный величіемъ зданій, начатыхъ по образцу Іерусалимскаго храма гроба Господня, но уже 14 лѣтъ остававшихся въ запустѣніи, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Никонъ удаленъ въ Ѳерапонтовъ монастырь, государь глубоко вздохнулъ отъ сожалѣнія о столь прекрасномъ зданіи, оставленномъ въ пренебреженіи, и тогдаже объявилъ волю свою продолжать строеніе по принятому Никономъ плану. Это дѣло поручено было благочестивымъ царемъ «ближнему его человѣку» Михаилу Лихачеву. «Итакъ,» скажемъ словами Шушерина, «по волѣ великаго Спасителя нашего Бога, строящаго всяческая зиждительнымъ своимъ словомъ, обитель святая Воскресенская нача въ совершеніе приходити.» Царь пробылъ здѣсь много времени, утѣшаясь красотою мѣстоположенія и величественностію монастырскихъ зданій. «Братію удоволи милостію довольно,» и къ празднику св. Петра митрополита возвратился

въ Москву. Теперь мысль и желаніе видѣть самого строителя этого монастыря глубоко запала въ душу благочестиваго царя, и никогда уже не оставляла его. Однакожь, исполненіе этой мысли отложено было до другаго болѣе удобнаго времени. Царь неоднократно и послѣ того посѣщалъ Воскресенскую обитель, которую полюбилъ онъ всею душею, какъ и благочестивый отецъ его; но не рѣшался предложить братіи о возвращеніи имъ Никона. Патріархъ Іоакимъ, опасаясь имѣть въ Никонѣ соперника въ патріаршествѣ, противился подъ разными предлогами освобожденію его изъ Кирилло-Бѣлоезерскаго монастыря, и возвращенію въ Воскресенскій монастырь; но, вмѣсто того, повелѣлъ только дать Никону и находившимся при немъ инокамъ нѣкоторую ослабу отъ притѣсненій стражи. Но и благочестивое намѣреніе царя должно же было получить совершеніе.

На погребеніе архимандрита Воскресенскаго монастыря Варсанофія опять прибылъ въ эту обитель и самъ царь Ѳедоръ Алексѣевичь, и въ то время предложилъ братіи, не желаютъ ли они, чтобы возвращенъ имъ былъ въ настоятели Никонъ, и, если желаютъ, то пусть подадутъ ему прошеніе объ этомъ. «А Богъ милостивый», присовокупилъ благочестивый царь, «помощь подастъ, и то дѣло устроится.» Обрадовались братія, услышавши это милостивое и давно вожделѣнное для нихъ слово царя. Не теряя времени, они составили и подали царю убидительное прошеніе возвратить имъ ихъ отца и пастыря Никона. «Радуемся превеликою радостію», писали они царю, указывая на великую его милость къ Воскресенской обители, «и торжествомъ премногимъ торжествуемъ, яко и прешедшіи море печалей и скорбей Моусеемъ, и вселившіеся въ землѣ обѣтованной.» «Но однимъ мы отличаемся отъ израильтянъ», продолжали они: «израильтяне перенесли съ собой въ землю обѣтованія и кости Іосифа, избавившаго ихъ отъ глада; а мы до сего времени не дерзали простирать къ тебѣ моленіе свое о возвращеніи намъ отца нашего, избавившаго насъ отъ глада словесъ Божіихъ. Мы не уподобились еще и

константинопольцамъ, просившимъ царя возвратить имъ изъ Комани Златословеснаго учителя. Итакъ умоляемъ твою милость», заключали они прошеніе свое царю: «подаждь Церкви исполненіе, приведи кормча кораблю, посли пастыря стаду, пристави главу къ тѣлу—христоподражательнаго нашего наставника, святѣйшаго Никона; изведи изъ темницы душу его, яко блаженнаго иногда Игнатія патріарха цареградскаго изъ заточенія; повели свободити изъ Кириллова монастыря въ монастырь живоноснаго Христова Воскресенія, растущій днесь въ высоту повседневнаго прославленія, яко древо плодовито при исходищахъ твоего богатодаровитаго и щедролюбезнаго изліянія насажденный и упоеваемый, да и онъ купно съ нами твоихъ пребогатыхъ даровъ насладится, и въ старости да возвеселится»[1]. Прошеніе это подписано строителемъ монастыря старцемъ Германомъ, казначеемъ старцемъ Сергіемъ, и 60-ю человѣками братіи.

Возвратясь въ Москву, царь объявилъ патріарху Іоакиму, что онъ хочетъ дать свободу патріарху Никону, и помѣстить его въ Воскресенскій монастырь, чтобы онъ привелъ въ совершеніе начатую имъ постройку этой обители, и особенно храма Воскресенія Христова. Іоакимъ отвѣчалъ, что сдѣлать этого нельзя: «это дѣло (заточеніе Никона) учинено не нами, а великимъ соборомъ и святѣйшими восточными патріархами», говорилъ Іоакимъ, «а потому», продолжалъ онъ, «Никонъ и возвращенъ быть не можетъ безъ разрѣшенія собора и восточныхъ патріарховъ.» Царь однакоже не оставлялъ своего намѣренія, и не терялъ надежды успѣть въ его исполненіи. Послѣ неоднократныхъ предложеній объ этомъ патріарху, которыя всѣ оставались для Никона безплодными, царь рѣшился наконецъ созвать соборъ для разсужденія о возвращеніи Никона изъ заточенія. Соборъ составился въ патріаршей крестовой палатѣ изъ всѣхъ бывшихъ тогда въ Москвѣ архипастырей и знатнѣйшаго духовенства московскаго, подъ предсѣдательствомъ патріарха. Явился на соборъ и самъ царь, въ

[1] Шушерина, по рки. Воскр. мон.

сопровожденіи своихъ вельможъ. Онъ предложилъ на разсмотрѣніе собора прошеніе иноковъ о возвращеніи имъ Никона, и вмѣстѣ свое желаніе исполнить ихъ прошеніе. Открылись голоса и въ пользу Никона; ихъ было даже не мало: но патріархъ сильно настаивалъ, чтобы Никонъ оставался на мѣстѣ заточенія [1]. Это несогласіе патріарха съ желаніемъ царя отвлекло соборъ отъ рѣшительнаго опредѣленія: всѣ разошлись, ничего не сдѣлавъ.

Желая побѣдить кротостію настойчивость патріарха Іоакима, царь пригласилъ его въ свои чертоги, и началъ упрашивать вмѣстѣ съ теткою своею царевною Татіаною Михайловною—согласиться на возвращеніе Никона въ Воскресенскій монастырь. Патріархъ рѣшительно отказался отъ согласія на предложеніе царя. При одномъ только условіи онъ рѣшался освободить Никона изъ заточенія: если восточные патріархи позволятъ это. Глубоко опечаленъ былъ царь отказомъ патріарха. Глубоко сожалѣлъ онъ и о Никонѣ, который желалъ душевно и ожидалъ отъ милости царя возвращенія себя въ Воскресенскій монастырь. Иноки этой обители не хотѣли оставить его въ невѣдѣніи объ ожидавшей его радости. Царь, сожалѣя о Никонѣ, написалъ къ нему утѣшительную грамоту, и отправилъ съ прежними его келейными иноками—іеродіакономъ Мардаріемъ и іеромонахомъ Варлаамомъ [2]. Царь просилъ Никона «возверзти свою печаль на Господа, молить единаго въ Троицѣ славимаго Бога о здравіи царя, и не отлагать упованія на лучшую участь.»

Возрадовался душею и сердцемъ Никонъ, получивъ это милостивое письмо отъ царя. Отъ сердца чистаго и пламеннаго возблагодарилъ онъ Господа, призрѣвшаго на смиреніе раба своего, и вложившаго въ сердце царя благое желаніе и намѣреніе о немъ: утѣшившись такимъ образомъ, онъ пре-

---

[1] «Мнози по царѣ поборяху; но патріархъ вельми крѣпляшеся.» Шушеринъ.

[2] Они были, при перемѣщеніи Никона въ Бѣлоезерскій монастырь, сосланы въ Крестный монастырь. А теперь, по волѣ царя, получили свободу, и возвратились къ Никону. Теперь же возвратился къ нему и клирикъ его Иванъ Корнильевичъ Шушеринъ, содержавшійся до того времени въ Новгородѣ подъ стражею.

далъ дальнѣйшую свою судьбу подъ крѣпкую руку Божію, въ томъ упованіи, что десница Божія вознесетъ его во время свое. Между тѣмъ царь Ѳеодоръ Алексѣевичь продолжалъ оказывать благоволеніе къ Воскресенской обители, и довершалъ начатыя, но неконченныя тамъ зданія, на счетъ своей собственной казны. Такъ, среди царственныхъ заботъ, онъ не оставлялъ мысли и о Никонѣ. Но вскорѣ посѣтилъ его недугъ, и рѣшеніе участи Никона замедлено было болѣзнію царя.

Въ тоже время и самъ Никонъ, удрученный дряхлостію лѣтъ и немощію тѣла, и претерпѣвшій столько скорбей въ своемъ заточеніи, сдѣлался тяжко боленъ, принялъ елеосвященіе и облекся въ схиму. Настоятель Кириловскаго монастыря, архимандритъ Никита, опасаясь его смерти, немедленно отправилъ гонца къ патріарху Іоакиму съ грамотою, въ которой спрашивалъ его: если Никонъ окончитъ жизнь, то по какому чину совершать надъ нимъ погребеніе, какъ поминать его на ектеніяхъ, и гдѣ положить его тѣло? Іоакимъ отвѣчалъ, что погребеніе надъ нимъ должно совершать обыкновенное монашеское, и поминать простымъ монахомъ; а тѣло положить въ церковной паперти. Такое распоряженіе сдѣлано было патріархомъ безъ вѣдома царя. Узнавъ о немъ, царь немедленно отправилъ къ Іоакиму своего боярина, чтобы грамата съ такимъ распоряженіемъ была задержана въ Москвѣ. «То писаніе уже есть тамо,» отвѣчалъ патріархъ посланному отъ царя.

Болѣзнь Никона съ каждымъ днемъ усиливалась болѣе и болѣе. Не имѣя уже надежды на выздоровленіе, Никонъ желалъ, чтобы по крайней мѣрѣ тѣло его было положено въ Воскресенскомъ монастырѣ, а не оставалось на мѣстѣ его заточенія. И вотъ собственной рукой начертываетъ онъ краткое письмо къ братіи Воскресенскаго монастыря, и отправляетъ его съ своимъ иподіакономъ Иваномъ Корнильевичемъ Шушериным. «Благословеніе Никона патріарха сыновомъ нашимъ», писалъ онъ архимандриту Герману, іеромонаху Варлааму, монаху Сергію, монаху Ипполиту, и вкупѣ всей братіи. «Вѣдомо вамъ буди, яко боленъ есмь болѣзнію вели-

кою, возстать не могу, въ гноищи лежу, а милость великаго государя была, что хотѣлъ меня изъ бѣдности взять по вашему челобитью, и писалъ-жаловалъ своею рукою, а нынѣ, то время совершилося, а его милостиваго указу нѣту; умереть мнѣ будетъ внезапу. Пожалуйте, чада моя, не помните моей грубости, побейте челомъ о мнѣ еще великому государю, не дайте мнѣ напрасною смертію погибнуть; моего житія конецъ приходитъ; а каковъ я, и то вамъ про меня подробно скажетъ Іоаннъ, что отъ васъ живетъ на приказѣ» [1]. Съ прискорбіемъ выслушали это предсмертное моленіе Никона братія созданной имъ обители. Архимандритъ Германъ не замедлилъ отправиться въ Москву, и представилъ письмо Никона самому царю. Тронутый имъ до глубины души царь составилъ опять соборъ, и убѣдительно просилъ разрѣшить Никону возвращеніе въ Воскресенскую обитель, «яко при смерти есть». «Буди по волѣ твоей, благочестивый царю», отвѣчалъ соборъ. Получивъ согласіе собора, царь скоро отправилъ въ Кирилловъ-Бѣлоезерскій монастырь дьяка Ивана Чепелева, съ порученіемъ перевезти Никона, живаго или мертваго, въ Воскресенскій монастырь [2]. Это было въ 1681 году [3].

Прежде, нежели Чепелевъ прибылъ въ Кирилловъ-Бѣлоезерскій монастырь, Никонъ, какбы прозрѣвая духомъ прибытіе его, въ продолженіи нѣсколькихъ дней предъ тѣмъ, самъ вставалъ съ одра болѣзни, и готовился въ путь. Братія, бывшіе съ нимъ, приписывали все это болѣзненнымъ припад-

---

[1] Выписываемъ это письмо, какъ памятникъ послѣднихъ чувствованій и желаній Никона. [2] Говорятъ, будто Никона вызывали въ Москву съ тѣмъ, чтобы онъ сдѣлался папою, по мысли Симеона Полоцкаго, который, какъ воспитатель царя Ѳеодора Алексѣевича, внушилъ ему эту мысль (см. ист. росс. Татищева, т. I, стр. 572). Но Никонъ полуживой и полумертвый, какимъ онъ былъ уже предъ временемъ возвращенія своего въ Москву, могъ ли быть опасенъ въ этомъ отношеніи Іоакиму, и соотвѣтствовать мысли Симеона Полоцкаго?

[3] О возвращеніи Никона въ Воскресенскій монастырь изъ заточенія, также о его смерти и погребеніи, равно какъ и о построеніи Воскресенскаго монастыря можно читать, кромѣ Шушерина, въ рукоп. Воскр. монаст., составленной архимандритомъ Никифоромъ (1685—98). На нее указывается и въ слов. писателей духовнаго чина, т. II, стр. 96.

камъ. Такъ было неоднократно. Наконецъ, въ самый день прибытія царскаго посла къ нему, онъ весело и бодро всталъ съ постели, оправилъ себѣ волосы, надѣлъ дорожную одежду, вышелъ на крыльцо и сѣлъ въ стоявшія здѣсь кресла, какбы въ ожиданіи предстоящаго пути. Съ удивленіемъ смотрѣли на это служившіе ему иноки. Окинувъ ихъ взоромъ, Никонъ сказалъ: «я готовъ, а вы что жь не готовитесь? Вотъ скоро за нами будутъ». Безмолвно приняли иноки эти слова Никона. Но немного спустя послѣ того, дѣйствительно является въ келліи Никона, Чепелевъ, и объявляетъ ему милость царскую. Одержимый тяжкою болѣзнію, Никонъ благодарилъ однакожь царя, въ лицѣ его посланнаго, низкимъ поклономъ и сердечнымъ словомъ живѣйшей признательности. Вскорѣ приготовлены были струги для плаванія по Шекснѣ. Когда уже все нужное для пути было готово, съ трудомъ посадили Никона въ сани, чтобы влечь его по землѣ до струга, который ожидалъ его на рѣкѣ Шекснѣ. На берегу рѣки Никонъ простился съ иноками Бѣлоезерскаго монастыря, подавъ имъ миръ и благословеніе, вошелъ за тѣмъ въ приготовленный стругъ, и отправился въ путь. Его сопровождали: присланный изъ Москвы дьякъ Чепелевъ, архимандритъ Кириловскаго монастыря Никита—духовникъ Никона и нѣсколько иноковъ. Братія Воскресенской обители, узнавъ, что возвращается къ нимъ Никонъ, отправили отъ себя къ нему на встрѣчу двухъ іеромонаховъ и одного іеродіакона. Эти посланники встрѣтили Никона на Шекснѣ за 20 верстъ до Волги. Объявивъ Никону радость и сердечное желаніе братіи Воскресенскаго монастыря—видѣть лице своего знаменитаго настоятеля, иноки вмѣстѣ съ нимъ отправились по Шекснѣ въ дальнѣйшій путь. Скоро достигли они Волги. Чепелевъ хотѣлъ плыть вверхъ по этой рѣкѣ; но Никонъ, имѣя вѣроятно въ виду путь, которымъ нѣкогда плылъ онъ къ Москвѣ съ св. мощами митрополита Филиппа, приказалъ плыть внизъ по Волгѣ, по направленію къ Ярославлю. Народъ стекался на берегъ рѣки, гдѣ плылъ Никонъ, чтобы видѣть великаго пастыря, удо-

стоиться принять его благословеніе, и поднесть ему дары отъ своего усердія.

Августа 16 го 1681 года Никонъ велѣлъ остановитъ стругъ, за полверсты до Толгскаго монастыря. Изнемогая отъ болѣзни, онъ опасался, чтобы не отойти въ жизнь загробную безъ напутствія св. дарами. Здѣсь съ живою вѣрою въ Искупителя пріобщился запасныхъ даровъ отъ руки духовнаго отца своего, кирилло-бѣлоезерскаго архимандрита Никиты. Укрѣпившись вѣрою, и считая себя готовымъ къ переходу въ вѣчность, Никонъ приказалъ продолжать путь, въ надеждѣ на милость Божію. Чрезъ нѣсколько времени стругъ, на которомъ плылъ Никонъ, остановился у берега противъ самаго Толгскаго монастыря. Сюда вышли ему на встрѣчу игуменъ монастыря съ братіею, и сосланный туда на покаяніе бывшій архимандритъ Сергій, тотъ самый, который, во время суда надъ Никономъ, осыпалъ его разными ругательствами, и содержалъ стражу надъ нимъ. Со слезами палъ теперь Сергій къ ногамъ умирающаго святителя, испрашивая себѣ его прощенія. «Прости меня, святитель Божій», сказалъ онъ Никону, обливаясь слезами, и предъ всѣми исповѣдалъ видѣніе, которое трепетомъ объяло его душу. «Едва только послѣ божественной литургіи и братской трапезы возлегъ я отдохнуть», говорилъ Сергій, «мнѣ явился Никонъ, и сказалъ: «братъ Сергій! встань, простимся». Въ это время ударилъ въ дверь моей келліи послушникъ, и объявилъ, что игуменъ и братія пошли встрѣчать патріарха Никона, который плыветъ по Волгѣ на стругѣ въ Москву. Изумленный видѣніемъ, я поспѣшилъ», говорилъ Сергій, «увидѣть первосвятителя, и сподобиться отъ него прощенія». Никонъ подалъ ему миръ, благословеніе и прощеніе.

Но силы Никона изнемогали болѣе и болѣе. Однакожь не теряя времени, онъ велѣлъ плыть къ Ярославлю. По приближеніи къ городу, Никонъ приказалъ остановить стругъ при берегѣ рѣки Которосли, противъ монастыря Всемилостиваго Спаса. Жители Ярославля, услышавъ о приближеніи къ нимъ Никона, стеклись видѣть блаженнаго патріарха, и нашедши

его уже на смертномъ одрѣ, со слезами лобызали его святительскую руку и ноги. За тѣмъ съ большимъ трудомъ повлекли они на себѣ стругъ по рѣкѣ Которосли къ Спасскому монастырю. Отсюда вышли на встрѣчу къ Никону начальникъ города и настоятель Спасскаго монастыря съ братіею. Но Никонъ ничего уже не могъ говорить, и только взорами благословляя и благодаря усердіе народа, безмолвно давалъ имъ лобызать свою руку. Народъ стекался болѣе и болѣе, и не давалъ покоя Никону, уже крайне изнемогавшему отъ болѣзни. Сопровождавшій его царскій дьякъ и архимандритъ бѣлоезерскій велѣли перевезти стругъ на другой берегъ. Когда же стругъ тронулся по рѣкѣ, патріарху наступила минута смерти и, не доплывъ до Туговой горы, онъ началъ кончаться. Ударили въ колоколъ къ вечернѣ. Никонъ, озираясь, какъ будто кто къ нему пришелъ, самъ оправилъ себѣ волосы, бороду и одежду, какбы готовясь въ дальнѣйшій путь, или къ встрѣчѣ кого либо. Духовникъ съ братіею увидѣли, что для него насталъ послѣдній часъ земной жизни, и начали приготовлять его къ отходу въ вѣчность. Они совершили надъ нимъ «послѣдованіе при исходѣ души отъ тѣла». Патріархъ распростершись на одрѣ, подалъ благословеніе окружавшей его братіи, и сложивъ крестообразно на персяхъ руки, глубоко вздохнулъ въ послѣдній разъ, и отошелъ съ миромъ къ Господу, котораго любилъ отъ всего сердца въ теченіе всей многопечальной своей жизни. Это было 17 августа, въ 4 часа по полудни, 7189—1681 года. Тогда исполнилось Никону 76 лѣтъ, 2 мѣсяца и 24 дня отъ рожденія.

Братія, сопровождавшіе Никона, опрятали благоговѣйно тѣло его. Архимандритъ Всемилостиваго Спаса съ своею братіею совершилъ надъ нимъ панихиду, въ присутствіи начальника города и многочисленнаго стеченія народа. Царскій дьякъ отправился въ Москву донести царю о смерти Никона. Между тѣмъ, Ѳедоръ Алексѣевичь, предувѣдомленный о безнадежномъ положеніи Никона, и не теряя надежы встрѣтить его въ Воскресенскомъ монастырѣ живаго, прислалъ въ Ярославль великолѣпную

карету, чтобы Никонъ отправился въ ней къ мѣсту своего возвращенія. Но карета прибыла въ Ярославль уже на другой день по смерти Никона. Дьякъ по прибытіи въ Москву, извѣстилъ царя о смерти святителя. Съ глубокою скорбію принялъ эту вѣсть благочестивый царь, и подробно разспрашивалъ Чепелева объ обстоятельствахъ смерти Никона, и его духовной. «Я напоминалъ Никону о духовной», говорилъ дьякъ царю; но онъ отвѣчалъ, что писать духовной не хочу, но во всемъ полагаюсь на великаго государя; да будетъ на немъ, и всемъ его домѣ Божіе благословеніе!»—«Если такъ», отвѣчалъ царь, «то воля Господня да будетъ; сколько Богъ поможетъ, я его не предамъ забвенію». Тогда же сдѣлано было распоряженіе, чтобы тѣло блаженнаго патріарха перевезти въ Воскресенскій монастырь.

Когда получено было въ Ярославлѣ извѣстіе о такой волѣ царя; архимандритъ, сопровождавшій Никона, съ братіею устроили «возила со всякимъ опасеніемъ твердо»,и послѣ панихиды надъ тѣломъ блаженнаго патріарха, возложили гробъ его на приготовленныя «возила», и отправились въ путь, при многочисленномъ стеченіи ярославскаго духовенства и народа. По городамъ и селамъ выходили изъ церквей на встрѣчу съ св. крестами, хоругвями и иконами; совершали надъ гробомъ почившаго патріарха литію, и лобызали самый гробъ. Когда стали приближаться къ женской Александровской обители; игуменья этого монастыря вышла на встрѣчу съ 200 инокинь, предшествуемая св. крестами и духовенствомъ. Со слезами подошли онѣ всѣ къ гробу, скрывавшему тѣло многострадальнаго Никона; отслушавъ литію, онѣ благоговѣйно лобызали гробъ, и, проводивъ его немало, возвратились въ свою обитель. Наконецъ, прибыли съ гробомъ блаженнаго патріарха къ Троицкому Сергіеву монастырю. Здѣсь со всею погребальною торжественностію встрѣтилъ почившаго патріарха архимандритъ Викентій съ братіею.

Но не задолго до прибытія почившаго патріарха къ Троицкой лаврѣ, присланъ былъ указъ сопровождавшему его кирил-

ло-бѣлоезерскому архимандриту, чтобъ онъ [1] немедленно прибылъ въ Москву, а сопровождать гробъ поручилъ троицкому архимандриту Викентію. Итакъ, отъ Троицкаго монастыря отправился сопровождать гробъ почившаго первосвятителя архимандритъ этой лавры Викентій, и провожалъ его прежнимъ порядкомъ и съ подобающими почестями до самаго Воскресенскаго монастыря. Наканунѣ дня, въ который назначено было погребеніе Никона, прибылъ въ Воскресенской монастырь самъ государь съ высочайшею фамиліею [2], и въ сопровожденіи всего своего двора. Съ нимъ прибылъ митрополитъ новгородскій Корнилій съ знатнѣйшимъ духовенствомъ московскимъ и придворными пѣвчими. Благочестивый царь хотѣлъ, чтобы погребеніе Никона совершилъ самъ патріархъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ своимъ. Но патріархъ Іоакимъ, сколько ни убѣждалъ его государь, отказался быть на погребеніи, подъ тѣмъ предлогомъ, что безъ разрѣшенія восточныхъ патріарховъ онъ не можетъ воздать Никону почестей святительскихъ, не можетъ поминать его патріархомъ. «Я готовъ идти на погребеніе Никона», говорилъ царю Іоакимъ; «но только поминать его патріархомъ не буду. Если же необходимо надобно поминать Никона патріархомъ, то я отказываюсь идти и на его погребеніе». Государь принималъ всю отвѣтственность на себя въ случаѣ неудовольствій на это со стороны восточныхъ патріарховъ; но Іоакимъ остался непреклоненъ въ своемъ намѣреніи. Впрочемъ митрополиту Корнилію онъ позволилъ отпѣвать Никона такъ, какъ повелитъ ему государь.

[1] Вскорѣ, послѣ погребенія Никона, этотъ архимандритъ, по волѣ государя, посвященъ въ епископа звенигородскаго и архангельскаго; потомъ, по посвященіи, переведенъ въ Коломну; не былъ никогда на чредѣ въ Москвѣ и проживалъ въ своей епархіи. По смерти патр. Іоакима, онъ былъ представляемъ въ числѣ избираемыхъ на патріаршество.

[2] Изъ царскаго семейства были на погребеніи Никона съ царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ: государыня царица Наталья Кирилловна, государыня царица Марѳа Матвѣевна, государь царевичъ и великій князь Петръ Алексѣевичъ, государыни царевны и великія княжны: Татіана Михайловна, Евдокія Алексѣевна, Марѳа Алексѣевна, Софія Алексѣевна, Екатерина Алексѣевна, Маріа Алексѣевна, Евдокія Алексѣевна и Наталія Алексѣевна.

Вечеромъ, наканунѣ тогоже дня, когда предназначено было совершить погребеніе Никона, вечерню и всенощное бдѣніе за упокой служили по требнику Петра Могилы [1]. Утромъ [2], слѣдующаго дня, августа 26-го, привезено было тѣло Никона въ деревню Мокрошу [3]. Государь повелѣлъ воскресенскому архимандриту Герману отправиться туда съ братіею, и возложить на усопшаго патріаршую мантію съ источниками, панагію и все облаченіе первосвятительское, какое приготовилъ самъ Никонъ для своего погребенія, еще до низложенія своего съ престола патріаршаго. Между тѣмъ въ монастырѣ начался для сбору погребальный благовѣстъ. Государь со всѣмъ домомъ и дворомъ своимъ, митрополитъ со всѣмъ духовенствомъ, собрались въ каменную великую церковь св. креста на Голгоѳѣ [4], гдѣ уже ожидало ихъ многочисленное стеченіе народа. Духовенство облачилось въ новыя, устроенныя именно на этотъ разъ церковныя одежды, изъ дорогихъ китайскихъ тканей. Между тѣмъ, гробъ Никона, по возложеніи на почившаго первосвятителя патріаршескихъ одеждъ [5], привезенъ было на Елеонскую гору, и поставленъ на томъ самомъ мѣстѣ, откуда Никонъ съ царемъ, Алексѣемъ Михайловичемъ нарекалъ нѣкогда новоустроившуюся тогда обитель Новымъ Іерусалимомъ [6]. Когда донесено было объ этомъ царю; начался колокольный звонъ, и изъ Голгоѳской церкви послѣдовалъ крестный ходъ къ Елеонской горѣ, со святыми иконами, хоругвями и съ запрестольнымъ крестомъ, сопровождаемый митрополитомъ Кор-

---

[1] Такъ замѣчаетъ Шушеринъ. [2] Въ первомъ часу дня, по Шушерину.

[3] Въ верстѣ отъ Воскресенскаго монастыря.

[4] Большая церковь Воскресенія Христова не только не была еще освящена, но и не была достроена.

[5] «Тѣло же его (Никона) невредимо отнюдъ отъ вони злосмрадныя, аще и десятодневно пребысть; въ толикое время теплое нимало повредися, но яко того часа преставися; лице и плоть его нимиже измѣнися, но все тѣло его цѣло, тлѣнію не причастно бѣ». Шушеринъ.

[6] На этомъ мѣстѣ былъ поставленъ Никономъ каменный крестъ, и на немъ вырѣзана надпись: «благоволеніемъ благочестивѣйшаго царя Алексѣя и святѣйшаго Никона патріарха, во знаменіе ихъ общія любве и совѣта къ начинанію обители святыя и именованію, еже есть Новый Іерусалимъ.» Шушеринъ. по рукописи Воскр. монаст.

ніемъ, многими архимандритами и прочимъ духовенствомъ, въ присутствіи государя, высочайшей фамиліи и знаменитыхъ особъ и многочисленнаго стеченія народа, при пѣніи придворными пѣвчими и самимъ государемъ, всѣмъ духовенствомъ и народомъ, стихиры: «*днесь благодать Святаго Духа насъ собра*... По приходѣ на эту гору, къ мѣсту, гдѣ стоялъ гробъ почившаго первосвятителя, митрополитъ роздалъ свѣчи [1] государю, царскому семейству, знатнѣйшему духовенству, и всѣмъ сановникамъ. Архимандритъ Викентій въ тоже время роздалъ свѣчи священникамъ, діаконамъ, инокамъ и всему народу. Началась панихида. По окончаніи ея митрополитъ и государь своими руками подняли гробъ, который потомъ несенъ былъ въ монастырь, между двумя рядами свѣщеносцевъ [2], руками священниковъ и иноковъ, учениковъ Никона, бывшихъ съ нимъ въ заточеніи. Самъ государь, въ сопровожденіи вельможъ, шелъ въ слѣдъ за гробомъ, и вмѣстѣ съ пѣвчими съ умиленіемъ пѣлъ: «днесь благодать Святаго Духа насъ собра»... Слезы лились изъ очей всего множества народнаго. Въ монастырѣ раздавался погребальный звонъ. По прибытіи въ монастырь, гробъ Никона поставленъ былъ въ церкви Успенія Божіей Матери, подъ Голгоѳою Началась заупокойная литургія. Совершалъ ее митрополитъ Корнилій со всѣмъ освященнымъ соборомъ. Съ пѣніемъ—«пріидите, поклонимся»... гробъ почившаго патріарха внесенъ былъ, по церковному обычаю того времени, въ алтарь, и—Никонъ, уже мертвый, какбы опять служилъ престолу, отъ котораго нѣкогда живый, въ послѣдній разъ, въ санѣ святителя принялъ святое напутствіе, когда отправлялся на судъ и ожидавшее его заточеніе.

По окончаніи литургіи, митрополитъ Корнилій съ многочисленнымъ духовенствомъ вышли на среду церкви совершать надгробное пѣніе надъ усопшимъ первосвятителемъ. При

---

[1] «Пришедше возжгоша свѣчи, яко по саженѣ длиною.» иныя же по шести четвертей и въ полъ аршина, для погребенія того устроены разными образцы, и малеваны черными ваны изъ царской казны». Шушеринъ. [2] Ихъ было по 6 человѣкъ съ каждой стороны.

всѣхъ молитвословіяхъ, по повелѣнію государя, поминаемъ былъ усопшій патріархомъ. Самъ государь читалъ каѳизмы и апостолъ, и пѣлъ все послѣдованіе погребенія вмѣстѣ съ своими пѣвчими. При послѣднемъ цѣлованіи, государь извлекъ изъ-подъ схимы святительскую руку Никона, и со слезами облобызалъ ее. Примѣру его послѣдовали весь дворъ, духовенство и народъ, котораго вздохи превратились наконецъ въ рыданія. Когда же закрытъ былъ гробъ, на верхъ его положены были загашенныя свѣчи, какбы въ знакъ того, что всякая вражда погашается [1]. Потомъ, тѣло почившаго святителя вынесено было на священническихъ рукахъ въ церковь св. Предтечи, подъ Голговою, къ мѣсту, которое напоминало, по назначенію Никона, мѣсто погребенія царя священника Мелхиседека, и гдѣ самъ Никонъ, въ бытность свою въ этомъ монастырѣ съ 1658 до 1666 года, пскопалъ себѣ могилу. Въ нее-то теперь государь съ митрополитомъ собственными руками опустилъ гробъ первосвятителя съ трогательнымъ пѣніемъ: «святый Боже!...» [2].—Все время совершенія литургіи и отпѣванія продолжалось $9^1/_2$ часовъ. По окончаніи всѣхъ погребальныхъ церковныхъ обрядовъ, царь щедро одарилъ бывшее при погребеніи Никона духовенство деньгами и вещами, ча-

---

[1] См. Арцыбашева повѣствованіе о Россіи, т. 1. стр. 61. примѣч. 454.

[2] Гробъ Никона былъ дубовый. Онъ поставленъ въ землѣ въ особенномъ еще гробѣ, высѣченномъ изъ камня, который Никонъ вывезъ изъ Крестнаго монастыря для Воскресенской большой церкви. Поверхъ этого гроба положена каменная доска, которая покрыта другою доскою деревянною. За тѣмъ до самаго помоста церковнаго устроенъ кирпичный склепъ, длиною не болѣе трехъ аршинъ. Надъ нимъ сдѣлана тумба, украшенная мѣдными веригами, вѣсомъ въ 15 фунтовъ, которыя Никонъ во всю свою жизнь носилъ на себѣ. На тумбу положенъ бархатный покровъ, пожалованный великою княжною Татіаною Михайловною, съ вышитымъ на немъ крестомъ и ликами разныхъ святыхъ, изображенныхъ на серебряныхъ гробницахъ. Впослѣдствіи, 1757 года, подобный же покровъ на гробъ Никона изъ богатой парчи, украшенной золотымъ газомъ, съ нашвеніемъ на немъ креста съ брилліантами и алмазами, присланъ отъ императрицы Елисаветы Петровны, благоговѣвшей къ памяти этого великаго іерарха. Ученикъ блаженнаго Никона, Германъ, бывшій во время погребенія его архимандритомъ Воскресенскаго монастыря, сочинилъ надгробные стихи, которые тогда же вырѣзаны были на камнѣ у подножія гроба

стію изъ келейной казны Никона [1], частію изъ собственной казны. Духовенство и народъ въ тотъ же день оставили монастырь; но самъ царь, какбы не желая разстаться съ Никономъ, пробылъ еще нѣсколько дней при его гробѣ, и, братію монастыря «удоволивъ,» особенно же съ царскою щедростію наградивъ труды, болѣзни и страданія сподвижниковъ Никона въ тѣснотѣ заточенія, возвратился въ столицу.

Болѣзненно было добродушному царю видѣть, какъ Іоакимъ не соглашается возвратить Никону имя патріарха. Возвратившись въ Москву, Ѳедоръ Алексѣевичъ послалъ Іоакиму одну изъ самыхъ дорогихъ митръ Никона, на поминъ его души. Іоакимъ не принялъ этой митры. Царь огорчился, и повелѣлъ отдать ее смоленскому митрополиту Симсону. Теперь уже убѣдился царь, что въ Россіи не возвратятъ Никону первосвятительскихъ почестей, и рѣшился испросить ихъ отъ Востока.

Рѣдкій изъ первосвятителей могъ заслужить такое уваженіе, какое оказано было Никону царемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ. Благочестивый царь собственноручно написалъ грамоту къ четыремъ восточнымъ патріархамъ, убѣдительно испрашивая у нихъ Никону прощенія, разрѣшенія, возвращенія первосвятительскаго достоинства, и причисленія къ лику всероссійскихъ патріарховъ. Дьякъ Прокопій Возницынъ получилъ повелѣніе доставить эту грамоту на востокъ, и при-

---

первосвятителя. Въ этихъ стихахъ кратко, но ясно и точно указаны всѣ черты славной и горькой участи Никона, отъ рожденія первосвятителя до дня погребенія его въ созданной имъ обители. См. въ начерт. жизни патр. Никона, составл. А. Аполлосомъ, стр. 91—93; также рукоп. Воскр. монаст.

[1] Большая и лучшая часть имущества Никона была, въ слѣдъ за нимъ, привезена изъ Кирилло-бѣлоезерскаго монастыря въ Воскресенскій. По древнему благочестивому обыкновенію нашихъ предковъ—давать изъ вещей покойнаго родственникамъ его и знакомыхъ, равно какъ и «нищей братіи», на поминъ души, царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ роздалъ многія изъ святительскихъ одеждъ Никона архіереямъ, и только небольшую часть ихъ оставилъ для храненія въ ризницѣ Воскресенскаго монастыря и московской патріаршей. См. у Шушерина подробное росписаніе того, что кому далъ государь на поминъ души патріарха Никона.

везти отъ восточныхъ патріарховъ разрѣшительныя грамоты Никону.

Пока Возницынъ исполнялъ возложенное на него порученіе, царь продолжалъ благодѣтельствовать обители, въ которой покоился теперь останками своими великій іерархъ—Никонъ. Все, что до этого времени отнято было отъ обители, онъ возвратилъ съ избыткомъ. Самое село Троицкое съ принадлежащими къ нему деревнями, подавшими поводъ къ ссорѣ Никона съ Бобарыкинымъ и къ увеличенію неудовольствій Никона съ царемъ, Ѳедоръ Алексѣевичъ отдалъ теперь во владѣніе Воскресенскаго монастыря. Но предметомъ особенной его заботы былъ храмъ Воскресенія Христова. Ѳедоръ Алексѣевичъ прилагалъ всѣ труды и усилія, чтобы окончить это великолѣпное мѣсто селенія славы Божіей.

Но Господу угодно было воззвать и его самого изъ здѣшней жизни прежде, чѣмъ пришли въ исполненіе начатыя имъ добрыя предпріятія. Ревностный чтитель Никона пережилъ великаго первосвятителя только 8 мѣсяцами: онъ почилъ о Господѣ 7190—1682 года, мѣсяца апрѣля 27 дня [1].

Патріархи восточные, разсмотрѣвъ въ грамотѣ царя доказательства великихъ качествъ, добродѣтелей и подвиговъ Никона на паствѣ, страданій и высокаго смиренія въ заточеніи, прислали почившему іерарху грамоты разрѣшительныя отъ всего, въ чемъ связанъ онъ былъ ихъ предшественниками, и пріобщили его къ лику всероссійскихъ патріарховъ. Въ сентябрѣ 7191—1682 года прибылъ Прокопій Возницынъ съ этими грамотами въ Москву, и вручилъ патріаршія грамоты царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ. Сентября 9-го, по повелѣнію царей, сдѣланъ былъ переводъ ихъ съ греческаго языка на славяно-русскій, и представленъ на благоусмотрѣніе и надлежащее распоряженіе патріарха Іоакима. Осторожный первосвятитель упумышлся въ вѣрности перевода, и потребовалъ къ себѣ самыхъ подлинниковъ за подписью и печатьми восточныхъ патріарховъ. При себѣ приказалъ онъ своему толмачу перевесть

[1] Собр. гос. гр. и дог. IV, стр. 415.

ихъ на русскій языкъ, и прочитать. Патріархъ константинопольской Іаковъ писалъ, что св. Церковь имѣетъ власть, соразмѣряя судъ и милость, наказывать и миловать согрѣшающихъ, особенно если они «творятъ плоды достойные покаянія.» Такъ, продолжалъ онъ, и патріархъ Никонъ, хотя былъ осужденъ за свои вины соборомъ восточныхъ и русскихъ архипастырей, и лишенъ святительскаго сана, но благодушно перенесъ свое наказаніе, «многими и тмочисленными печальми и нуждами себе усмирп, и многихъ печальныхъ ради трудовъ въ небесномъ царствіи вводящій путь возвративъ, евангельское различныхъ благихъ дѣлъ совершеніе, въ терпѣніи, озлобленіи, въ нужномъ пребываніи постомъ и молитвами непрестанными и бдѣньми всенощными, яко злато въ горнилѣ, искушенъ бысть, и яко всеплодіе Бога живаго жертва явился, и тако страдательными трудами и прочее житія своего препроводилъ, не даде сна очима своима, ниже дреманія на челѣ своемъ, ниже покоя составомъ своимъ, дондеже блаженнымъ сномъ уснувъ, благочестно къ Господу отъиде.» Обращаясь къ самымъ причинамъ изверженія Никона изъ патріаршаго сана, вселенскій патріархъ замѣчаетъ, что «Никонъ осужденъ не яко нѣкихъ винъ ради душевныхъ или тѣлесныхъ, и елика отъ архіерейства благодать впредь безъ воззванія отчуждати, имѣя естества и исцѣленія невоспріемное творя, ниже надъ Божественная догматы благочестій согрѣши, столпъ бо благочестія непоколебаемый знаемъ бысть, и Божественныхъ и священныхъ каноновъ оберегатель приснопскуснѣйшій, отеческихъ догматъ, повелѣній же и преданій неизреченный ревнитель и заступникъ достойнѣйшій: но яко человѣкъ, человѣчески болѣзнствуя отъ малодушія нѣкоего гнѣвомъ и унынiемъ побѣжденъ бысть»... Поэтому, соборъ, составившійся при константинопольскомъ патріархѣ для разсужденія о причисленіи Никона къ сонму всероссійскихъ іерарховъ, нашелъ «благословнымъ воззвать Никона къ патріаршескому поминовенію,» впрочемъ, замѣчаетъ Іаковъ, «не разрушенія ради собора того, отъ котораго онъ низверженъ бысть, ни-

како: соборъ бо той не разрушаемъ», пишетъ Іаковъ отъ имени своего собора, «паче же быти нерушимо и крѣпко хранимо хощемъ.» Послѣ всѣхъ такихъ разсужденій Никонъ возстановляется въ санъ патріарха слѣдующими словами: «преподобныя памяти возлюбленный братъ нашъ, господинъ Никонъ, бывшій патріархъ московскій и всея Русіи, вмѣсто воздаянія и мздовоздаянія, показанія ради долгаго преподобничества и терпѣнія, имѣетъ прощеніе и разрѣшеніе отъ приключившагося ему соборнаго извержения, и да будетъ прощенъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ и въ будущемъ отъ Отца и Сына и Св. Духа, святыя и живоначальныя Троицы; воспріявъ же духовный хитонъ архіерейства, да пріимметъ, яко патріархъ, всегда церковное поминовеніе, поминаемъ съ прочими патріархами московскими во священныхъ диптихахъ, и по всякимъ именованнымъ временамъ священныхъ церковныхъ послѣдованіяхъ безсумнѣнно да сочитается въявѣ въ сочисленіе прочихъ патріарховъ московскихъ, патріархомъ же являемы и именуемы и поминаемы ни одинъ да не сопротивится, подлинно тако да будетъ! тѣмъ же во оправданіе издадеся сіе прощеніе его [1].» Совершенно такого же содержанія грамоты присланы были отъ патріарховъ—александрійскаго Парѳенія, антіохійскаго Неофита и преемника его Кирилла, и іерусалимскаго Досиѳея [2]. Выслушавъ ихъ, патріархъ Іоакимъ, говоритъ Шуше-

---

[1] Грамота эта писана отъ 5 мая 7190—1682 г. на пергаменѣ. См. 1 собр. зак. т. 2, № 918. Собр. госуд. гр. и дог. т. IV, № 136. Кромѣ этой грамоты патр. Іаковъ прислалъ съ Возницынымъ и другую, въ которой благодаритъ Ѳеодора Алексѣевича за милость и содѣйствіе въ сооруженіи храма въ честь пресв. Богородицы подъ именемъ Елпида, и при немъ дух. училища. См. укоп. Воскр. мон.

[2] См. собр. гос. гр. и дог. т. IV, № 137—140. Ист. росс. іерархіи. изд. т. 1, ч. 1, стр. 115. Также рукп. Воскр. мон. Александр. патріархъ, объявляя прощеніе Никону, вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ позволенія прибыть въ Москву кому либо изъ его клира для сбора милостыни въ пользу александрійской Церкви. Прилагаетъ, кромѣ того, другую грамоту, которую совѣтуетъ прочитать надъ самымъ гробомъ Никона. Въ ней испрашивается Никону прощеніе и разрѣшеніе отъ Бога Отца и Господа Іисуса Христа. Она написана по образцу двухъ молитвъ, читаемыхъ обыкновенно въ православной Церкви

ринъ, объявилъ и съ своей стороны: «сужду и азъ праведно сему быти тако.»

Тогда имя патріарха Никона было вписано въ патріаршій синодикъ, и стало возноситься въ нашихъ церковныхъ службахъ на ряду съ прочими почившими отечественными первосвятителями, съ возглашеніемъ вѣчной памяти ему, какъ блаженному всероссійскому патріарху [1].

Итакъ, мы видѣли жизнь святѣйшаго Никона, патріарха всероссійскаго; обозрѣли его дѣянія, его служеніе Церкви и отечеству, его осужденіе, его страданія, и наконецъ возвращеніе къ славѣ россійскаго первосвятителя. Мы всегда, вездѣ и во всемъ видѣли одного и того же Никона — одного и того же въ званіи мірянина, пресвитера, инока, митрополита и верховнаго пастыря Церкви, и осужденнаго страдальца; онъ вездѣ былъ себѣ равенъ, ни въ чемъ себѣ не измѣнилъ. Намъ представляется въ немъ человѣкъ съ свѣтлымъ, гибкимъ и изобрѣтательнымъ умомъ, впечатлительнымъ и воспріимчивымъ сердцемъ, строгою, предпріимчивою, рѣшительною и непреклонною волею, всегда искавшею и какбы жаждавшею новыхъ, высшихъ и совершеннѣйшихъ подвиговъ для себя, дѣйствовавшею всегда съ полнымъ и яснымъ убѣжденіемъ въ справедливости своихъ дѣйствій, и потому нетерпѣвшей никакихъ преградъ въ своихъ ревностныхъ, постоянно живыхъ и дѣятельныхъ стремленіяхъ къ благоустройству церковной и общественной жизни православнаго отечества. Съ молодыхъ лѣтъ онъ уже рѣшился сдѣлаться инокомъ; обстоятельства

предъ началомъ исповѣди. Почему александрійскій патріархъ, а не константинопольскій написалъ это молитвенное разрѣшеніе Никону; объясняется тѣмъ, что на соборѣ, осудившемъ Никона, предсѣдательствовалъ александрійскій патріархъ. Грамоты прочихъ патріарховъ ничѣмъ особеннымъ не отличаются. Всѣ, какъ видно изъ сходства самыхъ выраженій, а не только мысли, составлены по образцу грамоты константинопольскаго патріарха. Іерусалимскій патріархъ въ концѣ своей грамоты испрашиваетъ милостыни для вновь созидающагося храма и при немъ—училища въ Царѣградѣ; о чемъ пишетъ и патр. Іаковъ во 2 й своей грамотѣ. Подлинники этихъ грамотъ за подписью и печатьми восточныхъ патріарховъ хранятся въ москов. патр. ризницѣ.

[1] См. др. р. вивліоѳ. ч. VI, стр. 489.

увлекли его въ другую сторону: поставили въ отношенія семейной жизни. Но внимательный къ своему призванію, онъ расторгъ брачныя узы, и удалился въ монастырь. Иноческая жизнь среди братіи показалась ему не довольно строгой, и онъ переселился въ пустынный скитъ на уединенномъ островѣ. Слава строгой жизни сдѣлала имя его извѣстнымъ въ столицѣ, а бесѣда подвижника съ юнымъ и набожнымъ царемъ привязала къ нему душу цареву. Вступивъ на святительскую и потомъ на патріаршую каѳедру, Никонъ сохранилъ всю строгость правилъ какъ въ собственной жизни, такъ и въ управленіи Церковію, и во внѣшнихъ своихъ сношеніяхъ: ревнитель порядка и благоприличія во всемъ, не терпѣлъ нарушенія его въ церковномъ чинѣ и жизни духовенства, а надменное невѣжество или упорное преступленіе наказывалъ безъ зазрѣнія совѣсти въ своихъ палатахъ; высшихъ духовныхъ особъ судилъ по всей строгости церковныхъ правилъ, а гражданскихъ сановниковъ, близкихъ царю и родственныхъ его дому, обличалъ не смущаясь: вопіялъ противъ несправедливаго вмѣшательства гражданскихъ властей въ церковныя дѣла; жаловался на безпорядки церковные и гражданскіе царю, жаловался восточнымъ патріархамъ,—запрещалъ, наказывалъ, отлучалъ отъ Церкви боярскихъ сообщниковъ изъ духовенства, и былъ непоколебимъ, какъ адамантъ. Дѣятельность и ревность пастыря не полагали себѣ мѣры: но зависть и ненависть къ Никону, возбужденныя неумолимой его правдой, положили предѣлъ его ревности. Тогда надобно было случиться одному изъ двухъ: или этотъ непреклонный характеръ долженъ былъ смягчиться, и склониться по крайней мѣрѣ до равнодушія къ современнымъ безпорядкамъ въ Церкви и въ гражданскомъ обществѣ, или неутомимо ревностный первосвятитель, нетерпѣливый къ безпорядкамъ, долженъ былъ оставить престолъ. Первое было не въ характерѣ Никона, и — онъ оставилъ престолъ. Но вотъ и въ уединеніи монастыря онъ несетъ самыя трудныя послушанія. Призванный на соборъ, онъ пришелъ какбы не для защиты и оправданій, а для обличеній, и обличалъ пристра-

стіе, укорялъ несправедливый, по его мнѣнію, судъ, не щадя ни чина, ни сана, ни личностей. Пятнадцать лѣтъ страданій не смягчили совершенно этого характера; до конца жизни онъ сохранилъ сознаніе правоты своего дѣла. Эта-то твердость, стойкость и непреклонность характера, основанныя въ его мнѣніи—на безошибочномъ сознаніи правоты своихъ дѣйствій, были началомъ добра, которое Никонъ сдѣлалъ для Церкви и государства, и — всѣхъ бѣдствій, какія онъ самъ потерпѣлъ: въ нихъ-то и недостатки Никона и его совершенства! — *Но плоды разума его вѣрны, и имя его живо во вѣкъ.*

Священникъ Самуилъ Михайловскій.